P. o. russ. 130 9/(1

122

P. o. russ. 1307(1

Н. А. Некрасовъ

Печ со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ

Ник. Некрасов

ФАКСИМИЛЕ

Пѣсня (Гриши ~~[illegible]~~)

Ты и убогая
Ты — и обильная,
Ты и могучая,
Ты — и безсильная,
Матушка Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное,
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая;
Совѣсть спокойная,
Правда живучая!

Сила съ неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается

Н. А. НЕКРАСОВА.

Он и не тот — сердцу
Русь и не убогая
А заглохли в ней
Искра старая.

Спит словно мертвая
Русь неподвижная
А загорится в ней
Искра незримая —

Встали — не бужены
Вышли — не прошены
Серебра нажито
~~Жита по зернышку~~
Горы
~~Сметливо~~ наворочены!

Рать поднимается
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая
Ты и обильная
Ты и могучая
Ты и бессильная
Матушка Русь…

Первоначальный оригиналъ, найденный въ бумагахъ поэта, писанъ карандашомъ, см. пѣснь «Русь».

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
Н. А. НЕКРАСОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

1842—1872.

ШЕСТОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

И выстраданный стихъ, пронзительно унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой...
А. Пушкинъ.

Примиритесь же съ Музой моей!
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей...
Н. Некрасовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1895

P. o. russ. 130 9/1

1.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fg 187/50501

Біографическій очеркъ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ принадлежалъ къ помѣщичьему роду ярославской губерніи, нѣкогда очень богатому, но впослѣдствіи обѣднѣвшему. Отецъ поэта, Алексѣй Сергѣевичъ, служилъ въ арміи. Большую часть своей службы онъ состоялъ въ адъютантскихъ должностяхъ, которыя соединялись съ постоянными разъѣздами, такъ что Алексѣй Сергѣевичъ очень часто бывалъ то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, то въ Варшавѣ. По однимъ извѣстіямъ, въ Варшавѣ, а по другимъ—въ херсонской губерніи, онъ случайно познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната Андрея Закревскаго и женился на старшей дочери его Александрѣ Андреевнѣ, противъ воли родителей. Жизнь изнѣженной и привыкшей къ роскоши польской панны съ перваго же дня потянулась среди всякаго рода лишеній и дрязгъ походной армейской жизни. Пространствовавъ еще нѣсколько лѣтъ съ полкомъ, дослужившись до чина капитана, Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и поселился съ семействомъ въ родовомъ своемъ имѣніи ярославской губерніи и уѣзда, въ сельцѣ Грешневѣ, на почтовомъ трактѣ, по владимірской дорогѣ.

Николай Алексѣевичъ родился еще во время походной жизни отца, въ 1821 году, 22 ноября, въ подольской гу-

берніи, въ винницкомъ уѣздѣ, въ какомъ-то еврейскомъ мѣстечкѣ. Онъ очень рано началъ помнить себя.

Но не веселыя картины дѣтства сохранились въ этой такъ рано пробудившейся памяти. Въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ Н. А. Некрасовъ даетъ намъ ясное представленіе о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ родительскаго дома. Такъ, лирическое стихотвореніе: «Родина», всецѣло посвящено печальнымъ воспоминаніямъ дѣтства. Въ поэмѣ «Несчастные» подобныя же дѣтскія воспоминанія рисуются въ еще болѣе подробныхъ и рѣзкихъ чертахъ.

Началомъ своего умственнаго развитія Некрасовъ былъ обязанъ матери. Рано, съ семилѣтняго возраста, началъ мальчикъ писать стихи, и у матери его сохранились первыя его безсвязныя младенческія вирши, начинавшіяся такъ:

Любезна маменька, примите
Сей слабый трудъ
И разсмотрите,
Годится ли куда-нибудь.

Что же касается первоначальнаго обученія, то имъ занимались съ дѣтьми наемные учителя изъ ярославскихъ семинаристовъ, а въ 1832 году Н. А. Некрасовъ былъ опредѣленъ въ ярославскую гимназію. Изъ-подъ суроваго гнета родительскаго дома одиннадцатилѣтній мальчикъ попалъ вдругъ въ безграничную свободу почти вполнѣ самостоятельной жизни.

Ученье шло при этомъ, разумѣется, незавидно. Особенно не удавались Н. А. Некрасову древніе языки. Однакожъ, все-таки, въ теченіе шести лѣтъ онъ дотянулъ коекакъ до 5-го класса. По всей вѣроятности, онъ прошелъ бы и весь курсъ, но, къ несчастью, примѣшались весьма натянутыя отношенія къ начальству. Продолжая неуклонно писать стихи, Н. А. Некрасовъ, между прочимъ, написалъ

нѣсколько шуточныхъ и скабрезныхъ сатиръ на товарищей и на гимназическое начальство. Сатиры эти съ восторгомъ читались и заучивались наизусть товарищами, но когда, наконецъ, дошли онѣ до начальства, оставаться долѣе въ гимназіи было немыслимо.

Отецъ Некрасова, послѣ неудачи сына въ гимназіи, рѣшился послать его, въ 1839 г., доканчивать ученіе въ Петербургъ, въ дворянскій полкъ (одинъ изъ тогдашнихъ корпусовъ, бывшій на Петербургской сторонѣ). Этимъ исполнялось всегдашнее желаніе его, чтобы сынъ шелъ по его пути, въ военную службу. И вотъ, съ родительскимъ письмомъ отъ пріятеля отца, ярославскаго прокурора Полозова, къ начальнику III округа корпуса жандармовъ, генералу Полозову, и вмѣстѣ съ тетрадкою стиховъ, отправился 15-ти лѣтній мальчикъ одинъ-одинехонекъ, скудно снабженный матеріальными средствами, изъ деревенской глуши въ омутъ столичной жизни.

Въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ, Некрасовъ не покидалъ еще намѣренія поступить въ дворянскій полкъ, явился къ Полозову съ рекомендательнымъ письмомъ, былъ имъ представленъ Я. И. Ростовцову, и дѣло было почти рѣшено. Но случайная встрѣча съ ярославскимъ товарищемъ, студентомъ Андреемъ Глушицкимъ, перерѣшила всю судьбу юноши. Глушицкій вмѣстѣ съ двумя другими студентами, Ильенковымъ и Коссовымъ (впослѣдствіи извѣстными учеными технологами и заслуженными профессорами), начали отговаривать Некрасова отъ поступленія въ корпусъ и развивать передъ нимъ всѣ преимущества университетскаго образованія, и такъ увлекли его, что Некрасовъ рѣшился, во что бы то ни стало, идти въ университетъ. Остановка была за вступительными экзаменами, такъ какъ Некрасовъ былъ слабъ въ древнихъ языкахъ и въ математикѣ, но Глушицкій познакомилъ своего товарища съ

профессоромъ духовной семинаріи Д. И. Успенскимъ, и они вдвоемъ взялись приготовить Некрасова въ университетъ. Тогда Некрасовъ сообщилъ Полозовымъ о своемъ намѣреніи промѣнять дворянскій полкъ на университетъ. Они одобрили это намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили о томъ въ Ярославль своему родственнику. Когда, наконецъ, узналъ объ этомъ отецъ Некрасова, онъ воспылалъ сильнымъ гнѣвомъ на ослушнаго сына и отписалъ ему, что если онъ не отложитъ своего намѣренія идти въ университетъ и не покорится родительской волѣ, то пусть онъ впредь не разсчитываетъ ни на одну копѣйку родительской помощи, а существуетъ—какъ и чѣмъ знаетъ.

Такимъ образомъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ очутился безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ всякаго положенія, съ 150 рублями въ карманѣ и съ паспортомъ «недоросля изъ дворянъ», по которому Н. А. Некрасовъ жилъ до конца своихъ дней.

Онъ поселился съ какимъ-то неизвѣстнымъ товарищемъ по университету на Малой-Охтѣ. Довольствоваться имъ приходилось очень немногимъ: у сожителя былъ еще крѣпостной мальчикъ, приставленный къ нему родителями—и они не могли тратить болѣе 15 коп. на троихъ на обѣдъ, который брали изъ какой-то ужасающей кухмистерской. Пріятныя, должно быть, впечатлѣнія оставили по себѣ эти пятнадцати-копѣечные обѣды на троихъ, когда Некрасовъ, будучи уже на смертномъ одрѣ, серьезно говорилъ, что именно этимъ обѣдамъ онъ былъ обязанъ зародышемъ той болѣзни, которая сводила его, 40 лѣтъ спустя въ гробъ. Потомъ Некрасовъ перебрался къ профессору Успенскому, у котораго ему было все-таки немного посытнѣе, хотя и довольно иногда безпокойно. Это былъ человѣкъ добрый и очень усердно занимался со своими учениками классическими языками.

Пришелъ экзаменъ. Приготовленіе Успенскаго оказалось такимъ успѣшнымъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требовательный латинистъ, поставилъ Некрасову на пріемномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка—5 «съ плюсомъ»; но въ физическихъ наукахъ,—читаемъ мы въ біографіи при «Русской Библіотекѣ», т. VII, М. Стасюлевича,—самъ почтенный филологъ Успенскій былъ слабъ, и это отразилось роковымъ образомъ на его ученикѣ: Некрасовъ чувствовалъ, что изъ физики онъ не можетъ получить отмѣтки выше единицы. Это бы еще ничего, такъ какъ одна единица въ то время не была препятствіемъ къ поступленію въ университетъ; но бѣда заключалась въ томъ, что льготная единица была уже пріобрѣтена на экзаменѣ изъ географіи у профессора Касторскаго.

Въ виду такого печальнаго обстоятельства, Некрасовъ рѣшился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ—и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отмѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго притомъ поступить на философскій факультетъ (нынѣ—историко-филологическій), и обнадежилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтѣ. На основаніи этого обѣщанія, Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, и вслѣдствіе того въ совѣтѣ о немъ не было и рѣчи. По тому же и Плетневъ не вспомнилъ о немъ, но послѣ, при свиданіи, убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ исаакіевскомъ мосту онъ видитъ, что кто-то догоняетъ и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова

сталъ убѣждать его, и Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіе 1839—1841 годовъ.

Матеріальное положеніе Некрасова во все это время было самое отчаянное: приходилось пробиваться коe-какъ грошовыми уроками и случайными журнальными работами, которыя не всегда были подъ рукою. «Ровно три года,—говорилъ Некрасовъ,—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ въ Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для виду газету, а самъ пододвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь...» Силы Некрасова постоянно надрывались, и, наконецъ, онъ сильно заболѣлъ. Доктора объясняли причину болѣзни продолжительнымъ голоданіемъ и приговорили уже его къ смерти. Однакоже молодой и крѣпкій организмъ вынесъ болѣзнь, оставившую, все-таки, по убѣжденію Некрасова, свои слѣды на всю жизнь его.

Нужно ли говорить о томъ, что матеріальное положеніе, и безъ того незавидное, было окончательно подорвано этою болѣзнію? Приходилось пользоваться милостью квартирныхъ хозяевъ, какого-то отставного унтеръ-офицера и его жены, у которыхъ онъ нанималъ комнату на Разъѣзжей улицѣ. Задолжалъ имъ Некрасовъ во время болѣзни рублей сорокъ. «Хозяинъ,—разсказываетъ онъ,—еще ничего, но хозяйка сильно безпокоилась, что я умру и деньги пропадутъ. За перегородкою постоянно слышались разговоры по этому поводу. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, ко мнѣ явился хозяинъ, объяснилъ свои опасенія съ полною откровенностью и просилъ меня написать ему росписку въ томъ, что я оставляю ему за долгъ свой чемо-

данъ, книги и остальныя вещишки. Я написалъ. Думаю: чего добраго, не станутъ и хоронить, да и люди они были дѣйствительно бѣдные. Черезъ нѣсколько времени мнѣ стало, однако, лучше, и я вскорѣ настолько уже оправился, что рѣшился пойти съ Разъѣзжей на Выборгскую Сторону, къ одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое-какъ до него, я тамъ засидѣлся до поздняго вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью—въ октябрѣ или ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускаютъ: говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился уже другой жилецъ. Что же касается до моего долга, то хозяева считаютъ себя вполнѣ удовлетворенными моимъ имуществомъ, которое я имъ отдалъ за долгъ, въ чемъ и выдалъ росписку. Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ въ осеннюю холодную ночь. Побрелъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей. Прозябъ. Чувствовалъ сильную усталость и упадокъ силъ. Наконецъ, уснулъ. Разбудилъ меня какой-то старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сжалился надо мною и пригласилъ меня съ собою куда-то ночевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій Островъ, въ 15-ю линію. Тамъ, въ самомъ концѣ улицѣ, стоялъ деревянный, полуразвалившійся домикъ, въ который мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались здѣсь ночевать. Не помню я всѣхъ разговоровъ, которые велись здѣсь, помню только, что я написалъ кому-то прошеніе и получилъ за это 15 коп».

Замѣчательно, что тутъ же, почти рядомъ съ такою страшною нищетою, голодомъ и трущобными сценами при-

тона нищеты, Н. А. Некрасовъ видалъ передъ собою картины сытой и праздной роскоши и даже самъ порою участвовалъ въ ея утонченныхъ пирахъ. «Въ тѣ времена,— читаемъ мы въ вышеупомянутой біографіи «Русской Библіотеки»,—преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодежь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки смѣшивали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой человѣкъ, съ бюджетомъ чуть не въ нѣсколько копѣекъ въ день, легко сближался съ юношами высшихъ и богатыхъ классовъ,—и не только сближался, но, благодаря своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время на подобіе нѣмецкихъ кнейповъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше дрался на эспадронахъ и рапирѣ, кто былъ мужественнѣе и физически ловче. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульныхъ товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальный юноша, взросшій въ деревнѣ, и тутъ-то ознакомился впервые съ обыденною жизнію и нравами другихъ общественныхъ классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему извѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя деревенская, не осталась безъ вліянія въ будущемъ на поэзію Некрасова и на самый его характеръ, а также и на условія дальнѣйшей жизни: завязанныя имъ тогда связи сохранились и впослѣдствіи; недостатки и слабая сторона жизни высшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ—и хорошо знакомы».

При такой тяжелой борьбѣ за существованіе, Некрасову, конечно, нечего было и думать о правильномъ развитіи таланта путемъ свободнаго и несрочнаго творчества. Онъ долженъ былъ приняться почти сряду по пріѣздѣ въ

Петербургъ (15-ти лѣтъ) за черный литературный трудъ въ видѣ разныхъ срочныхъ журнальныхъ работъ, навертывавшихся ему случайно. Работалъ онъ такимъ образомъ и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Инвалиду», и въ «Литературной Газетѣ» А. Краевскаго, и въ «Сынѣ Отечества» Н. А. Полевого, съ которымъ познакомилъ его какой-то профессоръ университета, и въ «Пантеонѣ», и въ «Отечественныхъ Запискахъ»; писалъ водевили для Александринскаго театра, былъ поставщикомъ у книгопродавца Полякова азбукъ и сказокъ по его заказу (такова, напримѣръ, сказка «Баба-Яга», лѣтъ черезъ тридцать вновь изданная по какому-то праву г. Печаткинымъ съ громкимъ именемъ автора). Такимъ образомъ, по собственнымъ его словамъ, онъ написалъ въ своей жизни до 300 печатныхъ листовъ прозы. Отъ этой массы написаннаго особенно большая доля выпала на рецензіи. «Разбирать приходилось,—разсказывалъ Николай Алексѣевичъ,—всякія книги, какія только попадались подъ руки, не однѣ художественныя, но подъ-часъ и самыя ученыя. Собственныхъ-то благопріобрѣтенныхъ знаній на это, конечно, не хватало: за то выручала публичная библіотека. Пойдешь туда, подымешь всю ученость по предмету книги, ну, и ничего, сходило съ рукъ».

Особенно помогъ ему встать на ноги и избавиться отъ крайностей нищеты Григорій Францовичъ Бенецкій, бывшій тогда наставникомъ-наблюдателемъ въ пажескомъ корпусѣ и преподавателемъ въ дворянскомъ полку. Гдѣ и какъ познакомился съ нимъ Некрасовъ—неизвѣстно. Это былъ очень хорошій человѣкъ, судя по словамъ Некрасова, и послѣдній всегда вспоминалъ о немъ съ любовью и уваженіемъ. Онъ содержалъ что-то въ родѣ приготовительнаго пансіона для поступающихъ въ пажескій корпусъ или дворянскій полкъ и предоставилъ Н. А. Некрасову занятія

при этомъ пансіонѣ по всѣмъ русскимъ предметамъ. Это избавило, юношу! по крайней мѣрѣ, отъ прелестей ночлеговъ подъ открытомъ небомъ. Бенецкому же былъ обязанъ Некрасовъ и появленіемъ изданія своихъ дѣтскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Мечты и Звуки». Матеріальное положеніе его въ 1840 году вообще настолько уже улучшилось, что онъ могъ даже скопить нѣсколько деньжонокъ для этого изданія. Но онъ все-таки, по всей вѣроятности, не рѣшился бы на это дѣло, если бы его не склонилъ къ тому Бенецкій, обязавшись продать по билетамъ заранѣе рублей на 500. Принявшись за изданіе, Некрасовъ все-таки колебался, и на него нашло однажды такое раздумье, что онъ готовъ былъ отказаться отъ дѣла; но было уже поздно: Бенецкій успѣлъ продать до сотни билетовъ, и деньги были прожиты. Какъ тутъ быть? Въ раздумьѣ Н. А. Некрасовъ рѣшился пойти за совѣтомъ къ Жуковскому. «Меня принялъ,—разсказывалъ Некрасовъ,—сѣденькій, согнутый старичокъ, взялъ книгу и велѣлъ придти черезъ нѣсколько дней. Когда я пришелъ, онъ похвалилъ одно изъ этихъ стихотвореній, сказалъ, что у меня есть талантъ, но къ этому прибавилъ:

— Вы потомъ пожалѣете, если выпустите эту книгу.

Я сказалъ ему на это, что теперь уже поздно и объяснилъ, почему.

Тогда снимите съ книги ваше имя,—посовѣтовалъ Жуковскій».

Некрасовъ послушался этого совѣта, и книжка вышла лишь съ заглавными буквами его фамиліи Н. Н.

Съ 1841 по 1845 годъ слѣдуетъ періодъ жизни Некрасова,—самый темный въ біографическомъ отношеніи. Это былъ важнѣйшій періодъ во всей его жизни, потому что въ продолженіе его окончательно сформировались всѣ его и умственныя, и нравственныя силы, и подъ конецъ

его онъ является уже передъ нами такимъ, какимъ оставался почти неизмѣнно во всю свою послѣдующую жизнь. Въ это время, продолжая жить литературнымъ трудомъ, онъ вращался въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, великосвѣтскихъ, чиновныхъ, литературныхъ, театральныхъ, студенческихъ и пр. Къ этому же времени относится и знакомство его съ кружкомъ Бѣлинскаго, который, безъ сомнѣнія, и былъ главнымъ двигателемъ умственнаго развитія Некрасова и виновникомъ переворота, опредѣлившаго всю дальнѣйшую литературную дѣятельность его.

«Въ началѣ 40-хъ годовъ,—говоритъ объ этомъ И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—къ числу сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» присоединился Некрасовъ; нѣкоторыя его рецензіи обратили на него вниманіе Бѣлинскаго, и онъ познакомился съ нимъ.

«Литературная дѣятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особеннаго. Бѣлинскій полагалъ, что Некрасовъ навсегда останется не болѣе, какъ полезнымъ журнальнымъ сотрудникомъ, но когда онъ прочелъ ему свое стихотвореніе: «Въ дорогѣ», у Бѣлинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ:

— «Да знаете-ли вы, что вы поэтъ — и поэтъ истинный?

«Съ этой минуты Некрасовъ еще болѣе возвысился въ глазахъ его... Его стихотвореніе: «Къ Родинѣ», привело Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ выучилъ его наизусть и послалъ его въ Москву къ своимъ пріятелямъ... У Бѣлинскаго были эпохи, какъ я уже говорилъ, когда онъ особенно увлекался кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей... Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ о немъ. Некрасовъ съ этихъ поръ сдѣлался постояннымъ членомъ нашего кружка».

Журнальную дѣятельность Некрасова, начиная съ основанія «Современника», можно раздѣлить на три періода: пёрвый періодъ—отъ 1847 по 1855 годъ—представляется самой тяжелой эпохой, какъ въ его журнальной дѣятельности, такъ и вообще въ жизни. Бѣлинскій умеръ въ 1848 году. Наступилъ періодъ реакціи, ударившейся въ панику подъ впечатлѣніемъ европейскихъ событій 1848 года. Ко всему этому присоединилась тяжкая болѣзнь, которая была слѣдствіемъ частію ненормальной жизни въ молодости, частію неустанной, изнурительной работы, такъ какъ въ это время весь журналъ лежалъ на его плечахъ. Эта была упорная, неподдававшаяся никакимъ лѣченіямъ, болѣзнь горловыхъ органовъ. Лучшіе доктора русскіе и иностранные опредѣлили горловую чахотку и присудили его къ неизбѣжной смерти. Видя передъ собою приближеніе могилы, поэтъ, какъ это было и впослѣдствіи, лѣтъ черезъ двадцать, началъ писать свои послѣднія пѣсни:

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно,
Привычки, прежде милыя, постылы
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночныхъ трудовъ и одинокихъ думъ—
Мой жребій горекъ. Жаднаго недуга
Я не избѣгъ. Еще мой свѣтелъ умъ,
Еще въ надеждѣ глупой и послушной
Не ищетъ онъ отрады малодушной.
Я вижу все... А рано смерть идетъ,
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ;
Теперь бы могъ я сдѣлать что нибудь,
Но поздно!.. и т. д.

Въ сущности же, было не только не поздно, но, напротивъ того, рано: настоящая дѣятельность Некрасова, наиболѣе благотворная и широкая, предстояла ему еще

впереди. Какъ ни мрачны были тучи, со всѣхъ сторонъ сгустившіяся надъ его головою, и какъ ни казалось, что и конца имъ не будетъ, что его ждетъ впереди одна неминуемая гибель, но вдругъ повѣяло отраднымъ тепломъ, тучи разсѣялись, засіяло солнышко, бури какъ не бывало, и новою жизнью и энергіею преисполнился совсѣмъ-было увядшій поэтъ. Во-первыхъ, болѣзнь вовсе не оказалась такою смертельною, какъ предрекли медики. Профессоръ медико-хирургической академіи Шипулинскій опредѣлилъ ее совсѣмъ иначе и предписалъ, сообразно своему опредѣленію, леченіе, шедшее въ полный разрѣзъ со всѣми мнѣніями знаменитостей, и выздоровленіе Некрасова, тщетно проведшаго передъ тѣмъ зиму въ Римѣ и зябнувшаго тамъ немилосердно въ холодныхъ отеляхъ, пошло такъ быстро, что вскорѣ отъ мнимой чахотки не осталось и слѣда, кромѣ нѣкоторой слабости голоса. А затѣмъ кончилась крымская война, началась эпоха либерализма и реформъ. «Современникъ» ожилъ: къ нему начали приливать новыя, могучія литературныя силы, и количество подписчиковъ съ каждымъ годомъ начало возрастать тысячами.

Здѣсь начинается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, который слѣдуетъ считать съ 1856 по 1865 годъ. Это былъ періодъ наибольшаго развитія силъ и дѣятельности Некрасова. Умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили его. Прежніе идеалы оттѣсняются новыми, и, подобно тому, какъ Бѣлинскій не любилъ, когда ему напоминали объ его прежнихъ статьяхъ, въ родѣ «Бородинской годовщины» или «Менцеля», такъ и Некрасовъ неохотно потомъ вспоминалъ о грѣхахъ своей молодости, въ родѣ «Трехъ странъ свѣта». Это просвѣтлѣніе отразилось и въ творчествѣ поэта. Изъ

прежде горячаго, но крайне неопредѣленнаго протеста противъ пошлости, насилія, рабства и всяческаго угнетенія, онъ теперь обращается въ пѣвца народнаго горя— въ широкомъ и глубокомъ, но вполнѣ опредѣленномъ смыслѣ. Все лучшее и наиболѣе сильное написано имъ въ этотъ второй періодъ его журнальной дѣятельности: «Размышленія у параднаго подъѣзда», «Морозъ Красный-носъ», «Коробейники», «Желѣзная дорога», «Крестьянскія дѣти», и проч. Въ то же время не перестаетъ онъ принимать дѣятельное участіе и въ изданіи журнала: и своимъ руководительствомъ, и своими практическими совѣтами, и связями, и, наконецъ, личными трудами. Такъ, между прочимъ, ему принадлежитъ мысль о приложеніи «Свистка» къ «Современнику». Мысль эта явилась у него еще во время пребыванія въ Римѣ, въ 1856 году. Ему тамъ часто попадалась въ руки одна изъ мѣстныхъ сатирическихъ газетъ и, подъ впечатлѣніемъ ея, онъ вознамѣрился завести «Свистокъ» при «Современникѣ». Въ «Свисткѣ» этомъ было помѣщено не мало его сатирическихъ куплетовъ; изъ нихъ нѣкоторые вошли въ приложеніе ко 2-й части полнаго собранія его сочиненій. Между прочимъ, ему принадлежитъ «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ», приписанная Добролюбову и напечатанная въ IV томѣ сочиненій Добролюбова (см. стр. 518, изд. 1871 г.). Добролюбовъ написалъ лишь одни примѣчанія къ этимъ куплетамъ. Въ то же время и матеріальное благосостояніе Некрасова окончательно упрочилось лишь въ этотъ второй періодъ его жизни. Кромѣ успѣха «Современника», Некрасовъ не мало былъ обязанъ этимъ и изданію своихъ стихотвореній, которое было ему разрѣшено въ 1860 году, вслѣдствіе ходатайства графа А. В. Адлерберга.

Прекращеніемъ «Современника», въ 1866 году, кончается второй періодъ журнальной дѣятельности Некра-

сова и за тѣмъ слѣдуютъ два года переходнаго состоянія, весьма тяжелаго. Съ 1868 года начинается третій періодъ, въ которомъ Некрасовъ является уже во главѣ «Отечественныхъ Записокъ», и періодъ этотъ длится до его смерти.

Въ эти послѣднія десять лѣтъ своей жизни Некрасовъ былъ все такъ же дѣятеленъ и бодръ духомъ, талантъ его стоялъ все на той же высотѣ, и творчество его ознаменовалось рядомъ произведеній, не уступающихъ прежнимъ— каковы: «Русскія женщины», «Кому на Руси жить хорошо» и проч.; но въ то же время физическія силы начали измѣнять ему съ каждымъ годомъ, онъ замѣтно старѣлъ, хилѣлъ, и въ послѣднія пять лѣтъ часто началъ и прихварывать.

Жизнь въ послѣдніе годы велъ онъ довольно однообразную. Зимы проводилъ въ своей городской квартирѣ, на Литейной, въ домѣ Краевскаго, въ которой онъ прожилъ лѣтъ двадцать. Зимою писалъ онъ весьма мало. Лѣтомъ уѣзжалъ или къ брату, въ ярославское имѣніе послѣдняго, или же въ Чудово, гдѣ онъ имѣлъ охотничью дачу. Тутъ-то, обыкновенно, среди сельской обстановки и природы, и возбуждалось въ немъ поэтическое творчество, и рѣдкая осень обходилась безъ того, чтобы, по возвращеніи въ городъ, онъ не привозилъ чего-либо новаго, что читалъ обыкновенно друзьямъ и обработывалъ для печати, пока столичная жизнь не втягивала его въ свое колесо. Большое вліяніе на его творчество имѣла врожденная и унаслѣдованная отъ отца страсть къ охотѣ. Объ этомъ предметѣ вотъ какія свѣдѣнія сообщаетъ сестра покойнаго:

«Братъ мой всю жизнь любилъ охоту съ ружьемъ и лягавой собакой. Десяти лѣтъ онъ убилъ утку на Пчельскомъ озерѣ. Былъ октябрь; окраины озера уже заволокло льдомъ; собака не шла въ воду. Онъ поплылъ самъ за

уткой и досталъ ее. Это стоило ему горячки, но отъ охоты не отвадило. Отецъ бралъ его на свою псовую охоту, но онъ не любилъ ея. Пріучили его къ верховой ѣздѣ очень оригинально и не особенно нѣжно. Онъ самъ разсказывалъ, что однажды восемнадцать разъ въ день упалъ съ лошади. Дѣло было зимой—мягко. За то послѣ всю жизнь онъ не боялся никакой лошади и смѣло садился на клячу и на бѣшенаго жеребца. Но ѣздить любилъ шагомъ и хорошо стрѣлялъ съ лошади.

«По мѣрѣ того, какъ средства его росли и онъ дѣлался самостоятельнымъ, онъ придалъ охотѣ своей характеръ по своему вкусу и своимъ планамъ. Охота была для него не одною забавою, но и средствомъ знакомиться съ народомъ. Каждое лѣто періодически повторялось одно и то же. Поработавъ нѣсколько дней, братъ начиналъ собираться. Это значило—подавали къ крыльцу простую телѣгу, которую нагружали провизіей и порохомъ. Затѣмъ, вечеромъ, или рано утромъ на другой день, братъ отправлялся самъ въ легкомъ экипажѣ съ любимой собакой, рѣдко съ товарищемъ. Товарища на охоту брать не любилъ. Онъ пропадалъ на нѣсколько дней, иногда на недѣлю и болѣе. По разсказамъ, происходило вотъ что: въ разныхъ пунктахъ охоты у него были уже знакомцы — мужики-охотники. Онъ до каждаго доѣзжалъ и охотился въ его мѣстности. Поѣздъ, сперва изъ двухъ троекъ, доходилъ до пяти, брались почтовыя лошади, ибо братъ собиралъ своихъ провожатыхъ и уже не отпускалъ ихъ до извѣстнаго пункта.

«По окончаніи утренней охоты, выбиралось удобное мѣсто; братъ со всей компаніей завтракалъ, говорилъ самъ мало или дремалъ. Компанія, которая получала не мало водки и сколько угодно мяса, была разговорчива — братъ слушалъ или нѣтъ, это—его дѣло.

«Онъ говаривалъ, что самый талантливый процентъ изъ русскаго народа отдѣляется въ охотники; рѣдкій разъ не привозилъ онъ изъ своего странствія какого-либо запаса для своихъ произведеній. Такъ, однажды, при мнѣ онъ вернулся и засѣлъ за «*Коробейниковъ,*» которыхъ потомъ при мнѣ читалъ крестьянину Кузьмѣ. Въ другой разъ засѣлъ на два дня—и явились «Крестьянскія дѣти». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно выдумать форму этой идилліи, этотъ сарай съ цвѣтными глазками:

Чу! шопотъ какой-то... а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Все сѣрые, каріе, синіе глазки—
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты... и т. д.

«*Орина, мать солдатская*» сама ему разсказывала свою ужасную жизнь. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ, чтобы поговорить съ нею, а то боялся сфальшивить. Одно стихотвореніе, о которомъ сожалѣлъ, что не написалъ его, это—*эпитафіи*. Съ однимъ изъ своихъ друзей-охотниковъ, онъ однажды переходилъ кладбище. Гаврило разсказывалъ ему о покойникахъ, могилы которыхъ обращали на себя вниманіе брата. Я помню только эпитафію:

Зимой игралъ въ картишки
Въ уѣздномъ городишкѣ,
А лѣтомъ жилъ на волѣ,
Травилъ зайчишекъ груды,
И умеръ пьяный въ полѣ
Отъ водки и простуды.

«На зимней охотѣ съ нимъ однажды былъ казусъ. Онъ набралъ до восьмидесяти человѣкъ и ѣхалъ на медвѣдя. Мужики шли впереди. Увидалъ братъ зарево пожара и всю свою команду повернулъ отъ медвѣдя туда. Деревню спасли, но охота на тотъ день пропала. Мужики не жа-

лѣли медвѣдя, и убить его брату не пришлось, а деньги отдай. Надували его мужики много, но часто поступали съ нимъ честно. Кругъ его лѣтней охоты—луга смежныхъ губерній—Ярославской, Костромской, Владимірской. Онъ ихъ хорошо зналъ, и большая часть его типовъ принадлежитъ средней Россіи. Память у него была удивительная; онъ записывалъ *однимъ словечкомъ* цѣлый разсказъ и помнилъ его всю жизнь по одному записанному слову. При работѣ, тетради эти съ непонятными никому отмѣтками были передъ его глазами».

Первыя признаки болѣзни, сведшей Некрасова въ могилу, появились уже въ началѣ 1875 года, но Некрасовъ перемогался больше года, продолжая вести прежнюю жизнь и не обращая особеннаго вниманія на болѣзнь, которую приписывалъ геморроидальнымъ припадкамъ, и былъ увѣренъ, что они не представляютъ никакой серьезной опасности. Но къ веснѣ 1876 г., болѣзнь начала заявлять себя такъ сильно и мучительно, что потребовала уже серьезнаго лѣченія. Лѣто провелъ Некрасовъ въ Гатчинѣ, въ упорной борьбѣ со своею болѣзнію, а осенью долженъ былъ ѣхать въ Крымъ, сильно уже ослабѣвшій и изнемогшій. Воротился онъ изъ Крыма, гдѣ пользовалъ его докторъ Боткинъ, зимою въ Петербургъ—и уже почти не вставалъ съ постели, изрѣдка только прогуливаясь по комнатѣ. Жестокія нервныя боли, увеличиваясь день ото дня, къ веснѣ 1877 г. дошли до нестерпимыхъ, чисто адскихъ мукъ. Въ рѣдкія минуты успокоенія Некрасовъ не переставалъ слѣдить за литературою и жизнію, читалъ газеты, корректуры, писалъ свои послѣднія пѣсни. Такъ во время пребыванія своего въ Крыму онъ написалъ, по словамъ докт. Н. А. Бѣлоголоваго («Болѣзнь Н. А. Некрасова», Отеч. Зап. 1878 г., № 10), поэму въ 1800 стиховъ, посвятивъ ее лѣчившему его тогда С. П. Боткину.

Препятствія, встрѣтившіяся къ напечатанію этой поэмы, были послѣдними литературными непріятностями Некрасова. Жестоко пораженный этою неудачею, Некрасовъ встрѣтилъ однажды Бѣлоголоваго слѣдующими словами:

— Вотъ оно, наше ремесло, литература! Когда я началъ свою литературную дѣятельность и написалъ первую свою вещь, то тотчасъ же встрѣтился съ ножницами; прошло съ тѣхъ поръ 37 лѣтъ, и вотъ, я, умирая, пишу свое послѣднее произведеніе, и опять-таки сталкиваюсь съ тѣми же ножницами!

Сознаніе близости смерти не покидало его еще съ осени 1876 года. Уже тогда, вспоминая свою прежнюю болѣзнь (50-хъ годовъ) и сравнивая ее съ настоящей, онъ говорилъ:

— Тогда всѣ доктора въ одинъ голосъ приговорили меня къ смерти, а у меня внутри не переставало жить убѣжденіе, что я останусь жить; а теперь совсѣмъ наоборотъ: доктора все обнадеживаютъ, а я убѣжденъ, что мнѣ не встать...

Каково было положеніе Некрасова весною 1877 года, можно судить по слѣдующему листочку, сохранившемуся въ его бумагахъ.

«*Мартъ 77 г.*—Худо мнѣ! Мой домъ—постель. Мой міръ—двѣ комнаты: пока освѣжаютъ одну—лежу въ другой. Полъ-рюмки кипрскаго меня опьяняетъ; гранъ опіума дѣлаетъ меня идіотомъ, не всегда давая сонъ. Стиховъ уже писать не могу, но днями нападаетъ на меня самомнѣніе. На-дняхъ муза моя на прощанье пропѣла мнѣ такую пѣснь:

«Пускай чуть слышенъ голосъ твой,
Не громки тэмы пѣснопѣнья,
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимаго забвенья!»

12-го апрѣля 1877 года была сдѣлана надъ Некрасовымъ вѣнскимъ хирургомъ Бильротомъ операція, которая спасла его отъ неминуемо-угрожавшей смерти, въ нѣкоторой степени облегчила его страданія и продлила его существованіе на восемь съ половиною мѣсяцевъ.

Но не завидно было это — не столько существованіе, сколько постепенное угасаніе. Больной былъ такъ уже слабъ, что лѣтомъ, не смотря на всю необходимость для него сухого, здороваго и свѣжаго воздуха, его могли едва перевезти на Черную-Рѣчку, гдѣ онъ провелъ лѣто на дачѣ графа Строганова. Какъ онъ страдалъ и что онъ чувствовалъ въ это время, объ этомъ можно судить по слѣдующему, сохранившемуся въ его бумагахъ, листочку его дневника, который онъ принялся-было писать во время своей дачной жизни:

«*14-го іюня.*—Буду писать, что приходитъ въ голову: надо же убивать время.

Онъ не былъ злобенъ и коваренъ,
Но былъ мучительно ревнивъ,
Но былъ въ любви неблагодаренъ
И къ дружбѣ нерадивъ.

«Сибиряки обнаружили особенную симпатію ко мнѣ со времени моей болѣзни. Много получаю стиховъ, писемъ и телеграммъ. Было двѣ съ двумя десятками подписей. Я хотѣлъ сдѣлать на это намекъ въ стихотвореніи «Баюшки-баю»—и было тамъ четыре стиха:

И ужъ несетъ изъ дебрей снѣжныхъ
На гробъ твой лавры и вѣнецъ
Друзей невѣдомыхъ и нѣжныхъ
Хранимый Богомъ посланецъ—

—да побоялся, не глупо ли будетъ. А теперь этого вопроса рѣшить не могу и подавно.

«Вообще, изъ страха и нерѣшительности и за потерею памяти, я, передъ операціей, испортилъ въ поэмѣ «Мать» много мѣстъ, замѣнилъ точками иныя строки.

«Очень тяжело растревоживать мысли—сейчасъ боли, какъ и въ эту минуту.

15-го іюня. За полдень.

16-го іюня.—Любимое стихотвореніе Бѣлинскаго было:

Въ степи мірской, широкой и безбрежной
(Пушкинъ).

«Я же когда-то очень любилъ стих. Лермонтова: «Бѣлѣетъ парусъ одинокій» и т. д. А теперь все повторяю:

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
(Пушкинъ).

16-го іюня, 7 часовъ.

«Хотѣлъ-было анализировать свое положеніе и свои ощущенія, но слишкомъ эта мрачная работа, прибавишь себѣ муки — а ея много!

«Не забыть отвѣтить Ир...ву (поэтъ-юноша грамотный, но дарованія не замѣтно): пишетъ, что прибылъ въ Петербургъ на занятыя деньги.

«Всего болѣе страшно, чтобы мое теперешнее положеніе не затянулось—или хоть немного бы получше, или поскорѣй бы конецъ.

«Ничего не понимаю, что со мной дѣлается. Очень тяжело. Дождь! (Воскресенье)».

Такъ изнывалъ поэтъ, борясь со своею смертью, и единственнымъ отраднымъ утѣшеніемъ для него въ это время было скорбное участіе въ его болѣзни всего русскаго общества. Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ дальнихъ ея участковъ стекались къ нему письма, стихотворенія, телеграммы, выражавшія глубокое, искреннее со-

чувствіе къ нему, какъ къ поэту народной скорби, вмѣстѣ съ пожеланіями избавленія отъ болѣзни и долголѣтней жизни. «При всей скрытности своего характера,—говоритъ д-ръ Бѣлоголовый, — и необыкновенномъ умѣньѣ владѣть собой, онъ не могъ не выражать ясно, какъ всѣ эти манифестаціи его трогали и возвышали въ собственныхъ глазахъ. Разъ, какъ-то, показывая мнѣ двѣ телеграммы, полученныя имъ въ это утро изъ Ирбита, онъ сказалъ: «Часто намъ приходилось въ журналистикѣ говорить, что мы не знаемъ совсѣмъ нашего подписчика, и какого онъ мнѣнія о нашей дѣятельности, а вотъ, онъ теперь для меня и открывается!» Возбужденный этими манифестаціями, онъ сдѣлался гораздо разговорчивѣе, охотно сталъ вспоминать и разсказывать различные эпизоды своей жизни, свои отношенія къ различнымъ нашимъ знаменитостямъ; подъ вліяніемъ наплыва этихъ воспоминаній, онъ остановился на мысли составить свою біографію и лихорадочно приступилъ къ этому такимъ образомъ: частью онъ диктовалъ самъ, пользуясь всякимъ свободнымъ отъ боли часомъ, то брату Константину Алексѣевичу, то сестрѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, иногда даже ночью будилъ ихъ и заставлялъ писать подъ свою диктовку; частью же передавалъ устно тотъ или другой эпизодъ своей жизни кому-нибудь изъ друзей. Въ то же самое время онъ редактировалъ и выпустилъ въ свѣтъ отдѣльное изданіе своихъ «Послѣднихъ Пѣсенъ»; наконецъ, онъ тогда же сочинилъ (впрочемъ, начало было написано нѣсколько лѣтъ раньше) свою поэму «Мать» и стихотвореніе «Баюшки-баю», появившееся въ мартовской книжкѣ (1877 г.) «Отечественныхъ Записокъ», изъ котораго публика, какъ изъ бюллетеня, могла усмотрѣть, что здоровье поэта все плохо, и что опасность близкой смерти его не устранена. Оно такъ и было на самомъ дѣлѣ»...

Дни поэта были сочтены.

«Около 20-го ноября, по словамъ доктора Бѣлоголоваго («Новое Время» 1878 г., № 661),—стали появляться приступы изнурительной лихорадки съ небольшими ознобами и потами, настолько не рѣзкими, что больной не измѣнялъ обычный распорядокъ своего дня, хотя его крайнее исхуданіе и слабость еще замѣтно усилились за это время. Такъ продолжалось до 14-го декабря; въ этотъ день, въ седьмомъ часу вечера, онъ всталъ съ кровати и перешелъ въ столовую, чтобы посидѣть и пить чай, но съ первымъ же глоткомъ съ нимъ сдѣлался потрясающій ознобъ; его тотчасъ же перевели и уложили въ постель; ознобъ продолжался около четверти часа и, подъ исходъ его, началась рвота, во время которой, безъ видимой потери сознанія, онъ сталъ несвязно говорить и, затѣмъ, лишился употребленія правой руки и ноги. Когда, черезъ полчаса, я пришелъ къ нему, то нашелъ его въ видимо возбужденномъ состояніи, какъ-бы подъ вліяніемъ страха; тѣмъ не менѣе, онъ удивился, увидавъ меня въ неположенное время, и прежде всего сказалъ: «Зачѣмъ это васъ тревожили?» Затѣмъ, менѣе ясно сталъ жаловаться на чай съ лимономъ, который онъ пилъ, говорилъ, что было кисло и что это возбудило въ немъ рвоту. Рвота при мнѣ была уже нѣсколько тише, а къ утру, подъ вліяніемъ холоднаго шампанскаго, почти совсѣмъ прекратилась. Всю ночь онъ провелъ безпокойно, но не произнесъ ни одного слова, такъ что окружающіе думали, что онъ лишился совсѣмъ языка; но когда я пришелъ утромъ, то онъ сталъ просить, чтобы его подняли съ постели, надѣли на него сапоги и поводили его по комнатѣ. Въ виду неотступныхъ просьбъ, ему помогли подняться, и, опираясь на двухъ человѣкъ, онъ два раза прошелся по комнатѣ, волоча правую ногу и, очевидно, не понимая происшедшей съ нимъ перемѣны, и только постоянно повторяя одну и ту же фразу: «ну, что

это?»—Затѣмъ его уложили, и съ этого времени онъ уже болѣе не вставалъ съ постели, хотя параличныя явленія обнаружили быструю наклонность къ улучшенью: рѣчь стала гораздо чище, движеніе въ ногѣ возстановлялось все болѣе и болѣе, только правая рука оставалась до конца жизни совершенно парализована. Съ этого же дня больной все ослабѣвалъ, очень мало ѣлъ, но много страдалъ отъ жажды и разныхъ болей, преимущественно въ лѣвой ногѣ, на которой стали появляться ограниченные инфильтраты въ клѣтчаткѣ, особенно на бедрѣ. 26-го декабря слабость достигла крайнихъ предѣловъ, рѣчь стала менѣе внятной и односложной, глотанье затруднительнымъ; около 5 часовъ этого дня, у больного явилось какъ-бы желаніе проститься съ окружающими: онъ каждаго изъ нихъ подозвалъ къ себѣ и произнесъ какое-то односложное слово, какъ-бы «простите». Часа черезъ три послѣ этого, я нашелъ его уже въ начавшейся агоніи, которая развивалась въ теченіе всего 27-го числа. Эти послѣднія сутки тѣло его оставалось совершенно неподвижнымъ: мышцы лица не выражали никакого признака страданія и какъ-бы застыли, равно и самый взглядъ, не фиксировавшій уже предметовъ; работала только грудная клѣтка, и лѣвая рука все время находилась въ постоянномъ движеніи; онъ то поднималъ ее къ головѣ, то подносилъ къ губамъ, то клалъ на грудь. Такъ было еще въ 5 часовъ вечера, но когда я пріѣхалъ три часа спустя, то эти движенія руки уже прекратились, пульсъ почти исчезъ, дыханье стало нѣсколько рѣже и шумнѣе, и такъ продолжалось до самаго конца, предъ которымъ вылетѣлъ легкій, короткій хрипъ изъ груди—и въ 8 часовъ 50 минутъ Некрасова не стало».

Похороны происходили 30-го декабря, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. День былъ ясный, но чрезвычайно морозный, и это, конечно, было главною причиною, что толпа,

шедшая за гробомъ, не превышала четырехъ тысячъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, похороны Некрасова все-таки представляли собою видъ торжественной и трогательной оваціи въ память почившаго поэта. Послѣ отпѣванія въ церкви Новодѣвичьяго монастыря было произнесено протоіереемъ Горчаковымъ надгробное слово, съ глубокимъ чувствомъ и умомъ. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу и зарытъ, было произнесено еще нѣсколько теплыхъ словъ надъ могилою поэта; и затѣмъ толпа тихо разошлась, унося въ сердцахъ глубокую скорбь и вѣчную память о своемъ дорогомъ поэтѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ОДА.

Украшаютъ тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И—беру небеса во свидѣтели—
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даромъ и гадины.
Ты помочь и злодѣю готовъ,
И червонцы твои не украдены
У сиротъ беззащитныхъ и вдовъ.

Въ дружбу къ сильному влѣзть не желаешь ты,
Чтобъ успѣху дѣлишекъ помочь,
И безъ умыслу съ нимъ оставляешь ты
Съ глазу на глазъ красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породою:
«Братья намъ по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь съ порога въ толчки.

Не спрошу я, откуда явилося,
Чтò теперь въ сундукахъ твоихъ есть;
Знаю: съ неба къ тебѣ все свалилося
За твою добродѣтель и честь!..

Украшаютъ тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И—беру небеса во свидѣтели—
Уважаю тебя глубоко...

* * *

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;

Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, чтò было до меня,

И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена,—

Вѣрь: я внималъ не безъ участья,
Я жадно каждый звукъ ловилъ...
Я понялъ все, дитя несчастья!
Я все простилъ и—все забылъ.

Зачѣмъ же тайному сомнѣнью
Ты ежечасно предана?
Толпы безсмысленному мнѣнью
Ужель и ты покорена?

Не вѣрь толпѣ, пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои,
Въ душѣ болѣзненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣи въ груди,
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

*
* *

Отрадно видѣть, что находитъ
Порой хандра и на глупца,
Что иногда въ морщины сводитъ
Черты и пошлаго лица
Бѣсъ благородный скуки тайной,
И на искривленныхъ губахъ
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что въ сердцахъ
И тѣхъ, чьихъ дѣлъ позорныхъ повѣсть
Пройдетъ лишь въ позднихъ племенахъ,
Не все же спитъ мертвецки совѣсть,
И, чуждый насъ, не дремлетъ страхъ;
Что всѣмъ одно въ дали грядущей,—
Идемъ къ безвѣстному концу,
Что ты, подлецъ, меня гнетущій,

Самъ лижешь руки подлецу,
Что лопнуть можешь ты, обжора!
Что ты, великій человѣкъ,
Чьего презрительнаго взора
Не выносилъ никто во-вѣкъ,
Ты, лобъ, какъ говорится, мѣдный,
Къ кому всѣ завистью полны—
Дрожишь, какъ листъ на вѣткѣ бѣдной,
Подъ башмакомъ своей жены.

ПЬЯНИЦА.

Жизнь въ трезвомъ положеніи
Куда не хороша!
Въ томительномъ бореніи
Сама съ собой душа,
А умъ въ тоскѣ мучительной,
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Все та же хата бѣдная—
Становится бѣднѣй,
И мать—старуха блѣдная—
Еще блѣднѣй, блѣднѣй.
Запуганный, задавленный,
Съ поникшей головой,
Идешь, какъ обезславленный,
Гнушаясь самъ собой;
Сгараешь злобой тайною...
На скудный твой нарядъ
Съ насмѣшкой не случайною

Всѣ, кажется, глядятъ.
Все, что̀ во снѣ мерещится,
Какъ будто бы на зло,
Въ глаза вотъ такъ и мечется,
Роскошно и свѣтло!
Все—поводъ къ искушенію,
Все дразнитъ и язвитъ
И руку къ преступленію
Нетвердую манитъ...
Ахъ! еслибъ часть ничтожную!
Старушку полѣчить,
Сестрамъ бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелаго,
Гнетущаго труда,—
Быть-можетъ, буйну голову
Сносилъ бы я тогда!
Покинувъ путь губительный,
Нашелъ бы путь иной,
И въ трудъ иной—свѣжительный—
Поникъ бы всей душой;
Но мгла отвсюду черная
На встрѣчу бѣдняку...
Одна открыта торная
Дорога къ кабаку.

* * *

Пускай мечтатели осмѣяны давно,
Пускай въ нихъ многое дѣйствительно смѣшно;
Но все же я скажу, что мнѣ въ часы разлуки
Отраднѣе всего, среди душевной муки,

Воспоминать о ней, усиліемъ мечты
Изъ мрака вызывать знакомыя черты,
Въ минуты горькаго раздумья и печали
Бродить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вмѣстѣ мы гуляли—
И даже иногда вечернею порой,
Любуясь блѣдною и грустною луной,
Припоминать тотъ садъ, ту темную аллею,
Откуда мы луной плѣнялись вмѣстѣ съ нею,
Но, больше нашею любовію полны,
Чѣмъ тихимъ вечеромъ и прелестью луны,
Влюбленные глаза другъ къ другу обращали
И въ долгій поцѣлуй уста свои сливали...

ВЪ ДОРОГѢ.

Скучно! скучно!.. Ямщикъ удалой,
Разгони чѣмъ-нибудь мою скуку!
Пѣсню, что̀-ли, пріятель, запой
Про рекрутскій наборъ и разлуку;
Небылицей какой посмѣши,
Или что ты видалъ разскажи—
Буду, братецъ, за все благодаренъ.—

«Самому мнѣ невесело, баринъ:
Сокрушила злодѣйка-жена!..
Слышь ты, съ молоду, сударь, она
Въ барскомъ домѣ была учена
Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варганѣ играть и читать—
Всѣмъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ.
Одѣвалась не то что у насъ

На селѣ сарафанницы наши,
А примѣрно представить, въ атласъ;
Ѣла вдоволь и меду, и каши,
Видъ вальяжный имѣла такой,
Хоть бы барынѣ, слышь ты, природной,
И не то что нашъ братъ крѣпостной,
То-ись сватался къ ней благородный—
(Слышь, учитель-ста врѣзамшись былъ,
Баитъ кучеръ, Иванычъ Торопка),
Да знать, счастья ей Богъ не судилъ:
Не нужна-ста въ дворянствѣ холопка!

«Вышла замужъ господская дочь
Да и въ Питеръ... А справивши свадьбу,
Самъ-атъ, слышь ты, вернулся въ усадьбу,
Захворалъ и на Троицу въ ночь
Отдалъ Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ зятекъ—
Перебралъ по ревизіи души
И съ запашки ссадилъ на оброкъ,
А потомъ добрался и до Груши...
Знать, она согрубила ему
Въ чемъ-нибудь, али на-просто тѣсно
Вмѣстѣ жить показалось въ дому,
Понимаешь-ста, намъ неизвѣстно,—
Воротилъ онъ ее на село—
Знай-де мѣсто свое ты, мужичка!
Взвыла дѣвка—крутенько пришло:
Бѣлоручка, вишь ты, бѣлоличка!

«Какъ на грѣхъ, девятнадцатый годъ
Мнѣ въ ту пору случись... посадили
На тягло—да на ней и женили...

То-ись, сколько я нажилъ хлопотъ!
Видъ такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грѣхъ сказать, чтобъ лѣнива была,
Да вишь, дѣло въ рукахъ не спорилось!
Какъ дрова или воду несла,
Какъ на барщину шла—становилось
Инда жалко подъ часъ... да куды!—
Не утѣшить ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей въ сарафанѣ неловко.
При чужихъ, и туда, и сюда,
А украдкой реветъ, какъ шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

«На какой-то патретъ все глядитъ,
Да читаетъ какую-то книжку...
Инда страхъ меня, слышь ты, щемитъ,
Что погубитъ она и сынишку:
Учитъ грамотѣ, моетъ, стрижетъ,
Словно барченка каждый день чешетъ,
Бить не бьетъ—бить и мнѣ не даетъ...
Да не долго пострѣла потѣшитъ!
Слышь, какъ щепка худа и блѣдна,
Ходитъ то-ись совсѣмъ черезъ силу,
Въ день двухъ ложекъ не съѣстъ толокна—
Чай, свалимъ черезъ мѣсяцъ въ могилу...
А съ чего?... Видитъ Богъ, не томилъ
Я ее безустанной работой...
Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ,
Уважалъ, то-ись, вотъ какъ, съ охотой...
А, слышь, бить—такъ почти не бивалъ,

Развѣ только подъ пьяную руку...»
— Ну, довольно, ямщикъ! Разогналъ
Ты мою неотвязную скуку!..

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(ПОДРАЖАНІЕ ЛЕРМОНТОВУ).

Спи, пострѣлъ, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотритъ мѣсяцъ мѣдный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать не сказки—
Правду пропою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губерніи раздался
Всѣмъ отрадный кликъ:
Твой отецъ подъ судъ попался—
Явныхъ тьма уликъ,
Но отецъ твой—плутъ извѣстный—
Знаетъ роль свою.
Спи, пострѣлъ, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подростешь—и міръ крещеный
Скоро самъ поймешь,
Купишь фракъ темнозеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «я благонамѣренъ,
За добро стою!»

Спи—твой путь грядущій вѣренъ!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновникъ съ виду
И подлецъ душой,
Провожать тебя я выду—
И махну рукой!
Въ день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострѣлъ пока невинный!
Баюшки-баю.

Тихъ и кротокъ, какъ овечка,
И крѣпонекъ лбомъ,
До хорошаго мѣстечка
Доползешь ужомъ—
И охулки не положишь
На руку свою...
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ
И вдругъ станешь баринъ важный,
Русскій дворянинъ.
Заживешь—и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновникъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

ПЕРЕДЪ ДОЖДЕМЪ.

Заунывный вѣтеръ гонитъ
Стаю тучъ на край небесъ.
Ель надломленная стонетъ,
Глухо шепчетъ темный лѣсъ.

На ручей, рябой и пестрый,
За листкомъ летитъ листокъ,
И струей сухой и острой
Набѣгаетъ холодокъ.

Полумракъ на все ложится;
Налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
Съ крикомъ въ воздухѣ кружится
Стая галокъ и воронъ.

Надъ проѣзжей таратайкой
Спущенъ верхъ, передъ закрытъ,
И «пошелъ!»—привставъ съ нагайкой,
Ямщику деньщикъ кричитъ...

ОГОРОДНИКЪ.

Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу,
Не лежалъ я во рву въ непроглядную ночь,—
Я свой вѣкъ загубилъ за дѣвицу-красу,
За̀ дѣвицу-красу, за дворянскую дочь.

Я въ нѣмецкомъ саду работа̀лъ по веснѣ;
Вотъ, однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь,—хозяйская дочка стоитъ въ сторонѣ,
Смотритъ въ оба, да слушаетъ пѣсню мою.

По торговымъ селамъ, по большимъ городамъ
Я не даромъ живалъ, огородникъ лихой:
Раскрасавицъ-дѣвицъ насмотрѣлся я тамъ,
А такой не видалъ, да и нѣту другой.

Черноброва, статна, точно сахаръ бѣла!..
Стало жутко, я пѣсни своей не допѣлъ...
А она—ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней, какъ шальной, я глядѣлъ.

Я слыхалъ на селѣ отъ своихъ молодицъ,
Что и самъ я пригожъ, не уродомъ рожденъ,—
Словно соколъ гляжу, круглолицъ, бѣлолицъ,
У меня-ль молодца кудри—чесаный ленъ...

Разыгралась душа на часокъ, на другой...
Да какъ глянулъ я вдругъ на хоромы ее—
Посвисталъ и махнулъ молодецкой рукой,
Да скорѣй за мужицкое дѣло свое!

А частенько она приходила съ тѣхъ поръ
Погулять, посмотрѣть на работу мою,
И смѣялась со мной, и вела разговоръ:
Отчего пріунылъ? Что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свѣшу на грудь...
«Дай-ка, яблоньку я за тебя посажу,
Ты усталъ, чай, пора ужъ тебѣ отдохнуть».

— Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часокъ!—
Да какъ заступъ брала у меня, смѣючись,
Увидала на правой рукѣ перстенекъ.

Очи стали темнѣй непогоднаго дня,
На губахъ, на щекахъ разыгралася кровь...
«Что съ тобой, госпожа? Отчего на меня
Непривѣтно глядишь, хмуришь черную бровь?»

— Отъ кого у тебя перстенекъ золотой?—
«Скоро старость придетъ, коли будешь все знать».
— Дай-ка, я погляжу, несговорный какой!—
И за палецъ меня бѣлой рученькой хвать!

Потемнѣло въ глазахъ, душу кинуло въ дрожь,
Я давалъ—не давалъ золотой перстенекъ...
Я вдругъ вспомнилъ опять, что и самъ я пригожъ,
Да не знаю ужъ какъ—въ щеку дѣвицу чмокъ!..

Много съ ней скороталъ невозвратныхъ ночей
Огородникъ лихой... Въ ясны очи глядѣлъ,
Расплеталъ, заплеталъ русу косыньку ей,
Цѣловалъ-миловалъ, пѣсни волжскія пѣлъ...

Мигомъ лѣто прошло, ночи стали свѣжѣй,
А подъ утро морозъ подъ ногами хруститъ.
Вотъ, однажды, какъ я крался въ горенку къ ней,
Кто-то цапъ за плечо: «держи вора!» кричитъ.

Со стыдомъ молодца на допросъ привели,
Я стоялъ да молчалъ, говорить не хотѣлъ...
И красу съ головы острой бритвой снесли,
И желѣзный уборъ на ногахъ зазвенѣлъ.

Постегали плетьми, и уводятъ дружка
Отъ родной стороны и отъ лапушки прочь,
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ТРОЙКА.

Что ты жадно глядишь на дорогу
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать забило сердечко тревогу—
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой во слѣдъ?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.

На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь:
Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ, черныхъ какъ ночь;

Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ,
Изъ-подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ.

Взглядъ одинъ чернобровой дикарки,
Полный чаръ, зажигающихъ кровь,
Старика разоритъ на подарки,
Въ сердце юноши кинетъ любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна, и легка...
Да не то тебѣ пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь.
Будетъ бить тебя мужъ-привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть.

Отъ работы и черной, и трудной,
Отцвѣтешь, не успѣвши расцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудный,
Будешь няньчить, работать и ѣсть,

И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни,—появится вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ.

И схоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Не гляди же съ тоской на дорогу
И за тройкой во слѣдъ не спѣши,
И тоскливую въ сердцѣ тревогу
Поскорѣй навсегда заглуши!

Не нагнать тебѣ бѣшеной тройки:
Кони крѣпки, и сыты, и бойки,—
И ямщикъ подъ хмѣлькомъ, и къ другой
Мчится вихремъ корнетъ молодой...

ПСОВАЯ ОХОТА.

Провидѣнію угодно было человѣка создать такъ, что ему нужны внезапныя потрясенія, восторгъ, порывъ и хотя мгновенное забвеніе отъ житейскихъ заботъ: иначе въ уединеніи грубѣетъ нравъ и вселяются разные пороки.

Реуттъ. *Псовая охота.*

Сторожъ вкругъ дома господскаго ходитъ,
Злобно зѣваетъ и въ доску колотитъ.

Мракомъ задернуты небо и даль,
Вѣтеръ осенній наводитъ печаль,

По небу тучи угрюмыя гонитъ,
По полю листья—и жалобно стонетъ...

Баринъ проснулся, съ постели вскочилъ,
Въ туфли обулся и въ рогъ затрубилъ.

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули всѣ—до грудного мальчишки.

Вотъ при дрожащемъ огнѣ фонарей,
Движутся длинныя тѣни псарей.

Крикъ, суматоха!.. ключи зазвенѣли,
Ржавыя петли уныло запѣли;

Съ громомъ выводятъ, поятъ лошадей.
Время не терпитъ—сѣдлай поскорѣй!

Въ синихъ венгеркахъ на заячьихъ лапкахъ,
Въ остроконечныхъ, неслыханныхъ шапкахъ,

Слуги толпой подъѣзжаютъ къ крыльцу.
Любо глядѣть—молодецъ къ молодцу!

Хоть и худеньки у многихъ подошвы—
Да въ сюртукахъ за то желтыя прошвы;

Хоть съ толокна животы подвело—
Да въ позументахъ подъ каждымъ сѣдло,

Конь—заглядѣнье, собачекъ двѣ своры,
Поясъ черкесскій, арапникъ и шпоры.

Вотъ и помѣщикъ. Долой картузы!
Молча онъ крутитъ сѣдые усы,

Грозенъ осанкой и пышенъ нарядомъ,
Молча поводитъ властительнымъ взглядомъ.

Слушаетъ важно обычный докладъ:
«Змѣйка издохла, въ забойкѣ Набатъ,

Соколъ сбѣсился, Хандра захромала»...
Гладитъ, нагнувшись, любимца Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахалъ
На спину легъ и хвостомъ завилялъ.

2.

Въ строгомъ порядкѣ, ускореннымъ шагомъ
Ѣдутъ псари по холмамъ и оврагамъ.

Стало свѣтать; проѣзжаютъ селомъ—
Дымъ поднимается къ небу столбомъ,

Гонится стадо, съ мучительнымъ стономъ
Очепъ скрипитъ (запрещенный закономъ);

Бабы изъ оконъ пугливо глядятъ,
«Глянь-ко, собаки!» ребята кричатъ.

Вотъ, поднимаются медленно въ гору.
Чудная даль открывается взору:

Рѣчка внизу, подъ горою, бѣжитъ,
Инеемъ зелень долины блеститъ,

А за долиной, слегка бѣловатой,—
Лѣсъ, освѣщенный зарей полосатой.

Но равнодушно встрѣчаютъ псари
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился изъ нихъ не единый.

«Въ Банники», крикнулъ помѣщикъ: «набрось!»
Борзовщики разъѣзжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
Въ островѣ скрылся крикунъ-доѣзжачій.

Горло завидное далъ ему Богъ:
То затрубитъ оглушительно въ рогъ,

То закричитъ: «добирайся собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заоретъ: «го-го-го!—ту!-ту!!-ту!!!»
Вотъ и нашли—залились на слѣду.

Варомъ-варитъ закипѣвшая стая,
Внемлетъ помѣщикъ, восторженно тая,

Въ мощной груди занимается духъ,
Дивной гармоніей нѣжится слухъ!

Однопометниковъ лай музыкальный
Душу уноситъ въ тотъ міръ идеальный,

Гдѣ ни уплатъ въ Опекунскій Совѣтъ,
Ни безпокойныхъ исправниковъ нѣтъ!

Хоръ такъ пѣвучъ, мелодиченъ и ровенъ,
Что твой Россини! что твой Бетховенъ!

3.

Ближе и лай, и порска́нье, и крикъ—
Вылетѣлъ бойкій русакъ-материкъ!

Гикнулъ помѣщикъ и ринулся въ поле...
То-то раздолье помѣщичьей волѣ!

Черезъ ручьи, буераки и рвы
Бѣшено мчится: не жаль головы!

Въ бурныхъ движеньяхъ—величіе власти,
Голосъ проникнутъ могуществомъ страсти,

Очи горятъ благороднымъ огнемъ—
Чудное что-то свершилося въ немъ!

Здѣсь онъ не струситъ, онъ здѣсь не уступитъ,
Здѣсь его Крезъ за мильйоны не купитъ!

*

Буйная удаль не знаетъ преградъ,
Смерть иль побѣда—ни шага назадъ!

Смерть иль побѣда! (Но гдѣ-жъ, какъ не въ бурѣ,
И развернуться славянской натурѣ?)

Звѣрь отсѣдаетъ—и въ смертной тоскѣ
Плачетъ помѣщикъ, припавши къ лукѣ.

Звѣря поймали, онъ дико кричитъ.
Мигомъ отпазончилъ, самъ торочитъ,

Гордый удачей любимой потѣхи,
Въ заячій хвостъ отираетъ доспѣхи,

И замираетъ, главу преклоня,
Къ шеѣ покрытаго пѣной коня.

4.

Много травили и много скакали,
Гончихъ изъ острова въ островъ бросали,

Вдругъ неудача: Свирѣпъ и Терзай
Кинулись въ стадо, за ними Ругай,

Слѣдомъ за ними Угаръ и Замашка—
И растерзали въ минуту барашка!

Баринъ велѣлъ возмутителей сѣчь,
Самъ же держалъ къ нимъ суровую рѣчь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбѣжались, когда ихъ пустили.

Рёвма-реветъ злополучный пастухъ,
За лѣсомъ кто-то ругается вслухъ.

Баринъ кричитъ: «замолчи, животина!»
Не унимается бойкій дѣтина.

Баринъ озлился и скачетъ на крикъ,
Струсилъ—и валится въ ноги мужикъ.

Баринъ отъѣхалъ—мужикъ встрепенулся,
Снова ругается; баринъ вернулся,

Баринъ арапникомъ злобно махнулъ—
Гаркнулъ буянъ: «караулъ, караулъ!»

Долго преслѣдовалъ парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетенимъ дубьёмъ,
Вмѣстѣ съ горластымъ твоимъ халуёмъ!»

Но уже баринъ сердитый не слушалъ:
Къ стогу подсѣвши, онъ рябчика кушалъ,

Кости Нахалу кидалъ, а псарямъ
Передалъ фляжку, отвѣдавши самъ.

Пили псари—и угрюмо молчали,
Лошади сѣно изъ стога жевали,

И въ обагренные кровью усы
Зайцевъ лизали голодные псы.

5.

Такъ отдохнувъ, продолжаютъ охоту,
Скачутъ, порскаютъ и травятъ безъ счету.

Время межъ тѣмъ незамѣтно идетъ,
Песъ измѣняетъ и конь устаетъ.

Падаетъ сизый туманъ на долину,
Красное солнце зашло вполовину

И показался съ другой стороны
Очеркъ безжизненно-бѣлой луны.

Слѣзли съ коней; поджидаютъ у стога,
Гончихъ сбиваютъ, сзываютъ въ три рога,

И повторяются эхомъ лѣсовъ
Дикіе звуки нестройныхъ роговъ.

Скоро стемнѣетъ. Ускореннымъ шагомъ
Ѣдутъ домой по холмамъ и оврагамъ.

При переправѣ чрезъ мутный ручей,
Кинувъ поводья, поятъ лошадей—

Рады борзыя, довольны тявкуши:
Въ воду залѣзли по самыя уши!

Въ полѣ завидѣвъ табунъ лошадей,
Ржетъ жеребецъ подъ однимъ изъ псарей...

Вотъ, наконецъ, добрались до ночлега.
Въ сердцѣ помѣщика радость и нѣга—

Много загублено заячьихъ душъ.
Слава усердному гону тявкушъ!

Изъ лѣсу робкихъ звѣрей выбивая,
Честно служила ты, вѣрная стая!

Слава тебѣ, неизмѣнный Нахалъ,—
Ты словно вѣтеръ пустынный леталъ!

Слава тебѣ, рѣзвоножка-Побѣдка!
Бойко скакала! ловила ты мѣтко!

Слава усерднымъ и бурнымъ конямъ!
Слава выжлятнику, слава псарямъ!

6.

Выпивъ изрядно, поужинавъ плотно,
Баринъ отходитъ ко сну беззаботно.

Завтра велитъ себя раньше будить.
Чудное дѣло—скакать и травить!

Чуть не полміра въ себѣ совмѣщая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у насъ и лѣсовъ, и полей,
Много въ отечествѣ нашемъ звѣрей!

Нѣтъ намъ запрета по чистому полю
Тѣшить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забавѣ: онъ вѣдаетъ страсть,

И до сѣдинъ молодые порывы
Въ немъ сохранятся, прекрасны и живы,

Черная дума къ нему не зайдетъ,
Въ праздномъ покоѣ душа не заснетъ.

Кто же охоты собачьей не любитъ,
Тотъ въ себѣ душу заспитъ и погубитъ.

*
* *

(ПОДРАЖАНІЕ ЛЕРМОНТОВУ).

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.
И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплохъ, стремительно и шумно
Я въ мутный ринулся потокъ,
И молодость мою постыдно и безумно
Въ развратѣ безобразномъ сжегъ...
Шли годы. Оторвавъ привычныя объятья
Отъ негодующихъ друзей,
Напрасно посылалъ я позднія проклятья
Безумству юности моей.

Не вспыхнули въ груди растраченныя силы—
Мой ропотъ ихъ не пробудилъ;
Пустынной тишиной и холодомъ могилы
Смѣнился юношескій пылъ,
И въ новый путь, съ хандрой, болѣзненно развитой,
Пошелъ безъ цѣли я тогда,
И думалъ, что душѣ, довременно убитой,
Ужъ не воскреснуть никогда.
Но я тебя узналъ... Для жизни и волненій
Въ груди проснулось сердце вновь:
Вліянье раннихъ бурь и мрачныхъ впечатлѣній
Съ души изгладила любовь...
Во мнѣ опять мечты, надежды и желанья...
И пусть меня не любишь ты,
Но мнѣ избытокъ слезъ и жгучаго страданья
Отраднѣй мертвой пустоты...

РОДИНА.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно-растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,

И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ...
Воспоминанія дней юности—извѣстныхъ
Подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ,—
Наполнивъ грудь мою и злобой, и хандрой,
Во всей своей красѣ проходятъ предо мной!..
Вотъ темный, темный садъ... Чей ликъ въ аллеѣ дальной
Мелькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ... о! знаю, знаю я!..
На вѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ—
Тебя пугала мысль возстать противъ судьбы,
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы...
Но знаю: не была душа твоя безстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что̀ вынести въ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шопотъ твой губителю простилъ!
И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе и позоръ судьбы ея ужасной,—
Тебя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила...
Но матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой...
Вотъ сѣрый, старый домъ... Теперь онъ пустъ и глухъ:
Ни женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ...
А встарь?... Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и въ большомъ тоскливо сердце ныло.
Я къ нянѣ убѣгалъ... Ахъ, няня! сколько разъ

Я слезы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ;
При имени ея впадая въ умиленье,
Давно ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?..
Ея безсмысленной и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нѣтъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что̀ жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!...
И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

СЕКРЕТЪ.

(опытъ современной баллады).

1.

Въ счастливой Москвѣ, на Неглинной,
Со львами, съ рѣшеткой кругомъ,
Стоитъ одиноко старинный,
Гербами украшенный домъ.

Онъ съ роскошью барской построенъ,
Какъ будто вѣкамъ на показъ;
А нынѣ въ немъ нѣсколько боенъ
И съ юфтью просторный лабазъ.

Картофель да кочни капусты
Растутъ передъ нимъ на грядахъ;
Въ немъ лучшія комнаты пусты;
И мебель, и бронза въ чехлахъ.

Не вѣдаетъ мудрый владѣлецъ
Тщеславья и роскоши нѣгъ;
Онъ въ собственномъ домѣ пришелецъ,
Занявшій въ конурѣ ночлегъ...

Въ его деревянной пристройкѣ
Свѣча одиноко горитъ;
Скупецъ умираетъ на койкѣ
И дѣтямъ своимъ говоритъ:

2.

«Огни зажигались вечерніе,
Вылъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ,
Когда изъ Полтавской губерніи
Я въ городъ столичный входилъ.

«Въ рукахъ была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечахъ шубенка овчинная,
Въ карманѣ пятнадцать грошей.

«Ни денегъ, ни званья, ни племени,
Малъ ростомъ и съ виду смѣшонъ,
Да сорокъ лѣтъ минуло времени—
Въ карманѣ моемъ милліонъ!

«И самъ я теперь благоденствую,
И счастье вокругъ себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный примѣръ подаю.

«Я сдѣлался важной персоною,
Пожертвовавъ тысячу въ годъ:
Имѣю и Анну съ короною,
И званіе «друга сиротъ».

«Но дни наступили унылые,
Смерть близко—спасенія нѣтъ!
И время ва́мъ, дѣтушки милые,
Узнать мой великій секретъ.

«Квартиру я нанялъ у дворника,
Дрова къ постояльцамъ таскалъ;
Подбился я къ дочери шорника
И съ нею отца обокралъ;

«Потомъ и ее, безтолковую,
За нужное счелъ обокрасть,
И въ практику бросился новую,—
Запрегся въ питейную часть.

«Потомъ»...

3.

Вдругъ лицо потемнѣло,
Раздался мучительный крикъ—
Лежитъ, словно мертвое тѣло,
И больше ни слова старикъ!

Но, видно, секретъ былъ угаданъ,
Сынки угодили въ отца:
Старикъ еще дышетъ на ладонъ
И ждетъ боязливо конца,

А дѣти гуляютъ съ ключами...
Вотъ старшій въ шкатулку проникъ!
Старикъ осадилъ бы словами—
Нѣтъ словъ: непокоренъ языкъ!

Въ меньшо̀мъ родилось подозрѣнье,
И ссора кипитъ о ключахъ—
Не слухъ бы тутъ нуженъ, не зрѣнье,
А сила въ рукахъ и ногахъ:

Воспрянулъ бы, словно изъ гроба,
И словомъ, и дѣломъ могучъ—
Смирились бы дерзкіе оба
И отдали-бъ старому ключъ.

Но братъ поднимаетъ на брата
Преступную руку свою...
И вотъ тебѣ, коршунъ, награда
За жизнь воровскую твою!

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

1.

Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.
Жена моя, закрывъ лицо вуалью,
Подъ вечерокъ къ любовнику пошла:

Я въ домъ къ нему съ полиціей прокрался
И уличилъ. Онъ вызвалъ: я не дрался!
Она слегла въ постель и умерла,
Истерзана позоромъ и печалью...
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

2.

Пріятель въ срокъ мнѣ долга не представилъ.
Я, намекнувъ по-дружески ему,
Закону разсудить насъ предоставилъ:
Законъ приговорилъ его въ тюрьму.
Въ ней умеръ онъ, не заплативъ алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долгъ ему простилъ того-жъ числа,
Почтивъ его слезами и печалью...
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

3.

Крестьянина я отдалъ въ повара:
Онъ удался; хорошій поваръ—счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имѣлъ: любилъ читать и разсуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посѣкъ его, каналью;
Онъ взялъ да утопился: дурь нашла!
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

4.

Имѣлъ я дочь; въ учителя влюбилась
И съ нимъ бѣжать хотѣла сгоряча.
Я погрозилъ проклятьемъ ей: смирилась
И вышла за сѣдого богача.
Ихъ домъ блестящъ и полонъ былъ, какъ чаша,
Но стала вдругъ блѣднѣть и гаснуть Маша
И черезъ годъ въ чахоткѣ умерла,
Сразивъ весь домъ глубокою печалью...
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла.

* * *

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой другъ,
И въ душѣ твоей, кроткой и нѣжной,
Злое чувство проснулося вдругъ—

Все, что вызвано словомъ ревнивымъ,
Все, что подняло бурю въ груди,
Переполнено гнѣвомъ правдивымъ,
Безпощадно ему возврати.

Отвѣчай негодующимъ взоромъ,
Оправданья и слезы осмѣй,
Порази его жгучимъ укоромъ—
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнувъ отъ волненья,
Ты поймешь его грустный недугъ,
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящій другъ—

Позабудь ненавистное слово,
И упрекомъ своимъ не буди
Угрызеній мучительныхъ снова
У воскресшаго друга въ груди!

Вѣрь: постыдный порывъ подозрѣнья
Безъ того ему много принесъ
Полныхъ муки, тревогъ, сожалѣнья
И раскаянья поздняго слезъ...

* * *

Ѣду ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ пасмурный день,—
Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!
Сердце сожмется мучительной думой.
Съ дѣтства судьба не взлюбила тебя:
Бѣденъ и золъ былъ отецъ твой угрюмый;
Замужъ пошла ты—другого любя.
Мужъ тебѣ выпалъ не добрый на долю:
Съ бѣшенымъ нравомъ, съ тяжелой рукой;
Не покорилась—ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, какъ больной и голодный
Я унывалъ, выбивался изъ силъ?
Въ комнатѣ нашей, пустой и холодной,
Паръ отъ дыханья волнами ходилъ.
Помнишь ли трубъ заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвѣтъ, полутьму?
Плакалъ твой сынъ, и холодныя руки
Ты согрѣвала дыханьемъ ему.

Онъ не смолкалъ—и пронзительно звонокъ
Былъ его крикъ... становилось темнѣй;
Вдоволь поплакалъ и умеръ ребенокъ...
Бѣдная! слезъ безразсудныхъ не лей!
Съ горя да съ голоду завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснемъ;
Купитъ хозяинъ, съ проклятьемъ, три гроба—
Вмѣстѣ свезутъ и положатъ рядкомъ...

Въ разныхъ углахъ мы сидѣли угрюмо.
Помню, была ты блѣдна и слаба,
Зрѣла въ тебѣ сокровенная дума,
Въ сердцѣ твоемъ совершалась борьба.
Я задремалъ. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, какъ будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.
Голодъ мучительный мы утолили,
Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,
Сына одѣли и въ гробъ положили...
Случай насъ выручилъ? Богъ ли помогъ?
Ты не спѣшила печальнымъ признаньемъ,
 Я ничего не спросилъ,
Только мы оба глядѣли съ рыданьемъ,
Только угрюмъ и озлобленъ я былъ...

Гдѣ ты теперь? Съ нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто-жъ защититъ тебя? Всѣ безъ изъятья
Именемъ страшнымъ тебя назовутъ,
Только во мнѣ шевельнутся проклятья—
 И безполезно замрутъ!

*
* *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я унылъ и угрюмъ,
Оживляется такъ вдохновенно
Твой веселый, насмѣшливый умъ;

Ты хохочешь такъ бойко и мило,
Такъ враговъ моихъ глупыхъ бранишь,

То, понуривъ головку уныло,
Такъ лукаво меня ты смѣшишь;

Такъ добра ты, скупая на ласки,
Поцѣлуй твой такъ полонъ огня,
И твои ненаглядные глазки
Такъ голубятъ и гладятъ меня,—

Что съ тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И впередъ — въ это темное море —
Безъ обычнаго страха гляжу...

*
* *

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу, день за днемъ безполезно губя;

Что я — силы своей не пытавъ ни на чемъ —
Осудилъ самъ себя безпощаднымъ судомъ

И лѣниво твердя: я ничтоженъ, я слабъ!
Добровольно всю жизнь пресмыкался какъ рабъ;

Что, доживши кой-какъ до тридцатой весны,
Не скопилъ я себѣ хоть богатой казны,

Чтобъ глупцы у моихъ пресмыкалися ногъ,
Да и умникъ подъ часъ позавидовать могъ!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь міръ,
А брожу дикаремъ—безпріютенъ и сиръ,

И что злоба во мнѣ и сильна, и дика,
А до дѣла дойдетъ—замираетъ рука!

ВИНО.

1.

Не водись-ка на свѣтѣ вина,
Тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ,
И пожалуй—силёнъ сатана!—
Натворилъ бы я бѣдъ.
Безъ вины меня баринъ посѣкъ,
Самъ не знаю, что сталось со мной?
Я не то, чтобъ большой человѣкъ,
Да, вишь, дѣло-то было впервой.
Какъ подумаю, весь задрожу,
На душѣ все чернѣй да чернѣй...
Какъ теперь на людей погляжу?
Какъ приду къ ненаглядной моей?

И я долго лежалъ на печи,
Все молчалъ, не отвѣдывалъ щей;
Нашепталъ мнѣ нечистый въ ночи
Неразумныхъ и буйныхъ рѣчей,
И на утро я сумраченъ всталъ;
Помолиться хотѣлъ, да не могъ,
Ни словечка ни съ кѣмъ не сказалъ
И пошелъ, не крестясь, за порогъ.
Вдругъ: «не хочешь ли, братикъ, вина?»
Мнѣ во слѣдъ закричала сестра.
Цѣлый штофъ осушилъ я до дна
И въ тотъ день не ходилъ со двора.

2.

Не водись-ка на свѣтѣ вина,
Тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ,
И пожалуй—силёнъ сатана!
Натворилъ бы я бѣдъ.
Зазнобила меня молодца
Степанида, сосѣдская дочь,
Я посваталъ её у отца—
И старикъ, да и дѣвка не прочь.
Да, знать, старостѣ вплоть до земли
Поклонился другой молодецъ,—
И съ немилымъ ее повели
Мимо оконъ моихъ подъ вѣнецъ.
Не изъ камня душа! Не втерпёжъ!
Расходилась, что буря, она,
Наточилъ я на старосту ножъ
И для смѣлости выпилъ вина.
Да попался Петруха, свой братъ,
Въ кабакѣ: назвался угостить;

Даровому лѣнивый не радъ —
Я остался полштофа распить.
А за первымъ—другой; въ куражѣ
Отъ души невзначай отлегло,
Позабылъ я въ тотъ день объ ножѣ,
А на утро раздумье пришло...

3.

Не водись-ка на свѣтѣ вина,
Тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ
И пожалуй—силёнъ сатана!
Натворилъ бы я бѣдъ.
Я съ артелью взялся у купца
Передѣлать всѣ печи въ дому,
Въ мѣсяцъ дѣло довелъ до конца
И пришелъ за расчетомъ къ нему.
Обсчиталъ, воровская душа!
Я корить, я судомъ угрожать:
«Такъ не будетъ тебѣ ни гроша!»
И велѣлъ меня въ шею прогнать.
Я ходилъ къ нему восемь недѣль,
Да застать его дома не могъ;
Расчитать было нечѣмъ артель,
И меня, слышь, потянутъ въ острогъ...
Наточивши широкій топоръ,
«Пропадай!» самъ себѣ я сказалъ;
Побѣжалъ, притаился, какъ воръ,
У знакомаго дома—и ждалъ.
Да прозябъ, а напротивъ—кабакъ;
Разсудилъ: отчего не зайти?
На послѣдній хватилъ четвертакъ,
Подрался—и проснулся въ части...

ИЗВОЩИКЪ.

1.

Парень былъ Ванюха ражій,
Рослый человѣкъ;
Не поддайся силѣ вражей,—
Жилъ бы долгій вѣкъ.
Полусонный по природѣ,
Знай зѣвалъ въ кулакъ,
И прозваніе въ народѣ
Получилъ: вахлакъ!
Правда, съ нимъ случилось диво,
Какъ въ Грязно̀й стоялъ:
Ѣлъ онъ мало и лѣниво,
По ночамъ не спалъ...
Все глядитъ, бывало, въ оба
Въ супротивный домъ:
Тамъ жила его зазноба—
Кралечка лицомъ!
Подъ ворота словно птичка
Вылетитъ съ гнѣзда,
Бѣлоручка, бѣлоличка...
Жаль одно: горда!
Прокативъ ее, учтиво
Онъ ей разъ сказалъ:
«Вишь ты, больно тороплива!»
И за ручку взялъ...
Разсердилась: «Не позволю!
Полно—не замай!
Прежде выкупись на волю,
Да потомъ хватай!»

Поглядѣлъ за нею Ваня,
Головой тряхнулъ:
«Не про насъ ты—молвилъ—Таня»,
И рукой махнулъ...
Скоро лѣто наступило,
Съ барыней своей
Таня въ Тулу укатила;
Ванька сталъ умнѣй:
Онъ по прежнему порядку
Полюбилъ чаекъ,
Наблюдалъ свою лошадку,
Добывалъ оброкъ,
— Пилъ умѣренно горѣлку,
Зналъ копѣйкѣ вѣсъ...
Да какую же продѣлку
Сочинилъ съ нимъ бѣсъ!..

2.

Разъ купецъ ему попался
Изъ родимыхъ мѣстъ;
Ванька съ нимъ съ-утра катался
До вечернихъ звѣздъ,
А потомъ наѣлся плотно,
Обрядилъ коня,
И улегся беззаботно
До другого дня...
Спитъ и слышитъ стукъ въ ворота.
Чу! шумятъ, встаютъ...
Не пожаръ ли? вотъ забота!
Чу! къ нему идутъ...
Онъ вскочилъ, какъ заяцъ сгонный,
Видитъ: съ фонаремъ

Передъ нимъ хозяинъ сонный
Съ сѣдокомъ-купцомъ.
«Санки гдѣ твои, дѣтина?
Покажи ступай!»
Говоритъ ему купчина—
И ведетъ въ сарай...
Помутился умъ у Вани,
Онъ какъ листъ дрожалъ...
Поглядѣлъ купчина въ сани
И, крестясь, сказалъ:
«Слава Богу, слава Богу!
Цѣлъ мѣшокъ-то мой!
Не взыщите за тревогу—
Капиталъ большой.
Понимаете, съ походомъ
Будетъ тысячъ пять...»
И купецъ передъ народомъ
Деньги сталъ считать...
И пока рубли звенѣли,
Поднялся весь домъ—
Ваньки сонные глядѣли,
Обступя кругомъ.
«Цѣло все!» сказалъ купчина,
Парня подозвалъ:
«Вотъ на чай тебѣ полтина!
Благо, ты не зналъ:
Серебро-то не бумажки,
Нѣтъ примѣты, братъ;
Мнѣ ходить бы безъ рубашки,
Ты бы сталъ богатъ—
Да Господь-то справедливый
Попугалъ шутя...»
И ушелъ купецъ счастливый,

Подъ мѣшкомъ кряхтя...
Надъ розиней поглумились
И опять легли,
А какъ утромъ пробудились
И въ сарай пришли,
Глядь—и обмерли съ испугу...
Ни гу-гу—молчатъ;
Показали вверхъ другъ другу
И пошли назадъ...
Прибѣжалъ хозяинъ блѣдный,
Вся сошлась семья:
«Что такое?...» Ванька бѣдный—
Богъ ему судья!
Совладать съ лукавымъ бѣсомъ
Видно, не сумѣлъ:
Надъ санями, подъ навѣсомъ,
На возжахъ висѣлъ!
А вѣдь былъ дѣтина ражій,
Рослый человѣкъ,
Не поддайся силѣ вражей,—
Жилъ бы долгій вѣкъ...

* * *

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни вѣры благодатной—
Постыдное безсиліе раба!

Ей все равно—холодный сумракъ гроба,
Позоръ ли, слава, ненависть, любовь,—
Погасла и спасительная злоба,
Что долго такъ разогрѣвала кровь.

Я жду... но ночь не близится къ разсвѣту,
И мертвый мракъ кругомъ... и та,
Которая воззвать могла бы къ свѣту,—
Какъ будто смерть сковала ей уста!

Лицо безъ мысли, полное смятенья,
Сухіе, напряженные глаза...
И кажется, зарею обновленья
Въ нихъ никогда не заблеститъ слеза...

* * *

Я посѣтилъ твое кладбище,
Подруга трудныхъ, трудныхъ дней!
И образъ твой свѣтлѣй и чище
Рисуется душѣ моей.
Бывало, натерпѣвшись муки,
Уставъ и тѣломъ, и душой,
Подъ игомъ молчаливой скуки
Встрѣчался грустно я съ тобой.
Ни смѣхъ, ни говоръ твой веселый
Не прогоняли темныхъ думъ:
Они бѣсили мой тяжелый,
Больной и раздраженный умъ.
Я думалъ,—нѣтъ въ душѣ безпечной
Сочувствія душѣ моей,
И горе въ глубинѣ сердечной
Держалось дольше и сильнѣй...
Увы, то время невозвратно!
Въ ошибкахъ юность не вольна:
Безъ слезъ ей горе непонятно,

Безъ смѣху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы...
Другую женщину я зналъ,
Я поминутно видѣлъ слезы
И часто смѣхъ твой вспоминалъ.
Теперь мнѣ дороги и милы
Тѣ грустно прожитые дни:
Какъ много нѣжности и силы
Душевной вызвали они!
Твержу съ упрекомъ и тоскою:
«Зачѣмъ я не цѣнилъ тогда?»
Забудусь,—ты передо мною
Стоишь—жива и молода:
Глаза блистаютъ, локонъ вьется,
Ты говоришь: «будь веселѣй!»
И звонкій смѣхъ твой отдается
Больнѣе слезъ въ душѣ моей...

* * *

Я не люблю ироніи твоей.
Оставь ее отжившимъ и не жившимъ,
А намъ съ тобой, такъ горячо любившимъ,
Еще остатокъ чувства сохранившимъ,—
Намъ рано предаваться ей!

Пока еще застѣнчиво и нѣжно
Свиданіе продлить желаешь ты,
Пока еще кипятъ во мнѣ мятежно
Ревнивыя тревоги и мечты—
Не торопи развязки неизбѣжной!

И безъ того она не далека:
Кипимъ сильнѣй, послѣдней жажды полны,
Но въ сердцѣ тайный холодъ и тоска...
Такъ осенью бурливѣе рѣка,
Но холоднѣй бушующія волны.

НА УЛИЦѢ.

1.

ВОРЪ.

Спѣша на званый пиръ по улицѣ прегрязной
Вчера былъ пораженъ я сценой безобразной:
Торгашъ, у коего украденъ былъ калачъ,
Вздрогнувъ и поблѣднѣвъ, вдругъ поднялъ вой и плачъ,
И, бросясь отъ лотка, кричалъ «держите вора!»
И воръ былъ окруженъ и остановленъ скоро.
Закушенный калачъ дрожалъ въ его рукѣ;
Онъ былъ безъ сапоговъ, въ дырявомъ сюртукѣ;
Лицо являло слѣдъ недавняго недуга,
Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
Пришелъ городовой, подчаска подозвалъ,
По пунктамъ отобралъ допросъ отмѣнно строгій
И вора повели торжественно въ кварталъ.
Я крикнулъ кучеру: «пошолъ своей дорогой!»
И Богу поспѣшилъ молебствіе принесть
За то, что у меня наслѣдственное есть...

2.

ПРОВОДЫ.

Мать касатикомъ сына зоветъ,
Сынъ любовно глядитъ на старуху,

Молодая бабёнка реветъ
И все проситъ остаться Ванюху;
А старикъ непреклонно молчитъ:
Напряженная строгость во взорѣ,—
Словно самъ на себя онъ сердитъ
За свое безполезное горе.
Сивка дернулъ дровнишки слегка—
Чуть съ дровней не свалилась старуха...
Ну! нагрѣлъ же онъ сивкѣ бока,
Да помогъ старику и Ванюха...

3.

ГРОБОКЪ.

Вотъ идетъ солдатъ. Подъ мышкою
Дѣтскій гробъ несетъ дѣтинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.
А какъ было живо дитятко,
То-и-дѣло говорилося:
«Чтобъ ты лопнуло, проклятое!
Да зачѣмъ ты и родилося?

4.

ВАНЬКА.

Смѣшная сцена! Ванька-дуралей,
Чтобъ сѣдока промыслить побогаче,
Украдкой чиститъ бляхи на своей
Ободранной и заморенной клячѣ.
Не такъ ли ты, продажная краса,
Себѣ придать желая блескъ фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса

На головѣ давно полуплѣшивой?
Но оба вы—извощикъ дуралей,
И ты, смѣшно причесанная дама,—
Вы пробуждаете не смѣхъ въ душѣ моей—
Мерещится мнѣ всюда драма.

*
* *

Мы съ тобой безтолковые люди:
Что минута, то вспышка готова,
Облегченье взволнованной груди—
Неразумное, рѣзкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что̀ душу волнуетъ и мучитъ!
Будемъ, другъ мой, сердиться открыто:
Легче миръ—и скорѣе наскучитъ.

Если проза въ любви неизбѣжна,
Такъ возьмемъ и съ нея долю счастья:
Послѣ ссоры такъ полно, такъ нѣжно
Возвращенье любви и участья...

МУЗА.

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
Въ небесной красотѣ, неслышимо, какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла,

Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ
Мечтой неясною не волновала умъ,
И не явилась вдругъ восторженному взору
Подругой любящей въ блаженную ту пору,
Когда томительно волнуютъ нашу кровь
Нераздѣлимыя и Муза, и Любовь...
Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ,—
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото—единственный кумиръ...
Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ—и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгульной пѣснею... Но тотъ же скорбный стонъ
Еще пронзительнѣй звучалъ въ разгулѣ шумномъ;
Все слышалося въ немъ въ смѣшеніи безумномъ:
Разсчеты мелочной и грязной суеты,
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленныя слезы,
Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы...
Въ порывѣ ярости, съ неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой;
Предавшись дикому и мрачному веселью;
Играла бѣшено моею колыбелью,
Кричала: «мщеніе!»—и буйнымъ языкомъ

Въ сообщники свои звала Господень громъ!
Въ душѣ озлобленной, но любящей и нѣжной
Непроченъ былъ порывъ жестокости мятежной;
Слабѣя медленно, томительный недугъ
Смирялся, утихалъ... и выкупалось вдругъ
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнувъ головой,
«Прощай врагамъ своимъ!» шептала надо мной...
Такъ вѣчно плачущей и непонятной дѣвы
Лелѣяли мой слухъ суровые напѣвы,
Покуда, наконецъ, обычной чередой
Я съ нею не вступилъ въ ожесточенный бой.
Но съ дѣтства прочнаго и кровнаго союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрезъ бездны темныя Насилія и Зла,
Труда и Голода она меня вела,—
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила...

МАША.

Бѣлый день занялся надъ столицей,
Сладко спитъ молодая жена,
Только труженикъ-мужъ блѣднолицый
Не ложится—ему не до сна!

Завтра Машѣ подруга покажетъ
Дорогой и красивый нарядъ...
Ничего ему Маша не скажетъ,
Только взглянетъ... убійственный взглядъ!

Въ ней одной его жизни отрада,
Такъ пускай въ немъ не видитъ врага:
Два такихъ онъ ей купитъ наряда...
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Подъ рукою казенный сундукъ;
Но испорченъ онъ былъ съ малолѣтства
Изученьемъ опасныхъ наукъ.

Человѣкъ онъ былъ новой породы:
Исключительно честь понималъ,
И безгрѣшные даже доходы
Называлъ воровствомъ, либералъ!

Лучше жить бы хотѣлъ онъ попроще,
Не франтить, не тянуться бы въ свѣтъ,—
Да обидно покажется тещѣ,
Да осудитъ богатый сосѣдъ!

Все бы вздоръ... только съ Машей не сладишь,
Не втолкуешь—глупа, молода!
Скажетъ: «такъ за любовь мою платишь!»
Нѣтъ! упреки тошнѣе труда!

И кипитъ-поспѣваетъ работа,
И болитъ-надрывается грудь...
Наконецъ, наступила суббота:
Вотъ и праздникъ,—пора отдохнуть!

Онъ лелѣетъ красавицу-Машу,
Выпивъ полную чашу труда,
Наслажденія полную чашу
Жадно пьетъ... и онъ счастливъ тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва-ли
Не вредна для усталой души.

Скоро въ гробъ его Маша уложитъ,
Проклянетъ свой сиротскій удѣлъ,
И, бѣдняжка! ума не приложитъ,
Отчего онъ такъ скоро сгорѣлъ?

НОВЫЙ ГОДЪ.

Что новый годъ, то новыхъ думъ,
Желаній и надеждъ
Исполненъ легковѣрный умъ
И мудрыхъ, и невѣждъ.
Лишь тотъ, кто подъ землей сокрытъ,
Надежды въ сердцѣ не таитъ!..

Давно ли ликовалъ народъ
И радовался міръ,
Когда рождался прошлый годъ
При звукахъ чашъ и лиръ?
И чье суровое чело
Лучомъ надежды не цвѣло?

Но меньше-ль видѣлъ онъ могилъ,
Вражды и нищеты?
Въ немъ каждый день убійцей былъ
Какой-нибудь мечты,
Не пощадилъ онъ никого,
И не далъ людямъ ничего!

При звукахъ тѣхъ же чашъ и лиръ,
Обычной чередой
Безстрастный гость вступаетъ въ міръ
Безстрастною стопой—
И въ тѣхъ лишь нѣтъ надежды вновь,
Въ комъ навсегда застыла кровь!

И благо!.. Съ чашами въ рукахъ
Да будетъ встрѣченъ гость,
Да разлетится горе въ прахъ,
Да умирится злость—
И въ обновленныя сердца
Да снидетъ радость безъ конца!

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,
Живемъ мы для минутъ,
И то, что̀ съ жизни взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ!

Пускай кипитъ веселый рой
Мечтаній молодыхъ—
Имъ предадимся всей душой...
А время скоситъ ихъ?—
Что нужды! Снова въ свой чередъ
Въ насъ воскреситъ ихъ новый годъ...

*
* *

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства;

Ему сочувствіе въ толпѣ,
Какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ—
Сей пытки творческаго духа;

Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонятъ, не злословятъ,
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ...

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.

И вѣря, и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья,—

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ, и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ—ненавидя!

ЗАСТѢНЧИВОСТЬ.

Ахъ ты, страсть роковая, безплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмѣетъ насъ красавица модная,
Вкругъ нея увиваются львы:

Поступь гордая, голосъ увѣренный,
Что ни скажутъ—ихъ рѣчь хороша,
А вотъ я-то войду, какъ потерянный,—
И ударится въ пятки душа!

На ногахъ словно гири желѣзныя,
Какъ свинцомъ налита голова,
Странно руки торчатъ безполезныя,
На губахъ замираютъ слова.

Улыбнусь—непроворная, жесткая,
Не въ улыбку улыбка моя;
Пошутить захочу—шутка плоская:
Покраснѣю мучительно я!

Помѣщусь, молчаливо досадуя,
Въ дальній уголъ... уныло смотрю
И сижу неподвижно, какъ статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня горемычнаго
Дуракомъ ты на свѣтъ создала?
Ни умишка, ни виду приличнаго,
Ни довольства собой не дала?»...

Ахъ! судьба-ль меня, полно, обидѣла?
Отчего-жъ, какъ домой ворочусь,
(Удивилась бы, еслибъ увидѣла)
И уменъ, и пригожъ становлюсь?

Все припомню, что было ей сказано,
Вижу: самъ бы сказалъ не глупѣй...
Нѣтъ! мнѣ въ божьихъ дарахъ не отказано,
И лицомъ я не хуже людей!

Малодушье пустое и дѣтское,
Не хочу тебя знать съ этихъ поръ!
Я пойду въ ея общество свѣтское,
Я тамъ буду уменъ и остеръ!

Пусть пойметъ, что свободно и молодо
Въ этомъ сердцѣ волнуется кровь,
Что подъ маской наружнаго холода
Безконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшаго,
Въ сердцѣ искру надежды беречь!
Не стряхнуть рокового прошедшаго
Мнѣ съ моихъ невыносливыхъ плечъ!

Придавила меня бѣдность грозная,
Запугалъ меня съ дѣтства отецъ,
Безталанная долюшка слезная
Извела, доконала въ конецъ!

Знаю я: сожалѣнье постыдное,
Чтò какъ червь копошится въ груди,
Да сознанье безсилья обидное
Мнѣ осталось одно впереди...

ПРЕКРАСНАЯ ПАРТІЯ.

1.

У хладныхъ невскихъ береговъ,
Въ туманномъ Петроградѣ,
Жилъ нѣкто господинъ Долговъ
Съ женой и дочкой Надей.

Простой и добрый семьянинъ,
Чиновникъ непродажный,
Онъ нажилъ только домъ одинъ—
Но домъ пяти-этажный.

Учась на мѣдные гроши,
Не вѣдалъ по-французски,
Былъ добръ по слабости души,
Но какъ-то не по-русски:

Есть русскихъ множество семей,
Онѣ какъ будто добры,
Но имъ у крѣпостныхъ людей
Считать не стыдно ребры.

Не отличался нашъ Долговъ
Такой рукою бойкой,
И только колотить тузовъ
Любилъ козырной двойкой.

За то Господь его взыскалъ
Своею благодатью:
Онъ городъ за женою взялъ
И породнился съ знатью.

Итакъ, жена его была
Наклонна къ этикету
И домъ, какъ слѣдуетъ, вела
Подъ стать большому свѣту:

Сама не сходитъ на базаръ
И въ кухню ни ногою;
У дома ихъ стоялъ швейцаръ
Съ огромной булавою;

Лакеи чинною толпой
Тѣснилися въ прихожей,
И между ними ни одной
Кривой и пьяной рожи.

Всегда сервированъ обѣдъ
И чай весьма прилично,
Въ парадныхъ комнатахъ паркетъ
Такъ вылощенъ отлично.

Они давали вечера
И даже въ годъ два бала:
Играли старцы до утра,
А молодежь плясала;

Гремѣла музыка всю ночь,
По требованью глядя.
Царицей тутъ была ихъ дочь—
Красивенькая Надя.

2.

Ни преждевременнымъ умомъ,
Ни красотой нимало
Въ невинномъ возрастѣ своемъ
Она не поражала.

Была лѣнивой въ десять лѣтъ
И милою рѣзвушкой:
Цвѣтущъ и ясенъ, Божій свѣтъ
Казался ей игрушкой.

Въ семнадцать—сверстницъ и сестрицъ
Всѣхъ красотой затмила,
Но нашихъ чопорныхъ дѣвицъ
Собой не повторила:

Въ глазахъ природный умъ игралъ,
Румянецъ въ кожѣ смуглой;
Она любила шумный балъ
И не была тамъ куклой.

Въ веселомъ обществѣ гостей
Жеманно не молчала
И строгой маменьки своей
Глазами не искала.

Любила музыку она
Не потому, что въ модѣ;
Не исключительно луна
Ей нравилась въ природѣ.

Читать любила иногда,
И съ книгой не скучала,
Напротивъ, и гостей тогда,
И танцы забывала;

Но также *синяго чулка*
Въ ней не было примѣты:
Не трактовала свысока
Ученые предметы.

Разбору строгому еще
Не предавала чувства,
И не трещала горячо
О святости искусства.

Ну, словомъ, глядя на нее,
Поэтъ сказалъ бы съ жаромъ:
«Цвѣти, цвѣти, дитя мое!
Ты создана не даромъ!...»

Ужъ ей врала про жениховъ
Услужливая няня;
Не мало ей писалъ стиховъ
Кузенъ какой-то Ваня;

Мамаша повторяла ей:
«Ужъ ты давно невѣста»;
Но въ сердцѣ береглось у ней
Незанятое мѣсто.

Дѣвичій сонъ еще былъ тихъ
И крѣпокъ благотворно;
А между-тѣмъ давно женихъ
Къ ней сватался упорно...

3.

То былъ гвардейскій офицеръ,
Воитель черноокій;
Блисталъ онъ свѣтскостью манеръ
И лобъ имѣлъ высокій;

Былъ очень тонкаго ума,
Воспитанъ превосходно,
Читалъ Фудраса и Дюмà
И мыслилъ благородно;

Хоть книги рѣдко покупалъ,
Но чтилъ литературу,
И даже анекдоты зналъ
Про русскую цензуру.

Въ Шекспирѣ признавалъ талантъ
За личность Дездемоны,
И строго осуждалъ Жоржъ Сандъ,
Что носитъ панталоны;

Былъ отъ Рубини безъ ума,
Пѣлъ басомъ «caro mio»,
И къ другу при концѣ письма
Приписывалъ: «addio».

Его любимый идеалъ
Былъ Александръ Марлинскій,
Но онъ всему предпочиталъ
Театръ Александринскій.

Здѣсь пищи онъ искалъ уму,
Отхлопывалъ ладони,
И были по сердцу ему
И Кукольникъ, и Кони.

Когда главою помавалъ,
Какъ нѣкій древній магикъ,
И дикимъ звѣремъ завывалъ
Широкоплечій трагикъ,

И вдругъ влетала, какъ зефиръ,
Воздушная Сюзета,—
Тогда онъ забывалъ весь міръ,
Вникая въ смыслъ куплета.

Слѣдилъ за нею чуть дыша,
Не отрывая взора,
Казалось, вылетитъ душа
Съ его возгласомъ: фора!

Въ немъ бурно поднимала кровь
Всѣ силы молодыя...
Счастливый юноша! любовь
Онъ познавалъ впервые!

Отрада юношескихъ лѣтъ,
Подруга идеаламъ,
О, сцена, сцена! не поэтъ,
Кто не былъ театраломъ,

Кто не сдавался въ милый плѣнъ,
Не рвался за кулисы
И не платилъ громадныхъ цѣнъ
За кресла въ бенефисы,

Кто по часамъ не поджидалъ
Зеленую карету,
И водевилей не писалъ
На бенефисъ «предмету»!

Блаженъ, кто успокоилъ кровь
Обычной чередою:
Успѣхомъ увѣнчалъ любовь
И завелся семьею;

Но тотъ, кому не удались
Исканья—не въ накладѣ:
Прелестны граціи кулисъ—
Покуда на эстрадѣ:

Тамъ вся поэзія души,
Тамъ мѣста нѣтъ для прозы;
А дома—сплетни, барыши,
Упреки, зависть, слезы...

Такъ отдаетъ въ наймы другимъ
Свой домъ владѣлецъ жадный,
А самъ, нечистъ и нелюдимъ,
Живетъ въ конурѣ смрадной.

Но ты, къ кому души моей
Летятъ воспоминанья,—
Я безкорыстнѣй и свѣтлѣй
Не видывалъ созданья!

Блестящъ и кратокъ былъ твой путь...
Но я на эту тэму
Вамъ напишу когда-нибудь
Особую поэму...

Въ младые годы нашъ герой
Къ театру былъ прикованъ,
Но нынѣ онъ отцвѣлъ душой—
Усталъ, разочарованъ!

Когда при тысячѣ огней
Въ великолѣпной залѣ,
Кумиръ дѣвицъ, гроза мужей,
Онъ танцовалъ на балѣ,—

Когда являлся въ маскарадъ
Во всей парадной формѣ,
Когда садился въ первый рядъ
И дико хлопалъ «Нормѣ»,—

Когда по Невскому скакалъ
Съ усмѣшкой губъ румяныхъ
И кучеръ бѣшено кричалъ
На пару шведокъ рьяныхъ—

Никто бъ, конечно, не узналъ
Въ немъ новаго Манфреда...
Но, ахъ! онъ жизнію скучалъ—
Пока лишь до обѣда.

Являлъ онъ Байрона черты
Въ характерѣ усталомъ:
Не вѣрилъ въ книги и мечты,
Не увлекался баломъ.

Онъ зналъ: фортуны колесо
Плѣняетъ только младость;
Онъ въ ресторацiи Дюсо
Давно утратилъ радость!

Не вѣрилъ истинѣ въ друзьяхъ,—
Имъ вѣрятъ лишь невѣжды,—
Съ кіемъ и картами въ рукахъ
Познаъ тщету надежды!

Онъ буйно молодость убилъ,
Взявъ образецъ въ Ловласѣ,
И рано сердце остудилъ
У Кессенихъ въ танцклассѣ!

Разстроилъ тысячу крестьянъ,
Чтобъ какъ-нибудь забыться...
Пуста душа и пустъ карманъ—
Пора, пора жениться!

4.

Не долго въ дѣвѣ молодой
Таилося раздумье...
«Прекрасной партіей такой
Пренебрегать—безумье»,

Сказала плачущая мать,
Дочь по головкѣ гладя,
И не могла ей отказать
Растроганная Надя.

Ихъ сговорили чередой
И обвѣнчали вскорѣ.
Какъ думаешь, читатель мой,
На радость или горе?

ВЛЮБЛЕННОМУ.

Какъ вѣсти о дорогѣ трудной,
Когда-то пройденной самимъ,
Внимаю рѣчи безразсудной,
Надеждамъ розовымъ твоимъ.
Любви безумными мечтами
И я по-твоему кипѣлъ,
Но я дѣлить ихъ не хотѣлъ
Съ моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
Томимъ боязнію ревнивой,
Не допускалъ я никого
Въ тайникъ души моей стыдливой.
За то теперь, когда угасъ
Въ груди тотъ пламень благодатный,
О прошломъ счастіи разсказъ
Твержу съ отрадой непонятной.
Такъ проникаемъ мы легко
И въ недоступное жилище,
Когда хозяинъ далеко,
Или почіетъ на кладбищѣ.

* * *

О, письма женщины намъ милой!
От вас восторгамъ нѣтъ числа,
Но въ будущемъ душѣ унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснетъ пламя страсти,
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы!

Отдайте ей ея посланья
Иль не читайте ихъ потомъ,
А то нѣтъ хуже наказанья,
Какъ заднимъ горевать числомъ.
Начнешь съ усмѣшкою лѣнивой,
Какъ бредъ невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьихъ писемъ много, много
Въ моемъ портфелѣ берегу!
Подъ часъ на нихъ гляжу я строго,
Но бросить въ печку не могу.
Пускай мнѣ время доказало,
Что правды въ нихъ и проку мало,
Какъ въ праздномъ лепетѣ дѣтей,
Но и теперь они мнѣ милы—
Поблекшіе цвѣты съ могилы
Погибшей юности моей!

*
* *

(Изъ Гейне).

Ахъ, были счастливые годы!
Жилъ шумно и весело я,
Имѣлъ я большіе доходы,
Со мной пировали друзья;

Я съ ними послѣднимъ дѣлился,
И не было дружбы нѣжнѣй,
Но мой кошелекъ истощился—
И нѣтъ моихъ милыхъ друзей!

Теперь у постели больного—
Какъ зимняя вьюга шумитъ—
Въ ночной своей кофтѣ, сурово
Старуха-Забота сидитъ.

Скрипя, раздираетъ мнѣ ухо
Ея табакерка порой.
Какъ страшно киваетъ старуха
Сѣдою своей головой!

Случается, снова мнѣ снится
То полное счастья житье,
И станетъ отраднѣе биться
Изнывшее сердце мое...

Вдругъ скрипъ, раздирающій ухо—
И мигомъ исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зѣваетъ и креститъ уста.

ПОСЛѢДНІЯ ЭЛЕГІИ.

1.

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно,
Привычки, прежде милыя, постылы,
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночныхъ трудовъ и одинокихъ думъ,—
Мой жребій горекъ. Жаднаго недуга

Я не избѣгъ. Еще мой свѣтелъ умъ,
Еще въ надеждѣ глупой и послушной
Не ищетъ онъ отрады малодушной,
Я вижу все... А рано смерть идетъ,
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ:
Теперь бы могъ я сдѣлать что-нибудь;
Но поздно!.. Я, какъ путникъ безразсудный,
Пустившійся въ далекій, долгій путь,
Не соразмѣривъ силъ съ дорогой трудной:
Кругомъ все чуждо, не́гдѣ отдохнуть,
Сто́итъ онъ, блѣдный, средь большой дороги,
Никто его не призрѣлъ, не подвёзъ:
Промчалась тройка, проскрипѣлъ обозъ—
Все мимо, мимо!.. Подкосились ноги,
И онъ упалъ... Тогда къ нему толпой
Сойдутся люди — смущены, унылы,
Почтятъ его ненужною слезой
И подвезутъ охотно — до могилы...

2.

Я рано всталъ, не долги были сборы,
Я вышелъ въ путь, чуть занялась заря;
Переходилъ я пропасти и горы,
Переплывалъ я рѣки и моря;
Боролся я, одинъ и безоруженъ,
Съ толпой враговъ; не унывалъ въ бѣдѣ
И не роптал. Но сталъ мнѣ отдыхъ нуженъ —
И не нашелъ пріюта я нигдѣ!
Не разъ, упавъ лицомъ въ сырую землю,
Съ отчаяньемъ, голодный, я твердилъ:

«По силамъ ли, о, Боже! трудъ подъемлю?»
И снова шелъ, собравъ остатки силъ.
Все ближе и знакомѣе дорога,
И пройдено все трудное въ пути!
Главы церквей сіяютъ впереди —
Недалеко до отчаго порога!
Насмѣшливо сгибаясь и кряхтя
Подъ тяжестью сумы своей дырявой,
Алчбы и жажды блѣдное дитя,
Голодный трудъ, попутчикъ мой лукавый,
Ужъ прочь идетъ: теперь намъ розный путь.
Впередъ, впередъ! Но измѣнили силы —
Очнулся я на рубежѣ могилы...
И нéкому и нéчѣмъ помянуть!
Настанетъ утро — солнышко освѣтитъ
Бездушный трупъ; все будетъ рѣшено!
И въ цѣломъ мірѣ сердце лишь одно —
И то едва ли — смерть мою замѣтитъ...

3.

Пышна въ разливѣ гордая рѣка,
Плывутъ суда, колеблясь величаво,
Просмолены ихъ черные бока,
Надъ ними флагъ, на флагѣ надпись: слава!
Толпы народа берегомъ бѣгутъ,
Къ нимъ приковавъ досужное вниманье,
И шляпами размахивая, шлютъ
Пловцы родному берегу прощанье,
И въ мигъ оно подхвачено толпой,
И дружно берегъ весь ему отвѣтитъ,
Но тутъ же, опрокинутый волной,
Погибни челнъ — и кто его замѣтитъ?

А если и раздастся дикій стонъ
На берегу — внезапный, одинокій,
За криками не будетъ слышенъ онъ
И не дойдетъ на дно рѣки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорѣе берегъ, озаренный
Горячимъ блескомъ солнечныхъ лучей
И пестрою толпою оживленный: —
Чѣмъ солнце ярче, люди веселѣй,
Тѣмъ сердцу сокрушенному больнѣй!

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

1.

Право, не клубъ ли вороньяго рода
Около нашего нынче прихода?
Вотъ и сегодня... ну, просто бѣда!
Глупое карканье, дикіе стоны...
Кажется, съ цѣлаго свѣта вороны
По вечерамъ прилетаютъ сюда.
Вотъ и еще, и еще эскадроны...
Рядышкомъ сѣли на куполъ, на крестъ,
На колокольнѣ, на ближней избушкѣ, —
Вонъ у плетня покачнувшійся шестъ:
Двѣ умѣстились на самой верхушкѣ,
Крыльями машутъ... Все то же опять,
Что и вчера... посидятъ, и въ дорогу!..
Полно лѣниться, воронъ наблюдать!
Черныя тучи ушли, слава Богу,
Вѣтеръ смирился: пройдусь до полей.
Съ самаго утра унылый, дождливый

Выдался нынче денёкъ несчастливый:
Даромъ въ болотѣ промокъ до костей;
Вздумалъ работать, да трудъ не дается;
Глядь, ужъ и вечеръ — вороны летятъ...
Двѣ старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что̀ говорятъ...

2.

— Здравствуй, родная.— «Какъ можется, кумушка?
Все еще плачешь никакъ?
Ходитъ, знать, по̀ сердцу горькая думушка,
Словно хозяинъ-большакъ?»
— Какъ же не плакать? Пропала я, грѣшная!
Душенька ноетъ, болитъ...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, сердешная,
Умеръ и въ землю зарытъ!

— Вѣдь наскочилъ же на экую гадину!
Сынъ ли мой не былъ удалъ!
Сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину —
На сорокъ первомъ сплошалъ!
Росту большого, рука что желѣзная —
Плечи — косая сажень...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, болѣзная —
Вотъ ужъ тринадцатый день!

Шкуру съ медвѣдя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бѣднаго Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...

Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна —
Чуть я домой добрела.

— Вѣтеръ шатаетъ избёнку убогую,
Весь развалился овинъ...
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сынъ?
Взялъ бы топорикъ — бѣда поправимая —
Мать бы утѣшилъ свою...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая —
Надо-ль? топоръ продаю.

— Кто приголубитъ старуху безродную?
Вся обнищала въ конецъ!
Въ осень ненастную, въ зиму холодную
Кто запасетъ мнѣ дровецъ?
Кто, какъ доносится теплая шубушка,
Зайчиковъ новыхъ набьетъ?
Умеръ, Касьяновна, умеръ, голубушка —
Даромъ ружье пропадетъ!

— Вѣришь, родная: съ тоской да съ заботами
Такъ опостылѣлъ мнѣ свѣтъ!
Лягу въ коморку, покроюсь тенётами
Словно какъ саваномъ... Нѣтъ!
Смерть не приходитъ... Брожу нелюдимая,
Пò-пусту жалоблю всѣхъ...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая —
Эхъ! кабы только не грѣхъ...

— Ну, да и такъ... дай Богъ зиму промаяться,
Свѣжей травы мнѣ не мять!
Скоро избёнка совсѣмъ расшатается,
Нѣкому поле вспахать.

Въ городъ сбирается Марья Романовна,
По̀-міру силъ нѣтъ ходить...
Умеръ, голубушка, умеръ Касьяновна,
И не велѣлъ долго жить! —

3.

Плачетъ старуха. А мнѣ что за дѣло?
Что и жалѣть, коли не́чѣмъ помо́чь?..
Слабо мое изнуренное тѣло,
Время ко сну. Не долга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свѣту надо покрѣпче уснуть...
Вотъ и вороны готовы къ отлёту,
Кончился раутъ... Ну, трогайся въ путь!
Вотъ поднялись и закаркали разомъ,
— Слушай, равняйся! — Вся стая летитъ:
Кажется, будто межъ небомъ и глазомъ
Черная сѣтка виситъ.

ПАМЯТИ ПРІЯТЕЛЯ.

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ — и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ —
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!

И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила.
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила...

ПАМЯТИ— —ОЙ.

Въ тоскѣ по юности моей
И въ мукахъ разрушенья,
Прошедшихъ невозвратныхъ дней
Припомнивъ впечатлѣнья,

Одно изъ нихъ я полюбилъ
Будить въ душѣ суровой,
Одну изъ множества могилъ
Оплакалъ скорбью новой...

Я помню: занавѣсь взвилась,
Толпа угомонилась —
И ты на сцену въ первый разъ,
Какъ свѣтлый день, явилась.

Театръ гремѣлъ: и дилеттантъ,
И скептикъ хладнокровный
Твое искусство, твой талантъ
Почтили данью ровной.

И точно; мало я видалъ
Красивѣе головокъ;
Твой голосъ ласково звучалъ,
Твой каждый шагъ былъ ловокъ;

Дышали милыя черты
Счастливымъ дѣтскимъ смѣхомъ...
Но лучше-бъ воротилась ты
Со сцены съ неуспѣхомъ!

Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы —
Ты благородно поняла
Призваніе актрисы:

Исканья старыхъ богачей
И молодыхъ нахаловъ,
Куплеты блѣдныхъ риѳмачей
И вздохи театраловъ —

Ты все отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной —
И вся искусству предалась
Душой неподкупной.

И что-жъ? обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить рѣшились клеветой
Бездушные невѣжды!

Переходя изъ устъ въ уста,
Коварна и безчестна,
Крылатымъ змѣемъ клевета
Носилась повсемѣстно —

И все заговорило вдругъ...
Посыпались упреки,
Стихи и письма, и подругъ
Не тонкіе намеки..

Душа твоя была нѣжна,
Прекрасна, какъ и тѣло,
Клеветъ не вынесла она,
Враговъ не одолѣла!

Ихъ говоръ лишь тогда затихъ,
Какъ смерть тебя сразила...
Ты до послѣднихъ дней своихъ
Со сцены не сходила.

Въ сознаньи свѣтлой красоты
И творческаго чувства,
Восторгъ толпы любила ты,
Любила ты искусство,

Любила славу... Твой закатъ
Былъ страненъ и прекрасенъ:
Горѣлъ огнемъ глубокій взглядъ,
Пронзителенъ и ясенъ;

Пылали щеки; голосъ сталъ
Богаче страстью нѣжной...
Увы! театръ рукоплескалъ
Съ тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удѣлъ,
Но до конца, какъ прежде,
Твой голосъ, погасая, пѣлъ
О счастьѣ и надеждѣ.

Не такъ ли звѣздочка въ ночи,
Срываясь, упадаетъ,
И на лету свои лучи
Послѣдніе роняетъ?..

*
* *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревогъ, полна утратъ,
Разстаться было неизбѣжно —
И за тебя теперь я радъ!
Но съ той поры ка̀къ все кругомъ меня пустынно!
Отдаться не могу съ любовью ни чему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоденъ я къ дѣлу своему.
Не зналъ бы я, зачѣмъ встаю съ постели,
Когда-бъ не мысль: авось и прилетѣли
Сегодня, наконецъ, завѣтные листы,
Въ которыхъ мнѣ разскажешь ты:
Здорова ли? что̀ думаешь? легко ли
Подъ дальнимъ небомъ дышется тебѣ,
Грустишь ли ты, жалѣя прежней доли,
Охотно-ль повинуешься судьбѣ?
Желалъ бы я, чтобъ сонное забвенье
На долгій срокъ мнѣ на душу сошло,
Когда-бъ мое воображенье
Блуждать въ прошедшемъ не могло...
Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Такъ бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу съ самимъ собою,

И не убитую борьбою,
Но съ каждымъ днемъ сильнѣй кипѣвшую любовь.
Какъ долго ты была сурова,
Какъ ты хотѣла вѣрить мнѣ,
И какъ и вѣрила, и колебалась снова,
И какъ повѣрила вполнѣ!
(Счастливый день! Его я отличаю
Въ семьѣ обыкновенныхъ дней,
Съ него я жизнь мою считаю,
Я праздную его въ душѣ моей!)
Я вспомнилъ все... однимъ воспоминаньемъ,
Однимъ прошедшимъ я живу—
И то, что̀ въ немъ казалось намъ страданьемъ,
И то теперь я счастіемъ зову...
А ты?.. ты такъ же ли печали предана?..
.
Скажи! я долженъ знать... Какъ странно я люблю!
Я счастія тебѣ желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнететъ тоска разлуки
Души моей смягчаетъ муки...

ФИЛАНТРОПЪ.

Частію по глупой честности,
Частію по простотѣ,
Пропадаю въ неизвѣстности,
Пресмыкаюсь въ нищетѣ.
Мѣсто я имѣлъ доходное,
А доходу не имѣлъ:
Безкорыстье благородное!
Да и брать-то не умѣлъ.
Въ Провіянтскую Коммиссію

Поступивши, напримѣръ,
Покупалъ свою провизію —
Вотъ какой милліонеръ!
Не взыщите! честность ярая
Одолѣла до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Вѣдь имѣлъ ужъ и дѣтей!
Сожалѣли по Житомиру:
«Ты-де нищимъ кончишь вѣкъ
И семейство пустишь по-міру,
Безпокойный человѣкъ!»
Я не слушалъ. Сожалѣнія
Въ недовольство перешли,
Оказались упущенія:
Подвели — и упекли!
Совершилося пророчество
Благомыслящихъ людей:
Холодъ, голодъ, одиночество,
Перемѣнчивость друзей —
Все мы, бѣдные, извѣдали,
Чашу выпили до дна:
Плачутъ дѣти — не обѣдали, —
Убивается жена,
Проклинаетъ поведеніе,
Гордость глупую мою,
Я брожу, какъ привидѣніе,
Но — свидѣтель Богъ — не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлѣбъ...
Такъ мы десять лѣтъ ровнехонько
Бились волею судебъ.
Вдругъ извѣстье — незабвенное!
Получаю письмецо,

Что въ столицѣ есть отмѣнное,
Благородное лицо,
Мужъ, которому подобнаго,
Можетъ быть, не знали вы:
Сердца ангельски-незлобнаго
И умнѣйшей головы.
О народномъ просвѣщеніи
Соревнуя, генералъ
Въ популярномъ изложеніи
Восемь томовъ написалъ.
Продавалъ въ большомъ количествѣ
Ихъ дешевле пятака,
Вразумить объ электричествѣ
Въ нихъ стараясь мужика.
Словно съ равными бесѣдуя,
Онъ и съ нищими учтивъ,
Намъ терпѣнье проповѣдуя,
Какъ Сократъ краснорѣчивъ.
Онъ мое же поведеніе
Мнѣ какъ будто объяснилъ,
И ко взяткамъ отвращеніе
Я тогда благословилъ;
Пересталъ стыдиться бѣдности:
Да! лохмотья нищеты —
Не свидѣтельство зловредности,
А скорѣе правоты!
Снова благородной гордости
(Человѣкъ самолюбивъ),
Упованія и твердости
Я почувствовалъ приливъ.
«Намъ Господь послалъ спасителя» —
Говорю тогда женѣ —
«Нашимъ крошкамъ покровителя!»

И бѣдняжка вѣритъ мнѣ.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Все, какъ слѣдуетъ, развѣдали —
И въ столицу поскорѣй.
Прикатили прямо къ сроднику, —
Не пустилъ; я въ нумера...
Вся семья моя Угоднику
Въ ночь молилась. Со двора
Вышелъ я чѣмъ свѣтъ. Дорогою,
Чтобъ участіе привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совмѣстилъ въ такую рѣчь:
«Оттого-де нынѣ съ голоду
Умираю, словно тварь,
Что былъ глупъ и честенъ съ молоду,
Зналъ, что̀ значитъ Богъ и Царь.
Не скажу: по справедливости
(Не великъ я генералъ),
По ребяческой стыдливости
Даже съ праваго не бралъ —
И погибъ... Я горе мыкаю,
Я работаю за двухъ,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрѣпляю слабый духъ.
Защитите!..»
Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вотъ, въ пріемную поставили,
Доложили чередой.
Вотъ идутъ — остановилися.
Я сробѣлъ, чуть живъ стою:
Замеръ духъ, виски забилися,

И забылъ я рѣчь свою!
Тёръ и лобъ, и переносицу,
Въ потолокъ косилъ глаза,
Бормоталъ лишь околёсицу,
А о дѣлѣ — ни аза̀,
Изумились, брови сдвинули:
«Что̀ вамъ нужно?» говорятъ.
— Нужно мнѣ... Тутъ слезы хлынули
Совершенно не впопадъ.
Просто, вещь не постижимая
Приключилася со мною:
Грусть, печаль неудержимая
Овладѣла всей душой.
Все, чѣмъ жизнь богата съ младости
Даже въ нищенскомъ быту —
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
Все, что̀ кануло и сгинуло
Въ треволненьяхъ жизни сей,
Все я вспомнилъ, все прихлынуло
Къ сердцу... Жалкій дуралей!
Подъ вліяніемъ прошедшаго,
Въ лобъ ударивъ кулакомъ,
Взвылъ я въ родѣ сумасшедшаго
Предъ сіятельнымъ лицомъ.
Всѣ такія обстоятельства
И въ мундиришкѣ изъянъ
Привели его сіятельство
Къ заключенью, что я пьянъ.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустилъ,
И ногами такъ затопали...
Я лишился чувствъ и силъ!

Жаль, однимъ не осчастливили —
Сами не дали пинка...
Пьяницу съ почетомъ вывели
Два огромныхъ гайдука.
Словно кипяткомъ ошпаренный,
Я бѣжалъ, не слыша ногъ,
Мимо лавки пивоваренной
Мимо погребальныхъ дрогъ,
Мимо магазина швейнаго,
Мимо бань, церквей и школъ,
Вплоть до зданія питейнаго —
И ужъ дальше не пошелъ!
Дальше нѐчего разсказывать!
Минетъ сорокъ лѣтъ зимой,
Какъ я щеку сталъ подвязывать,
Отморозивши хмѣльной.
Чувства словно какъ заржавѣли,
Одолѣла страсть къ вину,
Дѣти пьяницу оставили,
Схоронилъ давно жену.
При отшествіи къ родителямъ,
Хоть кротка была весь вѣкъ,
Попрекнула покровителемъ...
Точно: странный человѣкъ!
Верстъ на тысячу въ окружности
Повѣстятъ свой добрый нравъ,
А осудятъ по наружности:
Не казистъ — такъ и не правъ!
Пишутъ, какъ бы свѣтъ весь зà-ново
Къ общей пользѣ измѣнить,
А голоднаго отъ пьянаго
Не умѣютъ отличить...

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ГАРАНСКАГО.

Переводъ съ французскаго. Trois mois dans la patrie. Essais de poésie et prose, suivis d'un discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la nation Russe et des richesses naturelles de cet État. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol. in 4°. Paris, 1836.

Я путешествовалъ недурно: русскій край
Оригинальности имѣетъ отпечатокъ;
Не то, чтобъ въ деревняхъ трактиры были—рай,
Не то, чтобъ въ городахъ писцы не брали взятокъ—
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встрѣтите нигдѣ вы:
Пространства широко раскинутыхъ степей
Лугами здѣсь зовутъ; начнутся ли посѣвы—
Не ждите имъ конца! подобно островамъ,
Зеленые лѣса и сѣрыя селенья
Пестрятъ равнину ихъ, и любо видѣть вамъ
Картину сельскаго обычнаго движенья...
Подобно муравью, трудолюбивъ мужикъ:
Ни грубости ихъ рукъ, ни лицамъ загорѣлымъ
Я больше не дивлюсь: я видѣть ихъ привыкъ
Въ работахъ полевыхъ чуть не по суткамъ цѣлымъ.
Не только мужики здѣсь преданы труду,
Но даже дѣти ихъ, беременныя бабы,—
Всѣ терпятъ общую, по ихъ словамъ, «страду»,
И грустно видѣть, какъ иныя блѣдны, слабы!
Я думаю, земель избытокъ и лѣсовъ
Способствуетъ къ труду всегдашней ихъ охотѣ,
Но должно-бъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
Что изнурительно излишество въ работѣ.

Не такова ли цѣль — въ нѣмецкихъ сюртукахъ
Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между ними?
Нагайки у иныхъ замѣтилъ я въ рукахъ...
Какъ быть! не вразумишь ихъ средствами другими:
Натуры грубыя!..
Какія рѣки здѣсь!
Какіе здѣсь лѣса! Пейзажъ природы русской
Современемъ собьетъ, я вамъ ручаюсь, спѣсь
Съ природы реинской, но только не съ французской!
Во Франціи провелъ я молодость свою;
Предъ ней, какъ говорятъ въ стихахъ, все клонитъ выю,
Но все-жъ, по совѣсти и громко признаю,
Что я не ожидалъ найти такой Россію!
Природа недурна: въ томъ отдаю ей честь,—
Я славно ѣлъ и спалъ, подъячимъ не далъ штрафа...
Да, средство странствовать и по Россіи есть —
Съ французской кухнею и съ русскимъ титломъ графа!..
Но только худо то, что каждый здѣсь мужикъ
Дворянскій гоноръ мой, спокойствіе и совѣсть
Безбожно возмущалъ; одну и ту же повѣсть
Бормочетъ каждому негодный ихъ языкъ:
Помѣщикъ — лиходѣй! а если управитель,
То вѣрно живодеръ, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «чей, братецъ, виденъ домъ?»
— Помѣщика... «Что, добръ?» — Нешто, хорошій баринъ,
Да только... «Что, мой другъ?»— Съ тяжелымъ кулакомъ:
Какъ хватитъ — годъ хворай. «Неужто? вотъ татаринъ!»
— Э, нѣту, ничего! маненичко ретивъ,
А добрая душа, не тяготитъ оброкомъ,
Почасту съ мужикомъ и ласковъ, и правдивъ,
А то скулу свернетъ, вѣстимо — ненарокомъ!
Куда-бъ еще ни шло за бариномъ такимъ,
А то и хуже есть. Вотъ памятное мѣсто:

Тутъ славно мужички расправились съ однимъ...
«А что?»
Невольно я вздрогнулъ. Ямщикъ приподнялъ кнутъ:
«Извольте посмотрѣть—домокъ на косогорѣ,
Четыре барышни-сестрицы въ немъ живутъ,
Такъ мужикамъ отъ нихъ ужъ просто смѣхъ и горе:
Имѣнья—семь дворовъ; такъ бѣдно, что съ трудомъ
Дай Богъ своихъ дѣтей прохарчить мужичонку,
А тутъ еще бѣда: что годъ, то въ каждый домъ
Сестрицы-барышни подкинутъ по ребенку».
— Какъ, что̀ ты говоришь? «А то, что въ восемь лѣтъ
Такъ тридцать-три души прибавилось въ имѣнье.
Убытку барышнямъ, извѣстно дѣло, нѣтъ,
Да, сударь, мужичкамъ какое разоренье!»
Ну, словомъ, все одно: тотъ съ дворней выѣзжалъ
Разбойничать, тотъ затравилъ мальчишку...
Такихъ разсказовъ здѣсь такъ много я слыхалъ,
Что скучно, наконецъ, записывать ихъ въ книжку.
Ужель помѣщики въ Россіи таковы?
Я къ многимъ заѣзжалъ; иные, точно, грубы—
Мужъ *ты* своей женѣ, жена супругу *вы*,
Сивуха, черный хлѣбъ, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убранъ домъ,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяинъ съ Франціей и съ Англіей знакомъ,
Хозяйка не заснетъ безъ моднаго романа;
Ну, все, какъ водится у развитыхъ людей,
Которые глядятъ прилично на предметы
И врядъ ли мужиковъ трактуютъ, какъ свиней...
Я также наблюдалъ въ окно моей кареты—
И бытъ крестьянина: онъ нищеты далёкъ!
По собственнымъ моимъ владѣньямъ проѣзжая,
Созвалъ я мужиковъ: составили кружокъ

И гаркнули: «ура!..» Съ балкона наблюдая,
Спросилъ: довольны ли?.. кричатъ: «довольны всѣмъ!»
— И управляющимъ? — «Довольны...» О работахъ
Я съ ними говорилъ, поилъ ихъ—и затѣмъ,
Бекаса подстрѣливъ въ наслѣдственныхъ болотахъ,
Поѣхалъ далѣе... Я мало съ ними былъ,
Но видѣлъ, что мужикъ свободно ѣлъ и пилъ,
Плясалъ и пѣсни пѣлъ; а нѣмецъ-управитель
Казался между нихъ отецъ и покровитель...
Чего же имъ еще?... А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забывъ гуманность, долгъ и честь,
Пятнаютъ родину и русское дворянство—
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бичъ?..
Я книги русскія перебиралъ все лѣто:
Пустѣйшая мораль, напыщенная дичь—
И лучшія темны, какъ стертая монета!
Жаль, дремлетъ русскій умъ. А то, чего-бъ вѣрнѣй?
Правительство казнитъ открытаго злодѣя,
Сатира дѣйствуетъ и шире, и смѣлѣй,
Какъ пуля находитъ виновнаго умѣя.
Сатирѣ ужъ не разъ обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россія)
Услугой важною

ЗА ГОРОДОМЪ.

Смѣшно! насъ веселитъ ручей, вдали журчащій;
И этотъ темный дубъ, таинственно шумящій,
Насъ тѣшитъ пѣснею задумчивой своей,
Какъ праздныхъ юношей вечерній соловей;
Далекій сводъ небесъ, усѣянный звѣздами,

Намъ кажется, простертъ съ любовію надъ нами;
Любуясь мѣсяцемъ, оглядывая даль,
Мы чувствуемъ въ душѣ ту тихую печаль,
Что слаще радости... Откуда чувства эти?
Чѣмъ такъ довольны мы?.. Вѣдь мы уже не дѣти!
Ужель поденный трудъ наклонности къ мечтамъ
Еще въ насъ не убилъ?.. И намъ ли, бѣднякамъ,
На отвлеченныя природой наслажденья
Свободы краткія истрачивать мгновенья?
— Э, полно разсуждать, искать всему причинъ!
Деревня согнала съ души давнишній сплинъ,
Забыта тяжкая, гнетущая работа,
Докучной бѣдности безсмѣнная забота—
И сердцу весело... И лучше поскорѣй
Судьбѣ воздать хвалу, что въ нищетѣ своей,
Лишенные даровъ довольства и свободы,
Мы живо чувствуемъ сокровища природы,
Которыхъ сильные и сытые земли
Отнять у бѣдняковъ голодныхъ не могли...

БУРЯ.

Долго не сдавалась Любушка-сосѣдка,
Наконецъ шепнула: «Есть въ саду бесѣдка,

Какъ темнѣе станетъ—понимаешь ты?..»
Ждалъ я, изстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипитъ—не шутка!
Да взглянулъ на небо—и повѣрить жутко!

Небо обложилось тучами кругомъ...
Полилъ дождь ручьями—прокатился громъ!

Брови я нахмурилъ и пошелъ угрюмый—
«Свидѣться сегодня лучше и не думай!

Люба бѣлоручка, Любушка пуглива,
Въ бурю за ворота выбѣжать ей въ диво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Еслибъ... да настолько любитъ ли она?..»

Безъ надежды, скученъ прихожу въ бесѣдку,
Прихожу и вижу—Любушку-сосѣдку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мнѣ заботы обсушить голубку!

Да за то съ той ночи я бровей не хмурю.
Только усмѣхаюсь, какъ заслышу бурю...

* * *

Такъ это шутка? Милая моя,
Какъ боязливъ, какъ недогадливъ я!
Я плакалъ надъ твоимъ разсчитанно-суровымъ,
Короткимъ и сухимъ письмомъ;
Ни лаской дружеской, ни откровеннымъ словомъ
Ты сердца не порадовала въ немъ.
Я спрашивалъ: не демонъ ли раздора
Твоей рукой насмѣшливо водилъ?
Я говорилъ: «когда-бъ насъ разлучила ссора—
Но такъ тяжелъ, такъ горекъ, такъ унылъ,
Такъ нѣженъ былъ послѣднiй часъ разлуки...
Еще твой другъ забыть его не могъ,

И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнѣнія, догадокъ и тревогъ—
Скажи, зачѣмъ?.. Не ложью ли пустою,
Разсѣянной досужей клеветою,
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительнымъ недугомъ,
Ты надъ своимъ отсутствующимъ другомъ
Безъ оправданья судъ произнесла?
Или то былъ одинъ капризъ случайный,
Иль давній гнѣвъ?..» Неразрѣшимой тайной
Я мучился; и плакалъ и страдалъ,
Въ догадкахъ умъ испуганный блуждалъ,
Я жалокъ былъ въ отчаяньи суровомъ...

Всему конецъ! своимъ единымъ словомъ
Душѣ моей ты возвратила вновь
И прежній миръ, и прежнюю любовь;
И сердце шлетъ тебѣ благословенья,
Какъ вѣстницѣ нежданнаго спасенья...

Такъ няня въ лѣсъ ребенка заведетъ
И спрячется сама за кустъ высокій;
Встревоженный, онъ ищетъ и зоветъ,
И мечется въ тоскѣ жестокой,
И падаетъ безсильный на траву...
А няня вдругъ: ау! ау!
Въ немъ радостью внезапной сердце бьется,
Онъ все забылъ: онъ плачетъ и смѣется,
И прыгаетъ, и весело бѣжитъ,
И падаетъ—и няню не бранитъ,
Но къ сердцу жметъ виновницу испуга,
Какъ отъ бѣды избавившаго друга...

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?

Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли-колосились?

Нѣтъ! мы не хуже другихъ—и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.

Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?..»

Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
— Вашему пахарю моченьки нѣтъ.

Зналъ, для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.

Плохо бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,

Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что̀ заунывную пѣсню пѣвалъ,

Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.

* * *

Я сегодня такъ грустно настроенъ,
Такъ усталъ отъ мучительныхъ думъ,
Такъ глубоко, глубоко спокоенъ
Мой истерзанный пыткою умъ,—

Что недугъ, мое сердце гнетущій,
Какъ-то горько меня веселитъ—
Встрѣчу смерти, грозящей, идущей,
Самъ пошелъ бы... Но сонъ освѣжитъ —

Завтра встану и выбѣгу жадно
Встрѣчу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недугъ, сокрушающій силы,
Будетъ такъ же и завтра томить,
И о близости темной могилы
Такъ же внятно душѣ говорить...

ВЛАСЪ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ;
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было: побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!

Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ!

Власу худо; кличетъ знахаря—
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?

Только пуще все неможется,
Годъ прошелъ—а Власъ лежитъ,
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.

Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егоза,
Еѳіопы—видомъ черные
И какъ угліе глаза—

Крокодилы, зміи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ,
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ-шестокрылатъ.

Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочёлъ...

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается —
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары —

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

СВАДЬБА.

Въ сумерки въ церковь вхожу. Малолюдно;
Свѣтятъ лампады печально и скудно;
Темны просторнаго храма углы;
Длинныя окна, то полныя мглы,
То озаренныя бѣглымъ мерцаньемъ,
Тихо колеблются съ робкимъ бряцаньемъ.
Въ куполѣ темень такая виситъ,
Что поглядѣть туда—дрожь пробѣжитъ!
Съ каменныхъ плитъ и со стѣнъ полутёмныхъ
Сыростью вѣетъ: на пѐтляхъ огромныхъ
Словно заплакана тяжкая дверь...
Нѣтъ богомольцевъ, не служба теперь —
Свадьба. Вѣнчаются люди простые.
Вотъ у налоя стоятъ молодые:
Парень-ремесленникъ фертомъ глядитъ,
Красенъ съ лица и съ затылка подбритъ —
Видно, разгульнаго сорта дѣтина!
Рядомъ невѣста: такая кручина
Въ блѣдномъ лицѣ, что глядѣть тяжело...
Бѣдная женщина! Что васъ свело?

Вижу я, станъ твой немного полнѣе,
Чѣмъ бы... Я понялъ! Стыдливо краснѣя
И нагибаясь, свой длинный платокъ
Ты на него потянула... Увлёкъ,
Видно, гуляка подаркомъ да лаской,
Пѣсней, гитарой да честною маской?
Ты ему сердце свое отдала...
Сколько ночей ты потомъ не спала!
Сколько ты плакала!.. Онъ не оставилъ,
Волей ли, нѣтъ ли, онъ дѣло поправилъ —
Богъ не безъ милости — ты спасена...
Что же ты такъ безнадежно грустна?
Ждетъ тебя много попрековъ жестокихъ,
Дней трудовыхъ, вечеровъ одинокихъ:
Будешь ребенка больного качать,
Буйнаго мужа домой поджидать,
Плакать, работать — да думать уныло:
Что тебѣ жизнь молодая сулила,
Чѣмъ подарила, что дастъ впереди...
Бѣдная! лучше впередъ не гляди!

* * *

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слёзы —
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

*
* *

Давно, отвергнутый тобою,
Я шелъ по этимъ берегамъ
И, полонъ думой роковою,
Мгновенно кинулся къ волнамъ.
Онѣ привѣтливо яснѣли;
На край обрыва я ступилъ —
Вдругъ волны грозно потемнѣли,
И страхъ меня остановилъ!
Позднѣй, любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшія тогда.
Теперь — одинъ, забытъ тобою,
Чрезъ много роковыхъ годовъ,
Брожу съ убитою душою
Опять у этихъ береговъ,
И та же мысль приходитъ снова —
И на обрывѣ я стою,
Но волны не грозятъ сурово,
А манятъ въ глубину свою...

ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

Вотъ и больница. Свѣтя, показалъ
Въ уголъ намъ сонный смотритель.
Трудно и медленно тамъ угасалъ
Честный бѣднякъ сочинитель.
Мы попрекнули невольно его,
Что, зануждавшись въ столицѣ,
Не извѣстилъ онъ друзей никого,
А пріютился въ больницѣ...

«Что за бѣда?» онъ шутя отвѣчалъ.
«Мнѣ и въ больницѣ покойно.
Я все сосѣдей моихъ наблюдалъ:
Многое, право, достойно
Гоголя кисти. Вотъ этотъ субъектъ,
Что межъ кроватями бродитъ: —
Есть у него превосходный проектъ,
Только — бѣда! не находитъ
Денегъ... а то бы давно превращалъ
Онъ въ брилліанты крапиву.
Онъ покровительство мнѣ обѣщалъ
И милліонъ на разживу!

«Вотъ старикашка-актеръ: на людей
И на судьбу негодуетъ;
Перевирая, изъ старыхъ ролей
Всюду двустишія суетъ;
Онъ добродушенъ, задоренъ и милъ;
Жалко — уснулъ (или умеръ?) —
А то бы вѣрно онъ васъ посмѣшилъ...
Смолкъ и семнадцатый нумеръ!

А какъ онъ бредилъ деревней своей,
Какъ, о семействѣ тоскуя,
Ласки послѣдней просилъ у дѣтей,
А у жены поцѣлуя!
Не просыпайся же, бѣдный больной!
Такъ въ забытьи и умри ты...
Очи твои не любимой рукой—
Сторожемъ будутъ закрыты!
Завтра дежурные насъ обойдутъ,
Саваномъ мертвыхъ накроютъ,
Счетомъ въ мертвецкій покой отнесутъ,
Счетомъ въ могилу зароютъ,
И ужъ тогда не являйся жена,
Чуткая сердцемъ, въ больницу—
Бѣднаго мужа не сыщетъ она,
Хоть раскопай всю столицу!

«Случай недавно ужасный тутъ былъ:
Пасторъ какой-то нѣмецкій
Къ сыну пріѣхалъ—и долго ходилъ...
«Вы поищите въ мертвецкой»,
Сторожъ ему равнодушно сказалъ:
Бѣдный старикъ пошатнулся,
Въ страшномъ испугѣ туда побѣжалъ,
Да, говорятъ, и рехнулся!
Слезы ручьями текутъ по лицу,
Онъ между трупами бродитъ:
Молча заглянетъ въ лицо мертвецу,
Молча къ другому подходитъ...

«Впрочемъ, не вѣчно чужою рукой
Здѣсь закрываются очи.
Помню: съ прошибленной въ-кровь головой
Къ намъ привели среди ночи

Стараго вора: въ острогѣ его
 Буйный товарищъ изранилъ.
Онъ не хотѣлъ исполнять ничего,
 Только грозилъ и буянилъ.
Наша сидѣлка къ нему подошла,
 Вздрогнула вдругъ—и ни слова...
Въ странномъ молчаньи минута прошла:
 Смотрятъ одинъ на другого!
Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
 Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ—передъ первой своей
 Свѣтлой и честной любовью...
(Смолоду знали другъ друга они)...
 Круто старикъ измѣнился:
Плачетъ да молится цѣлые дни,
 Передъ врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
 Часъ его смерти былъ страненъ
(Помню я эту печальную ночь):
 Онъ уже былъ бездыханенъ,
А всепрощающій голосъ любви,
 Полный мольбы безконечной,
Тихо надъ нимъ раздавался: «живи,
 Милый, желанный, сердечный!»
Все, что имѣла, она продала—
 Съ честью его схоронила...
Бѣдная! какъ она мало жила!
 Какъ она много любила!
А что любовь ей дала, кромѣ бѣдъ,
 Кромѣ печали и муки?
Смолоду—стыдъ, а на старости лѣтъ—
 Ужасъ послѣдней разлуки!..

«Есть и писатели здѣсь, господа.
Вотъ, посмотрите: украдкой,
Блѣденъ и робокъ, подходитъ сюда
Юноша съ толстой тетрадкой.
Съ юга пѣшкомъ привела его страсть
Въ дальнюю нашу столицу —
Думалъ бѣдняга въ храмъ славы попасть —
Радъ, что попалъ и въ больницу!
Всѣмъ онъ читалъ свой ребяческій бредъ —
Было тутъ смѣху и шуму!
Я лишь одинъ не смѣялся... о, нѣтъ!
Думалъ я горькую думу.
Братья-писатели! въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое:
Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,
Выбрали дѣло другое —
Не было-бъ точно, согласенъ и я,
Жалкихъ писакъ и педантовъ —
Только бы не было также, друзья,
Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ!
Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уноситъ —
Даромъ ничто не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ проситъ».

Тутъ нашъ пріятель глубоко вздохнулъ,
Началъ метаться тревожно;
Мы посидѣли, пока онъ уснулъ —
И разошлись осторожно...

САША.

1.

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой;

Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ—
Долгая пѣсня за сердце беретъ;

Лѣсъ ли начнется—сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчитъ мой озлобленный умъ?..
Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,

Любо мнѣ видѣть знакомую ниву —
Дамъ же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Всѣ накипѣвшія слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много въ ней правды, да радости мало;

Спящихъ въ могилахъ виновныхъ тѣней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.

Сколько-бъ на нивахъ безплодныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вѣчныя бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою—
Я побѣжденъ предъ тобою стою!

Силу сломили могучія страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою.

Предъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно—

Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ!

Жизнью измятъ я... и скоро я сгину...
Мать не враждеба и къ блудному сыну:

Только-что ей я объятья раскрылъ—
Хлынули слезы, прибавилось силъ.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива,

Ласковѣй машетъ вершинами лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ.

Весело въѣхалъ я въ домъ тотъ угрюмый,
Что̀, осѣнивъ сокрушительной думой,

Нѣкогда стихъ мнѣ суровый внушилъ...
Какъ онъ печаленъ, запущенъ и хилъ!

Скучно въ немъ будетъ. Нѣтъ, лучше поѣду—
Благо, не поздно—теперь же къ сосѣду,

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди—сосѣди мои,

Славные люди! Радушье ихъ честно,
Лесть имъ противна, а спѣсь неизвѣстна.

Какъ-то они доживаютъ свой вѣкъ?
Онъ уже дряхлый, сѣдой человѣкъ,

Да и старушка немногимъ моложе.
Весело будетъ увидѣть мнѣ тоже

Сашу, ихъ дочь... Недалеко ихъ домъ.
Все ли застану по прежнему въ немъ?

2.

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нѣжно любили.

Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
Смуглая Саша въ деревнѣ степной.

Всѣмъ окруживъ ея тихое дѣтство,
Чтò позволяли убогія средства,

Только развить воспитаньемъ, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку—напрасная мука,
Умъ деревенскій пугаетъ наука:

Но сохраняется дольше въ глуши
Первоначальная ясность души,

Рдѣетъ румянецъ и ярче, и краше...
Мило и молодо дитятко ваше,—

Бѣгаетъ живо, горитъ какъ алмазъ
Черный и влажный, смѣющійся глазъ,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови такъ тонки, а плечи такъ круглы;

Саша не знаетъ заботъ и страстей,
А ужъ шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черныя косы завяжетъ у стана

И убѣжитъ, и въ просторѣ полей
Сладко и вольно такъ дышется ей.

Та ли, другая предъ нею дорожка —
Смѣло ей ввѣрится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?..
Все такъ спокойно; кругомъ тишина,

Сосны вершинами машутъ привѣтно,
Кажется, шепчутъ, струясь незамѣтно,

Волны, подъ сводомъ зеленыхъ вѣтвей:
«Путникъ усталый! бросайся скорѣй

Въ наши объятья: мы добры и рады
Дать тебѣ, сколько ты хочешь, прохлады».

Полемъ идешь — все цвѣты да цвѣты,
Въ небо глядишь — съ голубой высоты

Солнце смѣется... Ликуетъ природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится рѣка:
Нѣтъ ей простора... неволя горька!

Бѣдная! какъ она вырваться хочетъ!
Брыжжется пѣной, бурлитъ и клокочетъ,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей»,

Думаетъ Саша — «безумно роптанье...»
Жизни кругомъ разлитой ликованье

Сашѣ порукой, что милостивъ Богъ...
Саша не знаетъ сомнѣнья тревогъ.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ —
Землю взрывая, бредутъ поселяне —

Саша въ нихъ видитъ довольныхъ судьбой,
Мирныхъ хранителей жизни простой:

Знаетъ она, что не даромъ съ любовью
Землю польютъ они пѣтомъ и кровью...

Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ!

Дорого-любо, кормилица-нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,

Какъ ты янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: «поскорѣй! поскорѣй!»

Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
Вѣрно весь день тому весело будетъ!

Саша проснется—бѣжитъ на гумно.
Солнышка нѣтъ—ни свѣтло, ни темно,

Только-что шумное стадо прогнали.
Какъ на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парнымъ молокомъ
Въ воздухѣ пахнетъ. Мотая хвостомъ,

За нагруженной снопами телѣгой,
Чинно идетъ жеребеночекъ пѣгій,

Паръ изъ отворенной риги валитъ,
Кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ.

А на гумнѣ только руки мелькаютъ,
Да высоко молотила взлетаютъ,

Не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь.
Солнце взошло—начинается день...

Саша сбирала цвѣты полевые,
Съ дѣтства любимые, сердцу родные,

Каждую травку сосѣднихъ полей
Знала по имени. Нравилось ей

Въ пестромъ смѣшенiи звуковъ знакомыхъ
Птицъ различать, узнавать насѣкомыхъ.

Время къ полудню, а Саши все нѣтъ.
«Гдѣ же ты, Саша? простынетъ обѣдъ,

«Сашенька! Саша!..» Съ желтѣющей нивы
Слышатся пѣсни простой переливы;

Вотъ раздалося «ау!» вдалекѣ;
Вотъ надъ колосьями въ синемъ вѣнкѣ

Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забѣжала, плутовка!

Э!.. Да никакъ колосистую рожь
Переросла наша дочка!»—Такъ что-жъ?—

«Что? ничего! понимай, какъ умѣешь!
Что̀ теперь надо, сама разумѣешь:

«Спѣлому колосу—серпъ удалой,
Дѣвицѣ взрослой—женихъ молодой!»

— Вотъ еще выдумалъ, старый проказникъ!—
«Думай не думай, а будетъ намъ праздникъ!»

Такъ разсуждая, идутъ старики
Сашѣ на-встрѣчу; въ кустахъ у рѣки

Смирно присядутъ, подкрадутся ловко;
Съ крикомъ внезапнымъ: «попалась, плутовка!»

Сашу поймаютъ, и весело имъ
Свидѣться съ дитяткомъ бойкимъ своимъ...

Въ зимнія сумерки нянины сказки
Саша любила. По-утру въ салазки

Саша садилась, летѣла стрѣлой,
Полная счастья, съ горы ледяной.

Нянька кричитъ: «не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полномъ бѣгу
На бокъ салазки — и Саша въ снѣгу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снѣгъ отряхаетъ, смѣется голубка!

Не до ворчанья и нянѣ сѣдой:
Любитъ она ея смѣхъ молодой...

Сашѣ случалось знавать и печали:
Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали,

Ей и теперь его жалко до слезъ.
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли,

Тамъ поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,

По-низу всякіе звѣри таились...
Вдругъ мужики съ топорами явились —

Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ — и вонъ побѣжалъ

Въ темную нору забилась лисица,
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица,

Въ недоумѣньи тащатъ муравьи
Что̀ ни попало, въ жилища свои.

Съ пѣснями трудъ человѣка спорѝлся:
Словно подкошенъ, осинникъ валился,

Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,

Старую сосну сперва подрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.

Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.

Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ,

Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы

И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной...

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,

И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась, кругла и ясна.

Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали,

Жалобно листья шумѣли кругомъ...
Такъ, послѣ битвы во мракѣ ночномъ

Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ...
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ —

Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!

Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;

Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь о̀ земь крыломъ;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала,

Шумно летая надъ лѣсомъ... но ей
Не отыскать неразумныхъ дѣтей!

Съ дерева комомъ галчата упали,
Желтые рты широко разѣвали,

Прыгали, злились. Наскучилъ ихъ крикъ —
И придавилъ ихъ ногою мужикъ.

Утромъ работа опять закипѣла.
Саша туда и ходить не хотѣла,

Да черезъ мѣсяцъ — пришла. Передъ ней
Взрытыя глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснувъ вѣтвями,
Старыя сосны стояли мѣстами;

Такъ на селѣ остаются одни
Старые люди въ рабочіе дни.

Верхнія вѣтви такъ плотно сплелися,
Словно тамъ гнѣзда жаръ-птицъ завелися,

Что̀, по̀ словамъ долговѣчныхъ людей,
Дважды въ полвѣка выводятъ дѣтей.

Сашѣ казалось, пришло уже время:
Вылетитъ скоро волшебное племя,

Чудныя птицы посядутъ на пни,
Чудыня пѣсни споютъ ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
Въ краскахъ вечернихъ заря догорала —

Черезъ сосѣдній несрубленный лѣсъ,
Съ пышно-румянаго края небесъ

Солнце пронзалось стрѣлой лучезарной,
Шло черезъ пни полосою янтарной

И наводило на дальній бугоръ
Свѣта и тѣней недвижный узоръ.

Долго въ ту ночь, не смыкая рѣсницы,
Думаетъ Саша: что̀ пѣть будутъ птицы?

Въ комнатѣ словно тѣснѣй и душнѣй;
Сашѣ не спится,—но весело ей.

Пестрыя грёзы смѣняются живо,
Щеки румянцемъ горятъ не стыдливо,

Утренній сонъ ея крѣпокъ и тихъ...
Первыя зорьки страстей молодыхъ!

Полны вы чары и нѣги безпечной,
Нѣтъ еще муки въ тревогѣ сердечной;

Туча близка, но угрюмая тѣнь
Медлитъ испортить смѣющійся день,

Будто жалѣя... И день еще ясенъ...
Онъ и въ грозѣ будетъ чудно прекрасенъ,

Но безотчетно пугаетъ гроза...
Эти ли дѣтски-живые глаза,

Эти ли полныя жизни ланиты
Грустно поблекнутъ, слезами покрыты?

Эту ли рѣзвую волю во власть
Гордо возьметъ все-губящая страсть?..

Мимо идите, угрюмыя тучи!
Горды вы силой, свободой могучи:

Съ вами ли, грозныя, вынести бой
Слабой и робкой былинкѣ степной?..

3.

Третьяго года, нашъ край покидая,
Старыхъ сосѣдей моихъ обнимая,

Помню, пророчилъ я Сашѣ моей
Добраго мужа, румяныхъ дѣтей,

Долгую жизнь безъ тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

Въ страшной бѣдѣ стариковъ я засталъ.
Вотъ что̀ про Сашу отецъ разсказалъ:

«Въ нашемъ сосѣдствѣ усадьба большая
Лѣтъ уже сорокъ стояла пустая;

Въ третьемъ году, наконецъ, прикатилъ
Баринъ въ усадьбу, и насъ посѣтилъ.

Именемъ: Левъ Алексѣичъ Агаринъ.
Ласковъ съ прислугой, какъ будто не баринъ,

Тонокъ и блѣденъ. Въ лорнетку глядѣлъ,
Мало волосъ на макушкѣ имѣлъ.

Звалъ онъ себя перелетною птицей:
Былъ — говоритъ — я теперь за границей,

Много видалъ я большихъ городовъ,
Синихъ морей и подводныхъ мостовъ —

Все тамъ приволье и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мнѣ худо.

На пароходѣ въ Кронштадтъ я пришелъ,
И надо мной все кружился орелъ,

Словно пророчилъ великую долю.
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смѣялась, смѣялся онъ самъ...
Началъ онъ часто похаживатъ къ намъ,

Началъ гулять, разговаривать съ Сашей,
Да надъ природой подтрунивать нашей:

Есть-де на свѣтѣ такая страна,
Гдѣ никогда не проходитъ весна,

Тамъ и зимою открыты балконы,
Тамъ поспѣваютъ на солнцѣ лимоны,

И начиналъ, въ потолокъ посмотрѣвъ,
Грустное что-то читать на-распѣвъ.

Право, какъ пѣсня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: онъ ей книжки читалъ
И по-французски ее обучалъ.

Словно брала ихъ чужая кручина,
Все разсуждали: какая причина,

Вотъ ужъ который теперича вѣкъ
Бѣденъ, несчастливъ и золъ человѣкъ?

Но — говоритъ — не слабѣйте душою:
Солнышко правды взойдетъ надъ землею!

И въ подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался съ ней.

Саша туда же — отстать-то не хочетъ —
Выпить не выпьетъ, а губы обмочитъ;

Грѣшные люди — пивали и мы.
Сталъ онъ прощаться въ началѣ зимы:

Билъ — говоритъ — я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрыя души,

Благословите на дѣло... пора!..
Перекрестился — и съѣхалъ съ двора...

Въ первое время печалилась Саша,
Видимъ: скучна ей компанія наша.

Годы ей, что ли, такіе пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей пѣсни, гаданья и сказки.
Вотъ и зима! — да не тѣшатъ салазки.

Думаетъ думу, какъ будто у ней
Больше заботъ, чѣмъ у старыхъ людей.

Книжки читаетъ, украдкою плачетъ;
Видѣли: письма все пишетъ и прячетъ.

Книжки выписывать стала сама —
И, наконецъ, набралась же ума!

Что ни спроси, растолкуетъ, научитъ,
Съ ней говорить никогда не наскучитъ;

А доброта... Я такой доброты
Вѣкъ не видалъ, не увидишь и ты!

Бѣдные всѣ ей пріятели-други:
Кормитъ, ласкаетъ и лѣчитъ недуги.

Такъ девятнадцать ей минуло лѣтъ.
Мы поживаемъ — и горюшка нѣтъ.

Надо же было вернуться сосѣду!
Слышимъ: пріѣхалъ и будетъ къ обѣду.

Какъ его весело Саша ждала!
Въ комнату свѣжихъ цвѣтовъ принесла,

Книги свои уложила исправно,
Просто одѣлась, да такъ-то ли славно;

Вышла на-встрѣчу — и ахнулъ сосѣдъ!
Словно оробѣлъ. Мудренаго нѣтъ:

Въ два-то послѣдніе года на-диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежній румянецъ въ лицѣ заигралъ.
Онъ же блѣднѣй и плѣшивѣе сталъ...

Все, что̀ ни дѣлала, что̀ ни читала,
Саша тотчасъ же ему разсказала;

Только не въ прокъ угожденье пошло!
Онъ ей перечилъ, какъ будто на зло:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди рѣшили другое:

Родъ человѣческій низокъ и золъ —
Да и пошелъ! и пошелъ! и пошелъ!..

Чтò говорилъ — мы понять не умѣемъ,
Только покоя съ тѣхъ поръ не имѣемъ:

Вотъ ужъ сегодня семнадцатый день,
Саша тоскуетъ и бродитъ какъ тѣнь!

Книжки свои то читаетъ, то броситъ,
Гость навѣститъ, такъ молчать его проситъ.

Былъ онъ три раза; однажды засталъ
Сашу за дѣломъ: мужикъ диктовалъ

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Онъ поглядѣлъ и сказалъ намъ, шутя:
— Тѣшится новой игрушкой дитя! —

Саша ушла — не отвѣтила слова...
Онъ-было къ ней; говоритъ: «нездорова».

Книжекъ прислалъ — не хотѣла читать
И приказала назадъ отослать.

Плачетъ, печалится, молится Богу...
Онъ говоритъ: «я собрался въ дорогу»—

Сашенька вышла, простилась при насъ,
Да и опять наверху заперлась.

Что-жъ?... онъ письмо ей прислалъ. Между нами:
Грѣшные люди, съ испугу, мы сами

Прежде его прочитали тайкомъ:
Руку свою предлагаетъ ей въ немъ.

Саша сначала отказъ отослала,
Да ужъ потомъ намъ письмо показала.

Мы уговаривать: чѣмъ не женихъ?
Молодъ, богатъ, да и нравомъ-то тихъ.

«Нѣтъ, не пойду». А сама неспокойна;
То говоритъ: «я его недостойна» —

То: «онъ меня недостоинъ: онъ сталъ
Золъ и печаленъ и духомъ упалъ!»

А какъ уѣхалъ, такъ пуще тоскуетъ,
Письма его потихоньку цѣлуетъ!..

Что тутъ такое? родной, объясни!
Хочешь, на бѣдную Сашу взгляни.

Долго ли будетъ она убиваться?
Или ужъ ей не пѣвать, не смѣяться,

И погубилъ онъ бѣдняжку на вѣкъ?
Ты намъ скажи: онъ простой человѣкъ,

Или какой чернокнижникъ-губитель?
Или не самъ ли онъ бѣсъ-искуситель?..

4.

— Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — Богъ ей поможетъ.
Околдовать никого онъ не можетъ:

Онъ... не могу приложить головы,
Какъ объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
Въ нашемъ отечествѣ создало время!

Это не бѣсъ, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ —
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,

Благо, наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,

Благо, идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала, да разумъ развитый.

— «Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей:

Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свѣту звѣздой пролечу!
Міръ — говоритъ — осчастливить хочу!»

Что̀-жъ подъ руками, того онъ не любитъ,
То мимоходомъ безъ умыслу губитъ.

Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка: укажутъ они

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ онѣ силъ на благое,

Но не научатъ любить глубоко...
Дѣло вѣковъ поправлять не легко!

Все, что̀ высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно, и сродно,

Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!

Любитъ онъ сильно, сильнѣй ненавидитъ,
А доведись — комара не обидитъ!

Да говорятъ, что ему и любовь
Голову больше волнуетъ — не кровь!

Что̀ ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ:

Вѣритъ, не вѣритъ — ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

Самъ на душѣ ничего не имѣетъ,
Что̀ вчера сжалъ, то сегодня и сѣетъ;

Нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ,
Только навѣрное сѣять пойдетъ.

Это въ простомъ переводѣ выходитъ,
Что въ разговорахъ онъ время проводитъ;

Если-жъ за дѣло возьмется — бѣда!
Міръ виноватъ въ неудачѣ тогда;

Чуть поослабнутъ нетвердыя крылья,
Бѣдный кричитъ: «безполезны усилья!»

И ужъ куда какъ становится золъ
Крылья свои опалившій орелъ...

Поняли?.. нѣтъ!.. Ну, бѣда не большая!
Лишь поняла бы бѣдняжка больная.

Благо, теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна!

А остальное все сдѣлаетъ время.
Сѣетъ онъ, все-таки, доброе сѣмя!

Въ нашей степной полосѣ, что ни шагъ,
Знаете вы,—то бугоръ, то оврагъ:

Въ лѣтнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцемъ, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повѣетъ весной

Съ теплаго края, оттуда, гдѣ люди
Дышатъ вольнѣе,—въ три четверти груди,—

Красное солнце растопитъ снѣга,
Рѣки покинутъ свои берега,—

Чуждыя волны кругомъ разливая,
Будетъ и дерзокъ, и полонъ до края

Жалкій оврагъ... Пролетѣла весна—
Выжжетъ опять его солнце до дна,

Но уже зрѣетъ на нивѣ поемной,
Что оросилъ онъ волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутыхъ силъ
Въ Сашѣ такъ много сосѣдъ пробудилъ...

Эхъ! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и вѣрьте друзья: благодатна

Всякая буря душѣ молодой —
Зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой.

Чѣмъ неутѣшнѣе дитятко ваше,
Тѣмъ встрепенется свѣтлѣе и краше:

Въ добрую почву упало зерно —
Пышнымъ плодомъ отродится оно!

*
* *

Праздникъ жизни — молодости годы —
Я убилъ подъ тяжестью труда,
И поэтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни — не былъ никогда.

Если долго сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: риѳмованные звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ.

Все-жъ они не хуже плоской прозы,
И волнуютъ мягкія сердца,
Какъ внезапно хлынувшія слезы
Съ огорченнаго лица.

Но не льщусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло что-нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—

Та любовь, что̀ добрыхъ прославляетъ,
Что̀ клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца...

ТУРГЕНЕВУ.

Прощай! Завидую тебѣ—
Твоей поѣздкѣ, не судьбѣ:
Я гордостью, ты знаешь, боленъ
И не смѣняю ни на чью
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею не доволенъ.—
Ты счастливъ. Ты воскреснешь вновь;
Въ душѣ твоей проснется живо
Все, чѣмъ терзаетъ прихотливо
И награждаетъ насъ любовь—
Пора наградъ, улыбокъ ясныхъ,
Простыхъ, какъ молодость, рѣчей,
Ночей таинственныхъ и страстныхъ
И полныхъ сладкой лѣни дней—
Ты зналъ ее?.. Нѣтъ лучшей доли!
Живешь легко, глядишь свѣтлѣй,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдаль не рвется
И вся блаженна передъ той,

Чье сердце ласковое бьется
Однимъ біеніемъ съ тобой...
Счастливецъ! изъ доступныхъ міру
Ты наслажденій взять умѣлъ
Все, чѣмъ прекрасенъ нашъ удѣлъ
Богъ далъ тебѣ свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословилъ твой путь земной...

НА РОДИНѢ.

Роскошны вы, хлѣба заповѣдные
Родимыхъ нивъ —
Цвѣтутъ, растутъ колосья наливные,
А я чуть живъ!
Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
Нейдетъ мнѣ въ прокъ!

ПИСЬМА.

Плачь, горько плачь! Ихъ не напишешь вновь,
Хоть написать, смѣясь, ты обѣщала...
Они навѣкъ погибли, какъ любовь,
Которая ихъ сердцу диктовала.
Хранились въ нихъ души твоей черты,
Корыстному волненью непричастной,
Поэзіи роскошные цвѣты —
Благоуханье молодости ясной!

И пусть бы жизнь ихъ ложью назвала —
Она давно въ нихъ вѣру колебала, —
Нѣтъ! та рука со злобой ихъ сожгла,
Которая съ любовью ихъ писала!
Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко,
.
.

ГОРЯЩІЯ ПИСЬМА *).

Они горятъ!.. Ихъ не напишешь вновь,
Хоть написать, смѣясь, ты обѣщала...
Ужъ не горитъ ли съ ними и любовь,
Которая ихъ сердцу дитковала?

Ихъ ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды ихъ еще не доказала...
Но... та рука со злобой ихъ сожгла,
Которая съ любовью ихъ писала!

Свободно ты рѣшила выборъ свой,
И не какъ рабъ упалъ я на колѣни;
Но ты идешь по лѣстницѣ крутой
И дерзко жжешь пройденныя ступени!

Безумный шагъ!.. быть можетъ, роковой...
. .

*) Исправленное — предыдущее стихотвореніе.

*
* *

Гдѣ твое личико смуглое
Ныньче смѣется, кому?
Эхъ, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А вѣдь, бывало, охотно
Шла ты ко мнѣ вечеркомъ,
Какъ мы съ тобой беззаботно
Веселы были вдвоемъ!

Какъ выражала ты живо
Милыя чувства свои!
Помнишь, тебѣ особливо
Нравились зубы мои:

Какъ любовалась ты ими,
Какъ цѣловала любя!
Но и зубами моими
Не удержалъ я тебя...

*
* *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сонъ чужой тревожить не хочу,
Довольно мы съ тобою проклинали,
Одинъ я умираю — и молчу.

Къ чему хандрить, оплакивать потери?
Когда-бъ хоть легче было отъ того!
Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего,

Всему конецъ. Ненастьемъ и грозою
Мой темный путь не даромъ омрача,
Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
Не броситъ въ душу теплаго луча...

Волшебный лучъ любви и возрожденья!
Я звалъ тебя — во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья
Я звалъ тебя, — теперь ужъ не зову!

Той бездны самъ я не хотѣлъ бы видѣть,
Которую ты можешь освѣтить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

КНЯГИНЯ.

Домъ — дворецъ роскошный, длинный, двухъ-этажный,
Съ садомъ и съ рѣшеткой; мужъ — сановникъ важный,
Красота, богатство, знатность и свобода —
Все ей даровали случай и природа.
Только показалась — и надъ свѣтскимъ міромъ
Солнцемъ засіяла, вознеслась кумиромъ!
Воинъ, царедворецъ, дипломатъ, посланникъ —
Красоты волшебной раболѣпный данникъ;
Свѣтъ ей рукоплещетъ, свѣтъ ей подражаетъ,
Властвуетъ княгиня, цѣпи налагаетъ,
Но цѣпей не носитъ; прихоти послушна,
Ни за что полюбитъ, броситъ равнодушно:
Ей чужое счастье ничего не стоитъ —
Если и погибнетъ, торжество удвоитъ!
Сердце ли въ ней билось черезчуръ спокойно,

Иль кругомъ все было страсти недостойно,
Только ни однажды въ молодыя лѣта
Грудь ея любовью не была согрѣта.
Годы пролетали. Въ вихрѣ жизни бальной
До поры осенней — пышной и печальной —
Дожила княгиня... Тутъ супругъ скончался...
Труденъ былъ ей трауръ, — докторъ догадался
И нашелъ, что воды были-бъ ей полезны.
(Доктора въ столицахъ вообще любезны).
Если только русскій ѣдетъ за границу,
Посылай въ Палермо, въ Пизу или въ Ниццу, —
Быть ему въ Парижѣ — такъ судьбамъ угодно!
Годъ въ столицѣ моды шумно и свободно
Прожила княгиня; на второй влюбилась
Въ доктора-француза — и сама дивилась!
Не былъ онъ красавецъ, но ей было ново
Страстно и свободно льющееся слово,
Смѣлое, живое... Свергнуть иго страсти
Нѣтъ и помышленья... да ужъ нѣтъ и власти!
Рѣшено! Въ Россію тотчасъ написали:
Нѣмецъ-управитель, безъ большой печали,
Продалъ за безцѣнокъ, въ силу повелѣнья,
Англійскіе парки, русскія селенья,
Земли, лѣсъ и воды, дачу и усадьбу...
Получили деньги — и сыграли свадьбу...
Тутъ пришла развязка. Круто измѣнился
Докторъ-спекуляторъ: деспотомъ явился!
Деньги, брилліанты — все пустилъ въ аферы,
А жену тиранилъ, ревновалъ безъ мѣры,
И когда бѣдняжка съ горя захворала,
Свезъ ее въ больницу... Навѣщалъ сначала,
А потомъ уѣхалъ — словно канулъ въ воду!
Скорбная, больная, гасла больше году

Въ нищетѣ княгиня... и тотъ годъ тяжелый
Былъ ей долгимъ годомъ думы невеселой!
Смерть ея въ Парижѣ не была замѣтна:
Бѣдно нарядили, схоронили бѣдно...
А въ отчизнѣ дальной словно были рады:
Цѣлый годъ судили — рѣзко, безъ пощады,
Наконецъ, устали... И одна осталась
Память: что съ отличнымъ вкусомъ одѣвалась!
Да еще остался домъ съ ея гербами,
До̀-верху набитый бѣдными жильцами,
Да въ строфахъ небрежныхъ русскаго поэта
Вдохновенныхъ ею чудныхъ два куплета,
Да голякъ-потомокъ отрасли старинной,
Свѣтомъ позабытый — и ни въ чемъ невинный.

*
* *

Какъ ты кротка, какъ ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но онъ внимаетъ равнодушно,
Унылъ и холоденъ душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты имъ играла самовластно,
Но онъ любилъ, любилъ тогда!

Такъ солнце осени — безъ тучъ
Стоитъ, не грѣя, на лазури,
А лѣтомъ и сквозь сумракъ бури
Бросаетъ животворный лучъ...

*
* *

Самодовольныхъ болтуновъ,
Охотниковъ до споровъ модныхъ,
Гдѣ много благородныхъ словъ,
А дѣлъ не видно благородныхъ,
Ты откровенно презиралъ;
Ты не однажды предсказалъ
Конецъ велерѣчивой сшибки,
И слово: «русскій либералъ»
Произносилъ не безъ улыбки.
Ты силу собственной души
Безсильемъ ихъ надменно мѣрилъ
И добродушно ей ты вѣрилъ...
И точно, были хороши
Твои начальные порывы:
Озолотилъ бы бѣдняка!
Но дѣдъ и бабка были живы,
И самъ ты не имѣлъ куска.
И долго спали сномъ позорнымъ
Благіе помыслы твои,
Какъ дремлютъ подо льдомъ упорнымъ
Рѣчныя вольныя струи.
Ты ихъ лелѣялъ на соломѣ,
И только примѣнять ихъ могъ
Ко псу, который въ жалкомъ домѣ
Пожитки жалкіе стерегъ.
И правда: песъ былъ сытъ и жиренъ,
И спалъ все, дворнику на зло.
Теперь... теперь твой кругъ обширенъ!
Взгляни: богатое село
Лежитъ, обставлено скирдами,

Спускаясь по горѣ къ ручью,
А избы полны мужиками...
— Въѣзжая въ отчину свою,
Такими мыслями случайно
Былъ Рѣшетиловъ осажденъ —
И поблѣднѣлъ необычайно,
И долго, долго думалъ онъ...
Потомъ — вступилъ онъ во владѣнье,
Вопросъ отложенъ и забытъ...
Увы! не наше поколѣнье
Его по совѣсти рѣшитъ!

ПРОСТИ.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слёзъ,
Не помни ревности угрозъ!

Но дни, когда любви свѣтило
Надъ нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь —
Благослови и не забудь!

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ —
Не веселая дорога...
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ! —

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися, что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку:
Такъ, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ;

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачокъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаёкъ.

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?.. Ну, чтожъ!
Случай тоже ужъ не новый —
Не робѣй, не пропадешь!

Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ,
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ —
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ —
Сонъ свершится на яву!

Тамъ ужъ поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай,—

Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ.

1.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избёнку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди — не будетъ!
«Вотъ пріѣдетъ баринъ — баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу» — думаетъ старушка.

2.

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячокъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ манеромъ. —
«Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!»
Думаютъ крестьяне: «скажетъ баринъ слово —
И землицу нашу отдадутъ намъ снова».

3.

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный,
Да перечитъ дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,

Главный управитель. «Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ!» говоритъ Наташа.
Малые, большіе — дѣло чуть за споромъ —
«Вотъ пріѣдетъ баринъ!» повторяютъ хоромъ...

4.

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда-плута — урожай сторицей;
Прежніе парнишки ходятъ бородаты;
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужъ не бредитъ...
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ!

5.

Наконецъ, однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ; а за гробомъ — новый.
Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету — и уѣхалъ въ Питеръ.

ПОЭТЪ И ГРАЖДАНИНЪ.

ГРАЖДАНИНЪ — *входитъ.*

Опять одинъ, опять суровъ,
Лежитъ — и ничего не пишетъ.

ПОЭТЪ.

Прибавь: хандритъ и еле дышетъ —
И будетъ мой портретъ готовъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Хорошъ портретъ! Ни благородства,
Ни красоты въ немъ нѣтъ, повѣрь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умѣетъ дикій звѣрь...

ПОЭТЪ.

Такъ что же?

ГРАЖДАНИНЪ.

Да глядѣть обидно.

ПОЭТЪ.

Ну, такъ уйди.

ГРАЖДАНИНЪ.

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь самъ,
Какое время наступило!
Въ комъ чувство долга не остыло,
Кто сердцемъ неподкупно прямъ,
Въ комъ дарованье, сила, мѣткость,
Тому теперь не должно спать...

ПОЭТЪ.

Положимъ, я такая рѣдкость;
Но нужно прежде дѣло дать.

ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ новость! Ты имѣешь дѣло,
Ты только временно уснулъ.
Проснись: громи пороки смѣло...

ПОЭТЪ.

А! знаю: «вишь, куда метнулъ!

Но я обстрѣленная птица:
Жаль, нѣтъ охоты говорить.

Беретъ книгу.

Спаситель Пушкинъ! — Вотъ страница:
Прочти и перестань корить!

ГРАЖДАНИНЪ — *читаетъ.*

«Не для житейскаго волненья,
«Не для корысти, не для битвъ,
«Мы рождены для вдохновенья,
«Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

ПОЭТЪ — *съ восторгомъ.*

Неподражаемые звуки!..
Когда бы съ Музою моей
Я былъ немного поумнѣй,
Клянусь, пера бы не взялъ въ руки!

ГРАЖДАНИНЪ.

Да, звуки чудные... ура!
Такъ поразительна ихъ сила,
Что даже сонная хандра
Съ души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!
И я восторгъ твой раздѣляю;
Но, признаюсь, твои стихи
Живѣе къ сердцу принимаю.

ПОЭТЪ.

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтецъ, но критикъ дикій.
Такъ я, по твоему,—великій,
Повыше Пушкина поэтъ?
Скажи пожалуйста?!..

ГРАЖДАНИНЪ.

Ну, нѣтъ!
Твои поэмы безтолковы,
Твои элегіи не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стихъ тягучъ. Замѣтенъ ты,
Но такъ безъ солнца звѣзды видны.
Въ ночи, которую теперь
Мы доживаемъ боязливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо —
Ты твердо свѣточъ свой держалъ,
Но небу было не угодно,
Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
Путь освѣщая всенародно;
Дрожащей искрою въ потьмахъ
Онъ чуть горѣлъ, мигалъ, метался...
Моли, чтобъ солнца онъ дождался
И потонулъ въ его лучахъ!
Нѣтъ, ты не Пушкинъ. Но покуда
Не видно солнца ни откуда,
Съ твоимъ талантомъ стыдно спать!
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать...
Гроза молчитъ, съ волной бездонной
Въ сіяньи спорятъ небеса,
И вѣтеръ ласковый и сонный
Едва колеблетъ паруса,—
Корабль бѣжитъ красиво, стройно,
И сердце путниковъ спокойно,

Какъ будто, вмѣсто корабля,
Подъ ними твердая земля.
Но громъ ударилъ; буря стонетъ
И снасти рветъ, и мачту клонитъ,—
Не время въ шахматы играть,
Не время пѣсни распѣвать!
Вотъ песъ — и тотъ опасность знаетъ
И бѣшено на вѣтеръ лаетъ:
Ему другого дѣла нѣтъ...
А ты что̀ дѣлалъ бы, поэтъ?
Ужель въ каютѣ отдаленной
Ты сталъ бы лирой вдохновенной
Лѣнивцевъ уши услаждать
И бури грохотъ заглушать?

Пускай ты вѣренъ назначенью,
Но легче-ль родинѣ твоей,
Гдѣ каждый преданъ поклоненью
Единой личности своей?
Наперечетъ сердца благія,
Которымъ родина свята;
Богъ-помочь имъ!.. а остальные?
Ихъ цѣль мелка, ихъ жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другіе — сладкіе пѣвцы,
А третьи... третьи — мудрецы!
Ихъ назначенье — разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездѣйствують, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даромъ гибнуть не хотимъ,
Мы ждемъ: авось поможетъ время,
И горды тѣмъ, что не вредимъ!»

Хитро скрываетъ умъ надменный
Себялюбивыя мечты,
Но... братъ мой! кто бы ни былъ ты,
Не вѣрь сей логикѣ презрѣнной!
Страшись ихъ участь раздѣлить,
Богатыхъ словомъ, дѣломъ бѣдныхъ,
И не иди во станъ безвредныхъ,
Когда полезнымъ можешь быть!
Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной,—
Не будетъ гражданинъ достойный
Къ отчизнѣ холоденъ душой,
Ему нѣтъ горше укоризны...
Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно:
Умрешь не даромъ... Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь.

А ты, поэтъ, избранникъ неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ!
Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!
Не вѣрь, что вовсе пали люди:
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставлять не хлопочи:

Въ твоемъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ животворные лучи.
Взгляни: въ осколки твердый камень
Убогій труженикъ дробитъ,
А изъ-подъ молота летитъ
И брыжжетъ самъ собою пламень!

ПОЭТЪ.

Ты кончилъ?.. чуть я не уснулъ.
Куда намъ до такихъ воззрѣній!
Ты слишкомъ далеко шагнулъ.
Учить другихъ — потребенъ геній,
Потребна сильная душа,
А мы съ своей душой лѣнивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоимъ мѣднаго гроша.
Спѣша извѣстности добиться,
Боимся мы съ дороги сбиться,
И тропкой торною идемъ;
А если въ сторону свернемъ —
Пропали, хоть бѣги со свѣта!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блаженъ безмолвный гражданинъ:
Онъ, Музамъ чуждый съ колыбели,
Своихъ поступковъ господинъ,
Ведетъ ихъ къ благородной цѣли,
И трудъ его успѣшенъ, споръ...

ГРАЖДАНИНЪ.

Не очень лестный приговоръ.
Но твой ли онъ? тобой ли сказанъ?
Ты могъ бы правильнѣй судить:
Поэтомъ можешь ты не быть,

Но гражданиномъ быть обязанъ.
А что̀ такое гражданинъ?
Отечества достойный сынъ.
Ахъ! будетъ съ насъ купцовъ, кадетовъ,
Мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ,
Довольно даже намъ поэтовъ,
Но нужно, нужно намъ гражданъ!
Но гдѣ жъ они? Кто не сенаторъ,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантаторъ,
Кто гражданинъ страны родной?
Гдѣ ты? откликнись! Нѣтъ отвѣта!
И даже чуждъ душѣ поэта
Его могучій идеалъ!
Но если есть онъ между нами,
Какими плачетъ онъ слезами!!

И ты съ собой его равнялъ!?

Гроза шумитъ и къ безднѣ гонитъ
Свободы шаткую ладью,
Поэтъ клянетъ, или хоть стонетъ,
А гражданинъ молчитъ и клонитъ
Подъ иго голову свою.
Когда же... Но молчу... Хоть мало,
И среди насъ судьба являла
Достойныхъ гражданъ... Знаешь ты
Ихъ участь?.. Преклони колѣни!..
Лѣнтяй! смѣшны твои мечты
И легкомысленныя пени!
Въ твоемъ сравненьи смысла нѣтъ.
Вотъ слово правды безпристрастной:
Блаженъ болтающій поэтъ,
И жалокъ гражданинъ безгласный!

ПОЭТЪ.

Не мудрено того добить,
Кого ужъ добивать не надо.
Ты правъ: поэту легче жить —
Въ свободномъ словѣ есть отрада.
Но былъ ли я причастенъ ей?
Ахъ, въ годы юности моей
Печальной, безкорыстной, трудной,
Короче — очень безразсудной —
Куда ретивъ былъ мой Пегасъ!
Не розы — я вплеталъ крапиву
Въ его размашистую гриву
И гордо покидалъ Парнассъ.
Безъ отвращенья, безъ боязни
Я шелъ въ тюрьму и къ мѣсту казни,
Въ суды, въ больницы я входилъ.
Не повторю, что̀ тамъ я видѣлъ...
Клянусь, я честно ненавидѣлъ!
Клянусь, я искренно любилъ!
И что-жъ?.. мои послышавъ звуки,
Сочли ихъ черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что̀ было дѣлать? Безразсудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда-бъ я видѣлъ хоть борьбу,
Бороться сталъ бы, какъ ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мнѣ было двадцать лѣтъ тогда!
Лукаво жизнь впередъ манила,
Какъ моря вольныя струи,
И ласково любовь сулила
Мнѣ бла̀га лучшія свои —

Душа пугливо отступила...
Но сколько-бъ ни было причинъ,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При словѣ: честный гражданинъ.
Тотъ роковой, напрасный пламень
Донынѣ сожигаетъ грудь,
И радъ я, если кто-нибудь
Въ меня съ презрѣньемъ броситъ камень.
Бѣднякъ! и изъ чего попралъ
Ты долгъ священный человѣка?
Какую подать съ жизни взялъ
Ты — сынъ больной больного вѣка?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюмъ и полонъ озлобленья
У двери гроба я стою...
Ахъ, пѣснію моей прощальной
Та пѣсня первая была!
Склонила Муза ликъ печальный
И, тихо зарыдавъ, ушла.
Съ тѣхъ поръ не часты были встрѣчи:
Украдкой, блѣдная, придетъ
И шепчетъ пламенныя рѣчи,
И пѣсни гордыя поетъ,
Зоветъ то въ города, то въ степи
Завѣтнымъ умысломъ полна,
Но загремятъ внезапно цѣпи —
И мигомъ скроется она.
Не вовсе я ея чуждался,
Но какъ боялся! какъ боялся!
Когда мой ближній утопалъ
Въ волнахъ существеннаго горя —

То громъ небесъ, то ярость моря
Я добродушно воспѣвалъ.
Бичуя маленькихъ воришекъ
Для удовольствія большихъ,
Давилъ я дерзостью мальчишекъ
И похвалой гордился ихъ.
Подъ игомъ лѣтъ душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презрѣнья горькаго полна.
Теперь напрасно къ ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда!
Какъ свѣтъ, я самъ ея не знаю
И не узнаю никогда.
О, Муза, гостьею случайной
Являлась ты душѣ моей,
Иль пѣсенъ даръ необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знаетъ? рокъ суровый
Все скрылъ въ глубокой темнотѣ.
Но шелъ одинъ вѣнокъ терновый
Къ твоей угрюмой красотѣ...

*
* *

Тяжелый крестъ достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь!
Кому и страсть, и молодость, и волю, —
Все отдала — тотъ сталъ ея палачъ!

Давно ни съ кѣмъ она не знаетъ встрѣчи;
Угнетена, пуглива и грустна,

Безумныя, язвительныя рѣчи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цвѣтка весенняго свѣжѣй!

«Тотъ день, когда меня ты полюбила
И отъ меня услышала: люблю —
Не проклинай! близка моя могила:
Поправлю все, все смертью искуплю!

«Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщикомъ больного не зови:
Передо мной — холодный мракъ могилы,
Передъ тобой — объятія любви!

«Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебѣ...
О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбѣ!..»

Ужасные, убійственные звуки!..
Какъ статуя прекрасна и блѣдна,
Она молчитъ, свои ломая руки...
И что сказать могла-бъ ему она?..

ГАДАЮЩЕЙ НЕВѢСТѢ.

У него прекрасныя манеры,
Онъ не глупъ, не бѣденъ и хорошъ, —
Что гадать? ты влюблена безъ мѣры,
И судьбы своей ты не уйдешь.

*

Я могу сказать и безъ гаданья:
Если сердце есть въ его груди —
Ждутъ тебя, быть можетъ, испытанья,
Но и счастье будетъ впереди...

Не изъ тѣхъ ли только онъ бездушныхъ.
Что въ столицѣ много встрѣтишь ты,
Одному лишь голосу послушныхъ —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потерявъ сознаніе позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если такъ — плоха порука счастью!
Какъ бы чудно ты ни расцвѣла,
Ни умомъ, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Онъ твои плѣнительные взоры,
Нѣжность сердца, музыку рѣчей —
Все отдастъ за плоскія рессоры
И за пару кровныхъ лошадей!

НЕСЧАСТНЫЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тяжелъ мой крестъ: уединенье,
Преступной совѣсти мученье,
Нужда, недуги. Говорятъ,
Къ цвѣтущей юности возвратъ

Подъ старость намъ одно спасенье,
Отрада вѣрная.—«Живи,
Покуда кровь играетъ въ жилахъ,
А станешь старѣться, нарви
Цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,
И ими сердце обнови...»
И я попробовалъ... но что же?..
Душа по прежнему нѣма
И съ одичалаго ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый Боже!
Ужели долгая тюрьма,
Ограбивъ сердце безъ пощады,
Душѣ моей не дастъ отрады
Въ воспоминаньи юныхъ лѣтъ?
Иль точно тамъ отрады нѣтъ?
Увы! тамъ душно, тамъ пустыня,
Любя, прощая, чуть дыша,
Тамъ угасаетъ, какъ рабыня,
Святая женская душа.
Переступить порогъ не смѣя,
Тоски и ужаса полна,
Такъ вянетъ сказочная фея
Въ волшебномъ замкѣ колдуна.
Воображенье прихотливо
Рисуетъ ей другіе дни:
Въ чертогахъ, убранныхъ на диво,
Горятъ вѣнчальные огни;
Невѣста ждетъ, женихъ приходитъ,
И рѣчь его тиха, нѣжна...
Гдѣ умъ красавицы не бродитъ,
Чего не думаетъ она?
Ликуетъ день, щебечутъ птицы,

Красою блещутъ небеса,
Доходятъ до дверей темницы
Любви и воли голоса,—
Но ей нѣтъ воли, нѣтъ отрады...
Не нужно камней дорогихъ,
Возьмите пышные наряды!
Гдѣ мать? гдѣ сестры? гдѣ женихъ?
Гдѣ няня съ пѣсенкой и сказкой?
Никто не сжалится надъ ней,
И только докучаетъ лаской
Противный, старый чародѣй.
Но нѣтъ!.. она любить не станетъ,
Скорѣй умретъ... Уходитъ онъ
И въ гнѣвѣ подданныхъ тиранитъ.
Кругомъ проклятья, вопли, стонъ...
Но въ сказкѣ витязь благородный
Придетъ — волшебника убьетъ,
И клочья бороды негодной
Къ ногамъ красавицы свободной
Съ рукой и сердцемъ принесетъ,—
А здѣсь?

Рога трубятъ ретиво,
Пугая раннiй сонъ дѣтей,
И воютъ псы нетерпѣливо...
До солнца сѣли на коней —
Ушли... Орды вооруженной
Не видитъ глазъ, не слышитъ слухъ,—
И бѣдный домъ, какъ осажденный,
Свободно переводитъ духъ.
Мѣняя быстро постъ невольный
На празднословье и вино,
Спѣшитъ забыться рабъ довольный.

Но есть одна: ей все равно!
Въ ея душѣ свѣтлѣй не станетъ,
Все тотъ же мракъ, все тотъ же гнетъ:
И сонъ перерванный не манитъ,
И утро къ жизни не зоветъ.
Скорѣй, затворница нѣмая,
Рыданьемъ душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая,
И лучшей участи не жди!

Осаду не надолго сняли...
Вотъ вечеръ — снова рогъ трубитъ.
Примолкнувъ, дѣти побѣжали,
Но мать остаться имъ велитъ.
Ихъ взоръ унылъ, невнятенъ лепетъ...
Опять содомъ, тревога, трепетъ!
А ночью свѣчи зажжены,
Обычный пиръ кипитъ мятежно,
И блѣдный мальчикъ, у стѣны
Прижавшись, слушаетъ прилежно
И смотритъ жадно (узнаю
Привычку дѣтскую мою...)
Что слышитъ? пѣсни удалыя
Подъ топотъ пляски удалой;
Глядитъ, какъ чаши круговыя
Пустѣютъ быстрой чередой;
Какъ на лету куски хватаютъ
И ротъ захлопываютъ псы;
Какъ на тѣни растутъ, киваютъ
Большіе дядины усы...
Смѣются гости надъ ребенкомъ
И чей-то голосъ говоритъ:
«Не правда-ль, онъ всегда глядитъ

Какимъ-то травленымъ волчёнкомъ?
Поди сюда!» Блѣднѣетъ мать;
Волчёнокъ смотритъ — и ни шагу.
«Упрямство надо наказать —
Поди сюда!»—Волчёнокъ тягу...
«Ату его!..»

Тяжелый сонъ!..
Нѣтъ, мой восходъ не лучезаренъ —
Ничѣмъ я въ дѣтствѣ не плѣненъ
И никому не благодаренъ.
Скорѣе къ юности! Она
Всегда мила, всегда ясна...
Не бѣдняку! — Воображенье
Къ столицѣ юношу манитъ,
Тамъ слава, тамъ просторъ, движенье,
И вотъ — онъ въ ней! Идетъ, глядитъ —
Какъ чудно городъ изукрашенъ!
Шпили его церквей и башенъ
Уходятъ въ небо; пышны въ немъ
Театры, улицы, жилища
Счастливцевъ міра — и кругомъ
Необозримыя кладбища...
О, городъ, городъ роковой!
Съ пѣвцомъ твоихъ громадъ красивыхъ,
Твоей ограды вѣковой,
Твоихъ солдатъ, коней ретивыхъ
И всей потѣхи боевой,
Плѣненный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасенъ ты
Въ безмолвьи полночи безлунной,
Въ движеньи гордой суеты!

.

Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится въ невскія струи,
Пусть, тѣша буйство удалое
И сѣя плевелы свои,
Толпы пустыхъ, надменныхъ, праздныхъ,
Полны пороковъ безобразныхъ,
Въ тебѣ кишатъ. Въ стѣнахъ твоихъ
И есть, и были въ стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могилъ нѣмыхъ
Найдутся громкія могилы...
Ты дорогъ намъ,—ты былъ всегда
Ареной дѣятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Все такъ. Но если ненарокомъ
Въ твои предѣлы загляну,
Купаясь въ омутѣ глубокомъ,
Переживая старину,
Душа болитъ. Не въ залахъ бальныхъ,
Гдѣ торжествуетъ суета,—
Въ пріютахъ нищеты печальныхъ
Блуждаетъ грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но рѣдкій солнца лучъ... о нѣтъ!
Твой день больной, твой вечеръ мглистый,
Туманный, медленный разсвѣтъ
Воображенье мнѣ рисуетъ...
Свѣтаетъ. Чу, какъ вѣтеръ дуетъ!
Унять бы рады сорванца,
Но онъ смѣется надъ столицей
И флагомъ гордаго дворца
Играетъ, какъ простой тряпицей.

Нева волнуется, дома
Стоятъ, какъ крѣпости пустыя;
Желѣзнымъ болтомъ запертыя,
Угрюмы лавки, какъ тюрьма.
Ихъ постепенно отворяютъ,
Товару въ окна прибавляютъ,
Такъ ставитъ съ вечера капканъ
Охотникъ, на добычу падкій.
Вотъ солнце грянуло украдкой,
Но одолѣлъ его туманъ —
И снова мракъ. Какія лица
Теперь приходится встрѣчать!
Такую страшную печать
Умѣетъ класть одна столица.
Проѣхалъ возъ: ни русъ, ни сѣдъ,
Чухонецъ имъ курносый правилъ
И ельника зеленый слѣдъ
На мокрой улицѣ оставилъ —
Покойникъ будетъ. Вотъ и онъ!
До пышныхъ дожилъ похоронъ:
Четверкой дроги, гробъ угрюмый
Стоитъ высоко подъ парчой,
Идетъ родня съ печальной думой,
Поникнувъ молча головой;
Плетутся дряхлыя кареты;
То тамъ, то тутъ, полуодѣты,
Изъ оконъ женщины глядятъ,
Прохожій крестится сурово...
Прошла процессія — и снова
Все пусто. — Вотъ идетъ солдатъ
За фурой въ родѣ погребальной;
Глядитъ оттуда глазъ печальный
И видно блѣдное лицо...

Довольно! что теперь ни встрѣтишь,
На всемъ унынья слѣдъ замѣтишь.
Но вотъ парадное крыльцо
Въ богатомъ домѣ отворяетъ
Какой-то рослый молодецъ,—
Теперь-то утро наступаетъ!
Туманъ осиливъ наконецъ,
Одѣло солнце сѣтью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты,
И нѣтъ слѣдовъ заботы трудной
И недовольной нищеты!
Какъ будто появляться вредно
При полномъ водвореньи дня
Всему, что̀ зелено и блѣдно,
Несчастно, голодно и бѣдно,
Что ходитъ голову склоня!
Теперь гляди на городъ шумный!
Теперь онъ пышенъ и богатъ —
Несется въ толкотнѣ безумной
Блестящихъ экипажей рядъ,
Все полно жизни и тревоги,
Всѣ лица блещутъ и цвѣтутъ,
И съ похоронъ обратно дроги
Пустыя весело бѣгутъ...
Ликуетъ сердце молодое —
Въ восторгѣ юноша. Постой!
Ты будешь говорить другое,
Родство постигнувъ роковое
Межъ этимъ блескомъ и тобой!
Пройдутъ года въ борьбѣ безплодной,
И на красивыя плиты,
Какъ изъ машины винтъ негодный,
Быть можетъ, брошенъ будешь ты!

Счастливъ, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей вѣренъ былъ
И въ жизни ни однажды Бога
Въ пустой груди не ощутилъ.
Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — пропадешь!
Въ глухую полночь, безпріютный,
По стогнамъ города пойдешь:
Громадный, стройный и суровый,
Заснувъ подъ тучею свинцовой,
Тогда предстанетъ онъ инымъ,
И опоясанный гробами,
Своими пышными дворцами,
Величьемъ царственнымъ своимъ —
Не будетъ радовать. Невольно
Припомнишь бѣдный городокъ,
Гдѣ солнца каждому довольно.
То правда: городъ не широкъ,
Не длиненъ — лай судейской шавки
Въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ;
Домишки малы, пусты лавки,
Аптека, два-три кабака,
Тюрьма, шлагбаумъ полосатый,
Домъ судный, госпиталь досчатый,
И площадь... площадь велика:
Кругомъ не видно ей границы,
И, слышно, осенью на ней
Чудакъ, заѣзжій изъ столицы,
Успѣшно ищетъ дупелей.
Ну, все, какъ надо, какъ извѣстно,
Надъ чѣмъ столичные давно
Острятъ то глупо, то умно;
За то покойно — и не тѣсно...

Не жди особенныхъ отрадъ:
Что Богъ послалъ, тому будь радъ.
Гляди въ халатѣ на дорогу:
Вонъ, гуси выступаютъ въ ногу
Съ гусиной важностью... но вдругъ —
Смятенье, дикій крикъ, испугъ!
Три тройки наскакали близко.
Присѣвъ и крылья распустивъ,
Одни бѣгутъ, другіе близко
Летятъ, а третьи, прискочивъ,
Удрать не летомъ и не бѣгомъ
Спѣшатъ... и вотъ просторъ телѣгамъ —
Разсыпались, куда кто могъ!
Такъ, гордый собственнымъ значеньемъ,
Своимъ нежданнымъ появленьемъ
Дѣтей пугаетъ педагогъ;
Такъ поэтическія грезы
Разноситъ дуновенье прозы...
Но ужъ запѣли соловьи,
Иди гулять — до сна не долго!
Гляди, какъ тихо катитъ Волга
Свои спокойныя струи,
Уснувъ въ песчаной колыбели;
Какъ, нагибаясь до земли,
Таскаютъ бурлаки кули,
А воробьи ужъ налетѣли,
И, теребя мочалу, носъ
Просунуть силятся въ овесъ.
Куда ни взглянешь — птичье племя!
Уснувъ подъ берегомъ рѣки,
Чернѣютъ утки, какъ комки,
Но, видно, имъ покушать время:
Проснулись — поплыли гурьбой,

Кувыркъ! и ногъ утиныхъ строй
Стоитъ недвижно надъ водой.
На всемъ лучи зари румяной;
Какъ ожерелье, у воды
Какихъ-то бѣлыхъ птицъ ряды
Сидятъ на отмели песчаной,
И тутъ же сотни куликовъ
Снуютъ съ оглядкой вороватой;
Всѣ бѣлобрюхи, безъ хохловъ,
А почему жъ одинъ хохлатый?
Не долинявъ, съ весеннихъ поръ
Сберегъ онъ пышную прибавку
И ходитъ важно, какъ майоръ,
Съ мундиромъ вышедшій въ отставку,—
Недостаетъ счастливцу шпоръ!

Не любишь птицъ — гляди бездумно,
Какъ приближается паро̀мъ
Неторопливо и нешумно;
А тамъ, на берегу другомъ,
Подъ легкимъ матовымъ туманомъ,
Какъ будто войско тѣснымъ станомъ
Расположилось на ночлегъ:
Не перечтешь коней, телѣгъ!
Подъ каждымъ стогомъ-великаномъ
Толпа... И слышны голоса,
Стыдливый визгъ и хохотъ женскій...
Но потемнѣли небеса —
Спи мирно, житель деревенскій!
Ты стоишь сна... Идемъ домой,
Закрыты ставни — все спокойно.
Что-жъ медлитъ мѣсяцъ золотой?
Темно. Ни холодно, ни знойно,—

Такъ ровно-ровно дышетъ грудь...
Но слышишь, что-то заскрипѣло!
Калитку отворивъ чуть-чуть,
Выходитъ дѣвушка несмѣло.
Она глядитъ по сторонамъ,
Но вотъ увидѣла — и къ намъ
Шаги проворно направляетъ...
Ты улыбнулся, ты молчишь...
Вдругъ — «ахъ!» и быстро исчезаетъ.
Ошиблась, милая! Такъ мышь,
Съ испугу пискнувъ, убѣгаетъ,
Замѣтивъ любопытный глазъ.
Пору любви, пору проказъ
Чѣмъ нашу молодость помянемъ?
Не побѣжать ли намъ за ней?
Не подстеречь ли у дверей?
Нѣтъ, только даромъ мы устанемъ.
Народъ уснулъ — пора и намъ.
Одно досадно: по ночамъ,
Должно быть, переспавъ нещадно,
Собака воетъ безотрадно —
Весь городъ чьей-то смерти ждетъ,
Толкуетъ набожно и тихо,
И вѣдь случается — возьметъ
Да и скончается купчиха,
Передъ которой глупый песъ
Три ночи нылъ, поднявши носъ.
Тогда попробуй разувѣрить:
«Да какъ ты смѣешь самъ не вѣрить?...
Молчи — предатели они!
Люби покой, природу, книгу
И независимость храни,

Не то — среды поддайся игу
И лямку общую тяни.

Но есть и тамъ свои могилы;
Но тамъ безплодно гибнутъ силы,
Тамъ духота, безумье, лѣнь,
Тамъ время тянется сонливо,
Какъ самодѣльная расшива
По тихой Волгѣ въ лѣтній день.
Тамъ только не грѣшно родиться
Или подъ старость умирать
Куда-жъ идти? къ чему стремиться?
Гдѣ силы юныя пытать?

Храни Господь того, кто скажетъ:
«Простите, мирныя поля!»
И бѣдный свой челнокъ привяжетъ
Къ кормѣ большого корабля...

Кому судьба вѣнецъ готовитъ,
Того вопросъ: куда идти?
Не устрашитъ, не остановитъ;
Кого на жизненномъ пути
Любовь лелѣетъ съ колыбели,
Незримо направляя къ цѣли—
И тотъ находитъ путь прямой.
Но кто ни Богомъ не отмѣченъ,
Ни даже любящей рукой
Не охраненъ, не обезпеченъ,
Тотъ долго бродитъ какъ слѣпой:
Кипитъ, желаетъ, тратитъ силы,
И, позднимъ опытомъ богатъ,
Находитъ у дверей могилы

Невольныхъ заблужденій рядъ...
Къ чему бы жизнь ни вынуждала,
И даже разницы путемъ
Не зная межъ добромъ и зломъ,
Я по теченью плылъ сначала...
Лишь гордость иногда спасала...
Богъ вѣсть, куда бы прихоть волнъ
Прибила мой убогій чёлнъ:
Сбирались тучи, путь былъ труденъ,
А я упоренъ, безразсуденъ, —
Ждала тяжелая борьба.
Но вдругъ распутала судьба
Загадку жизни несчастливой —
Я полюбилъ, дикарь ревнивый...

О ты, кого я съ ужасомъ бѣжалъ,
Къ кому съ любовью рвался я въ объятья,
Кому чистосердечно расточалъ
 Благословенья и проклятья, —
Тебя ужъ нѣтъ! на жизненной стезѣ
Оставивъ слѣдъ загадочный и странный,
 Являясь ангеломъ въ грозѣ
И демономъ у пристани желанной —
Погибла ты... Ты сладить не могла
Ни съ бурнымъ сердцемъ, ни съ судьбою
И, бездну вырывъ подо мною,
Сама въ ней первая легла...
Ругаясь буйно надъ кумиромъ,
Когда-то сердцу дорогимъ,
Я могъ бы передъ цѣлымъ міромъ
Клеймомъ отмѣтить роковымъ
Твой путь. Но за предѣлы гроба
Не перешла вражда моя;

Я понялъ: мы виновны оба...
Но тяжелѣй наказанъ я!
Года чредой опредѣленной
Идутъ, но время надо мной
Остановилось: стражъ безсмѣнный,
Среди той ночи роковой
Стою... ревниво закипаю,
И вдругъ шаги... и голосъ твой...
И вопль, — и съ крикомъ: «не прощаю!..»
Все помню съ ясностью такой,
Какъ будто каждый день свершаю
Убійство... Тотъ же, тотъ же сонъ
Ужъ двадцать лѣтъ: молящій стонъ,
Безумный крикъ, сверканье стали...
Прочь, утонувшія въ крови,
Воспоминанія любви!
Довольно сердце вы терзали!

Скорѣе въ душную тюрьму!
Оттуда сердцу моему
Единый въ жизни лучъ отрады
Мерцаетъ... Такъ огонь лампады
До вѣчной сѣни гробовой
Горитъ надъ каждой головой...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Безлюдье, степь. Кругомъ все бѣло,
И небеса надъ головой...
Еще отчаянье кипѣло
Въ душѣ, упившейся враждой,
И смерти лишь она алкала,
Когда преступная нога,

Звуча цѣпями, попирала
Недружелюбные снѣга
Страны пустынной, сиротливой...
Среди звѣрей я звѣремъ сталъ,
Виномъ я совѣсть усыплялъ
И умъ гасилъ...

Въ толпѣ строптивой
Межъ нами былъ одинъ: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорилъ онъ ничего,
Работалъ медленно и мало.
Кряхтя, копается весь день,
Какъ кротъ — мы такъ его и звали —
А толку нѣтъ: не то, чтобъ лѣнь,
Да силы скоро измѣняли.
Рука, не твердая въ трудѣ,
Какъ спицы ноги, дѣтскій голосъ
И, словно ленъ, пушистый волосъ
На головѣ и бородѣ.
Обросъ онъ скоро волосами,
Питался черствымъ сухаремъ,
Но и подъ грубымъ армякомъ
Глядѣлъ неровней между нами.
Его дежурный понукалъ,
И было намъ сначала любо
Смотрѣть, какъ губы онъ кусалъ,
Когда съ нимъ обходились грубо:
Такъ удила кусаетъ конь,
Когда сѣдокъ его пришпоритъ;
Въ глазахъ покажется огонь,
Однако промолчитъ — не споритъ!
Бывало, подойдемъ гурьбой,

*

Повалимъ, будто ненарокомъ,
Кричимъ: «не хочешь ли домой?»
Онъ только поглядитъ съ упрекомъ
И покачаетъ головой.
Не пьетъ, не балагуритъ съ нами,
Но скоро часъ его насталъ...

Былъ вечеръ; скрежеща зубами,
Одинъ изъ нашихъ умиралъ.
Куда дѣваться въ подземельѣ?
Кричимъ: «скорѣй! мѣшаешь спать!»
И стали въ бѣшеномъ весельѣ
Его мы хоромъ отпѣвать:
«Умри! намъ всѣмъ одна дорога,
Другой не будетъ изъ тюрьмы!..»

Вдругъ кто-то крикнулъ: «Нѣтъ въ васъ Бога!»
И пѣсни не допѣли мы.
Глядимъ: добро-бъ вошелъ начальникъ,
Нѣтъ, просто выступилъ впередъ
Нашъ бѣлоручка, нашъ молчальникъ,
Смиренный, копотливый Кротъ.
Коритъ, грозитъ! Дыханье трудно,
Лицо сурово, какъ гроза,
И какъ-то бѣшено и чудно
Блестятъ глубокіе глаза...

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивыхъ покорила —
Богъ вѣсть! Но грубые умы
Онъ умилилъ, обезоружилъ,
Онъ намъ ту бездну обнаружилъ,
Куда стремглавъ летѣли мы!

Въ заботѣ новой, въ думахъ строгихъ,
Мы совѣщались до утра,
Стараясь вразумить немногихъ,
Не внявшихъ вѣстнику добра:
Душой погибнувъ невозвратно,
Они за нами не пошли
И обновится благодатно
Ужъ не хотѣли, не могли.
Въ нихъ сердце превратилось въ камень,
Навѣкъ оледенѣла кровь...
Но въ комъ, какъ подъ золою пламень,
Таились совѣсть и любовь,
Тотъ жадно ждалъ бесѣды новой,
Съ душой, увѣровать готовой...
Не вдругъ мы поняли его,
Но онъ учить не тяготился —
Онъ съ нами братски подѣлился
Богатствомъ сердца своего!
Забыты буйныя проказы;
Наступитъ вечеръ — тишина,
И стали намъ его разсказы
Милѣй разгула и вина.
Пусть рѣчь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладалъ онъ тайной слова,
Доступнаго душѣ живой.
Не на конѣ, не за сохою,—
Провелъ онъ свой недолгій вѣкъ
Въ трудѣ ученья, но душою,
Какъ мы, былъ русскій человѣкъ.
Онъ не жалѣлъ, что мы не нѣмцы,
Онъ говорилъ: «во многомъ насъ
Опередили иноземцы,

Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй —
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проѣлъ до сердцевины
Ея порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ».
Его плѣняло солнце юга —
Тамъ море ласково шумитъ,
Но слаще сѣверная вьюга
И больше сердцу говоритъ.
При словѣ: «Русь», бывало, встанетъ —
Онъ помнилъ, онъ любилъ ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанетъ...
Наступитъ ли вечерній часъ —
Внимая бури вой жестокій
«Теперь — онъ говорилъ — у насъ,
На нашей родинѣ далекой,
Еще тепло... Закатъ горитъ,
Надъ Божьимъ храмомъ рѣютъ птицы,
Домой идутъ съ работы жницы,
Въѣзжая на гору, скрипитъ
Снопами полная телѣга:
Играя, колосъ изъ снопа
Хватаетъ сытый конь съ разбѣга —
И ржетъ... За нимъ бредетъ толпа

Коровушекъ... Стемнѣло небо
И смолкли вдругъ работы дня;
Ложится пахарь безъ огня,
И распростерли скирды хлѣба
Свою хранительную тѣнь
Вокругъ уснувшихъ деревень.
Все тихо! развѣ безъ оглядки
Фельдъегерь пролетитъ селомъ
Или обратныя лошадки,
Понуря голову, шажкомъ
Пройдутъ: заснулъ ямщикъ лѣнивый
Верхомъ на дремлющемъ конѣ;
Одинъ бубенчикъ говорливый
Воркуетъ сладко въ тишинѣ,
Да старый вязъ въ концѣ селенья
Шумитъ, столѣтній часовой;
Предъ нимъ проходятъ поколѣнья,
Мѣняясь быстрой чередой,
Онъ невредимъ: корысть, безпечность —
Его ничто не сокрушитъ,
Любовь народная хранитъ
Его святую долговѣчность.
Онъ укрываетъ въ лѣтній зной
Шатромъ дѣтей деревни цѣлой;
Бѣднякъ-калѣка престарѣлый
Подъ нимъ ложится на покой;
Нашъ братъ, звуча цѣпями, ссыльный,
Подъ нимъ сидитъ, обритый, пыльный,
И богомолокъ молодыхъ
Подъ тѣнь вѣтвей его густыхъ
Приводитъ давняя привычка...

«Чу! тянутъ въ небѣ журавли,
И крикъ ихъ, словно перекличка

Хранящихъ сонъ родной земли
Господнихъ часовыхъ, несется
Надъ темнымъ лѣсомъ, надъ селомъ,
Надъ полемъ, гдѣ табунъ пасется
И пѣсня грустная поется
Передъ дымящимся костромъ...

«Не ждутъ осеннія работы,
Не дологъ отдыхъ мужиковъ —
Скрипятъ колодцы и вороты
При третьей пѣснѣ пѣтуховъ.
Дудитъ пастухъ свирѣлью звонкой,
Бѣжитъ по нивѣ чья-то тѣнь:
То бѣглый рекрутикъ сторонкой
Уходитъ въ лѣсъ, послышавъ день.
Искалъ онъ, чѣмъ бы покормиться,
Ночь не послала ничего,
Придется, видно, воротиться,
А страшно!.. Что̀ ловить его?
Хозяйка старшихъ разбудила —
Блеснули въ ригахъ огоньки
И застучали молотила...
Богъ помочь, братья-мужики!»

Родныя русскія картины!
Заснулъ, и видѣлъ я во снѣ
Знакомый домъ, лѣса, долины,
И братья сказывали мнѣ,
Что сонъ ихъ уносилъ съ чужбины
Къ забытой, милой сторонѣ.
Летишь мечтой къ отчизнѣ дальной,
И на душѣ свѣтлѣй, теплѣй...

Чего не зналъ нашъ другъ опальный?
Слыхали мы въ тюрьмѣ своей
И басни хитрыя Крылова,
И пѣсни вѣщія Кольцова,
Узнали мы такихъ людей,
Передъ которыми позднѣй
Слѣпой народъ восторгъ почуетъ,
Вздохнетъ и — совѣсть уврачуетъ,
Воздвигнувъ пышный мавзолей.
Такъ иногда, узнавъ случайно,
Кто спасъ его когда-то тайно,
Бѣднякъ взволнованный бѣжитъ.
Приходитъ, смотритъ — вотъ жилище,
Но гдѣ-жъ хозяинъ? Всё молчитъ!
Идетъ бѣдняга на кладбище
И на могильныя плиты
Бросаетъ поздніе цвѣты...
.
.
.
.

. . . Достало въ немъ геройства
«Прости на вѣкъ!» сказать всему!
Но ты, святое безпокойство!
Тебя принесъ онъ и въ тюрьму!
О ней, о родинѣ державной,
Онъ говорить не уставалъ:
То жребій ей пророчилъ славный,
То старину припоминалъ,
Кто въ древни вѣки ею правилъ,
Какъ люди въ ней живали встарь,
Какъ обучилъ, вознесъ, прославилъ

Ее тотъ мудрый государь,
Кому въ царяхъ никто не равенъ,
Кто до скончанья міра славенъ
И святъ: Великаго Петра
Онъ звалъ отцомъ Россіи новой,
Онъ видѣлъ слѣдъ руки Петровой
Въ основѣ каждаго добра.
Сто вечеровъ до поздней ночи
Онъ говорилъ намъ про него —
Никто сомкнуть не думалъ очи
И не промолвилъ ничего.
Онъ говоритъ, ему внимаемъ,
И полны новыхъ думъ, тогда
Свои оковы забываемъ
И тяжесть чернаго труда.
Встаетъ во тракѣ подземелья
Предъ нами чудный ликъ Петра,
И какъ монашеская келья
Тиха преступниковъ нора.
Споснѣй на утро трудъ несносный,
Тоскаешь горы на плечахъ,
Чтобъ трудолюбецъ Вѣнценосный
Сказалъ спасибо въ небесахъ...
Да! видитъ Богъ, въ кровавомъ потѣ
Омыли мы свою вину,
И не напрасно на работѣ
Пѣвали пѣсенку одну:

ПѢСНЯ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

1.

Дружнѣй! работа есть лопатамъ,
Не даромъ насъ сюда вели,

Не даромъ Богъ насытилъ златомъ
Утробу матери-земли.

Трудись, покамѣстъ служатъ руки,
Не сѣтуй, не лѣнись, не трусь,
Спасибо скажутъ наши внуки,
Когда разбогатѣетъ Русь!

2.

. .

3.

Пускай бѣжитъ въ упорномъ дѣлѣ
Съ насъ потъ ручьями, какъ вода,
И мерзнетъ на клейменомъ тѣлѣ,
Когда почіемъ отъ труда.

Пускай томимся гладомъ, жаждой,
Пусть дрогнемъ въ холодѣ зимы:
Ей пригодится камень каждый,
Который добываемъ мы.

Ее сложилъ въ часы недуга
Нашъ тихій, вѣчно грустный Кротъ,
И часто, поминая друга,
Въ своемъ углу ее поетъ
Прощенный ссыльный. Здѣсь мы гости,
Сюда вернулись мы не жить —
Съ отцами рядомъ положить
Трудомъ изломанныя кости,
Но рады, рады и тому!..

Начальство къ намъ добрѣе стало,
Получше отвело тюрьму
И хорошо аттестовало.
Что̀ будетъ съ нами — до конца
Тяжелой было намъ загадкой,
Но въ умиленныя сердца
Прокрался лучъ надежды сладкой.
Такъ, помню, солнышко украдкой
Глядитъ, бывало, поутру
И въ нашу черную нору...

Но онъ надеждѣ вѣрилъ мало,
Едва бродя, едва дыша,
И только насъ бодрить хватало
Въ немъ силъ... Великая душа!
Его страданья были горды,
Онъ ихъ упорно подавлялъ,
Но иногда изнемогалъ
И плакалъ, плакалъ... Камни тверды,
Любой попробуй... но огня
Добудешь только изъ кремня.
Таковъ онъ былъ. Воспоминанья
Страшнѣй не помню; зналъ и я
Изнеможеніе страданья,—
Но что была печаль моя?
Къ довольству суетному зависть,
Быть можетъ, личная нена́висть,
Тоска по женщинѣ пустой,
Съ тряпичной, дюжинной душой,
Томленье скуки, злость безсилья...
Я, говорятъ, былъ мелко золъ
Въ моей тоскѣ... Не такъ орелъ
Свои оплакиваетъ крылья,

Которыхъ мощь извѣдалъ онъ,
Которыхъ царственная сила
Его подъ небо уносила...
Да! возвращаясь съ похоронъ,
Недаромъ въ голосъ мы сказали:
«Зачѣмъ его Кротомъ мы звали?
И мертвый сходенъ онъ лицомъ
Съ убитымъ молніей орломъ!»

О чемъ была его кручина?
Рыдалъ ли онъ рыданьемъ сына,
Давно отчаявшись обнять
Свою тоскующую мать,
И невеселая картина
Ему являлась: старый домъ
Стоитъ въ краю деревни бѣдной
И голова старухи блѣдной
Видна сѣдая подъ окномъ.
Вздыхаетъ, молится, гадаетъ
И смотритъ, смотритъ, и двойной
Въ окошко рамы не вставляетъ
Старуха позднею зимой.
А сколько, глядя на дорогу,
Уронитъ слезъ — извѣстно Богу!
Но нѣтъ! и Богъ ихъ не считалъ,
А то бы радость ей послалъ!

Любовь ли бѣднаго томила?
Что сталось съ нею? Позабыла?
Или груститъ... и далеко
Несется... мысленно заглянетъ
И содрогнется глубоко?
Гдѣ ей? въ ней сердца недостанетъ!

Ахъ! чувство женское легко!
Онѣ его хранятъ, лелѣютъ,
Покуда радуетъ оно,
Но если тучи тяготѣютъ
И небо грозно и темно—
Его спасти имъ не дано!

Быть можетъ, онъ душою вѣрной
Припоминалъ былыхъ друзей;
Въ кичливой гордости своей,
Быть можетъ, врагъ высокомѣрный
Ему являлся въ часъ ночной...
И съ крикомъ кинувшись, ногами,
Отягощенными цѣпями,
Топталъ онъ призракъ роковой?

Или изгладила чужбина
Все то, чѣмъ молодость жила,
И только слезы гражданина
Душа живая сберегла?
Какъ знать! Предъ нимъ мы дѣти были,
Ничѣмъ мы права не купили
Дѣлить великую печаль;
Не всѣ мы даже понимали,
За что̀ его сюда заслали;
Но было трудно, было жаль.
Закоренѣлаго невѣжду
Спроси, и тотъ отдать былъ радъ
Свою послѣднюю надежду —
Подъ небо родины возвратъ —
За мигъ единый облегченья
Его тоски, его мученья.
Но только правосудный Богъ

Утѣшить мученика могъ.
И скоро гробовыя двери
Предъ нимъ открылись; но не вдругъ
Клейменыхъ каторжниковъ другъ
Сошелъ въ нихъ: роковой потери
По каплѣ ядъ глотали мы.
Почти два года, изъ тюрьмы
Не выходя, онъ разрушался.
Зачѣмъ? Извѣстно небесамъ!
«*Чтобъ человѣкъ не баловался*»,
Смѣясь, говаривалъ онъ намъ.
И день и ночь поочередно
Его мы ложе берегли,
Зимой окутывали плотно,
Весной на солнышко несли
(Былъ для того у насъ устроенъ
Снарядъ особенный); больной
Кивалъ тихонько головой
И какъ-то грозно былъ спокоенъ.
Не шевельнется цѣлый день;
Тосклив̀ъ и кротокъ безпредѣльно,
Молчитъ: такъ, раненый смертельно,
Глядитъ и смерти ждетъ олень...
И наконецъ пора пришла...
Въ день смерти съ ложа онъ воспрянулъ,
И снова силу обрѣла
Нѣмая грудь — и голосъ грянулъ!
Мечтаньемъ чуднымъ окрылилъ
Его Господь передъ кончиной:
И онъ подъ небо воспарилъ
Въ красѣ и легкости орлиной.
Кричалъ онъ радостно: «впередъ!»
И гордъ, и ясенъ, и доволенъ:

Ему мерещился народъ
И звонъ московскихъ колоколенъ;
Восторгомъ взоръ его сіялъ,
На площади, среди народа,
Ему казалось, онъ стоялъ
И говорилъ...

Прошло два года.
Насталъ святой, великій мигъ,
Въ скрижаляхъ царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовѣстъ достигъ.
Разверзлась роковая яма,
Какъ птицы вольны вышли мы,
И не сговариваясь, прямо
Пришли гурьбою изъ тюрьмы
Къ одной могилѣ одинокой.
Стѣснилась грудь тоской жестокой
И каждый небо вопрошалъ:
«Зачѣмъ онъ жилъ, зачѣмъ страдалъ,
Зачѣмъ свободы не дождался?
— *Чтобъ человѣкъ не баловался!*
Одинъ сказалъ — и присмирѣлъ.
Переглянулись мы уныло,
И тихій ангелъ пролетѣлъ.
Лишь буря, не смолкая, выла
И небо хмурилось. Земли
Добывъ лопатою привычной,
Мы помолчали — и пошли...
И жизнь пошла чредой обычной!..

Хотѣлось мнѣ увидѣть мать;
Но что̀ пришлось бы ей сказать?

Кто подтолкнуть не устрашится
Утесъ, готовый обвалиться
На плечи брата своего?
Кто скажетъ ей: «ужъ нѣтъ его!
Загородись двойною рамой,
Напрасно горницъ не студи,
Простись съ надеждою упрямой
И на дорогу не гляди!»
Пусть лучше, глядя на дорогу,
Отдастъ съ надеждой душу Богу...
Но люди — звѣри: кто-нибудь
Утесъ обрушитъ ей на грудь...

Кто зналъ его, забыть не можетъ,
Тоска по немъ язвитъ и гложетъ!
И часто мысль туда летитъ,
Гдѣ гордый мученикъ зарытъ.
Пустыня бѣлая; — надъ гробомъ
Неталый снѣгъ лежитъ сугробомъ,
То солнце тусклое блеститъ,
То туча черная виситъ,
Встаютъ смерчи, ревутъ бураны,
Сѣдые стелются туманы,
Восходитъ день, ложится тьма,
Вороны каркаютъ — и злятся,
Что до костей его добраться
Мѣшаетъ вѣчная зима.

Римъ.

*
* *

Тяжелый годъ — сломилъ меня недугъ,
Бѣда застигла, счастье измѣнило,—
И не щадитъ меня ни врагъ, ни другъ,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
Съ своими кровными врагами,
Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекраснымъ призракомъ съ безумными глазами!
Упали волосы до плечъ,
Уста горятъ, румянцемъ рдѣютъ щеки,
И необузданная рѣчь
Сливается въ ужасные упреки,
Жестокіе, неправые... Постой!
Не я обрекъ твои младые годы
На жизнь безъ счастья и свободы,
Я другъ, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь
.

ТИШИНА.

1.

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни зàмковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ

И не нашелъ я ничего!
Я самъ не свой: хандрю, нѣмѣю,
Не одолѣвъ мою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею,
Но ты дохнула — и сумѣю,
Быть можетъ, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны —
Я пѣсни роднинѣ слагалъ!
И нынѣ жадно повѣряю
Мечту любимую мою,
И въ умиленьи посылаю
Всему привѣтъ... Я узнаю
Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
«Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали —
Убогій храмъ земли твоей:

Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ —
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...»

Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

2.

Пора! За рожью колосистой
Лѣса сплошные начались,
И сосенъ ароматъ смолистый
До насъ доходитъ... «Берегись!»
Уступчивъ, добродушно смиренъ
Мужикъ торопится свернуть...
Опять пустынно-тихъ и миренъ
Ты, русскій путь, знакомый путь!
Прибитая къ землѣ слезами
Рекрутскихъ женъ и матерей,
Пыль не стоитъ уже столбами
Надъ бѣдной родиной моей.

Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны,
И врядъ ли самъ припоминаешь,
Каковъ ты былъ во дни войны,—
Когда надъ Русью безмятежной
Возсталъ немолчный скрипъ телѣжный,
Печальный, какъ народный стонъ!
Русь поднялась со всѣхъ сторонъ,
Все, что̀ имѣла, отдавала
И на защиту высылала
Со всѣхъ проселочныхъ путей
Своихъ покорныхъ сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремѣлъ походный барабанъ,
Скакали бѣшено курьеры;
За караваномъ караванъ
Тянулся къ мѣсту ярой битвы —
Свозили хлѣбъ, сгоняли скотъ,
Проклятья, стоны и молитвы
Носились въ воздухѣ... Народъ
Смотрѣлъ довольными глазами
На фуры съ плѣнными врагами,
Откуда рыжихъ англичанъ,
Французовъ съ красными ногами
И чалмоносныхъ мусульманъ
Глядѣли сумрачныя лица...
И все минуло... все молчитъ...
Такъ мирныхъ лебедей станица,
Внезапно спугнута, летитъ,
И съ крикомъ обогнувъ равнину
Пустынныхъ, молчаливыхъ водъ,
Садится дружно на средину
И осторожнѣе плыветъ...

3.

Свершилось! Мертвые отпѣты,
Живые прекратили плачъ,
Окровавленные ланцеты
Отчистилъ утомленный врачъ;
Военный попъ, сложивъ ладони,
Творитъ молитву небесамъ,
И севастопольскіе кони
Пасутся мирно... Слава вамъ!
Вы были тамъ, гдѣ смерть летаетъ,
Вы были въ сѣчахъ роковыхъ
И какъ вдовецъ жену мѣняетъ,
Мѣняли всадниковъ лихихъ...
Война молчитъ — и жертвъ не проситъ;
Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную возноситъ
Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ-герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца;
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!
Молчитъ и *онъ*... какъ трупъ безглавый,
Еще въ крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнемъ и лавой!
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства передъ ней стояло,
Передъ одной... такихъ громовъ
Еще и небо не метало
Съ нерукотворныхъ облаковъ!
Въ ней воздухъ кровью напоили,

Изрѣшетили каждый домъ,
И, вмѣсто камня, намостили
Ее свинцомъ и чугуномъ.
Тамъ по чугунному помосту
И море подъ стѣной течетъ.
Носили тамъ людей къ погосту,
Какъ мертвыхъ пчелъ, теряя счетъ...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругомъ пустыня,
Могилы... Люди въ той странѣ
Еще не вѣрятъ тишинѣ,
Но тихо... Въ каменныя раны
Заходятъ сизые туманы,
И черноморская волна
Еще тепла, еще красна,
Уныло въ берегъ славы плещетъ...
Надъ всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды въ очи блещетъ
И думу думаетъ она.

4.

А тройка все летитъ стрѣлой.
Завидѣвъ мостъ полуживой,
Ямщикъ бывалый, парень русскій,
Въ оврагъ спускаетъ лошадей,
И ѣдетъ по тропинкѣ узкой
Подъ самый мостъ... оно вѣрнѣй!
Лошадки рады: какъ въ подпольѣ,
Прохладно тамъ... Ямщикъ свиститъ
И выѣзжаетъ на приволье
Луговъ... родной, любимый видъ!

Тамъ зелень ярче изумруда,
Нѣжнѣе шелковыхъ ковровъ,
И какъ серебряныя блюда,
На ровной скатерти луговъ
Стоятъ озёра!.. ночью темной
Мы миновали лугъ поёмный,
И вотъ ужъ ѣдемъ цѣлый день
Между зелеными стѣнами
Густыхъ березъ. Люблю ихъ тѣнь
И путь, усыпанный листами!
Здѣсь бѣгъ коня неслышно-тихъ,
Легко въ ихъ сырости пріятной,
И вѣетъ на душу отъ нихъ
Какой-то глушью благодатной.
Скорѣй туда — въ родную глушь!
Тамъ можно жить, не обижая
Ни божьихъ, ни ревизскихъ душъ,
И трудъ любимый довершая.
Тамъ стыдно будетъ унывать
И предаваться грусти праздной,
Гдѣ пахарь любитъ сокращать
Напѣвомъ трудъ однообразный.
Его ли горе не скребетъ? —
Онъ добръ, онъ за сохой шагаетъ,
Безъ наслажденья онъ живетъ,
Безъ сожалѣнья умираетъ.
Его примѣромъ укрѣпись,
Сломившійся подъ игомъ горя!
За личнымъ счастьемъ не гонись
И Богу уступай — не споря...

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ.

1.

Безпокойная ласковость взгляда
И поддѣльная краска ланитъ,
И убогая роскошь наряда —
Все не въ пользу ея говоритъ.
Но не лучше ли, прежде чѣмъ бросимъ
Мы въ нее приговоръ роковой,
Подзовемъ-ка ее, да разспросимъ:
«Какъ дошла ты до жизни такой?»
Не длиненъ и не новъ разсказъ:
Отецъ ея, подъячій бѣдный,
Таскался писаремъ въ Приказъ,
Имѣлъ порокъ дурной и вредный —
Запоемъ пилъ — и былъ буянъ,
Когда домой являлся пьянъ.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведетъ,
Уложитъ наскоро въ кроватку
И двери поплотнѣй припретъ.
Но бѣдной дѣвочкѣ не спится!
Ей чудится: отецъ бранится,
Мать плачетъ. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучитъ въ ней сердце... гдѣ тутъ спать?
Раздвинувъ завѣсы цвѣтныя,
Глядитъ на двери запертыя,
Откуда слышится содомъ,
Не шевелится и не дремлетъ.
Такъ птичка въ бурю подъ кустомъ
Сидитъ — и чутко бурѣ внемлетъ.

Но какъ ни буенъ былъ отецъ,
Угомонился наконецъ,—
И стало безъ него имъ хуже.
Мать умерла въ тоскѣ по мужѣ,
А дѣвочку взяла «Мадамъ»
И въ магазинѣ поселила.
Не очень много шили тамъ,
И не въ шитьѣ была тамъ сила...
.
.

2.

«Впрочемъ, что-жъ мы? насъ могутъ замѣтить
Рядомъ съ ней?..» И отхлынули прочь...
Нѣтъ! тебѣ состраданья не встрѣтить,
Нищеты и несчастія дочь!
Свѣтъ тебя предаетъ поруганью
И охотно прощаетъ другой,
Что̀ торгуетъ собой по призванью,
Безъ нужды, безъ борьбы роковой;
Что̀, поднявшись съ позорнаго ложа,
Разодѣнется, щеки притретъ
И летитъ, соблазнительно лёжа
Въ щегольскомъ экипажѣ, въ народъ—
Въ эту улицу роскоши, моды,
Офицеровъ, лоретокъ и баръ,
Гдѣ съ полу-государства доходы
Поглощаетъ заморскій товаръ.
Говорятъ, въ этой улицѣ милой
Все, что̀ моднаго выдумалъ свѣтъ,
Совмѣстилось волшебною силой,
Ничего только русскаго нѣтъ,—

Развѣ Ванька проѣдетъ унылый.
Днемъ и ночью на ней маскарадъ,
Ей не даромъ гордится столица!
На французскій, на англійскій ладъ
Исковеркавъ не-русскія лица,
Тамъ гуляютъ они, пустоты вѣковой
И наслѣдственной праздности дѣти,
Разодѣтой, довольной толпой...
Но, кому же разставишь ты сѣти?

Вышла ты изъ коляски своей
И на лентѣ ведешь собачонку.
Стая модныхъ и глупыхъ людей
Провожаетъ тебя въ перегонку.
У прекраснаго пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной...
Въ самомъ дѣлѣ, жена бѣдняка,
Позавидуй! эффектъ чрезвычайный!
Брилліанты, цвѣты, кружева,
Доводящіе умъ до восторга,
И на лбу роковыя слова:
«Продается съ публичнаго торга!»
Что, красавица, нагло глядишь?
Чѣмъ гордишься? Вотъ вся твоя повѣсть:
Ты ребенкомъ попала въ Парижъ,
Потеряла невинность и совѣсть,
Научилась бѣлиться и лгать
И явилась въ наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше, будто богатое, барство.

Да, не трудно! Но должно входить
Въ этотъ избранный міръ съ аттестатомъ.

Красотой насъ нельзя побѣдить,
Удивить невозможно развратомъ.
Намъ извѣстность, намъ мода нужна.
Ты красивѣй была и моложе,
Но, увы! неизвѣстна, бѣдна
И нуждалась сначала... О, Боже!
Твой разсказъ о купцѣ разрывалъ
Намъ сердца: по натурѣ бурлацкой,
Онъ то ноги твои цѣловалъ,
То хлесталъ тебя плетью казацкой.
Но, по счастію, этотъ дикарь,
Слабоватый умомъ и сердечкомъ,
Принялся за французскій букварь,
Чтобъ съ тобой обмѣняться словечкомъ.
Этимъ временемъ ты завела
Рысаковъ, экипажи, наряды,
И прославилась — въ моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дѣло, что вся до-чиста
Предалась ты постыдной продажѣ,
Что поддѣльна твоя красота,
Какъ гербы на твоемъ экипажѣ,
Что глупа ты, жадна и пуста —
Ничего! знатоки вашей націи
Порѣшили разумнымъ судомъ,
Что цинизмъ твой доходитъ до граціи,
Что геройство въ безстыдствѣ твоемъ!
Ты у Бога дѣтей не просила,
Но ты женщина тоже была:
Ты со скрежетомъ сына носила
И съ проклятьемъ его родила;
Онъ подросъ — ты его нарядила
И на Невскій съ собой повезла.

Ничего! Появленье малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милыя шутки,
Давъ богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардія наша
(Да и было чему, не шутя),
Что ко всякому съ словомъ «папаша»
Обращалось наивно дитя...
И не кинулъ никто, негодуя,
Комомъ грязи въ безстыдную мать:
Чувствомъ матери нагло торгуя,
Пуще стала она обирать.
Блѣдны, полны тупыхъ сожалѣній,
Потерявшіе шикъ молодцы,—
Вонъ по Невскому бродятъ, какъ тѣни,
Разоренные ею глупцы!
И примѣръ никому не наука,
Разоритъ она сотни другихъ:
Тупоуміе, праздность и скука
За нее... Но умолкни, мой стихъ!
И погромче насъ были витіи,
Да не сдѣлали пользы перомъ...
Дураковъ не убавимъ въ Россіи,
А на умныхъ тоску наведемъ...

РАЗМЫШЛЕНІЯ У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА.

(Писано въ 1858 году).

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ:

Записавъ свое имя и званье,
Разъѣзжаются гости домой,
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумаешь — въ томъ ихъ призванье!
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:
Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ нему то-и-знай по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачутъ.
Возвращаясь, иной напѣваетъ «трамъ-трамъ»,
А иные просители плачутъ.
Разъ я видѣлъ, сюда мужики подошли,
Деревенскіе, русскіе люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди:
Показался швейцаръ. — «Допусти», говорятъ
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: некрасивы на взглядъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльные лапти обутыхъ
(Знать, брели-то долгонько они
Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
Кто-то крикнулъ швейцару: «гони!
«Нашъ не любитъ оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постоявъ,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ,
И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!

Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами..
А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ...
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,—
Пробудись! Есть еще наслажденіе:
Вороти ихъ! въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...

Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ,
И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ.

Чтò тебѣ эта скорбь вопіющая?
Чтò тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою
Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою,
И со славой умрешь!

Безмятежнѣй аркадской идилліи
Закатятся преклонные дни:
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни,
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковымъ пѣніемъ

Средиземной волны, — какъ дитя
Ты уснешь, окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ);
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты въ могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочемъ, что-жъ мы такую особу
Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ-ли намъ выместить злобу?
Безопаснѣй... Еще веселѣй
Въ чемъ-нибудь пріискать утѣшенье...
Не бѣда, что потерпитъ мужикъ:
Такъ ведущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой,
Все пропьютъ бѣдняки, до рубля,
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ... Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;

Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется —
То бурла̀ки идутъ бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ сердечный!
Что же значитъ твой сонъ безконечный?
Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что̀ могъ, ты уже совершилъ, —
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно на вѣки почилъ?

ПѢСНЯ ЕРЕМУШКѢ.

Стой, ямщикъ! жара несносная,
Дальше ѣхать не могу! —
Вишь, пора-то сѣнокосная,
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялаго
Только нянюшка сидитъ,
Закачавъ ребенка малаго,
И сама почти-что спитъ;

Черезъ силу тянетъ пѣсенку,
Да, зѣвая, креститъ ротъ.
Сѣлъ я рядомъ съ ней на лѣсенку;
Няня дремлетъ и поетъ:

— «Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.

«Сила ломитъ и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшіе Еремушку
Въ люди вывели скорѣй.

«Въ люди выдешь — все съ вельможами
Будешь дружество водить,
Съ молодицами пригожими
Шутки вольныя шутить.

«И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка пѣсня безобразная!
— Няня! дай-ка мнѣ дитя!

«На̀, родной! да ты откудова?»
— Я проѣзжій, городской.—
«Покачай; а я покудова
«Подремлю... да пѣсню спой!»

— Какъ не спѣть: спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
— «Баю-баюшки баю!

— Въ пошлой лѣни усыпляющій
Пошлыхъ жизни мудрецовъ,
Будь онъ проклятъ, растлѣвающій
Пошлый опытъ — умъ глупцовъ!

— Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно.

— Будь счастливѣй! Силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

— Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.

— Съ ними ты рожденъ природою —
Возлелѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, Истиной, Свободою
Называются они.

— Возлюби ихъ! на служеніе
Имъ отдайся до конца!
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца.

— Будешь рѣдкое явленіе,
Чудо родины своей;
Не холопское терпѣніе
Принесешь ты въ жертву ей:

— Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду.

*

— Съ этой ненавистью правою,
Съ этой вѣрою святой,
Надъ неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

— И тогда-то...» Вдругъ проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
«Сытъ?... Ну, баюшки-баю!»
И запѣла надъ малюткою
Снова пѣсенку свою...

*
* *

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи —
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ..!

*
* *

(ОТРЫВОКЪ).

Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться.
Что-жъ намъ дѣлать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаемъ, чего пожелать.

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ.
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

О ПОГОДѢ.

УЛИЧНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Что за славная столица
Развеселый Петербургъ!

Лакейская пѣсня.

I.

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА.

Слава Богу, стрѣлять перестали!
Ни минуты мы ныньче не спали,
И едва ли кто въ городѣ спалъ:

Ночью пушечный громъ грохоталъ, —
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтобъ Нева въ берега воротилась,
И минула большая бѣда —
Понемногу сбываетъ вода.
Начинается день безобразный —
Мутный, вѣтренный, темный и грязный.
Ахъ, еще бы на міръ намъ съ улыбкой смотрѣть!
Мы глядимъ на него черезъ тусклую сѣть,
Что̀ какъ слезы струится по окнамъ домовъ,
Отъ тумановъ сырыхъ, отъ дождей и снѣговъ!
Злость беретъ, сокрушаетъ хандра,
Такъ и просятся слезы изъ глазъ.
Нѣтъ! я лучше уйду со двора...
Я ушелъ — и наткнулся какъ разъ
На тяжелую сцену. Везли на погостъ
Чей-то вохрой окрашенный гробъ
Черезъ длинный Исакіевъ мостъ.
Передъ гробомъ не шли ни родные, ни попъ,
Не лежала на немъ золотая парча,
Только, въ крышу досчатаго гроба стуча,
Прыгалъ градъ, да извощикъ-палачъ
Билъ кургузымъ кнутомъ спотыкавшихся клячъ,
И вдоль спинъ побѣлѣвшихъ удары кнута
Полосами ложились. Съѣзжая съ моста,
Зацѣпила за дроги коляска, стремглавъ
Съ офицеромъ, кричавшимъ: пошелъ! проскакавъ.
Гробъ упалъ и раскрылся.

«Сердечный ты мой!
Натерпѣлся ты горя живой,
Да пришлося терпѣть и по смерти...
То случился проклятый пожаръ,

То теперь наскакали вдругъ — черти!
Вотъ ужъ подлинно бѣдный Макаръ!
Домъ-то, гдѣ его тѣло стояло,
Загорѣлся, — забыли о немъ, —
Я схватилась: побились не мало,
Да спасли-таки гробъ цѣликомъ.
Такъ опять неудача сегодня!
Видно участь его такова...
Расходилась рука-то Господня,
Не удержишь!...»

Такія слова
Говорила бездушно и звонко,
Подбѣжавъ къ мертвецу впопыхахъ
Провожавшая гробъ старушонка,
Въ кацавейкѣ, въ мужскихъ сапогахъ.
— Вишь, проклятые! Ѣхать имъ тѣсно!
«Кто онъ былъ?» Я старуху спросилъ.
— Кто онъ былъ? да чиновникъ, извѣстно;
Въ департаментахъ разныхъ служилъ.
Петербургъ ему солонъ достался:
Въ наводненье жену потерялъ,
Цѣлый вѣкъ по квартирамъ таскался
И четырнадцать разъ погоралъ.
А ужъ службой себя какъ неволилъ!
Въ будни сиднемъ сидѣлъ да писалъ,
А по праздникамъ ноги мозолилъ —
Все начальство свое поздравлялъ.
Вотъ и кончилось тѣмъ — простудился!
Звалъ изъ Шуи родную сестру,
Да деньжонокъ послать поскупился.
«Такъ одинъ, говоритъ, и умру,
«Не дождусь... кто меня похоронитъ?

«Хоть ужъ ты не оставь, помоги!»
Страхъ, бывало, возьметъ, какъ застонетъ!
Подари — говорю, сапоги,
А то, вишь, разошелся дождище!
Неравно въ самомъ дѣлѣ умрешь,
Въ чемъ пойду проводить на кладбище?
Закивалъ головой... «Ну, и что жъ?
— Ну, и умеръ — и больше ни слова:
Надо мѣста искать у другого!
«И тебѣ его будто не жаль?»
— Что жалѣть! намъ жалѣть не досужно.
Что жалѣть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времячко!.. Господи Боже!
Какъ ни дорого бѣдному жить,
Умирать ему вдвое дороже:
На кладбищѣ-то мѣсто купить,
Да попу, да на гробъ, да на свѣчи... —

Говоря эти грустныя рѣчи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника въ церковь внесли.
Много ихъ тамъ гуртомъ отпѣвалось,
Было тѣсно — и трудно дышалось.
Я ушелъ по кладбищу гулять;
Тамъ одной незамѣтной могилы,
Гдѣ уснули великія силы,
Мнѣ хотѣлось давно поискать.

Сдѣлавъ даромъ три добрые круга,
Я у сторожа вздумалъ спросить.
Имя, званье, всѣ признаки друга
Онъ заставилъ пять разъ повторить,

И сказалъ: «нѣтъ, такого не знаю;
А, пожалуй, примѣту скажу,
Какъ искать: ты ищи его съ краю,
Перешедши вонъ эту межу,
И смотри: гдѣ кресты — тамъ мѣщане,
Офицеры, простые дворяне;
Надъ чиновникомъ больше плита;
Подъ плитой же бываетъ учитель:
А гдѣ нѣтъ ни плиты, ни креста,
Тамъ, должно быть, и есть сочинитель».

За совѣтъ я спасибо сказалъ,
Но могилы въ тотъ день не искалъ.
Я старуху знакомую встрѣтилъ
И покойника съ ней хоронилъ.
День, попрежнему гнилъ и не свѣтелъ,
Вмѣсто града дождемъ насъ мочилъ.
Средь могилъ, по мосткамъ деревяннымъ,
Довелось намъ долгонько шагать.
Впереди, подъ навѣсомъ туманнымъ,
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Все мертво — только вѣтеръ свиститъ.
Вонъ, виднѣется черная точка:
Это сторожъ. «Скорѣе!» кричитъ.
По танцующимъ жердочкамъ, прямо
Мы направились съ гробомъ туда;
Наконецъ, вотъ и свѣжая яма,
И ужъ въ ней по колѣно вода!
Въ эту воду мы гробъ опустили,
Жидкой грязью его завалили —
И конецъ! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:

«Ну, дождался, сердечный, отрады!
«Что-бъ ужъ, кажется, съ мертваго взять?
«Да Господь, какъ захочетъ обидѣть,
«Такъ обидитъ: вчера погоралъ,
«А сегодня, изволите видѣть:
«Изъ огня прямо въ воду попалъ!»
Я взглянулъ на нее — и замѣтилъ,
Что старухѣ-то жаль бѣдняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я нѣмымъ ей поклономъ отвѣтилъ
И ушелъ... Я доволенъ собой,
Я не даромъ на улицу вышелъ:
Я хандру разогналъ — и смѣшной
Каламбуръ на кладбищѣ услышалъ,
Подготовленный жизнью самой...

II.

ДО СУМЕРЕКЪ.

1.

Вѣтеръ что-то удушливъ не въ мѣру,
Въ немъ зловѣщая нота звучитъ,
Все холеру — холеру — холеру —
Тифъ и всякую немочь сулитъ!
Всѣ больны; торжествуетъ аптека
И варитъ свои зелья гуртомъ;
Въ цѣломъ городѣ нѣтъ человѣка,
Въ комъ бы желчь не кипѣла ключомъ;
Мужъ, супругою страстно любимый,
Въ этотъ день не понравится ей,
И преступникъ, сегодня судимый,
Вдвое больше получитъ плетей.
Всюду встрѣтишь жестокую сцену: —

Полицейскій не въ мѣру сердитъ,
Тесакомъ, какъ въ гранитную стѣну,
Въ спину бѣднаго Ваньки стучитъ.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вотъ сильнѣй,—видно, треснули вновь...
Стали грѣться—догрѣлись до драки
Два калашника... хохотъ—и кровь!

2.

Подъ жестокой рукой человѣка,
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калѣка,
Непосильную ношу влача.
Вотъ она зашаталась и стала.
«Ну!» погонщикъ полѣно схватилъ,
(Показалось кнута ему мало)—
И ужъ билъ ее, билъ ее, билъ!
Ноги какъ-то разставивъ широко,
Вся дымясь, осѣдая назадъ,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядѣла... (такъ люди глядятъ,
Покоряясь неправымъ нападкамъ).
Онъ опять: по спинѣ, по бокамъ,
И впередъ забѣжавъ, по лопаткамъ
И по плачущимъ кроткимъ глазамъ!
Все напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся отъ кнута,
Лишь на каждый ударъ отвѣчала
Равномѣрнымъ движеньемъ хвоста.
Это праздныхъ прохожихъ смѣшило,
Каждый вставилъ словечко свое,
Я сердился—и думалъ уныло:

«Не вступиться ли мнѣ за нее?
«Въ наше время сочувствовать мода,
«Мы помочь бы тебѣ и не прочь,
«Безотвѣтная жертва народа—
«Да себѣ не умѣемъ помочь!»
А погонщикъ не даромъ трудился—
Наконецъ-таки толку добился!
Но послѣдняя сцена была
Возмутительнѣй первой для взора:
Лошадь вдругъ напряглась—и пошла
Какъ-то бокомъ, нервически скоро,
И погонщикъ при каждомъ прыжкѣ,
Въ благодарность за эти усилья,
Поддавалъ ей ударами крылья,
И самъ рядомъ бѣжалъ налегкѣ.

3.

Я горячимъ рожденъ патріотомъ,
Я весьма терпѣливо стою,
Если войско, несмѣтное счетомъ,
Переходитъ дорогу мою.
Ускользнутъ ли часы изъ кармана,
До костей ли прохватитъ морозъ
Подъ воинственный громъ барабана,—
Не жалѣю: я истинный россъ;
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нѣтъ, кивера не блестятъ
И не ло̀снится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенятъ;
На солдатахъ едва-ли что̀ сухо,
Съ лицъ бѣгутъ дождевыя струи,
Артиллерія тяжко и глухо

Подвигаетъ орудья свои.
Все молчитъ. Въ этой рамѣ туманной
Лица воиновъ жалки на видъ,
И подмоченный звукъ барабанный,
Словно издали, жидно гремитъ...

4.

Прибываетъ толпа ожидающихъ...
Сколько дрожекъ, колясокъ, каретъ!
Пѣшихъ, ѣдущихъ, праздно-зѣвающихъ,—
Счету нѣтъ!
Тутъ квартальный съ захваченнымъ пьяницей,
Какъ Ѳедотовъ его срисовалъ;
Тутъ старуха съ аптечною скляницей,
Тутъ жандармскій сѣдой генералъ;
Тутъ и дама, такая сердитая—
Открывай ей немедленно путь!
Тутъ и лошадь, недавно побитая:
Богъ привелъ и ее отдохнуть.
Смотритъ прямо въ окошко каретное,
На стеклѣ надышало пятно.
Вотъ лицо, молодое, привѣтное,
Вотъ и ручка,—раскрылось окно—
И погладила клячу несчастную
Ручка бѣлая... дождь зачастилъ,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорѣй торопилъ.
Тутъ бѣднякъ итальянецъ съ фигурами,
Тутъ чухна, продающій грибы,
Тутъ разсыльный Минай съ корректурами.
— Что̀, старинушка, много ходьбы?—
«Много было до сорокъ девятаго;

«Отдохнули потомъ... да опять
«Съ пятьдесятъ этакъ прорвало съ пятаго,
«Успѣвай только ноги таскать!»
— А какія ты носишь изданія?—
«Пропасть ихъ—перечесть мудрено.
«Я Записки носилъ съ основанія,
«Съ Современникомъ няньчусь давно:
«То носилъ къ Александру Сергѣичу,
«А теперь ужъ тринадцатый годъ
Все ношу къ Николай Алексѣичу,—
На Литейной живетъ.
«Слогъ хорошъ, а жиденько изданіе,
«Такъ, оберточкой больше берутъ.
«Вотъ Записки—одно ужъ названіе!
«Но и эти, случается, врутъ.
«Все зарѣзать другъ дружку стараются,
Впрочемъ, насъ же надуть норовятъ;
«Въ мѣсяцъ тридцать листовъ обѣщаются,
«А разсыльный таскай шестьдесятъ!
«Знай ходи—то въ Коломну, то къ Невскому;
«Даже Фрейгангъ устанетъ марать:
— Объяви, говоритъ, ты Краевскому,
Что я больше не стану читать!..
«Вотъ и ныньче несу что-то спѣшное—
«Да пускай подождутъ, не впервòй.
«Эхъ, умаялось тѣло-то грѣшное!..»
— Да, порá бы тебѣ на покой.—
«То-то нѣтъ, говорили мнѣ многіе,
«Даже докторъ (въ тридцатомъ году
«Я носилъ ему Курсъ Патологіи):
«*Жить тебѣ, пока ты на ходу!*
«И вѣдь точно: сильнѣй нездоровится,
«Коли въ праздникъ ходьба остановится:

«Ноетъ спинушка, жилы ведетъ!
«Я хожу ужъ полъ-вѣка безъ малаго;
Человѣка такого усталаго
«Не держи—пусть идетъ!
«Умереть бы привелъ Богъ со славою,
«Отдохнуть—отдохнемъ, потрудясь...»
Принялъ позу старикъ величавую,
На Исакія смотритъ, крестясь.
Мнѣ понравилась рѣчь эта странная.
— Трудно дѣло твое! я сказалъ.—
«Дѣла нѣтъ, а ходьба безпрестанная,
«За то городъ я славно узналъ!
«Знаю, сколько въ немъ храмовъ считается,
«Въ каждой улицѣ сколько домовъ,
«Сколько вывѣсокъ, сколько шаговъ
«(Такъ, идешь да считаешь, случается).
«Грѣшенъ, знаю число кабаковъ.
«Что̀ ни есть въ этомъ городѣ жителей,
«Всѣхъ по времени вызналъ съ лица».
— Ну! а много видалъ сочинителей?—
«День считай—не дойдешь до конца!
«Чай, и счетъ потерялъ въ литераторахъ!
«Коихъ помню—пожалуй, скажу.
«При царицѣ, при трехъ императорахъ
«Къ нимъ ходилъ... при четвертомъ хожу:
«Зналъ Булгарина, Греча, Сенковскаго,
«У Воейкова долго служилъ,
«Въ Шепелевскомъ*) сыпа̀лъ у Жуковскаго
«И у Пушкина въ Царскомъ гостилъ.
«Походилъ я къ Василью Андреичу,
«Да гроша отъ него не видалъ;

*) Дворецъ, гдѣ долго жилъ Жуковскій.

«Не чета Александру Сергѣичу—
«Тотъ частенько на водку давалъ,
«Да за то попрекалъ все цензурою:
«Если красные встрѣтитъ кресты,—
«Такъ и пуститъ въ тебя корректурою:
«Убирайся молъ, ты!
«Глядя, какъ человѣкъ убивается,
«Разъ я молвилъ: сойдетъ-де и такъ!
— «Это кровь, говоритъ, проливается,—
«Кровь моя—ты дуракъ!..»

5.

Полно ждать! за послѣдней колонною
Отсталые прошли,
И покрытаго красной попоною
Въ заключенье коня провели.
Торжествуя конецъ ожиданія,
Кучера завопили «пади!»
Все спѣшитъ.—Ну, старикъ, до свиданія,
Коли нужно идти, такъ иди!

6.

Я, продрогнувъ, домой побѣжалъ.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь пересталъ,—
Снѣгъ лепешками крупными валится!
Городъ началъ пустѣть—и пора!
Только бѣдный да пьяный шатаются
Да близъ мѣдной статуи Петра,
У присутственныхъ мѣстъ, дожидаются
Сотни сотенъ крестьянскихъ дровней,
И такъ щедро съ небесъ посыпаются,

Что за снѣгомъ не видно людей.
Чу! рыданіе бабъ истеричное!
Сдали парня?.. Жалѣй не жалѣй,
Перемелется—дѣло привычное!
Злость-тоску мужики на лошадкахъ сорвутъ,
Коли денежки есть—раскошелятся
И кручинушку штофомъ запьютъ,
А слезами-то бабы подѣлятся!
По ведерочку слезъ на сестрёнокъ уйдетъ,
Съ полъ-ведра молодухѣ достанется,
А старуха-то мать и безъ мѣры возьметъ—
И безъ мѣры возьметъ—что̀ останется!

III.

СУМЕРКИ.

Говорятъ, еще день. Правда, я не видалъ,
Чтобы мѣсяцъ свой рогъ золотой показалъ;
Но и солнца не видѣлъ никто.
Безъ его даровыхъ, благодатныхъ лучей
Золоченые куполы пышныхъ церквей
И вся роскошь столицы—ничто.
Надо всѣмъ, что̀ ни есть, надъ дворцомъ и тюрьмой,
И надъ мѣднымъ Петромъ, и надъ грозной Невой,
До чугунныхъ коней на воротахъ заставъ
(Что хотятъ ускакать изъ столицы стремглавъ)—
Надо всѣмъ распростерся туманъ.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Не красивъ въ эту пору нашъ городъ большой,
Какъ изношенный фатъ безъ румянъ...

Наша улица—улицъ столичныхъ краса,
Въ ней дома все въ четыре эта́жа:

Не лазурны надъ ней небеса,
Да за то процвѣтаетъ продажа.
Сверху до низу вывѣски сплошь
Покрываютъ громадныя стѣны,
Сколько хочешь тутъ нѣмцевъ найдешь—
Изъ Берлина, изъ Риги, изъ Вѣны.
Все соблазны, помилуй насъ Богъ!
Тамъ перчатка съ руки великана,
Тамъ торчитъ Веллингтоновъ сапогъ,
Тамъ съ открытою грудью Діана...
Даже ты, Варсонофій Петровъ,
Подлѣ вывѣски «дѣлаютъ гробы»
Прицѣпилъ полужоныя скобы
И другіе снаряды гробовъ,
Словно хочешь сказать: «другъ-прохожій!
Соблазнись — и умри поскорѣй!»
Человѣкъ ты, я знаю, хорошій,
Да многонько родилъ ты дѣтей —
Непрестанные нужны заказы...
Ничего! обезпеченъ твой трудъ:
Бѣдность гибельнѣй всякой заразы...
Въ нашей улицѣ люди такъ мрутъ,
Что по ней, то и знай, на кладбища,
Какъ въ холеру, тащатъ мертвецовъ:
Холодъ, голодъ, сырыя жилища —
Не робѣй, Варсонофій Петровъ!...

Въ нашей улицѣ жизнь трудовая:
Начинаютъ, ни свѣтъ, ни заря,
Свой ужасный концертъ, припѣвая,
Токари, рѣщики, слесаря,
А въ отвѣтъ имъ гремитъ мостовая!
Дикій крикъ продавца-мужика,

И шарманка съ пронзительнымъ воемъ,
И кондукторъ съ трубой, и войска,
Съ барабаннымъ идущія боемъ,
Понуканье измученныхъ клячъ,
Чуть живыхъ, окровавленныхъ, грязныхъ,
И дѣтей раздирающій плачъ
На рукахъ у старухъ безобразныхъ,—
Все сливается, стонетъ, гудётъ,
Какъ-то глухо и грозно рокочетъ,
Словно цѣпи куютъ на несчастный народъ,
Словно городъ обрушиться хочетъ.
Давка, говоръ... (о чемъ голоса?—
Все о деньгахъ, о нуждѣ, о хлѣбѣ)...
Смрадъ и копоть. Глядишь въ небеса,
Но отрады не встрѣтишь и въ небѣ.

Этотъ омутъ хорошъ для людей,
Разставляющихъ ближнему сѣти,
Но не жалко ли бѣдныхъ дѣтей?
Вы зачѣмъ тутъ, несчастныя дѣти?
Неужели душѣ молодой
Ужъ знакомы нужда и неволя?
Ахъ, уйдите, уйдите со мной
Въ тишину деревенскаго поля!
Не такой тамъ услышите шумъ,—
Тамъ шумитъ созрѣвающій колосъ,
Усыпляя младенческій умъ
И страстей преждевременный голосъ.
Солнце, воздухъ, цвѣтовъ ароматъ —
Это всѣхъ поколѣній наслѣдство;
За предѣлами душныхъ оградъ
Проведете вы сладкое дѣтство.
Нѣтъ! вамъ краснаго дѣтства не знать,

Не прожить вамъ покойно и честно.
Жребій вашъ... но къ чему повторять
То, что̀ даже ребенку извѣстно?

На спинѣ ли дрова ты несешь на чердакъ,
Черезъ лобъ протянувши веревку,
Грошъ ли просишь, идешь ли въ кабакъ,
Задаютъ ли тебѣ потасовку,—
Ты знакомъ уже намъ, петербургскій бѣднякъ,
Нарисованный ловкою кистью
Въ модной книгѣ — угрюмый, худой,
Обезсмысленный дикой корыстью,
Страхомъ, голодомъ, мелкой борьбой.
Мы довольно похвалъ расточали
И довольно сплели мы вѣнковъ
Тѣмъ, которые намъ рисовали
Любопытную жизнь бѣдняковъ.
Гдѣ-жъ плоды той работы полезной?
Увидавъ, какъ читатель иной
Льетъ надъ книгою слезы рѣкой,
Такъ и хочешь сказать: «другъ любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманныхъ книжонокъ,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтобъ, вскочивъ, накололся ребенокъ!»

*
* *

...... Одинокій, потерянный,
Я какъ въ пустынѣ стою,
Гордо не кличетъ мой голосъ увѣренный
Душу родную мою.

Нѣтъ ея въ мірѣ. Тѣ дни миновалися,
Какъ на призывы мои
Чуткіе сердцемъ друзья отзывалися,
Слышалось слово любви.

Кто виноватъ — у судьбы не допросишься,
Да и не все ли равно?
У моря бродишь,—«не вѣрю, не бросишься!
Вкрадчиво шепчетъ оно:

«Гдѣ тебѣ? Дружбы, любви и участія
«Ты еще жаждешь и ждешь.
«Гдѣ тебѣ, гдѣ тебѣ! — ты не безъ счастія,
«Ты не безъ ласки живешь...

«Видишь, разсѣялась туча туманная,
«Звѣздочки вышли, горятъ!
«Всѣ на тебя, голова безталанная,
«Ласковымъ взоромъ глядятъ».

* * *

Что̀ ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Ужъ про насъ не вперво̀й
Снѣжнымъ комомъ прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растетъ, прибавляется,—
Не тужи! какъ умремъ,
Кто-нибудь и объ насъ проболтается
Добрымъ словцомъ.

ДЕМОНУ.

Гдѣ ты, мой старый мучитель,
Демонъ безсонныхъ ночей?
Сбился я съ толку, учитель,
Съ братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя—
Пламя пылаетъ сильнѣй,
Краше волнуется знамя
Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю:
Такъ глубоко ненавижу,
Такъ безкорыстно люблю!

Ныньче—я все понимаю,
Все объяснить я хочу,
Все такъ охотно прощаю,
Лишь неохотно молчу.

Что же со мною случилось?
Какъ разгадаю себя?
Все бы тотчасъ объяснилось,
Да не докличусь тебя!

Способа ты не находишь
Сладить съ упрямой душой?
Иль потому не приходишь,
Что ужъ доволенъ ты мной?

ЗНАХАРКА.

Знахарка въ нашемъ живетъ околоткѣ:
На воду шепчетъ, на гущѣ, на водкѣ

Да на какихъ-то гадаетъ травахъ.
Просто наводитъ, проклятая, страхъ!

Радостей мало—пророчитъ все горе;
Вздумалъ бы плакать—наплакалъ бы море,

Да—Господь милостивъ! русскій народъ
Плакать не любитъ, а больше поётъ.

Молвила вѣдьма горластому парню:
«Эй! угодишь ты на барскую псарню!»

И—поглядятъ—черезъ мѣсяцъ всего
По лѣсу парень оретъ «го-го-го!»

Дядѣ Степану сказала: «Кичишься
«Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

«Либо твоей головѣ пропадать!»
Стали Степана рекрутствомъ пугать:

Вывелъ коня на базаръ — откупился!
Весь околотокъ колдуньѣ дивился.

«Семъ-ка, и я понавѣдаюсь къ ней!»
Думаетъ старый мужикъ Пантелей:

«Что̀ ни предскажетъ кому: разоренье,
«Убыль въ семействѣ, глядишь — исполненье!

«Чортъ у ней, что ли, въ дрожжахъ-то сидитъ?..»
Вотъ и пришелъ Пантелей — и стоитъ,

Ждетъ: у колдуньи была ужъ дѣвица,
Любо взглянуть — молода, полнолица.

Рядомъ съ ней парень — дворовый, кажись.
Знахарка дѣвкѣ: «Ты съ нимъ не вяжись!

«Будетъ твоя особливая доля:
«Малыя слезы — и вѣчная воля!»

Дрогнулъ дворовый, а вѣдьма ему:
«Счастью не быть, молодецъ, твоему.

«Все говорить? — Говори! — «Ты зимою
«Много потерпишь, дойдешь до запою,

«Будешь небритый валяться въ избѣ,
«Чортики прыгать учнутъ по тебѣ,

«Станутъ глумиться, тянуть въ преисподню;
«Ты въ пузыречекъ наловишь ихъ сотню,

«Станешь его затыкать...» Пантелей
Шапку въ охапку — и вонъ изъ дверей.

«Что же, старикъ? Погоди — погадаю!»
Вѣдьма ему. Пантелей: — «Не желаю!

«Что̀ намъ гадать? Малолѣтковъ морочь,
«Я погожу пока, чортова дочь!

«Ты намъ тогда предскажи нашу долю,
«Какъ отъ господъ отойдемъ мы на волю!»

НА ВОЛГѢ.

(дѣтство валежникова).

1.

.
.

Не торопись, мой вѣрный пёсъ!
Зачѣмъ на грудь ко мнѣ скакать?
Еще успѣемъ мы стрѣлять.
Ты удивленъ, что я приросъ
На Волгѣ: цѣлый часъ стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнилъ молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здѣсь на свободѣ. Я похожъ
На нищаго: вотъ бѣдный домъ;
Тутъ, можетъ, подали бы грошъ;
Но вотъ другой — богаче: въ немъ,
Авось, побольше подадутъ;
И нищій мимо; между тѣмъ
Въ богатомъ домѣ дворникъ-плутъ
Не надѣлилъ его ничѣмъ.
Вотъ домъ еще пышнѣй, но тамъ
Чуть не прогнали по шеямъ!
И, какъ нарочно, все село
Прошелъ — нигдѣ не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся онъ назадъ
Къ убогой хижинѣ — и радъ,
Что корку бросили ему;
Бѣднякъ ее, какъ робкій песъ,
Подальше отъ людей унесъ

И гложетъ... Рано пренебрегъ
Я тѣмъ, что̀ было подъ рукой,
И чуть не дѣтскою ногой
Ступилъ за отческій порогъ,
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мнѣ лепеталъ любимый лѣсъ:
Вѣрь, нѣтъ милѣй родныхъ небесъ!
Нигдѣ не дышется вольнѣй
Родныхъ луговъ, родныхъ полей!
И той же пѣсенкою полнъ
Былъ говоръ этихъ милыхъ волнъ,
Но я не вѣрилъ ничему.
Нѣтъ, — говорилъ я жизни той:
Ничѣмъ не купленный покой
Противенъ сердцу моему...
Быть можетъ, недостало силъ,
Или мой трудъ не нуженъ былъ,
Но жизнь напрасно я убилъ,
И то, о чемъ дерзалъ мечтать,
Теперь мнѣ стыдно вспоминать!
Всѣ силы сердца моего
Истративъ въ медленной борьбѣ,
Не допросившись ничего
Отъ жизни ближнимъ и себѣ,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О, юность бѣдная моя!
Прости меня, смирился я.
Не помяни мнѣ дерзкихъ грезъ,
Съ какими, бросивъ край родной,
Я издѣвался надъ тобой!
Не помяни мнѣ глупыхъ слезъ,

Какими плакалъ я не разъ,
Твоимъ покоемъ тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чемъ бы сердцемъ отдохнуть
Я могъ, пошли мнѣ! Я усталъ,
Въ себя я вѣру потерялъ;
И только память дѣтскихъ дней
Не тяготитъ души моей...

2

Я росъ, какъ многіе, въ глуши,
У береговъ большой рѣки,
Гдѣ лишь кричали кулики,
Шумѣли глухо камыши,
Рядами стаи бѣлыхъ птицъ,
Какъ изваянія гробницъ,
Сидѣли важно на пескѣ;
Виднѣлись горы вдалекѣ,
И синій безконечный лѣсъ
Скрывалъ ту сторону небесъ,
Куда, дневной окончивъ путь,
Уходитъ солнце отдохнуть.

Я страха съ молоду не зналъ,
Считалъ я братьями людей,
И даже скоро пересталъ
Бояться лѣшихъ и чертей.
Однажды няня говоритъ:
«Не бѣгай ночью — волкъ сидитъ
За нашей ригой, а въ саду
Гуляютъ черти на пруду!»
И въ ту же ночь пошелъ я въ садъ.

Не то, чтобъ я чертямъ былъ радъ,
А такъ — хотѣлось видѣть ихъ.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Какъ будто съ умысломъ притихъ
Весь божій міръ — и наблюдалъ,
Чтò дерзкій мальчикъ затѣвалъ!
И какъ-то не шагалось мнѣ
Въ всезрящей этой тишинѣ.
Не воротиться ли домой?
А то — какъ черти нападутъ
И потащатъ съ собою въ прудъ,
И жить заставятъ подъ водой?
Однако, я не шелъ назадъ.
Играетъ мѣсяцъ надъ прудомъ
И отражается на немъ
Береговыхъ деревьевъ рядъ.
Я постоялъ на берегу,
Послушалъ — черти ни гу-гу!
Я прудъ три раза обошелъ,
Но чортъ не выплылъ, не пришелъ!
Смотрѣлъ я межъ вѣтвей деревъ
И межъ широкихъ лопуховъ,
Что поросли вдоль береговъ,
Въ водѣ: не спрятался-ли тамъ?
Узнать бы можно по рогамъ.
Нѣтъ никого! Пошелъ я прочь,
Нарочно сдерживая шагъ.
Сошла мнѣ даромъ эта ночь,
Но если-бъ другъ какой иль врагъ
Засѣлъ въ кусту и закричалъ,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова надъ головой, —

Навѣрно-бъ мертвый я упалъ!
Такъ любопытствуя, давилъ
Я страхи ложные въ себѣ,
И въ безполезной той борьбѣ
Не мало силы погубилъ.
За то, добытая съ тѣхъ поръ,
Привычка не искать опоръ
Меня вела своимъ путемъ,
Пока рожденнаго рабомъ
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь въ раба!

3.

О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ,
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была.
Кругомъ все та же даль и ширь,
Все тотъ же виденъ монастырь
На острову, среди песковъ,
И даже трепетъ прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей,
Заслыша звонъ колоколовъ.
Все то же, то же... только нѣтъ
Убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ...

Ужъ скоро полдень. Жаръ такой,
Что на пескѣ горятъ слѣды,
Рыбалки дремлютъ надъ водой,
Усѣвшись въ плотные ряды;
Куютъ кузнечики, съ луговъ
Несется крикъ перепеловъ;

Не нарушая тишины
Лѣнивой, медленной волны,
Расшива движется рѣкой.
Приказчикъ, парень молодой,
Смѣясь, за спутницей своей
Бѣжитъ по палубѣ: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричитъ онъ ей:
«Постой, проказница, ужо
Вотъ догоню!..» Догналъ, поймалъ, —
И поцѣлуй ихъ прозвучалъ
Надъ Волгой вкусно и свѣжо.
Насъ такъ никто не цѣловалъ!
Да въ подрумяненныхъ губахъ
У нашихъ барынь городскихъ
И звуковъ даже нѣтъ такихъ.

Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
Я позабылся. Сонъ и зной
Уже царили надо мной.
Но вдругъ я стоны услыхалъ
И взоръ мой на берегъ упалъ.
Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки,
И былъ невыносимо дикъ
И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный, похоронный крикъ —
И сердце дрогнуло во мнѣ.

О, Волга!.. колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?

Одинъ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мірѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ,
То, какъ играющій звѣрокъ,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать былъ готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ.
И не ушелъ бы никуда,
Когда-бъ, о Волга! надъ тобой
Не раздавался этотъ вой!

Давно — давно, въ такой же часъ,
Его услышавъ въ первый разъ,
Я былъ испуганъ, оглушенъ,
Я знать хотѣлъ, что значитъ онъ —
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котелъ съ расшивы принесли,
Усѣлись, развели костёръ
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
— Когда-то въ Нижній попадемъ?
Одинъ сказалъ: — когда-бъ попасть

Хоть на Илью...—«Авось придемъ»,
Другой, съ болѣзненнымъ лицомъ,
Ему отвѣтилъ:—«Эхъ, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянулъ бы лямку, какъ медвѣдь,
А кабы къ утру умереть —
Такъ лучше было бы еще...»
Онъ замолчалъ и навзничь легъ.
Я этихъ словъ понять не могъ,
Но тотъ, который ихъ сказалъ,
Угрюмый, тихій и больной,
Съ тѣхъ поръ меня не покидалъ!
Онъ и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И, выражающій укоръ,
Спокойно-безнадежный взоръ...

Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
Лишь поздно вечеромъ домой
Я воротился. Кто тутъ былъ —
У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что̀ видѣлъ, и во снѣ
О томъ, что̀ разсказали мнѣ,
Я бредилъ. Няню испугалъ:
«Сиди, родименькій, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убѣжалъ.

Богъ вѣсть, что сдѣлалось со мной?
Я не узналъ рѣки родной:
Съ трудомъ ступаетъ на песокъ
Моя нога: онъ такъ глубокъ;

Ужъ не манитъ на острова
Ихъ ярко-свѣжая трава,
Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
Зловѣщъ, пронзителенъ и дикъ,
И говоръ тѣхъ же милыхъ волнъ
Иною музыкою полнъ!

О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки,
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!..

Что я въ ту пору замышлялъ,
Созвавъ товарищей-дѣтей,
Какія клятвы я давалъ —
Пускай умретъ въ душѣ моей,
Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ!
Но если вы — наивный бредъ,
Обѣты юношескихъ лѣтъ, —
Зачѣмъ же вамъ забвенья нѣтъ,
И вами вызванный упрёкъ
Такъ сокрушительно жестокъ?

4.

Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ:
Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
Въ чертахъ усталаго лица
Все та-жъ покорность безъ конца...

Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ и гибнутъ безъ слѣда
И безъ урока для дѣтей!
Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
Бродя по этимъ берегамъ,
И передъ смертію не зналъ,
Что̀ заповѣдать сыновьямъ.
И, какъ ему, — не довелось
Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ?
Какъ онъ, безгласно ты умрешь,
Какъ онъ безвѣстно пропадешь.
Такъ заметается пескомъ
Твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
Гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ
Не краше узника въ цѣпяхъ,
Твердя постылыя слова,
Отъ вѣка тѣ же: «разъ да два!»
Съ болѣзненнымъ привѣтомъ «ой!»
И въ тактъ мотая головой...

РЫЦАРЬ НА ЧАСЪ.

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
Если вѣтеръ осенній бушуетъ, —
Надъ душой воцаряется мгла,
Умъ, бездѣйствуя, вяло тоскуетъ.
Только сномъ и возможно помочь;
Но, къ несчастью, не всякому спится...

Слава Богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко;
Разбудилъ я гусей на пруду,
Я со стога спугнулъ ястребёнка:
Какъ онъ вздрогнулъ! какъ крылья развилъ!
Какъ взмахнулъ ими сильно и плавно!
Долго, долго за нимъ я слѣдилъ,
Я невольно сказалъ ему: славно!
Чу! стучитъ проѣзжающій возъ,
Деготкомъ потянуло съ дороги...
Обоняніе тонко въ морозъ,
Мысли свѣжи, выно̀сливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняетъ ожившую грудь;
Жаждой дѣла душа закипаетъ,
Вспоминается пройденый путь,
Совѣсть пѣсню свою запѣваетъ...

Я совѣтую гнать ее прочь —
Будетъ время еще сосчитаться!
Въ эту тихую, лунную ночь
Созерцанію должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Мѣсяцъ полный плыветъ надъ дубравой,
И господствуютъ въ небѣ цвѣта
Голубой, бѣловатый, лиловый.
Воды ярко блестятъ средь полей,
А земля прихотливо одѣта

Въ волны бѣлаго луннаго свѣта
И узорчатыхъ, странныхъ тѣней.
Отъ большихъ очертаній картины
До тончайшихъ сѣтей паутины,
Чтò какъ иней къ землѣ прилегли —
Все отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гре́чи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающій сонныя нивы,
Лѣсъ сквозитъ, весъ усыпанъ листвой;
Чудны красокъ его переливы
Подъ играющей, ясной луной;
Дубъ ли пасмурный, клёнъ ли веселый —
Въ немъ легко отличишь издали;
Грудью къ сѣверу, воронъ тяжелый —
Видишь — дремлетъ на старой ели!
Все, чѣмъ можетъ порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленѣющей озими гладь,
Подо льномъ — золотая долина,
Посреди освѣщенныхъ луговъ
Величавое войско стоговъ, —
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если-бъ даже пришлось въ эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ея бѣдность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоитъ, словно полная чаша.
Пожелай ей покойнаго сна —
Утомилась, кормилица наша!.
Спи, кто можетъ — я спать не могу,

Я стою потихоньку, безъ шуму,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умѣлъ я съ собой совладать,
Не осилилъ я думы жестокой...

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
　　На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ мечомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ-старикъ
На свою колокольню-руину;
На тѣни онъ громадно великъ:
Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;

Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ — бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о вѐдряномъ днѣ.

Звукъ за звукомъ, гудя, прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдѣленъ — все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,

За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?..

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,

И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою;
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,—
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Чтò враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу:
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Чтò друзья? Наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Чтò обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ — и вовсе упалъ!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,

Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...

.

(утромъ, въ постели).

О, мечты! о, волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Все въ душѣ угнетенной моей
Пробудилось... но гдѣ же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабѣй.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будетъ могила,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать.

Все, что въ сердцѣ кипѣло, боролось,
Все лучъ блѣднаго утра спугнулъ,
И насмѣшливый, внутренній голосъ
Злую пѣсню свою затянулъ:
«Покорись — о, ничтожное племя! —
«Неизбѣжной и горькой судьбѣ;
«Захватило васъ трудное время,
«Неготовыми къ трудной борьбѣ:
«Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
«Но для дѣла вы мертвы давно;
«Суждены вамъ благіе порывы,
«Но свершить ничего не дано...»

ДЕРЕВЕНСКІЯ НОВОСТИ.

Вотъ и Качаловъ лѣсокъ,
Вотъ и пригорокъ послѣдній!
Какъ-то шумливъ и легокъ,
Дождь начинается лѣтній,
И по дорогѣ моей,
Свѣтлые, словно изъ стали,
Тысячи мелкихъ гвоздей,
Шляпками внизъ поскакали—
Скучная пыль улеглась...
Благодареніе Богу,
Я совершилъ еще разъ
Милую эту дорогу.
Вотъ ужъ запасный амбаръ,
Вотъ ужъ и риги... какъ сладокъ
Теплаго колоса паръ!
— Останови же лошадокъ!
Видишь: изъ каждыхъ воротъ
Спѣшно идетъ обыватель.
Все то знакомый народъ,
Что ни мужикъ, то пріятель.
— Здравствуйте, братцы!—«Гляди,
Крестничекъ твой-то Ванюшка!»
— Вижу, кума! погоди,
Есть мальчугану игрушка.
«Здравствуй, какъ жилъ-поживалъ?
«Не понапрасну мы ждали,
«Ты-таки слово сдержалъ.
«Выводки крупные стали,
«Такъ ужъ мы ихъ берегли,
«Сами ни штуки не били.

«Будетъ охота—пали:
«Только бы ноги служили.
«Вишь, ты ладящій какой,
«Мы не такимъ отпускали:
«Словно тебя тамъ сквозь строй
«Въ зиму-то трижды прогнали.
«Право, сердечный, чуть живъ;
«Али не ладно живется?»
— Сердцемъ я больно строптивъ,
По-пусту глупое рвется.
Ну, да поправлюсь у васъ.
Что у васъ новаго, братцы?

— «Умеръ третьёводни Власъ
«И отказалъ тебѣ святцы».
— Царство небесное! Что,
Было ему ужъ до сотни?
— «Было и съ хвостикомъ сто.
«Чудны дѣла-то Господни!
«Не понапрасну продлилъ
«Этакъ-то жизнь человѣка:
«Сто лѣтъ подушны платилъ,
«Барщину правилъ полвѣка!»

— Какъ урожай?—«Ничего.
«Горе другое: покрали
«Много лѣску твоего.
«Мы становаго ужъ звали,—
«Шутъ и дуракъ на-голо!
«Слово-то молвитъ, скотина,
«Словно какъ дунетъ въ дупло;
«Несообразный дѣтина!
— Станъ мой великъ, говоритъ,

Съ хвостикомъ двадцать-пять тысячъ.
Гдѣ тутъ судить, говоритъ,
Всѣхъ не успѣешь и высѣчь!» —
«Съ тѣмъ и уѣхалъ домой,
«Такъ, ничего не подѣлавъ:
«Нуженъ-ста тутъ межевой
«Да епутать отъ удѣловъ!

— «Въ Ботовѣ валится скотъ,
«А у солдатки Аксиньи
«Дѣвочку—было ей съ годъ—
«Съѣли проклятыя свиньи;
Въ Шаховѣ свекру сноха
«Вилами бокъ просадила—
«Было за что... Пастуха
«Громомъ во стадѣ убило.
«Ну, ужъ и буря была!
«Какъ еще мы уцѣлѣли!
«Колокола-то, колокола—
«Словно о Пасхѣ гудѣли!
«Наши рѣчонки водой
«Налило на три аршина,
«Съ поля бѣжала домой,
«Словно шальная, скотина:
«Съ ногъ ее вѣтеръ валилъ...
«Крѣпко намъ жаль мальчугана
«Этакой клопъ, а отбилъ
«Этто у волка барана!
«Стали Волчкомъ его звать—
«Любо! Встаетъ съ пѣтухами,
«Пѣсни начнетъ распѣвать.
«Весь уберется цвѣтами,
«Ходитъ проворный такой.

Матка его проводила:
— Поберегися, родной!
Слышишь, какая завыла!—
«Буря-ста мнѣ ни почемъ,
«Я говоритъ—не ребенокъ!»
«Да размахнулся кнутомъ
«И повалился съ ноженокъ!
«Мы посмѣялись тогда,
«Такъ до полдёнъ позѣвали;
«Слышимъ—случилась бѣда:
«Шли бы, убитаго взяли!
«И уцѣлѣлъ бы, да вишь
«Крикнулъ дуракъ ему Ванька:
— Что ты подъ древомъ сидишь?
Хуже подъ древомъ-то... Встань-ка!
«Онъ не перечилъ—пошелъ,
«Сѣлъ подъ рогожей на кочку,
«Ну, а Господь и навелъ
«Громъ въ эту самую точку.
«Взяли—не въ полѣ бросать!
«Да какъ рогожу открыли,
«Такъ не одна его мать—
«Всѣ наши бабы завыли:
«Угомонился Волчокъ—
«Спитъ себѣ. Кровь на рубашкѣ,
«Въ лѣвой ручонкѣ рожокъ,
«А на шляпёнкѣ вѣнокъ
«Изъ васильковъ да изъ кашки!

— «Этой же бурей сожгло
«Красныя Горки; пониже,
«Помнишь, Починки село—
«Ну, и его... Вотъ, поди же!

«Въ Горкахъ пожаръ ужъ притихъ,
«Ждали: Починокъ не тронетъ!
«Смотрятъ, а вѣтеръ на нихъ
«Пламя и гонитъ, и гонитъ!
«Въ стрѣчу-то попъ со крестомъ,
«Дьяконъ съ кадилами вышелъ,—
«Не совладали съ огнемъ—
«Видно, Господь не услышалъ!..

«Вотъ и хоромы твои,
«Ты, чай, захочешь покою?..»
— Полноте, други мои!
Милости просимъ за мною...—

Сходится въ хатѣ моей
Больше да больше народу:
— Ну, говори поскорѣй,
Что̀ ты слыхалъ про свободу?

Д У М А.

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мѣщанское,
Да почесывай головушку.

Спи, не спи—валяйся по̀-печи,
Каждый день не доѣдаючи,
Трать задаромъ силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Ужъ какъ нѣтъ бѣды кручиннѣе
Безъ работы парню маяться,
А пойдешь куда къ хозяевамъ —
Ни одинъ-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живутъ люди не говѣючи,
Льютъ на кашу масло постное
Словно воду, не жалѣючи.

Въ праздникъ—жирная баранина,
Паръ надъ щами тучей носится,
Въ полъ-обѣда распояшутся—
Вонъ изъ тѣла душа просится!

Ночь храпятъ, наѣвшись дò-поту,
День придетъ—работой тѣшутся...
Эй! возьми меня въ работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты въ лѣто жаркое
Мнѣ пахать пески сыпучіе,
Повели ты въ зиму лютую
Вырубать лѣса дремучіе,—

Только трескъ стоялъ бы дò-неба,
Какъ деревья бы валилися:
Вмѣсто шапки, бѣлымъ инеемъ
Волоса бы серебрилися!

* * *

Что ни годъ — уменьшаются силы,
Умъ лѣнивѣе, кровь холоднѣй...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желалъ бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на вѣрномъ пути,
Что твой пахарь, поля засѣвая,
Видитъ ведренный день впереди;
Чтобы вѣтеръ родного селенья
Звукъ единый до слуха донесъ,
Подъ которымъ не слышно кипѣнья
Человѣческой крови и слезъ.

ПЛАЧЪ ДѢТЕЙ.

Равнодушно слушая проклятья
Въ битвѣ съ жизнью гибнущихъ людей,—
Изъ-за нихъ вы слышите ли, братья,
Тихій плачъ и жалобы дѣтей?

«Въ золотую пору малолѣтства
Все живое — счастливо живетъ,
Не трудясь, съ ликующаго дѣтства
Дань забавъ и радости беретъ.
Только намъ гулять не довелося
По полямъ, по нивамъ золотымъ:
Цѣлый день на фабрикахъ колеса
Мы вертимъ — вертимъ — вертимъ!

«Колесо чугунное вертится
И гудитъ, и вѣтромъ обдаетъ,
Голова пылаетъ и кружится,

Сердце бьется, все кругомъ идетъ:
Красный носъ безжалостной старухи,
Чтò за нами смотритъ сквозь очки,
По стѣнамъ гуляющія мухи,
Стѣны, окна, двери, потолки,—
Все и всѣ! Впадая въ изступленье,
Начинаемъ громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай намъ память слабую собрать!
Безполезно плакать и молиться,
Колесо не слышитъ, не щадитъ:
Хоть умри—проклятое вертится
Хоть умри—гудитъ—гудитъ—гудитъ!—
«Гдѣ ужъ намъ, измученнымъ въ неволѣ,
Ликовать, рѣзвиться и скакать!
Еслибъ насъ теперь пустили въ поле,
Мы въ траву попадали бы—спать.
Намъ домой скорѣй бы воротиться...
Но зачѣмъ идемъ мы и туда?..
Сладко намъ и дома не забыться:
Встрѣтитъ насъ забота и нужда!
Тамъ, припавъ усталой головою
Къ груди блѣдной матери своей,
Зарыдавъ надъ ней и надъ собою,
Разорвемъ на части сердце ей...»

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ.

Опять я въ деревнѣ. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши—живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.

Проснулся: въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи.
Воркуетъ голубка; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи,
Летитъ и другая какая-то птица —
По тѣни узналъ я ворону какъ разъ:
Чу! шопотъ какой-то... а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!
Все сѣрые, каріе, синіе глазки —
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты!
Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,
Его я узна̀ю всегда.
Я замеръ: коснулось души умиленье...
Чу! шопотъ опять!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

— Борода!

ВТОРОЙ.

А баринъ, сказали!..

ТРЕТІЙ.

Потише вы, черти!

ВТОРОЙ.

У баръ бороды не бываетъ — усы.

ПЕРВЫЙ.

А ноги-то длинныя, словно какъ жерди!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А вона, на шапкѣ, гляди-тко — часы!

ПЯТЫЙ.

А, важная штука!

ШЕСТОЙ.

И цѣпь золотая...

СЕДЬМОЙ.

Чай, дорого стòитъ?

ВОСЬМОЙ.

Какъ солнце горитъ!

ДЕВЯТЫЙ.

А вона, собака — большая, большая!
Вода съ языка-то бѣжитъ.

ПЯТЫЙ.

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки рѣзные...

ТРЕТІЙ — *съ испугомъ.*

Глядитъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Молчи, ничего! постоимъ еще, Гриша!

ТРЕТІЙ.

Прибьетъ...

Испугались шпіоны мои
И кинулись прочь: человѣка заслыша,
Такъ стаей съ мякины летятъ воробьи.
Затихъ я, прищурился — снова явились,
Глазёнки мелькаютъ въ щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговоръ изрекли:

— Такому-то гусю ужъ что за охота!
Лежалъ бы себѣ на печи!
И видно — не баринъ: какъ ѣхалъ съ болота,
Такъ рядомъ съ Гаврилой... «Услышитъ, молчи!»

О, милые плуты! Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей;
Но если бы даже ты ихъ ненавидѣлъ,
Читатель, какъ «низкаго рода людей», —
Я, все-таки, долженъ сознаться открыто,
Что часто завидую имъ:
Въ ихъ жизни такъ много поэзіи слито,
Какъ дай Богъ балованнымъ дѣткамъ твоимъ.
Счастливый народъ. Ни науки, ни нѣги
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.
Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги:
Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
Старался примѣтить грибное мѣстечко,
А утромъ не могъ ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разомъ и хвать
Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!
Савося хохочетъ: «попался спроста!»
За то мы потомъ ихъ губили довольно
И клали рядкомъ на перилы моста:
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У насъ же дорога большая была:
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа.
Копатель канавъ вологжанинъ,
Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,
А то въ монастырь горожанинъ

Подъ праздникъ молиться катитъ.
Подъ наши густые, старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ: начнутся разсказы
Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только держися —
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
Чухну передразнитъ, мордву, черемиса
И сказкой потѣшитъ, и притчу ввернетъ:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На Господа Бога во всемъ потрафлять:
У насъ былъ Вавило, жилъ всѣхъ побогаче,
Да вздумалъ однажды на Бога роптать,—
Съ тѣхъ поръ захудалъ, разорился Вавило,
Нѣтъ меду со пчелъ, урожаю съ земли,
И только въ одномъ ему счастіе было,
Что волосы изъ носу шибко росли»...
Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дѣти и рады:
Какъ пилишь, какъ лудишь — имъ все покажи!
Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дѣло — пилить и строгать!
Иступятъ пилу — не наточишь и въ сутки!
Сломаютъ буравъ — и съ испугу бѣжать.
Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали:
Что новый прохожій, то новый разсказъ...
Ухъ, жарко!... До полдня грибы собирали.
Вотъ, изъ лѣсу вышли — на-встрѣчу какъ разъ
Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной
Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!

Рѣка огласилась и смѣхомъ, и воемъ:
Тутъ драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! обѣдать пора!
Вернулись. У каждаго полно лукошко,
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ежу предлагали и мухъ, и козявокъ,
Карней молочко ему отдалъ свое —
Не пьетъ! отступились...

Кто ловитъ піявокъ
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье,
Кто нянчитъ сестренку двухлѣтнюю Глашку:
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску,
А тотъ, подвязавши подъ горло рубашку,
Таинственно что-то чертитъ по песку!
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой:
Сплела себѣ славный вѣнокъ,
Все бѣленькій, жолтенькій, блѣдно-лиловый,
Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
И ей ли, подъ солнечнымъ зноемъ рожденной
И въ фартукѣ съ поля домой принесенной,
Боятся смиренной лошадки своей!..

Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди — уже чернехоньки губы у всѣхъ,
Набили оскому: черница поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!

Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайченокъ ли вскочитъ — содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живого въ деревню тащатъ съ торжествомъ...
— Довольно, Ванюша! гулялъ ты не мало,
Пора за работу, родной! —
Но даже и трудъ обернется сначала
Къ Ванюшѣ нарядной своей стороной:
Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
Какъ колосъ растетъ, наливаетъ зерно;
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
Просушатъ, колотятъ-колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣба ребенокъ
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.
Навьютъ ли сѣнца: «полѣзай, пострѣленокъ!»
Ванюша въ деревню въѣзжаетъ царемъ...

Однако же, зависть въ дворянскомъ дитяти
Посѣять намъ было бы жаль.
Итакъ, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно
Растетъ, не учась ничему;
Но выростетъ онъ, если Богу угодно,
А сгибнуть ничто не мѣшаетъ ему.

Положимъ, онъ знаетъ лѣсныя дорожки,
Гарцуетъ верхомъ, не боится воды;
За то безпощадно ѣдятъ его мошки,
За то ему рано знакомы труды...

Однажды въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ-уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!
— Здорово, парнище! — «Ступай себѣ мимо!»
— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки? — «Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу».
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— А что̀, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ то: отецъ мой да я...»
— Такъ вонъ оно что! А какъ звать тебя? — «Власомъ».
— А кой тебѣ годикъ? — «Шестой миновалъ...
Ну, мертвая!» крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ-уздцы и быстрѣй зашагалъ.
На эту картину такъ солнце свѣтило,
Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,
Какъ будто все это картонное было,
Какъ будто бы въ дѣтскій театръ я попалъ!
Но мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоящій,
И дровни, и хворостъ, и пѣгонькій конь,
И снѣгъ, до окошекъ деревни лежащій,
И зимняго солнца холодный огонь —

Все, все настоящее русское было,
Съ клеймомъ нелюдимой, мертвящей зимы,
Что̀ русской душѣ такъ мучительно мило,
Что̀ русскія мысли вселяетъ въ умы,
Тѣ честныя мысли, которымъ нѣтъ воли,
Которымъ нѣтъ смерти — дави не дави,
Въ которыхъ такъ много и злобы, и боли,
Въ которыхъ такъ много любви!

Играйте же, дѣти! Растите на волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство дано,
Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.
Храните свое вѣковое наслѣдство,
Любите свой хлѣбъ трудовой —
И пусть обаянье поэзіи дѣтства
Проводитъ васъ въ нѣдра землицы родной!..

Теперь намъ пора возвратиться къ началу.
Замѣтивъ, что стали ребята смѣлѣй, —
— Эй! воры идутъ! закричалъ я Фингалу:
— Украдутъ, украдутъ! Ну, прячь поскорѣй! —
Фингалушка скорчилъ серьезную мину,
Подъ сѣно пожитки мои закопалъ,
Съ особымъ стараньемъ припряталъ дичину,
У ногъ моихъ легъ — и сердито рычалъ.
Обширная область собачьей науки
Ему въ совершенствѣ знакома была;
Онъ началъ такія выдѣлывать штуки,
Что публика съ мѣста сойти не могла,
Дивятся, хохочутъ! Ужъ тутъ не до страха!
Командуютъ сами: — «Фингалка, умри!»

— Не за́сти, Сергѣй! Не толкайся, Кузяха! —
«Смотри — умираетъ — смотри!»
Я самъ наслаждался, валяясь на сѣнѣ,
Ихъ шумнымъ весельемъ. Вдругъ стало темно
Въ сараѣ: такъ быстро темнѣетъ на сценѣ,
Когда разразиться грозѣ суждено.
И точно: ударъ прогремѣлъ надъ сараемъ,
Въ сарай полилась дождевая рѣка,
Актеръ залился оглушительнымъ лаемъ,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипѣла,
Ударилась въ стѣну, опять заперлась.
Я выглянулъ: темная туча висѣла
Надъ нашимъ театромъ какъ разъ.
Подъ крупнымъ дождемъ ребятишки бѣжали
Босые къ деревнѣ своей...
Мы съ вѣрнымъ Фингаломъ грозу переждали
И вышли искать дупелей.

ПОХОРОНЫ.

Межъ высокихъ хлѣбовъ затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свѣту шлялося
И на насъ невзначай набрело.

Ой, бѣда приключилася страшная!
Мы такой не знавали во вѣкъ:
Какъ у насъ — голова безшабашная —
Застрѣлился чужой человѣкъ!

Судъ прiѣхалъ... допросы... — тошнехонько!
Догадались деньжонокъ собрать:

Осмотрѣлъ его лѣкарь скорёхонько
И велѣлъ гдѣ-нибудь закопать.

И пришлось намъ нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрѣлка,
Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка...

Безъ поповъ!.. Только солнышко знойное,
Вмѣсто яраго воску свѣчи,
На лицо непробудно-спокойное,
Не скупясь, наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрѣли въ долинѣ цвѣты;
Птичка Божья на гробъ опускалася
И, чирикнувъ, летѣла въ кусты.

Поглядимъ: чтò ребятъ набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сынѣ рѣкой разливается,
Плачетъ мужъ по женѣ молодой,—

Какъ не плакать имъ? диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по комъ ребятишки захныкали,
Тотъ навѣрно былъ доброй души!

Межъ двумя хлѣбородными нивами,
Гдѣ прошелъ неширокій долòкъ,
Подъ большими плакучими ивами
Упокоился бѣдный стрѣлокъ.

Чтò тебя доканало, сердешнаго?
Ты за чтò свою душу сгубилъ?

Ты захожій, ты роду нездѣшняго,
Но ты нашу сторонку любилъ:

Только минутъ морозы упорные
И весеннихъ гостей налетитъ,—
«Чу!» кричатъ наши дѣтки проворныя:
«Прошлогодній охотникъ палитъ!»

Ты ласкалъ ихъ, гостинцу имъ нашивалъ,
Ты на спросъ отвѣчать не скучалъ.
У тебя порошку я попрашивалъ,
И всегда ты не скупо давалъ.

Почивай же, дружокъ! Память вѣчная!
Не жива-ль твоя бѣдная мать?
Или, можетъ, зазноба сердечная
Будетъ таять, дружка поджидать?

Мы дойдемъ, повѣстимъ твою милую:
Можетъ быть, и пріѣдетъ, любя,
И поплачетъ она надъ могилою,
И разскажемъ мы ей про тебя.

Почивай себѣ съ миромъ, съ любовію!
Почивай! Богъ тебѣ судія,
Что обрызгалъ ты грѣшною кровію
Неповинныя наши поля!

Кто дознаетъ, какою кручиною
Надрывалося сердце твое
Передъ вольной твоею кончиною,
Передъ тѣмъ, какъ спустилъ ты ружье?..

Межъ двумя хлѣбородными нивами,
Гдѣ прошелъ неширокій долòкъ,

Подъ большими плакучими ивами
Упокоился бѣдный стрѣлокъ.

Будутъ пѣсни къ нему хороводныя
Изъ села по зарѣ долетать,
Будутъ нивы ему хлѣбородныя
Безгрѣховные сны навѣвать...

КОРОБЕЙНИКИ.

ДРУГУ-ПРІЯТЕЛЮ ГАВРИЛѢ ЯКОВЛЕВИЧУ.

КРЕСТЬЯНИНУ ДЕРЕВНИ ШОДЫ, КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Какъ съ тобою я похаживалъ
По болотинамъ вдвоемъ,
Ты меня по-часту спрашивалъ:
Чт̀о строчишь карандашомъ?

Почитай-ка. Не прославиться,
Угодить тебѣ хочу.
Буду радъ, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочкѣ!
А увидимся опять,
Выпьемъ мы по доброй чарочкѣ
И отправимся стрѣлять.

23-го августа 1861 г.
Грешнево.

I.

Кумачу я не хочу:
Китайки не надо.
Пѣсня.

„Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы, и парча.
Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча!
Выди, выди въ рожь высокую!
Тамъ до ночки погожу,
А завижу черноокую —
Всѣ товары разложу.
Цѣны самъ платилъ не малыя,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алыя,
Ближе къ милому садись!»
Вотъ и пала ночь туманная,
Ждетъ удалый молодецъ...
Чу, идетъ — пришла, желанная,
Продаетъ товаръ купецъ.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать;
Парень съ дѣвицей цѣлуется,
Проситъ цѣну набавлять.
Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они...
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой, легка, легка коробушка,
Плечъ не рѣжетъ ремешокъ!

А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенекъ.
Далъ ей ситцу штуку цѣлую,
Ленту алую для косъ,
Поясокъ — рубаху бѣлую
Подпоясать въ сѣнокосъ —
Все поклала, ненаглядная,
Въ коробъ, кромѣ перстенька:
«Не хочу ходить нарядная
Безъ сердечнаго дружка!»
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофикъ сладкой водочки?
А подарковъ не взяла!
Такъ постой же! Нерушимое
Обѣщаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни рѣчь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покровъ домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
Въ Божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливаго
Молодецъ бѣжитъ бѣгомъ
И товарища ворчливаго
Нагоняетъ подъ селомъ.
Старый Тихонычъ ругается:
«Я ужъ думалъ, ты пропалъ!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавалъ!

II.

Зачали-почали
Поповы дочери.
Припѣвъ деревенскихъ торгашей.

«Эй, Ѳедорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите къ намъ, сударушки,
Выносите пятаки!

Жены мужнія—молодушки
Къ коробейникамъ идутъ,
Красны дѣвушки-лебедушки
Новины свои несутъ.
И старушки важеватыя,
Глядь, туда же приплелись.
«Ситцы есть у насъ богатые,
Есть миткаль, кумачъ и плисъ;
Есть у насъ мыла пахучія—
По двѣ гривны за кусокъ,
Есть румяна нелинючія—
Молодись за пятачекъ!
Видишь, камни самоцвѣтные
Въ перстенькѣ какъ жаръ горятъ!
Есть и любчики завѣтные—
Хоть кого приворожатъ!»

Началися толки рьяные,
Посреди села базаръ,
Бабы ходятъ словно пьяныя,
Другъ у дружки рвутъ товаръ.
Старый Тихонычъ такъ божится
Изъ-за каждаго гроша,

Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
«Чтобъ тотчасъ же очи лопнули,
«Чтобы съ мѣста мнѣ встать!
«Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукамъ! Ну, исполать!
Не торговецъ — удивленіе!
Какъ божиться-то не лѣнь?..

Долго, долго все селеніе
Волновалось въ этотъ день.
Всѣ гроши какіе мѣдные
Были спрятаны въ моткахъ —
Все достали бабы бѣдныя:
Ходятъ въ новенькихъ платкахъ.
Двѣ снохи за ленту пеструю,
Расцарапалися въ кровь;
На Ѳеклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь,
А потомъ и коробейниковъ
Поругала баба всласть:
Принесло же васъ, мошейниковъ!
Вотъ ужъ подлинно напасть!
Вишь, вы жадны, какъ кутейники,
Изъ села бы васъ коломъ!..»

Посмѣялись коробейники
И пошли своимъ путемъ.

III.

Ужъ ты пей до дна, коли хочешь добра,
А не хочешь добра, такъ не пей до дна.
Старинная былина.

За селомъ остановилися,
Подѣлили барыши,
И на церковь покрестилися,
Повздыхали отъ души.
— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что̀ не веселъ? охъ да охъ!
«Въ день теперя не отплю̀ешься,
Какъ еще прощаетъ Богъ:
Осквернилъ уста я ложію —
Не обманешь — не продашь!»
И опять на церковь Божію
Долго крестится торгашъ.
«Кабы въ строку приходилися
Всѣ-то рѣчи продавца,
Всѣ давно бы провалилися
До единаго купца —
Сквозь сырую землю матушку
Провалились бы... эхъ-эхъ!»
— Понагрѣлъ ты Калистратушку.—
«Ну, его нагрѣть не грѣхъ,
Самъ снимаетъ крестъ съ убогаго».
— Рыжій, клиномъ борода.—
«Нашимъ дѣломъ ныньче многаго
Не добыть — не тѣ года!
Подошла война проклятая,
Да и больно ужъ лиха:
Гдѣ бы свадебка богатая —
Цапъ въ солдаты жениха!

Врагъ дуритъ—народу горюшко!
Точитъ русскую казну,
Краситъ кровью Черно Морюшко,
Корабли валитъ ко дну.
Переводъ свинцу да олову,
Да удалымъ молодцамъ...
Весь народъ повѣсилъ голову,
Стонъ стоитъ по деревнямъ.
Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски ревѣть!
Причитанье похоронное
Надъ живымъ-то рано пѣть!
Не уймешь ихъ! Какъ отпѣтаго
Парня въ городъ отвезутъ...
Бабы сохнутъ съ горя съ этого,
Мужики въ кабакъ идутъ.
Ты попомни цѣловальника,
Что сказалъ—подлецъ сѣдой!—
— «Выше нѣтъ меня начальника,
Весь народъ—работникъ мой!
Лѣто, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Имъ не нужно ничего!
Все безсребренники, сватушка:
Самъ не сѣю и не жну,
Что родитъ земля имъ, матушка,
Все несутъ въ мою казну!»—

«Пропилися, подоконники,
Гдѣ ужъ бабъ имъ наряжать!
Въ городъ ѣдутъ, балахонники,
Хотятъ лапти занимать!

«Ой, ты, зеліе кабашное
Да китайскіе чаи,
Да куреніе табашное!
Бродимъ сами не свои.
Съ этимъ пьянствомъ да куреніемъ
Сломишь голову какъ разъ.
Передъ свѣтопреставленіемъ
Знать, война-то началась.
Грянутъ, грянутъ гласы трубные!
Станутъ мертвые вставать!
За дѣла-то душегубныя
Какъ придется отвѣчать?
Вотъ, и мы гнѣвимъ Всевышняго...
— Полно, дядя! Страшно мнѣ!
Ужъ не взять рублишка лишняго
На чужой-то сторонѣ?..

IV.

Ай барыня! барыня!
Пѣсня.

— «Эй вы, купчики-голубчики,
Къ намъ ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утромъ тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляютъ барыши,
Чѣмъ попало развлекаются
По дорогѣ торгаши.
По рѣкѣ идутъ—съ бурлàками
Разговоры заведутъ:
«Кто васъ спуталъ?» и собаками
Ихъ бурлаки назовутъ.

По дѣлòмъ вамъ, пересмѣшники,
Лыкомъ шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпалъ огурцы!»
Ванька вдругъ какъ захихикаетъ
И на стадо показалъ:
Старичонко въ стадѣ прыгаетъ
За савраской,—длиненъ, вялъ,
И на цыпочки становится,
И лукошечкомъ манитъ—
Нѣтъ! проклятый конь не ловится!
Вотъ подходитъ, вотъ стоитъ,
Сунулъ голову въ лукошечко,—
Старичокъ за холку хвать!
— Эй! еще, еще немножечко!—
Нѣтъ! урвался конь опять,
И, подбросивъ ноги заднія,
Брызнулъ грязью въ старика.
— «Знамо, въ стадѣ-то повалнѣе,
Чѣмъ въ косулѣ мужика:
Эхъ, ты, пареный да вяленый!
Гдѣ тебѣ его поймать?
Потерялъ сапогъ-то валяный,
Надо новый покупать!»

Имъ обозики военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко: турки плѣнные!
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывалъ
На турецкихъ усачей
И въ свиное ухо складывалъ
Полы свиточки своей:

— «Эй вы, нехристи, табашники,
Карачунъ приходитъ вамъ!..»
Попадались имъ собашники:
Псы носились по кустамъ,
А охотничекъ покрикивалъ,
Въ роги звонкіе трубилъ,
Чтобы сѣрый зайка спрыгивалъ,
Въ чисто поле выходилъ.
Остановятся съ ребятами:
— Чьи такіе господа?
«Каширята съ Зюзенятами...»
— Заяцъ! вонъ, гляди туда!
Всполошилися борзители:
«Ай! а-ту его! а-ту!»
Ну, собачки! Ну, губители!
Подхватили на лету...

Посидѣли на пригорочкѣ,
Закусили какъ-нибудь
(Не разъѣшься черствой корочки)
И опять пустились въ путь.
— Счастье, Тихонычъ, неровное,
Нынче выручка плоха.
«Встрѣлось намъ лицо духовное —
Хуже не было-бъ грѣха.
Хоть душа-то христіанская,
Согрѣшилъ — поджалъ я хвостъ».
— Вотъ усадьбишка дворянская,
Завернемъ?.. «Ты, Ваня, простъ!
Нынче баре деревенскіе
Не живутъ по деревнямъ,
И такія моды женскія
Завелись... куда ужъ намъ!

Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицомъ,
Безволосая, поджарая,
А одѣлась — стогъ стогомъ!
Говорить съ тобой гнушается:
Ты мужикъ, такъ ты нечистъ!
А тобой-то кто прельщается?
Дологъ хвостъ, да не пушистъ!
Ой, ты, барыня спѣсивая!
Ты стыдись глядѣть на свѣтъ!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубовъ, ни груди нѣтъ,
Все подклеено, подвязано!
Городъ есть такой: Парижъ,
Про него не даромъ сказано:
Какъ заѣдешь — угоришь.
По всему по свѣту славится,
Мастеръ по-міру пустить;
Коли носъ тебѣ не нравится,
Могутъ новый наклеить!
Вотъ отъ этихъ-то мошейниковъ,
Что въ томъ городѣ живутъ,
Ничего у коробейниковъ
Нынче баре не берутъ.
Чортъ побралъ бы моду новую!
А, бывало, въ старину
Приведутъ меня въ столовую,
Всѣ товары разверну;
Выдетъ барыня красивая,
Съ настоящею косой,
Важеватая, учтивая,
Дѣтки выбѣгутъ гурьбой,
Дѣвки горничныя, нянюшки,

Слуги высыплютъ къ дверямъ.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерямъ
Все сама, руками бѣлыми,
Отбираетъ, не спѣша,
И беретъ кусками цѣлыми,—
Вотъ такъ барыня-душа!
«Что̀ возьмешь за серьги съ бусами?
Что̀ за алую парчу?
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалитъ покупки кучею,
Разочтется — Богъ съ тобой!..

«А то разъ попалъ я къ случаю
За рѣкой за Костромой:
Именины были званые —
Росходился баринокъ!
Слышу, кличутъ гости пьяные:
«Подходи сюда, дружокъ!»
Подбѣгаю къ нимъ скорёхонько.
«Что̀ возьмешь за коробъ весь?»
Усмѣхнулся я легохонько:
— Дорогъ будетъ, ваша честь.—
Слово за слово, пріятели
Посмѣялись межъ собой:
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за коробъ мой.
Ужъ тогда товары вынули
Да въ дѣвичій хороводъ
Середи двора и кинули:
«Подбирай, честной народъ!»
Закипѣла свалка знатная...

Вотъ такъ были господа:
Угодилъ домой обратно я
На девятый день тогда!»

V.

— Много ли верстъ до Гогулина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть.
Крестьянская шутка.

Хорошо было дѣтинушкѣ
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушкѣ
Парня ждать до Покрова.
Часто въ ночку одинокую
Дѣвка часу не спала,
А какъ жала рожь высокую,
Слезы въ три ручья лила!
Извелась бы неутѣшная,
Кабы время горевать,
Да пора страдна̀я, спѣшная —
Надо десять дѣлъ кончать.
Какъ ни часто приходилося
Молодицѣ не-втерпёжъ,
Подъ косой трава валилася,
Подъ серпомъ горѣла рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрамъ,
Ленъ стлала до темной ноченьки
По росистымъ по лугамъ.
Стелетъ ленъ, а неотвязная
Дума на̀-сердцѣ лежитъ:
«Какъ другая дѣвка красная
Молодца приворожитъ?
Какъ измѣнитъ? какъ засватаетъ

На чужой на сторонѣ?»
И у дѣвки сердце падаетъ:
«Ты женись, женись на мнѣ!
Ни тебѣ, ни свекру-батюшкѣ
Николи не согрублю,
Отъ свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравомъ-то смирна,
Буду я невѣстка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою:
Силы мнѣ не занимать,
Я за милаго съ охотою
Буду пашеньку пахать.
Ты живи себѣ гуляючи,
За работницей женой,
По базарамъ разъѣзжаючи,
Веселися, пѣсни пой!
А вернешься съ торгу пьяненькій —
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожій, спи, румяненькій!»
Больше слова не скажу.
Видитъ Богъ, не осердилась бы!
Обрядила бы коня,
Да къ тебѣ и подвалилась бы:
— «Поцѣлуй, дружокъ, меня»!..
Думы дѣвичьи завѣтныя,
Гдѣ васъ всѣ-то угадать?
Легче камни самоцвѣтные
На днѣ моря сосчитать.
Ужъ овечка опушается,
Чуя близость холодовъ,

Катя пуще разгорается...
Вотъ и праздничекъ Покровъ!
«Ой! пуста, пуста коробушка,
Полонъ денегъ кошелёкъ.
Жди-пожди, душа зазнобушка,
Не обманетъ милъ дружокъ!»
Веселъ Ванька. Припѣваючи,
Прямикомъ домой идетъ.
Старый Тихонычъ, зѣваючи,
То и дѣло креститъ ротъ.
Въ эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему:
Какъ мошна-то пораздулася,
Такъ, Богъ знаетъ почему,
Все такія мысли страшныя
Забираются въ башку.
Прощалыги ли кабашные
Подзываютъ къ кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейникъ самъ не свой:
«Проходите съ Богомъ, братики!»
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бѣжитъ...

Въ Кострому идутъ проселками,
По болоту путь лежитъ,
То качажникомъ, то бродами.
«Эхъ! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямиками будетъ шесть!
Да въ Трубѣ, въ селѣ, мошейники
Сбили съ толку, мужики:

— Вы подите, коробейники,
Въ Кострому-то напрямки:
Вѣрныхъ сорокъ съ половиною
По нагорной сторонѣ,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь. — Вотъ онѣ!
Чортъ попуталъ — мы повѣрили,
А кто версты тутъ считалъ?»
— Бабы ихъ клюкою мѣряли,
Ванька съ важностью сказалъ:
— Не ругайся! Самъ я слыхивалъ:
Тутъ дорога попрямѣй. —
«Дьяволъ, что-ли, понапихивалъ
Этихъ кочекъ да корнй?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь съ ума!
Хороша наша губернія,
Славенъ городъ Кострома,
Да лѣса, лѣса дремучіе,
Да болота къ ней ведутъ,
Да пески, пески сыпучіе»...
— Стой-ка, дядя: чу, идутъ!

VI.

Только молодецъ и живъ бывалъ.
Старинная былина.

Не тростникъ высокъ колышется,
Не дубровушки шумятъ,
Молодецкій посвистъ слышится,
Подъ ногой сучки трещатъ.
Показался песъ въ ошейничкѣ,
Вотъ и добрый молодецъ:

— Путь-дорога, коробейнички!
«Путь-дороженька, стрѣлецъ!»
— Что ты смотришь? — «Не прохаживалъ
Ты, какъ давеча въ Трубѣ
Про дорогу я разспрашивалъ!»
— Нѣтъ, почудилось тебѣ.
Трои сутки не былъ дома я,
Жить ли дома лѣснику?
— «А кажись, лицо знакомое»,
Шепчетъ Ванька старику.
— Что вы шепчетесь! — «Да каемся,
Лучше-бъ намъ горой идти.
Такъ ли, малый, пробираемся
Въ Кострому?» — Намъ по пути,
Я изъ Шуньи. — «А далеко ли
До деревни до твоей?»
— Верстъ двѣнадцать. А по многу ли
Подѣлили барышей?
«Коли знать всю правду хочется,
Весь товаръ несемъ назадъ».
Лѣсничокъ какъ расхохочется!
— Ты, я вижу, прокуратъ!
Кабы весь, небось, не скоро бы
Шелъ ты, старый воробей!
И лѣсникъ приподнялъ коробы
На плечахъ у торгашей.
— Ой! легохоньки коробушки,
Все повыпродали, знать?
Наклевалися воробушки,
Полетѣли отдыхать!
«Что, дойдемъ въ село до ноченьки?»
— Надо, парень, добрести;
Самъ усталъ я, нѣту моченьки —

Тяжело ружье нести.
Наше дѣло подневольное,
День и ночь броди въ лѣсу...
И съ плеча ружье двухствольное
Снялъ — и держитъ на-вѣсу.
— Эхъ вы, стволики-голубчики!
Больно вы ужъ тяжелы! —
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько нитокъ понамотано!
Въ палецъ щели у замковъ...
«Неужели, парень, бьетъ оно?»
— Бьетъ на семьдесятъ шаговъ.
Деревенскій, видно, плотничекъ
Строилъ ложу — тяпъ да ляпъ! —
Да и самъ Христовъ охотничекъ
Ростомъ малъ и съ виду слабъ.
Выше пояса замочена
Одежонка лѣсника,
Борода густая всклочена,
Лычко вмѣсто пояска.
А туда же, песъ въ ошейникѣ,
По прозванію: Упырь...
Посмѣялись коробейники:
«Эхе ты, горе-богатырь!...

Часъ идутъ, другой. «Далеко ли?»
— Близко. — «Что ты?» — У рѣки
Куропаточки закокали. —
И дѣтина взвелъ курки.
— Ай, куро́чки! важно щелкнули,
Хоть медвѣдя уложу!
Что вы, други, пріумолкнули?

Запоемъ для куражу? —
Коробейникамъ не пѣлося;
Ужъ темнѣли небеса,
Надъ болотомъ засинѣлася,
Понависнула роса.
«День-деньской и такъ умелешься,
Самъ бы лучше ты запѣлъ...
Что ты?.. эй! въ кого ты цѣлишься?»
— Такъ, я пробую прицѣлъ...
Дождикъ, что ли, собирается,
Ходятъ по небу бычки,
Вечеръ пуще надвигается,
Прытче идутъ мужички.
Песъ бѣжитъ сторонкой, нюхаетъ,
Поминутно слышитъ дичь.
Чу! какъ ухалица ухаетъ,
Чу! ребенкомъ стонетъ сычъ.
Поглядѣлъ старикъ украдкою:
Парня словно дрожь беретъ.
«Аль спознался съ лихорадкою!»
— Да ужъ три недѣли бьетъ —
Полѣчи! — А самъ прищурился,
Словно въ Ваньку норовитъ.
Старый Тихонычъ нахмурился:
«Что за шутки!» говоритъ.
«Чѣмъ шутить такія шуточки,
Лучше пѣсни пѣть и впрямь.
Погодите полъ-минуточки —
Затяну лихую вамъ!
Зналъ я старца еле зрячаго,
Онъ весь вѣкъ съ сумой ходилъ
И про странника бродячаго
Пѣсню длинную сложилъ.

Ней отъ старости, ней съ голоду
Онъ въ канавкѣ кончилъ вѣкъ,
А живалъ богато смолоду,
Былъ хорошій человѣкъ,
Вспоминаютъ обыватели,
Да его попуталъ Богъ:
По ошибкѣ засѣдатели
Упекли его въ острогъ:
Нужно было изъ Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — изъ Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждетъ сердечный: «завтра, ноньче ли
Ворочусь на вольный свѣтъ?»
Наконецъ и дѣло кончили,
А ему рѣшенья нѣтъ.
«Эй, хозяйка! нѣту моченьки,
Ты иди къ судьямъ опять!
Изойдутъ слезами оченьки,
Какъ полотна буду ткать?»
Да не то у Степанидушки
Завелося на умѣ:
Съ той поры ее у Титушки
Не видали ужъ въ тюрьмѣ.
Захворала ли, покинула, —
Титъ не вѣдалъ ничего.
Лѣтъ двѣнадцать этакъ минуло —
Призываютъ въ судъ его.
Предъ зерцаломъ, въ облаченіи,
Молодой судья сидѣлъ;
Прочиталъ ему рѣшеніе,
Росписаться повелѣлъ
И на всѣ четыре стороны

Отпустилъ — ступай къ женѣ!
«А за что вы, черны вòроны,
Очи выклевали мнѣ?»
Тутъ и самъ судья покаялся:
— Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаромъ маялся,
Позабыли про тебя! —

Титъ — домой. Поля не òраны,
Домъ растасканъ на клочки,
Продала косули, бороны,
И одёжу, и станки,
Съ баринкомъ слюбилась женушка,
Убѣжала въ Кострому...
Тутъ родимая сторонушка
Опостылѣла ему.
Плюнулъ! Долго не разгадывалъ,
Безъ дороги въ путь пошелъ;
Шелъ, да пѣсню эту складывалъ,
Самъ съ собою рѣчи велъ.
И говаривалъ старинушка:
«Вся-то пѣсня — два словца,
А запой ее, дѣтинушка,
Не дотянешь до конца:
Эту пѣсенку мудреную,
Тотъ до слова допоетъ,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Изъ конца въ конецъ пройдетъ».
Самъ ее, Христовъ угодничекъ,
Не допѣлъ — спитъ вѣчнымъ сномъ...
Ну! подтягивай, охотничекъ,
Да иди ты передомъ!

ПѢСНЯ УБОГАГО СТРАННИКА.

Я лугами иду — вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лѣсами иду — звѣри воютъ въ лѣсахъ:
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлѣбами иду — что вы тощи, хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькой, съ холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькой, съ голоду!

Я въ деревню: мужикъ! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я въ другую: мужикъ! хорошо ли ѣшь, пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Ужъ я въ третью: мужикъ! что ты бабу-то бьешь?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькой, съ холоду!

Я въ четверту: мужикъ! что въ кабакъ ты идешь?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькой, съ голоду,

Я опять во луга — вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во лѣса — звѣри воютъ въ лѣсахъ;
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлѣба, —
Я опять во стада, —

и т. д.

Пѣлъ старикъ, а самъ поглядывалъ:
Поминутно лѣсничокъ
То къ плечу ружье прикладывалъ,
То потрогивалъ курокъ.
На бѣду, ни съ кѣмъ не встрѣтишься!
«Полно пѣть... Эй, молодецъ!
Что отсталъ?.. Въ кого ты мѣтишься?
Что ты дѣлаешь, подлецъ?»
— Трусы, трусы вы великіе! —
И лѣсникъ захохоталъ
(А глаза такіе дикіе!).
«Стыдно!» Тихонычъ сказалъ:
«Какъ не грѣхъ тебѣ захожаго
Человѣка такъ пугать?
А еще хотѣлъ я дешево
Миткалю тебѣ продать!»
Молодецъ не унимается,
Штуки дѣлаетъ ружьемъ,
Воемъ, лаемъ отзывается
Хохотъ глупаго кругомъ.

— Эй! уймись! Чего дурачишься?»
Молвилъ Ванька: — «Я молчу,
А заѣду, такъ наплачешься,
Разомъ скулы сворочу!
Коли ты ужъ съ нами встрѣтился,
Долженъ честью проводить».—
А лѣсникъ опять намѣтился.
— «Не шути!» — Чаво шутить! —
Коробейники отпрянули,
Богъ помилуй — смерть пришла!
Почитай-что разомъ грянули
Два ружейные ствола.
Безъ словечка Ванька валится,
Съ крикомъ падаетъ старикъ...

Въ кабакѣ бурлитъ, бахвалится
Тѣмъ же вечеромъ лѣсникъ:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богатъ:
Два бекаса нынче славные
Мнѣ попали подъ зарядъ!
Много серебра и золотца,
Много всякаго добра
Богъ послалъ!» Глядятъ, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили дѣтинушку,
Онъ почти всю правду бухъ!
На бѣду его — скотинушку
Тѣмъ болотомъ гналъ пастухъ:
Слышалъ выстрѣлы ружейные,
Слышалъ крики... «Стой! винись!..»
И мірскія, и питейныя

Тотчасъ власти собрались,
Молодцу скрутили рученьки:
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
— Ихъ-то намъ и покажи!
Поглядѣли: подъ онучами
Денегъ съ тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утромъ позвали судей,
Судьи тотчасъ все довѣдали
(Только денегъ не нашли!),
Погребенью мертвыхъ предали,
Лѣсника въ острогъ свезли...

ДВАДЦАТОЕ НОЯБРЯ.

1861 ГОДА.

Я покинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабылъ,—
Подъ землею въ гробу пріютилася
И глядитъ на тебя, мертвый другъ!

Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо, черезъ щели гробовыя,
Проступить не успѣла вода;
Ты лежишь, какъ сейчасъ похороненный,
Только словно длиннѣй и бѣлѣй
Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
Убѣлилъ твои кудри морозъ,

Да слѣды наложили чуть видные
Поцѣлуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутыя
И на впалыя очи твои...

СВОБОДА.

Родина-мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ!

Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

. .

Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезъ!

Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ;

Хочешь — останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь — подъ небо взовьешься орломъ!

Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ:
Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ;

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ,

Такъ!.. но распутать ихъ легче народу.
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДРАМА.

«За отъѣздомъ продаются: мебель, зеркала и проч. Домъ Воронина № 159».
«Полиц. Вѣд.»

Надо поѣхать — статья подходящая!
Слышится въ этомъ нужда настоящая,
Не попадется ли что-нибудь дёшево?
Вотъ и поѣхалъ я. Много хорошаго:
Бронза, картины, портьеры все новыя,
Мягкія кресла, диваны отмѣнные...
Только у барыни очи суровыя,
Рѣчи короткія, губы надменныя;
Видимо чѣмъ-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой геніальной обточено
Смуглое личико. Все въ ней плѣнительно:
Тянутъ назадъ ея голову милую
Черные волосы, сѣткою сжатые,
Дышутъ какою-то сдержанной силою
Ноздри красивыя, вверхъ приподнятыя.
Видно, что жгучая мысль безпокойная
Въ сердцѣ кипитъ, на просторъ порывается.
Вся соразмѣрная, гордая, стройная,
Мнѣ эта женщина часто мечтается...

Я отобралъ себѣ вещи прекрасныя,
Но оказалися цѣны ужасныя!
День переждалъ, захожу — то же самое!
Меньше предложишь, такъ даже обидится!...

— Барыня эта — созданье упрямое:
Съ мужемъ, подумалъ я, надо увидѣться.

Мужъ — господинъ красоты замѣчательной,
Въ гвардіи годъ прослужившій отечеству,
Былъ человѣкъ разбитной, обязательный,
Склонный къ разгулу, къ игрѣ, къ молодечеству,—
Съ нимъ у насъ дѣло какъ разъ завязалося.
Странная драма тогда разыгралася:
Мужа застану — поладимъ скорехонько;
Барыня выйдетъ — ни въ чемъ не сторгуешься
(Только глазами ея полюбуешься).
Нѣчего дѣлать! вставалъ я ранехонько,
И пока барыня сномъ наслаждалася —
Многое сходно купить удавалося.
У дому ждутъ ломовые извощики,
Въ домѣ толпятся вещей переносщики,
Окна ободраны, стѣны ужъ голыя,
У покупателей лица веселыя...
Только у няни глаза заслезилися:
«Вотъ, и съ приданымъ своимъ мы простилися!»
Молвила няня...— Какое приданое?
«Все это взялъ онъ за барышней нашею,
«Вмѣстѣ весной покупали съ мамашею;
«Какъ любовались!..»

Открытье нежданное!
Сказано слово — и все объяснилося!
Вотъ почему такъ она дорожилася,
Бѣдная женщина! Въ позднемъ участіи,
Я проклинаю торгашество пошлое.
Все это куплено съ мыслью о счастіи,
Съ этимъ уходитъ — счастливое прошлое!

Здѣсь ты свила себѣ гнѣздышко скромное,
Каждый здѣсь гвоздикъ вколоченъ съ надеждою...
Ну, а теперь ты созданье бездомное,
Порабощенное грубымъ невѣждою!
Гдѣ не остылъ еще слѣдъ обаянія
Дѣвственной мысли, мечты обольстительной,
Тамъ совершается торгъ возмутительный...
Какъ еще можешь сдержать ты рыданія!
Въ очи твои голубыя, красивыя,
Нагло глядятъ торгаши непривѣтные,
Осквернены твои думы стыдливыя,
Проданы съ торгу надежды завѣтныя!...

Няня межъ тѣмъ заунывныя жалобы
Шепчетъ мнѣ въ ухо: «Распрòдали дешево —
«Лишь до деревни доѣхать достало бы.
«Чтò ужъ тамъ будетъ? не жду я хорошаго!
«Баринъ, поди, загуляетъ съ сосѣдями,
«Барыня будетъ одна-одинехонька,
«День-то не веселъ, а ночь-то чернехонька...
«Рядомъ лѣсище — съ волками, съ медвѣдями»...

— Смолкни ты, няня! созданье болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Намъ ли въ диковину сцены тяжелыя?
Каждому трудно живется и дышется,
Чудо, что есть еще лица веселыя,
Чудо, что смѣхъ еще временемъ слышится!...

Баринъ пришелъ — поздравляетъ съ покупкою,
Барыня бродитъ такая унылая;
Съ тихо воркующей, нѣжной голубкою
Я ее сравнивалъ, деньги постылыя

Ей отдавая... Копѣйка ты мѣдная!
Горе ты, горе! нужда окаянная...
Чуть надъ тобой не заплакалъ я, бѣдная!
Вотъ, одолжилъ бы... Прощай безталанная!

* * *

Литература, съ трескучими фразами,
Полная духа анти-человѣчнаго,
Администрація наша съ указами
О забираніи всякаго встрѣчнаго, —
Дайте вздохнуть!..
Я простился съ столицами;
Мирно живу средь полей,
Но и крестьяне съ унылыми лицами
Не услаждаютъ очей!
Ихъ нищета, ихъ терпѣнье безмѣрное
Только досаду родитъ...
Что̀ же ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ же твой идолъ стои́тъ?

* * *

Стихи мои! Свидѣтели живые
За міръ пролитыхъ слёзъ!
Родитесь вы въ минуты роковыя
Душевныхъ грозъ
И бьетесь о сердца́ людскія,
Какъ волны объ утесъ.

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ *).

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подниметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено,
И воздухъ и вода!

Идетъ-гудётъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикѣевна,
Водой не замутитъ!
Да съ ней бѣда случилася,
Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ...
Сама сказала, глупая,
Типунъ ей на языкъ!
Въ избѣ самъ другъ съ обманщицей
Зима насъ заперла,
Въ мои глаза суровые
Глядитъ, — молчитъ жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не даетъ:
Убить... такъ жаль сердечную!
Стерпѣть — такъ силы нѣтъ!

*) Такъ народъ называетъ пробужденіе природы весной.

А тутъ зима косматая
Реветъ и день, и ночь:
«Убей, убей измѣнницу!
«Злодѣя изведи!
«Не то весь вѣкъ промаешься,
«Ни днемъ, ни долгой ноченькой
«Покоя не найдешь.
«Въ глаза твои безстыжіе
«Сосѣди наплюютъ!..
Подъ пѣсню-вьюгу зимнюю
Окрѣпла дума лютая —
Припасъ я вострый ножъ...
Да вдругъ весна подкралася...

Идетъ-гудётъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса,
А рядомъ новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣднолистая,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій клёнъ...
Шумятъ они по новому,
По новому, весеннему...

Идетъ-гудётъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Слабѣетъ дума лютая,
Ножъ валится изъ рукъ,
И все мнѣ пѣсня слышится
Одна — въ лѣсу, въ лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Богъ тебѣ судья!»

ЧТО ДУМАЕТЪ СТАРУХА,

КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ.

Въ позднюю ночь надъ усталой деревнею
Сонъ непробудный царитъ,
Только старуху столѣтнюю, древнюю,
Не посѣтилъ онъ. — Не спитъ,

Мечется по̀-печи, охаетъ, мается,
Ждетъ — не поютъ пѣтухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Все-то грѣхи да грѣхи!

«Охти-мнѣ! Часто Владыку небеснаго
Я искушала грѣхомъ:
Нутко-се! съ ходу-то, съ ходу-то крестнаго
Разъ я ушла съ паренькомъ

«Въ рощу... Вотъ, то-то мы съ молоду, дурочки,
Думаемъ: милостивъ Богъ!

Разъ у сосѣдки взяла изъ подъ курочки
Пару яичекъ... охъ! охъ!

«Въ стрàдную пору больной притворилася —
Мужа въ побывку ждала...
Съ Ѳедей-солдатикомъ чуть не слюбилася...
Съ мужемъ подъ праздникъ спала...

«Охти-мнѣ... охъ! угожу въ преисподнюю!
Разъ, какъ забрили сынка,
Я возроптала на благость Господнюю,
Въ постъ испила молока, —

«То-то я грѣшница! то-то преступница! —
Съ горя валялась пьяна...
Божія матерь! Святая заступница!
Вся-то грѣшна я, грѣшна»!..

*
* *

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Все-выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палитъ.

Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки,
Надо ребенка качать!

Что̀ же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!...

Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею,—
Право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Канутъ они — все равно!

Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?..

*
* *

Надрывается сердце отъ муки,
Плохо вѣрится въ силу добра,
Внемля въ мірѣ царящіе звуки
Барабановъ, цѣпей, топора.
Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смѣшанный шумъ;

Ты ликуешь, на мигъ не смолкая,
Какъ дитя, безъ заботы и думъ.
Въ обаяніи счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана,—
Что-то шепчутъ зеленыя травы,
Говорливо струится волна;
Въ стадѣ весело ржётъ жеребенокъ,
Быкъ съ землей вырываетъ траву,
А въ лѣсу бѣлокурый ребенокъ —
Чу! кричитъ: «Парасковья, ау!»
По холмамъ, по лѣсамъ, надъ долиной
Птицы сѣвера вьются, кричатъ,
Разомъ слышны — напѣвъ соловьиный
И нестройные писки галчатъ,
Грохотъ тройки, скрипѣнье подводы,
Крикъ лягушекъ, жужжаніе осъ,
Трескъ кобылокъ,—въ просторѣ свободы
Все въ гармонію жизни слилось...
Я наслушался шума инова...
Оглушенный, подавленный имъ,
Мать-природа! иду къ тебѣ снова
Со всегдашнимъ желаньемъ моимъ —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтобъ душа ощутила покой
И прозрѣвшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

КАЛИСТРАТЪ.

Надо мной пѣвала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастливъ, Калистратушка!
«Будешь жить ты припѣваючи!»

И сбылось, по волѣ Божіей,
Предсказанье моей матушки:
Нѣтъ богаче, нѣтъ пригожѣе,
Нѣтъ наряднѣй Калистратушки!

Въ ключевой водѣ купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
Съ непосѣянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагихъ дѣтишекъ стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носитъ лапти съ подковыркою!..

ПОЖАРИЩЕ.

Весело бить васъ, медвѣди почтенные,
Только до васъ добираться невесело:
Кочки, ухабины, ели безсмѣнныя!
Каждое дерево вѣтви повѣсило,
Каркаетъ вòронъ надъ бѣлой равниною,
Нищій въ деревнѣ за дровни цѣпляется...
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взоръ утомляется.
Ой! надоѣла ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бѣдность крестьянская!
То ли бы дѣло — лошадка заводская
Съ полостью санки, прогулка дворянская?
Даже церквей здѣсь почти не имѣется.

Вотъ, наконецъ, впереди развлеченіе:
Что-то на бѣлой полянѣ чернѣется,
Что-то дымится, — сгорѣло селеніе!
Бѣдныхъ, богатыхъ не различающій,
Шутку огонь подшутилъ презабавную:
Только повсюду еще украшающій
Освобожденную Русь православную
Столбъ уцѣлѣлъ — и на немъ сохраняются
Строки: «деревня помѣщика Вѣчева».
Съ лаемъ собаки на насъ не бросаются,
Думаютъ видно: украсть вамъ тутъ нечего!
(Такъ. А давно ли служили вы съ вѣрою,
Лаяли, злились до самозабвенія
И на хребтѣ своемъ шерсть черно-сѣрую
Ставили дыбомъ въ защиту селенія?..)
Да на обломкахъ стѣны штукатуренной
Крайняго дома — должно быть дворянскаго —
Видны портреты: Кутузовъ нахмуренный,
Блюхеръ безсмѣнный и бокъ Забалканскаго.
Лошадь дрожитъ у плетня почернѣлаго,
Куры бездомныя съ холоду ёжатся
И на остаткахъ жилья погорѣлаго
Люди, какъ черви на трупѣ, копошатся...

*
* *

I.

Благодареніе Господу Богу,
Конченъ проселокъ!.. Не спишь?»
— Думаю, братецъ, про эту дорогу.
«То-то давненько молчишь.

«Что же ты думаешь?»—Долго разсказывать.
Только тронулись по ней,
Стала мнѣ эта дорога показывать
Тѣни погибшихъ людей.

Блѣдныя тѣни! ужасныя тѣни!
Злоба, безумье, любовь...
Ѣдемъ мы, братецъ, въ крови по колѣни!
«Полно — тутъ пыль, а не кровь...»

II.

«Баринъ! не выпить ли намъ понемногу?
Больно ужъ ты присмирѣлъ».
— Пѣлъ бы я пѣсню про эту дорогу,
Пѣлъ бы, да рёвмя ревѣлъ,

Пѣсней надъ пѣснями стала бы эта
Пѣсня... да пѣть не рука.
«Пѣсня про эту дорогу ужъ спѣта,
Да̀ что въ ней проку?.. Тоска!»

— Знаю, народъ *проторенной цѣпями*
Эту дорогу зоветъ.
«Вѣрно! увидишь своими глазами:
Русская пѣсня не вретъ!»

III.

Скоро попались намъ пѣшіе ссыльные,
Съ гикомъ ямщикъ налетѣлъ,
Въ тряской телѣгѣ два путника пыльные
Скачутъ... едва разглядѣлъ...

Подлѣ лица — молодого, прекраснаго,
Съ саблей усачъ...
Братъ, удаляемый съ пòста опаснаго,
Есть ли тамъ смѣна? Прощай!

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ.

День-деньской моя печальница,
Въ ночь — ночная богомолица,
Вѣкова моя сухотница...
Изъ народной пѣсни.

Чуть живые, въ ночь осеннюю
Мы съ охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодняго,
Слава Богу, добираемся.

— Вотъ и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посѣтила ли кручинушка?
Молви — можетъ и размыкаю.—
И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.

— Восемь лѣтъ сынка не видѣла,
Живъ ли, нѣтъ — не откликается,
Ужъ и свидѣться не чаяла,
Вдругъ сыночекъ возвращается.

Вышло молодцу въ безсрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блиновъ Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости:
Воротился сынъ больнёхонекъ,
Ночью кашель бьетъ солдатика,
Бѣлый платъ въ крови мокрёхонекъ!

Говоритъ: «поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворалъ Иванушка,
На десятый день преставился...

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, безталанная.
— Да съ чего же привязалася
Къ парню хворость окаянная?

— Хилый, что ли, былъ съ рожденія?..
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырскаго сложенія,
Здоровенный былъ дѣтинушка!

«Подивился самъ изъ Питера
Генералъ на парня этого,
Какъ въ рекрутское присутствіе
Привели его раздѣтаго...

«На избёнку эту брёвнышки
Онъ одинъ таскалъ сосновыя...
И вилися у Иванушки
Русы кудри какъ шелковыя».

И опять молчитъ несчастная...
— Не молчи — развѣй кручинушку!
Что̀ сгубило сына милаго —
Чай, спросила ты дѣтинушку?—

«Не любилъ, сударь, разсказывать
Онъ про жизнь свою военную,
Грѣхъ міряиамъ-то показывать
Душу — Богу обреченную!

«Говорить — гнѣвить Всевышняго,
Окаянныхъ бѣсовъ радовать...
Чтобъ не молвить слова лишняго,
На враговъ не подосадовать,

«Нѣмота передъ кончиною
Подобаетъ христіанину.
Зна̀етъ Богъ, какія тягости
Сокрушили силу Ванину!

«Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Онъ одни слова утѣшныя
Говорилъ мнѣ, умираючи.

«Тихо по двору похаживалъ
Да постукивалъ топорикомъ,
Избу ветхую облаживалъ,
Огородъ обнесъ заборикомъ;

«Перекрыть сарай задумывалъ.
Не сбылись его желанія:
Слегъ — и всталъ на ноги рѣзвыя
Только за день до скончанія!

«Поглядѣть на солнце красное
Пожелалъ,—пошла я съ Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался съ ригой, съ банею.

«Сѣнокосомъ шелъ — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косилъ тебя во младости! —
И заплакалъ мой Иванушка!

«Пѣсня вдругъ съ дороги грянула,
Подхватилъ, что̀ было голосу:
— «Не бѣлы снѣжки»... закашлялся,
Задышался — палъ на полосу!

«Не стояли ноги рѣзвыя,
Не держалася головушка!
Съ часъ домой мы возвращалися...
Было время — пѣлъ соловушка!

«Страшно въ эту ночь послѣднюю
Было: память потерялася,
Все ему передъ кончиною,
Служба эта представлялася.

«Ходитъ, чиститъ амуницію,
Набѣлилъ ремни солдатскіе,
Языкомъ игралъ сигналики,
Пѣсни пѣлъ — такія хватскія!

«Артикулъ ружьемъ выкидывалъ,
Такъ, что весь домишка вздрагивалъ;
Какъ журавль стоялъ наноженькѣ
На одной — носокъ вытягивалъ.

«Вдругъ — метнулся... смотритъ жалобно...
Повалился — плачетъ, кается,
«Крикнулъ» ваше благородіе!»
«Ваше!».. вижу—задыхается:

«Я къ нему. Утихъ, послушался —
Легъ на лавку. Я молилася:
Не пошлетъ ли Богъ спасеніе?
Къ утру память воротилася,

«Прошепталъ: прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..
Я надъ Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

«И погасъ онъ, словно свѣченька
Восковая, предъ-иконная...»

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!..

МОРОЗЪ КРАСНЫЙ-НОСЪ.

Посвящаю

моей сестрѣ

АННѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Ты опять упрекнула меня,
Что я съ музой моей раздружился,
Что заботамъ текущаго дня
И забавамъ его подчинился.

Для житейскихъ разсчетовъ и чаръ
Не разстался-бы съ музой моею;
Но, Богъ вѣсть, не погасъ ли тотъ даръ,
Что, бывало, дружилъ меня съ нею?
Но не братъ еще людямъ поэтъ,
И тернистъ его путь, и непроченъ,
Я умѣлъ не бояться клеветъ,
Не былъ ими я самъ озабоченъ;
Но я зналъ, чье во мракѣ ночномъ
Надрывалося сердце съ печали
И на чью онѣ грудь упадали свинцомъ,
И кому онѣ жизнь отравляли.
И пускай онѣ мимо прошли,
Надо мною ходившія грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слёзы
Роковую стрѣлу отвели...
Да и время ушло,—я усталъ...
Пусть я не былъ бойцомъ безъ упрёка,
Но я силы въ себѣ сознавалъ,
Я во многое вѣрилъ глубоко,
А теперь—мнѣ пора умирать...
Не за тѣмъ же пускаться въ дорогу,
Чтобы въ любящемъ сердцѣ опять
Пробудить роковую тревогу.

Присмирѣвшую музу мою
Я и самъ неохотно ласкаю...
Я послѣднюю пѣсню пою
Для тебя—и тебѣ посвящаю.
Но не будетъ она веселѣй,
Будетъ много печальнѣе прежней,
Потому что на сéрдцѣ темнѣй
И въ грядущемъ еще безнадежнѣй.

Буря воетъ въ саду, буря ломится въ домъ,
Я боюсь, чтобъ она не сломила
Старый дубъ, что посаженъ отцомъ,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
Съ нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
Въ ночь, какъ бѣдная мать умирала...

И дрожитъ, и пестрѣетъ окно...
Чу! какъ крупныя гра̀дины скачутъ!
Милый другъ, поняла ты давно —
Здѣсь одни только камни не плачутъ...
.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА.

I.

Савраска увязъ въ половинѣ сугроба —
Двѣ пары промерзлыхъ лаптей
Да уголъ рогожей покрытаго гроба
Торчатъ изъ убогихъ дровней.

Старуха въ большихъ рукавицахъ
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на рѣсницахъ,
Съ морозу — должно полагать.

II.

Привычная дума поэта
Впередъ забѣжать ей спѣшитъ:
Какъ саваномъ, снѣгомъ одѣта
Избушка въ деревнѣ стоитъ,

Въ избушкѣ — теленокъ въ подклѣти,
Мертвецъ на скамьѣ у окна;
Шумятъ его глупыя дѣти;
Тихонько рыдаетъ жена.

Сшивая проворной иголкой
На саванъ куски полотна,
Какъ дождь, зарядившій на-долго,
Не громко рыдаетъ она.

III.

Три тяжкія доли имѣла судьба;
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться;
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.

Вѣка протекали — все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки.
И всѣ мы согласны, что типъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не ввѣряла,—

Но мнѣ ты ихъ скажешь, мой другъ!
Ты съ дѣтства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испугъ,
Ты вся — вѣковая истома!
Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобою не лилъ.

IV.

Однако же, рѣчь о крестьянкѣ
Затѣяли мы, чтобъ сказать,
Что типъ величавой славянки
Возможно и нынѣ сыскать.

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ,—

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говоритъ:
«Пройдетъ — словно солнце освѣтитъ!
«Посмотритъ — рублемъ подаритъ!»

Идутъ онѣ той же дорогой,
Какой весь народъ нашъ идетъ,
Но грязь обстановки убогой
Къ нимъ словно не липнетъ. Цвѣтетъ

Красавица, міру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.

И голодъ, и холодъ выноситъ,
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она коситъ:
Что взмахъ — то готова копна!

Платокъ у ней на ухо сбился,
Того-гляди косы падутъ;
Какой-то парнёкъ изловчился
И къ верху подбросилъ ихъ, шутъ!

Тяжелыя русыя косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мѣшаютъ крестьянкѣ взглянуть.

Она отвела ихъ руками,
На парня сердито глядитъ.
Лицо величаво, какъ въ рамѣ,
Смущеньемъ и гнѣвомъ горитъ...

По буднямъ не любитъ бездѣлья,
За то вамъ ее не узнать,
Какъ сгонитъ улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.

Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни и пляски такой
За деньги не купишь. — «Утѣха!»
Твердятъ мужики межъ собой.

Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ — не сробѣетъ, — спасетъ:
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяныя губы
Хранятъ ихъ красу отъ людей —

Она улыбается рѣдко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не рѣшится сосѣдка
Ухвата, горшка попросить!

Не жалокъ ей нищій убогій —
Вольно-жъ безъ работы гулять!
Лежитъ на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудѣ,
И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бьется въ нуждѣ.

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Идетъ эта баба къ обѣдни
Предъ всею семьей впереди:
Сидитъ, какъ на стулѣ, двухлѣтній
Ребенокъ у ней на груди,

Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведётъ...
И по̀ сердцу эта картина
Всѣмъ, любящимъ русскій народъ!

V.

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя изсушило,
Уснувшаго Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крѣпишься, но холстъ гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадаетъ
На быстрые руки твои.
Такъ колосъ беззвучно роняетъ
Созрѣвшія зерна свои...

VI.

Въ селѣ, за четыре версты,
У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
Подбитыя бурей кресты,
Мѣстечко старикъ выбираетъ;

Усталъ онъ, работа трудна,
Тутъ тоже сноровка нужна —

Чтобъ крестъ было видно съ дороги,
Чтобъ солнце играло кругомъ.
Въ снѣгу до колѣнъ его ноги,
Въ рукахъ его заступъ и ломъ,

Вся въ инеѣ шапка большая,
Усы, борода въ серебрѣ.
Недвижно стоитъ, размышляя,
Старикъ на высокомъ бугрѣ.

Рѣшился. Крестомъ обозначилъ,
Гдѣ будетъ могилу копать,
Крестомъ осѣнился и началъ
Лопатою снѣгъ разгребать.

Иные пріемы тутъ были,
Кладбище не то, что̀ поля:
Изъ снѣгу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнувъ свою старую спину,
Онъ долго, прилежно копалъ.
И желтую мерзлую глину
Тотчасъ же снѣжокъ застилалъ.

Ворона къ нему подлетѣла,
Потыкала носомъ, прошлась:
Земля какъ желѣзо звенѣла —
Ворона ни съ чѣмъ убралась...

Могила на славу готова, —
«Не мнѣ-бъ эту яму копать!»
(У стараго вырвалось слово):
«Не Проклу бы въ ней почивать,

«Не Проклу!..» Старикъ оступился.
Изъ рукъ его выскользнулъ ломъ
И въ бѣлую яму скатился.
Старикъ его вынулъ съ трудомъ.

Пошелъ... по дорогѣ шагаетъ...
Нѣтъ солнца, луна не взошла...
Какъ будто весь міръ умираетъ:
Затишье, снѣжокъ, полу-мгла...

VII.

Въ оврагѣ, у рѣчки Желтухи,
Старикъ свою бабу нагналъ
И тихо спросилъ у старухи:
«Хорошъ ли гробокъ то попалъ?»

Уста ея чуть прошептали
Въ отвѣтъ старику: «ничего»...
Потомъ они оба молчали,
И дровни такъ тихо бѣжали,
Какъ будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькаетъ огонь.
Старуха крестомъ осѣнилась,
Шарахнулся въ сторону конь —

Безъ шапки, съ ногами босыми,
Съ большимъ заостреннымъ коломъ,
Внезапно предсталъ передъ ними
Старинный знакомецъ Пахомъ.

Прикрыты рубахою женской
Звенѣли вериги на немъ;
Постукалъ дуракъ деревенскій
Въ морозную землю коломъ,

Потомъ помычалъ сердобольно,
Вздохнулъ и сказалъ: «не бѣда!
«На васъ онъ работалъ довольно,
«И ваша пришла череда!

«Мать сыну-то гробъ покупала,
«Отецъ ему яму копалъ,
«Жена ему саванъ сшивала —
«Всѣмъ разомъ работу вамъ далъ»!..

Опять помычалъ — и безъ цѣли
Въ пространство дуракъ побѣжалъ.
Вериги уныло звенѣли,
И голыя икры блестѣли,
И посохъ по снѣгу черкалъ.

VIII.

У дома оставили крышу,
Къ сосѣдкѣ свели ночевать
Зазябнувшихъ Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дѣло велось:
Не сказано лишняго слова,
Наружу не выдано слезъ.

Уснулъ потрудившійся въ потѣ!
Уснулъ, поработавъ землѣ!
Лежитъ, непричастный заботѣ,
На бѣломъ сосновомъ столѣ,

Лежитъ неподвижный, суровый,
Съ горящей свѣчей въ головахъ,
Въ широкой рубашкѣ холщевой
И въ липовыхъ новыхъ лаптяхъ.

Большія съ мозолями руки,
Подъявшія много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рукъ борода...

IX.

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словомъ тоски
И только глядѣть избѣгали
Другъ другу въ глаза бѣдняки.

Но вотъ уже кончено дѣло,
Нѣтъ нужды бороться съ тоской,
И что̀ на душѣ накипѣло,
Изъ устъ полилося рѣкой.

Не вѣтеръ гудитъ по ковыли,
Не свадебный поѣздъ гремитъ, —
Родные по Проклу завыли,
По Проклу семья голоситъ:

«Голубчикъ ты нашъ сизокрылый!
«Куда ты отъ насъ улетѣлъ?
«Пригожествомъ, ростомъ и силой
«Ты ровни въ селѣ не имѣлъ.

«Родителямъ былъ ты совѣтникъ,
«Работничекъ въ полѣ ты былъ,
«Гостямъ хлобосолъ и привѣтникъ,
«Жену и дѣтей ты любилъ...

«Чтò-жъ мало гулялъ ты по свѣту?
«За что насъ покинулъ, родной?
«Одумалъ ты думушку эту,
«Одумалъ съ сырою землей—

«Одумалъ—а намъ оставаться
«Велѣлъ во міру, сиротамъ,
«Не свѣжей водой умываться,—
«Слезами горючими намъ!

«Старуха помретъ со кручины,
«Не жить и отцу твоему,
«Береза въ лѣсу безъ вершины—
«Хозяйка безъ мужа въ дому.

«Ее не жалѣешь ты, бѣдной,
«Дѣтей не жалѣешь... Вставай!
«Съ полоски своей заповѣдной
«По лѣту сберешь урожай!

«Сплесни, ненаглядный, руками
«Сокольимъ глазкомъ посмотри,
«Тряхни шелковыми кудрями,
«Сахàрны уста раствори!

«На радости мы бы сварили
«И меду, и браги хмѣльной,
«За столъ бы тебя посадили —
«Покушай, желанный, родной!

«А сами напротивъ бы стали —
«Кормилецъ, надёжа семьи!
«Очей бы съ тебя не спускали,
«Ловили бы рѣчи твои»...

X.

На эти рыданья и стоны
Сосѣди валили гурьбой:
Свѣчу положивъ у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смѣну входили другіе...
Но вотъ ужъ толпа разбрелась,
Поужинать сѣли родные —
Капуста да съ хлѣбушкомъ квасъ.

Старикъ безполезной кручинѣ
Собой овладѣть не давалъ:
Подладившись ближе къ лучинѣ,
Онъ лапоть худой ковырялъ.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Провѣдать ребятокъ пошла.

Всю ноченьку, стоя у свѣчки,
Читалъ надъ усопшимъ дьячокъ,
И вторилъ ему изъ-за печки
Пронзительнымъ свистомъ сверчокъ.

XI.

Сурово метелица выла
И снѣгомъ кидала въ окно,
Не весело солнце всходило:
Въ то утро свидѣтелемъ было
Печальной картины окно.

Савраска, запряженный въ сани,
Понуро стоялъ у воротъ;
Безъ лишнихъ рѣчей, безъ рыданій
Покойника вынесъ народъ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хозяину много,
Послѣдній разокъ послужи!..

Въ торговомъ селѣ Чистопольѣ
Купилъ онъ тебя сосункомъ,
Взростилъ онъ тебя на привольѣ,
И вышелъ ты добрымъ конемъ.

Съ хозяиномъ дружно старался,
На зимушку хлѣбъ запасалъ,
Во стадѣ ребенку давался.
Травой да мякиной питался,
А тѣло изрядно держалъ.

Когда же работы кончались
И сковывалъ землю морозъ,
Съ хозяиномъ вы отправлялись
Съ домашняго корма въ извозъ.

Не мало и тутъ доставалось —
Возилъ ты тяжелую кладь,
Въ жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на бокахъ твоихъ впалыхъ
Кнута не одна полоса,
За то на дворахъ постоялыхъ
Покушалъ ты вволю овса.

Слыхалъ ты въ январьскія ночи
Мятели пронзительный вой,
И волчьи горящія очи
Видалъ на опушкѣ лѣсной,

Продрогнешь, натерпишься страху,
А тамъ — и опять ничего!
Да видно хозяинъ далъ маху —
Зима доконала его!..

XII.

Случилось въ глубокомъ сугробѣ
Полсутокъ ему простоять,
Потомъ то въ жару, то въ ознобѣ
Три дня за подводой шагать:

Покойникъ на срокъ торопился
До мѣста доставить товаръ;

Доставилъ, домой воротился —
Нѣтъ голосу, въ тѣлѣ пожаръ!

Старуха его окатила
Водой съ девяти веретенъ
И въ жаркую баню сводила,
Да нѣтъ — не поправился онъ!

Тогда ворожеекъ созвали —
И поятъ, и шепчутъ, и трутъ —
Все худо! Его продѣвали
Три раза сквозь потный хомутъ.

Спускали родимаго въ пролубь,
Подъ куричій клали насѣстъ...
Всему покорялся, какъ голубь,
А плохо — не пьетъ и не ѣстъ!

Еще положить подъ медвѣдя,
Чтобы тотъ ему кости размялъ,
Ходебщикъ сергачевскій Ѳедя
— Случившійся тутъ — предлагалъ.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала совѣтника прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и въ ночь

Пошла въ монастырь отдаленный
(Верстахъ въ десяти отъ села),
Гдѣ въ нѣкой иконѣ явленной
Цѣлебная сила была.

Пошла, воротилась съ иконой —
Больной ужъ безгласенъ лежалъ,

Одѣтый какъ въ гробъ, причащенный
Увидѣлъ жену, простоналъ
И умеръ...

XIII.

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хозяину много,
Въ послѣдній разокъ послужи!

Чу! два похоронныхъ удара!
Попы ожидаютъ — иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отецъ впереди.

Ребята съ покойникомъ оба
Сидѣли, не смѣя рыдать,
И, правя савраской, у гроба
Съ возжами ихъ бѣдная мать

Шагала... Глаза ея впали
И былъ не бѣлѣй ея щёкъ
Надѣтый на ней, въ знакъ печали,
Изъ бѣлой холстины платокъ.

За Дарьей — сосѣдей, сосѣдокъ
Плелась не густая толпа,
Толкуя, что Прокловыхъ дѣтокъ
Теперь не завидна судьба,

Что Дарьѣ работы прибудетъ,
Что ждутъ ее черные дни.

«Жалѣть ее некому будетъ»,
Согласно рѣшили они...

XIV.

Какъ водится, въ яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалѣли, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Самъ староста, Сидоръ Иванычъ,
Вполголоса бабамъ подвылъ,
И «миръ тебѣ, Проклъ Севастьянычъ!»
Сказалъ: «благодушенъ ты былъ»,

«Жилъ честно, а главное: въ сроки,—
«Ужъ какъ тебя Богъ выручалъ,—
«Платилъ господину оброки
«И подать въ казну представлялъ!»

Истративъ запасъ краснорѣчья,
Почтенный мужикъ покряхтѣлъ:
«Да, вотъ она жизнь человѣчья!»
Прибавилъ — и шапку надѣлъ.

«Свалился... а то-то былъ въ силѣ!..
«Свалимся... не минуть и намъ»!..
Еще покрестились могилѣ,
И съ Богомъ пошли по домамъ.

Высокій, сѣдой, сухопарый,
Безъ шапки, недвижно-нѣмой,

Какъ памятникъ, дѣдушка старый
Стоялъ на могилѣ родной!

Потомъ старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой,
Подъ вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Онъ съ бабой въ деревню входилъ,—
«Какъ пьяныхъ шатаетъ кручина!
Гляди-тко»!.. ... народъ говорилъ...

XV.

А Дарья домой воротилась—
Прибраться, дѣтей накормить.
Ай-ай! какъ изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Анъ глядь—ни полѣна дровишекъ,
Задумалась бѣдная мать:
Покинуть ей жаль ребятишекъ,
Хотѣлось бы ихъ приласкать,

Да времени нѣту на ласки.
Къ сосѣдкѣ свела ихъ вдова,
И тотчасъ, на томъ же савраскѣ,
Поѣхала въ лѣсъ по дрова...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVI.

Морозно. Равнины бѣлѣютъ подъ снѣгомъ,
Чернѣется лѣсъ впереди;
Савраска плетется ни шагомъ, ни бѣгомъ,
Не встрѣтишь души на пути.

Какъ тихо! Въ деревнѣ раздавшійся голосъ
Какъ будто у самаго уха гудётъ,
О корень древесный запнувшійся полозъ
Стучитъ и визжитъ, и за сердце скребётъ.

Кругомъ — поглядѣть нѣту мочи,
Равнина въ алмазахъ блеститъ.
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, ихъ солнце слѣпитъ...

XVII.

Въ поляхъ было тихо, но тише
Въ лѣсу и какъ будто свѣтлѣй.
Чѣмъ далѣ — деревья все выше,
А тѣни длиннѣй и длиннѣй.

Деревья, и солнце, и тѣни,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывныя пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе
И лѣсъ безучастно внималъ,

Какъ стоны лились на просторѣ,
И голосъ рвался и дрожалъ,

И солнце, кругло̀ и бездушно,
Какъ желтое око совы,
Глядѣло съ небесъ равнодушно
На тяжкія муки вдовы.

И много ли струнъ оборвалось
У бѣдной крестьянской души,—
На-вѣки сокрыто осталось
Въ лѣсной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малыхъ сиротъ
Подслушали вольныя птицы,
Но выдать не смѣли въ народъ...

XVIII.

Не псарь по дубровушкѣ трубитъ,
Гогочетъ, сорви-голова,—
Наплакавшись, колетъ и рубитъ
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросаетъ —
Наполнить бы ихъ поскорѣй,
И врядъ ли сама замѣчаетъ,
Что слезы все льютъ изъ очей:

Иная съ рѣсницы сорвется
И на снѣгъ съ размаху падетъ —
До самой земли доберется,
Глубокую яму прожжетъ;

Другую на дерево кинетъ,
На плашку, — и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынетъ —
Бѣла, и кругла, и плотна.

А та на глазу поблистаетъ,
Стрѣлой по щекѣ побѣжитъ,
И солнышко въ ней поиграетъ...
Управиться Дарья спѣшитъ.

Знай рубитъ, — не чувствуетъ стужи,
Не слышитъ, что ноги знобитъ,
И, полная мысли о мужѣ,
Зоветъ его, съ нимъ говоритъ...

XIX.

.
.
«Голубчикъ! красавицу нашу
Весной въ хороводѣ опять
Подхватятъ подруженьки Машу
И станутъ на ручкахъ качать!

«Станутъ качать,
Къ верху бросать,
Маковкой звать,
Макъ отряхать! *)

*) Извѣстная народная игра, называемая *сѣять макъ*. *Маковкой* садится въ серединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванія мака; а то еще *макомъ* бываетъ простоватый дѣтина, которому при подкидываніи достается не мало колотушекъ.

«Вся раскраснѣется наша
Маковымъ цвѣтикомъ Маша
Съ синими глазками, съ русой косой!

«Ножками бить и смѣяться
Будетъ... а мы-то съ тобой, —
Мы на нее любоваться
Будемъ, желанный ты мой!..

XX.

«Умеръ, не дожилъ ты вѣку,
Умеръ и въ землю зарытъ!
Любо весной человѣку,
Солнышко ярко горитъ,
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просятъ косы.

«Рано я, горькая, встала,
Дома не ѣла, съ собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утромъ косить я пошла...
«Крѣпче вы ноженьки стойте;
Бѣлыя руки, не нойте!
Надо одной поспѣвать!

«Въ полѣ одной-то надсадно,
Въ полѣ одной неповадно,
Стану я милаго звать!

«Ладно-ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сѣно убрала?
Прямо-ли стоги сметала?...
Я на грабляхъ отдыхала
Всѣ сѣнокосные дни!..

«Нѐкому бабью работу поправить!
Нѐкому бабу на разумъ наставить...

XXI.

«Стала скотинушка въ лѣсъ убираться,
Стала рожь-матушка въ колосъ метаться,
Богъ намъ послалъ урожай!
Нынче солома по грудь человѣку,
Богъ намъ послалъ урожай,
Да не продлилъ тебѣ вѣку, —
Хочешь-не хочешь, одна поспѣвай!...

«Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
Смертная жажда томитъ;
Солнышко серпъ нагрѣваетъ,
Солнышко очи слѣпитъ;
Жжетъ оно голову, плечи,
Изо-ржи, словно изъ печи,
Тоже тепломъ обдаетъ;
Спинушка ноетъ съ натуги,
Руки и ноги болятъ;
Красные, желтые круги
Передъ очами стоятъ...

Жни-дожинай поскорѣе,
Видишь — зерно потекло...

«Вмѣстѣ бы дѣло скорѣе,
Вмѣстѣ поваднѣй бы шло...

XXII.

«Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Сонъ передъ Спасовымъ днёмъ.
Въ полѣ заснула одна я
Послѣ полудня, съ серпомъ,
Вижу — меня обступаетъ
Сила — несмѣтная рать —
Грозно руками махаетъ,
Грозно очами сверкаетъ...
Думала я убѣжать,
Да не послушались ноги;
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.

«Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибѣжала;
Травушки рвутся, шумятъ —
Дѣтки къ родимой спѣшатъ;
Шибко безъ вѣтру не машетъ
Мельница въ полѣ крыломъ:
Братецъ идетъ, да приляжетъ;
Свекоръ плетется шажкомъ.
Всѣ прибрели, прибѣжали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...

Стала я кликать его:
«Видишь, меня обступаетъ
«Сила — несмѣтная рать, —
«Грозно руками махаетъ,
«Грозно очами сверкаетъ:
«Что̀ не идешь выручать?..»
Тутъ я кругомъ оглядѣлась —
Господи? что̀ куда дѣлось?
Что̀ это было со мной?..
Рати тутъ нѣтъ никакой!
Это не люди лихіе,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спѣлымъ зерномъ налитые,
Вышли со мной воевать!

«Машутъ, шумятъ, наступаютъ,
Руки, лицо щекотятъ,
Сами солому подъ серпъ нагибаютъ —
Больше стоять не хотятъ

«Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупныя зерна —
Словно подъ градомъ стою!

«Вытечетъ, вычететъ за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Гдѣ же ты, Проклъ Севастьянычъ?
Что пособлять не идешь?..

«Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

«Стану безъ милаго жать,
Снопики крѣпко вязать,
Въ снопики слезы ронять!

«Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что̀ же вы Господу нужны,
Чѣмъ ему дороги вы?

XXIII.

«Долги вы, зимнія ноченьки,
Скучно безъ милаго спать;
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

«Много натку я полотенъ,
Тонкихъ, добротныхъ новинъ;
Выростетъ крѣпокъ и плотенъ,
Выростетъ ласковый сынъ.

«Будетъ по нашему мѣсту
Онъ хоть куда женихомъ;
Высватать парню невѣсту
Сватовъ надежныхъ пошлёмъ...

«Кудри сама расчесала я Гришѣ,
Кровь съ молокомъ нашъ сынокъ-первенецъ,
Кровь съ молокомъ и невѣста... Иди же!
Благослови молодыхъ подъ вѣнецъ!

«Этого дня мы какъ праздника ждали,
Помнишь, какъ началъ Гришуха ходить,

Цѣлую ноченьку мы толковали,
Какъ его будемъ женить,
Стали на свадьбу копить понемногу...
Вотъ — дождались, слава Богу!

«Чу, бубенцы говорятъ!
Поѣздъ вернулся назадъ,
Выди на-встрѣчу проворно —
Пава-невѣста, соколикъ-женихъ! —
Сыпь на нихъ хлѣбныя зерна,
Хмѣлемъ осыпь молодыхъ!..*)

XXIV.

«Стадо у лѣсу у темнаго бродитъ,
Лыки въ лѣсу пастушонко деретъ,
Изъ лѣсу сѣрый волчище выходитъ, —
Чью онъ овцу унесетъ?

«Черная туча, густая-густая,
Прямо надъ нашей деревней виситъ:
Прыснетъ изъ тучи стрѣла громовая, —
Въ чей она домъ сноровитъ?

«Вѣсти недобрыя ходятъ въ народѣ:
Парнямъ не долго гулять на свободѣ,
Скоро — рекрутскій наборъ!

«Нашъ-то молодчикъ въ семьѣ одиночка,
Всѣхъ у насъ дѣтокъ Гришуха да дочка,
Да голова у насъ воръ —
Скажетъ: мірской приговоръ!

*) Хмѣлемъ и хлѣбнымъ зерномъ осыпаютъ молодыхъ въ знакъ будущаго богатства.

«Сгибнетъ ни за́ что, ни про̀ что дѣтина.
Встань, заступись за родимаго сына!

«Нѣтъ! не заступишься ты!..
Бѣлыя руки твои опустились,
Ясныя очи на вѣки закрылись...
Горькія мы сироты!

XXV.

«Я-ль не молила Царицу небесную?
Я ли лѣнива была?
Ночью одна подъ икону чудесную
Я не сробѣла — пошла.

«Вѣтеръ шумитъ, наметаетъ сугробы,
Мѣсяца нѣтъ — хоть бы лучъ;
На небо глянешь — какіе-то гробы,
Цѣпи да гири выходятъ изъ тучъ...

«Я ли о немъ не старалась?
Я ли жалѣла чего?
Я ему молвить боялась,
Какъ я любила его!

«Звѣздочки будутъ у ночи,
Будетъ ли намъ-то свѣтлѣй?..

«Заяцъ спрыгнулъ изъ-подъ кочи...
Заинька, стой! не посмѣй
Перебѣжать мнѣ дорогу!

«Въ лѣсъ укатилъ, слава Богу...
Къ полночи стало страшнѣй, —

«Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила въ лѣсу...

«Что мнѣ до силы нечистой?
Чуръ меня! Дѣвѣ Пречистой
Я приношенье несу!

«Слышу я конское ржанье,
Слышу волковъ завыванье,
Слышу погону за мной, —

«Звѣрь на меня не кидайся!
Лихъ человѣкъ не касайся, —
Дорогъ нашъ грошъ трудовой!

«Лѣто онъ жилъ работаючи,
Зиму не видѣлъ дѣтей,
Ночи о немъ помышляючи,
Я не смыкала очей.

«Ѣдетъ онъ, зябнетъ.... а я-то, печальная,
Изъ волокнистаго льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.

«Веретено мое прыгаетъ,. вертится,
Въ полъ ударяется.
Проклушка пѣшъ идетъ, въ рытвинѣ крестится,
Къ возу на горочкѣ самъ припрягается.

«Лѣто за лѣтомъ, зима за зимой,
Этакъ-то мы раздобылись казной!

«Милостивъ буди къ крестьянину бѣдному,
Господи! все отдаемъ,
Что по копѣйкѣ, по грошику мѣдному
Мы сколотили трудомъ!..

XXVI.

«Вся ты, тропина лѣсная!
Кончился лѣсъ.
Къ утру звѣзда золотая
Съ божьихъ небесъ
Вдругъ сорвалась — и упала:
Дунулъ Господь на нее;
Дрогнуло сердце мое;
Думала я, вспоминала —
Что было въ мысляхъ тогда,
Какъ покатилась звѣзда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду...
Думала я, что едва-ли
Прокла въ живыхъ я найду...

«Нѣтъ! не допуститъ Царица небесная!
Дастъ исцѣленье икона чудесная!

«Я осѣнилась крестомъ
И побѣжала бѣгомъ...

«Сила-то въ немъ богатырская,
Милостивъ Богъ, не умретъ...
Вотъ и стѣна монастырская!
Тѣнь ужъ моя головой достаетъ
До монастырскихъ воротъ.

«Я поклонилася зѐмнымъ поклономъ,
Стала на ноженьки, глядь —
Вòронъ сидитъ на крестѣ золоченомъ...
Дрогнуло сердце опять!

XXVII.

«Долго меня продержали —
Схимницу сестры въ тотъ день погребали.

«Утреня шла,
Тихо по церкви хòдили монашены,
Въ черныя рясы наряжены.
Только покойница въ бѣломъ была:
Спитъ — молодая, спокойная,
Знаетъ, что будетъ въ раю.
Поцѣловала и я, недостойная,
Бѣлую ручку твою!
Въ личико долго глядѣла я:
Всѣхъ ты моложе, наряднѣй, милѣй,
Ты межъ сестеръ словно горлинка бѣлая
Промежду сизыхъ, простыхъ голубей.

«Въ ручкахъ чернѣются чотки,
Писанный вѣнчикъ на лбу,
Черный покровъ на гробу —
Этакъ-то ангелы кротки!

«Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтбъ не осталася я
Горькой вдовой съ сиротами!

«Гробъ на рукахъ до могилы снесли,
Съ пѣньемъ и плачемъ ее погребли.

XXVIII.

«Двинулась съ миромъ икона святая,
Сестры запѣли, ее провожая,
Всѣ приложилися къ ней.

«Много Владычицѣ было почету:
Старый и малый бросали работу,
Изъ деревень шли за ней.

«Къ ней выносили больныхъ и убогихъ...
Знаю, Владычица! знаю: у многихъ
Ты осушила слезу...

«Только ты милости къ намъ не явила!
.
.

«Господи! сколько я дровъ нарубила!
Не увезешь на возу»...

XXIX.

Окончивъ привычное дѣло,
На дровни поклала дрова,
За возжи взялась и хотѣла
Пуститься въ дорогу вдова.

Да вновь раздумалась, стоя,
Топоръ машинально взяла

И тихо, прерывисто воя,
Къ высокой соснѣ подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоитъ подъ сосной, чуть живая,
Безъ думы, безъ стона, безъ слезъ...
Въ лѣсу тишина гробовая —
День свѣтелъ, крѣпчаетъ морозъ...

XXX.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.

Глядитъ — хорошо ли метели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?

Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ — по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

Дорога вездѣ чародѣю.
Чу! ближе подходитъ, сѣдой,
И вдругъ очутился надъ нею,
Надъ самой ея головой!

Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ,
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:

XXXI

«Вглядись, молодица, смѣлѣе,
«Каковъ воевода Морозъ!
«Наврядъ тебѣ парня сильнѣе
«И краше видать привелось?

«Метели, снѣга и туманы
«Покорны морозу всегда;
«Пойду на моря-окіяны —
Построю дворцы изо-льда.

«Задумаю — рѣки большія
«Надолго упрячу подъ гнетъ,
«Построю мосты ледяные,
«Какихъ не построитъ народъ.

«Гдѣ быстрыя, шумныя воды
«Недавно свободно текли, —
«Сегодня прошли пѣшеходы,
«Обозы съ товаромъ прошли.

«Люблю я въ глубокихъ могилахъ
«Покойниковъ въ иней рядить,

«И кровь вымораживать въ жилахъ,
«И мозгъ въ головѣ леденить.

«На горе недоброму вору,
«На страхъ сѣдоку и коню,
«Люблю я въ вечернюю пору
«Затѣять въ лѣсу трескотню.

«Бабенки, пеняя на лѣшихъ,
«Домой удираютъ скорѣй...
«А пьяныхъ — и конныхъ, и пѣшихъ —
«Дурачить еще веселѣй.

«Безъ мѣлу всю выбѣлю рожу,
«А носъ запылаетъ огнемъ,
«И бороду такъ приморожу
«Къ возжамъ — хоть руби топоромъ!

«Богатъ я, казны не считаю,
«А все не скудѣетъ добро;
«Я царство мое убираю
«Въ алмазы, жемчугъ, серебро.

«Войди въ мое царство со мною
«И будь ты царицею въ немъ!
«Поцарствуемъ славно зимою,
«А лѣтомъ глубоко уснемъ.

«Войди! приголублю, согрѣю,
«Дворецъ отведу голубой»...
И сталъ воевода надъ нею
Махать ледяной булавой.

XXXII.

«Тепло ли тебѣ, молодица»?
Съ высокой сосны ей кричитъ.
— Тепло! отвѣчаетъ вдовица,
Сама холодѣетъ, дрожитъ.

Морозко спустился пониже,
Опять помахалъ булавой
И шепчетъ ей ласковѣй, тише:
«Тепло-ли»?..—Тепло, золотой!—

Тепло—а сама коченѣетъ...
Морозко коснулся ее:
Въ лицо ей дыханіемъ вѣетъ
И иглы колючія сѣетъ
Съ сѣдой бороды на нее.

И вотъ передъ ней опустился,
«Тепло ли?» промолвилъ опять,
И въ Проклушку вдругъ обратился
И сталъ онъ ее цѣловать.

Въ уста ее, въ очи и въ плечи
Сѣдой чародѣй цѣловалъ
И тѣ же ей сладкія рѣчи,
Что милый о свадьбѣ, шепталъ.

И такъ-то ли любо ей было
Внимать его сладкимъ рѣчамъ,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топоръ уронила къ ногамъ,

Улыбка у горькой вдовицы
Играетъ на блѣдныхъ губахъ,
Пушисты и блѣдны рѣсницы,
Морозныя иглы въ бровяхъ...

XXXIII.

Въ сверкающій иней одѣта,
Стоитъ, холодѣетъ она;
И снится ей жаркое лѣто —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.

Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.

Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ —
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ снопов золотыхъ.

— Богъ помочь! А гдѣ же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
«Въ горохахъ», сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ,

На небо взглянулъ. — Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ

И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.

Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.

— Бѣжитъ!.. у!.. бѣжитъ, пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава! —
Гришуха черёнъ, какъ галченокъ,
Бѣла лишь одна голова.

Крича, подбѣгаетъ въ присядку,
(На шеѣ горохъ хомутомъ),
Попотчивалъ баушку, матку,
Сестрёнку — вертится вьюномъ!

Отъ матери мòлодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ,
И въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...

XXXIV.

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька, съ собой!
Спрыгнула съ мѣшка и — упала.
Отецъ ее поднялъ. «Не вой!

«Убилась — неважное дѣло!..
Дѣвчонокъ не надобно мнѣ,
Еще вотъ такого пострѣла
Рожай мнѣ, хозяйка, къ веснѣ!

«Смотри же»!.. Жена застыдилась:
— Довольно съ тебя одного!
(А знала, подъ сердцемъ ужъ билось
Дитя)... «Ну, Машукъ, ничего!»

И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ.
Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ

Воробушковъ стая слетѣла
Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась...
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь,

Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей,
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей...

Чу, пѣсня! знакомые звуки!
Хорошъ голосокъ у пѣвца...
Послѣдніе признаки муки
У Дарьи исчезли съ лица,

Душой улетая за пѣсней,
Она отдалась ей вполнѣ...
Нѣтъ въ мірѣ той пѣсни прелестнѣй,
Которую слышимъ во снѣ!

О чемъ она — Богъ ее знаетъ!
Я словъ уловить не умѣлъ,
Но сердце она утоляетъ,
Въ ней дольняго счастья предѣлъ.

Въ ней кроткая ласка участья,
Обѣты любви безъ конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходитъ съ лица.

XXXV.

Какой бы цѣной ни досталось
Забвенье крестьянкѣ моей,
Что̀ нужды? Она улыбалась.
Жалѣть мы не будемъ о ней.

Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
Какой посылаетъ намъ лѣсъ,
Недвижно, безтрепетно стоя
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.

Нигдѣ такъ глубоко и вольно
Не дышетъ усталая грудь,
И ежели жить намъ довольно,
Намъ слаще нигдѣ не уснуть!

XXXVI.

Ни звука! Душа умираетъ
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, какъ покоряетъ
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синій
Сводъ неба, да солнце, да лѣсъ,
Въ серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудесъ,

Влекущій невѣдомой тайной,
Глубоко-безстрастный... Но вотъ
Послышался шорохъ случайный —
Вершинами бѣлка идетъ.

Комъ снѣгу она уронила
На Дарью, прыгнувъ по соснѣ.
А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

КУМУШКИ.

Теменъ вернулся съ кладбища Трофимъ.
Малыя дѣтки вернулися съ нимъ,

Сынъ да дѣвочка. Домой безъ матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Рёвма-ревѣли; а тятька молчалъ.
Дома порылся, кубарь отыскалъ:

«На-те, ребята! — играйте сердечные!»
И улыбнулися дѣти безпечныя,

Жжжж-жи! запустили кубарь у воротъ...
Кто ни проходитъ — жалѣетъ сиротъ:

«Нѣтъ у васъ матушки!» молвила Марьюшка,
«Нѣту родимой!» прибавила Дарьюшка —

Дѣти широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Какъ теперь будете жить, сиротиночки?»
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то васъ будетъ ласкать-баловать»?
Навзрыдъ заплакали дѣти опять.

«Полно, не плачьте!» сказала Протасьевна,
«Ужъ не воротишь», прибавила Власьевна!

«Грѣшную душеньку Боженька взялъ,
«Кости въ могилушку попъ закопалъ.

«То-то, чай, холодно, страшно въ могилушкѣ?
«Ну-же, не плачьте! родныя вы, милушки»!..

Пуще расплакались дѣти. Трофимъ
Крики услышалъ и выбѣжалъ къ нимъ,

Сталъ унимать, какъ умѣлъ, а сосѣдушки
Ну помогать ему: «Полноте, дѣтушки!

«Что ужъ тутъ плакать? пора привыкать
«Къ долѣ сиротской: забудьте вы мать.

«Спѣли церковники память ей вѣчную,
«Чай, ужъ теперь её гложетъ сердечную

«Червь подземельный»!.. Трофимъ поскорѣй
На руки взялъ — да въ избёнку дѣтей!

Цѣлую ночь проревѣли ребятушки:
«Нѣтъ у насъ матушки! нѣтъ у насъ матушки!

«Матушку на небо Боженька взялъ!»
Цѣлую ночь съ ними тятька не спалъ,

У самого расходилися думушки...
Ну, удружили досужія кумушки!

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА.

Суровъ ты былъ; ты въ молодые годы
Умѣлъ разсудку страсти подчинять,
Училъ ты жить для славы, для свободы,
Но болѣе училъ ты умирать.

Сознательно мірскія наслажденья
Ты отвергалъ; ты чистоту хранилъ;
Ты жаждѣ сердца не далъ утоленья;
Какъ женщину, ты родину любилъ,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдалъ ей; ты честныя сердца
Ей покорялъ. Взывая къ жизни новой,
И свѣтлый рай, и перлы для вѣнца
Готовилъ ты любовницѣ суровой.

Но слишкомъ рано твой ударилъ часъ,
И вѣщее перо изъ рукъ упало.
Какой свѣтильникъ разума угасъ!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты надъ нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
Съ тѣхъ поръ, какъ ты стоишь подъ небесами,

Такого сына не рождала ты,
И въ нѣдра не брала себѣ обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмѣщены въ немъ были благодатно...

Природа-мать! когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни...

ПРИТЧА
О
ЕРМОЛАѢ ТРУДЯЩЕМСЯ.

Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей съ полосы возвращается,

Разбогатѣть ему хочется пашнею.
Правитъ мужикъ свою нужду домашнюю,

Да и сѣмянъ запасаетъ порядочно —
Тужитъ, землицы ему недостаточно!

Сила межъ тѣмъ въ мужикѣ убавляется,
Старость подходитъ, частенько хворается, —

Стало хозяйство тогда поправлятися:
Стало земли отъ сѣмянъ оставатися!

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

И здѣсь душа уныніемъ объята...
Не ласковъ былъ мнѣ родины привѣтъ;
Такъ смотритъ другъ, любившій насъ когда-то,
Но въ комъ давно ужъ прежней вѣры нѣтъ.

Сентябрь шумѣлъ; земля моя родная
Вся подъ дождемъ рыдала безъ конца,
И черныхъ птицъ за мной летѣла стая,
Какъ будто бы почуявъ мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнью,
Напрасно гналъ я грозныя мечты,
Межъ тѣмъ какъ лѣсъ съ какой-то непріязнью
Въ меня бросалъ холодные листы.

И вѣтеръ мнѣ гудѣлъ неумолимо:
Зачѣмъ ты здѣсь, изнѣженный поэтъ?
Чего отъ насъ ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты намъ чужой, тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ!

И пѣсню я услышалъ въ отдаленьѣ...
Знакомая, она была горька:
Звучало въ ней безсильное томленье,
Безсильная и вялая тоска.

Съ той пѣсней вновь въ душѣ зашевелилось,
О чемъ давно я позабылъ мечтать,
И проклялъ я то сердце, что смутилось
Передъ борьбой — и отступило вспять!..

НАЧАЛО ПОЭМЫ.

Опять она, родная сторона
Съ ея зеленымъ, благодатнымъ лѣтомъ —
И вновь душа поэзіей полна...
Да, только здѣсь могу я быть поэтомъ!

(На западѣ — не вызвалъ я ничѣмъ
Красивыхъ строфъ, пластическихъ и сильныхъ;
Въ Германіи я былъ, какъ рыба, нѣмъ,
Въ Италіи — писалъ о русскихъ ссыльныхъ,

Давно то было... Городъ нашъ родной
Санктпетербургъ, — какъ онъ ни поэтиченъ,
Но въ немъ я постоянно самъ не свой —
Золъ, озабоченъ или апатиченъ...)

Опять лѣса въ уборѣ вѣковомъ,
Звѣрей и птицъ любимые чертоги,
И межъ деревъ, нависнувшихъ шатромъ,
Травнистыя, зеленыя дороги!

На первый разъ сказать позвольте вамъ,
Чѣмъ пахнутъ вообще дороги наши:
То запахъ дегтя съ сѣномъ пополамъ.
Не знаю, каково на нервы ваши

Онъ дѣйствуетъ, но мнѣ пріятенъ онъ,
Онъ мысль мою свѣжитъ и направляетъ:
Куда-бъ мечтой я ни былъ увлечёнъ,
Онъ вмигъ ее къ народу возвращаетъ...

Чу! возъ скрипитъ! Плетутся два вола,
Снопы предъ нами въ зелени ныряютъ, —

Подобіе зеленаго стола,
На коемъ груды золота мелькаютъ.

(Друзья мои — картежники, для васъ
Придумано сравненье на досугѣ)...
Но мы догнали возъ — и порвалась
Нить вольныхъ мыслей. Вздрогнулъ я въ испугѣ:

Почудились на этомъ нмѣ возу,
Сидящіе рядкомъ, какъ на картинѣ,
Столичный франтъ со стеклышкомъ въ глазу
И барыня въ широкомъ кринолинѣ!..

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Ваня — *въ кучерскомъ армячкѣ.*
Папаша! кто строилъ эту дорогу?
Папаша — *въ пальто на красной подкладкѣ.*
Инженеры, душенька!
Разговоръ въ вагонѣ.

I.

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздухъ усталыя силы бодритъ;
Ледъ неокрѣпшій на рѣчкѣ студёной,
Словно какъ тающій сахаръ, лежитъ;

Около лѣса, какъ въ мягкой постели,
Выспаться можно — покой и просторъ! —
Листья поблекнуть еще не успѣли,
Желты и свѣжи лежатъ, какъ коверъ.

Славная осень! Морозныя ночи,
Ясные, тихіе дни...
Нѣтъ безобразья въ природѣ! И кочи,
И моховыя болота, и пни —

Все хорошо подъ сіяніемъ луннымъ;
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсамъ чугуннымъ,
Думаю думу свою...

II.

Добрый папаша! Къ чему въ обаяніи
Умнаго Ваню держать?
Вы мнѣ позвольте при лунномъ сіяніи
Правду ему показать.

Трудъ этотъ, Ваня, былъ страшно громаденъ —
Не по плечу одному!
Въ мірѣ есть царь: этотъ царь безпощаденъ;
Голодъ — названье ему!

Водитъ онъ арміи; въ морѣ судами
Правитъ; въ артели сгоняетъ людей;
Ходитъ за плугомъ; стоитъ за плечами
Каменотесцовъ, ткачей.

Онъ-то согналъ сюда массы народныя.
Многіе — въ страшной борьбѣ,
Къ жизни воззвавъ эти дебри безплодныя,
Гробъ обрѣли здѣсь себѣ.

Прямо дороженька: насыпи узкія,
Столбики, рельсы, мосты,

А по бокамъ-то все косточки русскія...
Сколько ихъ! Ваничка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозныя,
Топотъ и скрежетъ зубовъ;
Тѣнь набѣжала на стекла морозныя...
Что̀ тамъ? Толпа мертвецовъ!

То обгоняютъ дорогу чугунную,
То сторонами бѣгутъ.
Слышишь ты пѣніе?.. «Въ ночь эту лунную
«Любо намъ видѣть свой трудъ!

«Мы надрывались подъ зноемъ, подъ холодомъ,
«Съ вѣчно согнутой спиной,
«Жили въ землянкахъ, боролися съ голодомъ,
«Мерзли и мокли, болѣли цынгой,

«Грабили насъ грамотѣи-десятники,
«Сѣкло начальство, давила нужда....
«Все претерпѣли мы, Божіи ратники,
«Мирныя дѣти труда!

«Братья! Вы наши плоды пожинаете!
«Намъ же въ землѣ истлѣвать суждено...
«Все ли насъ, бѣдныхъ, добромъ поминаете,
«Или забыли давно»?..

Не ужасайся ихъ пѣнія дикаго!
Съ Волхова, съ матушки-Волги, съ Оки,
Съ разныхъ концовъ государства великаго —
Это все братья твои — мужики!

Стыдно робѣть, закрываться перчаткою,
Ты ужъ не маленькій!.. Волосомъ русъ,

Видишь, стоитъ, изможденъ лихорадкою,
Высокорослый, больной бѣлоруссъ:

Губы безкровныя, вѣки упавшія,
Язвы на тощихъ рукахъ;
Вѣчно въ водѣ по колѣно стоявшія
Ноги опухли; колтунъ въ волосахъ;

Ямою грудь, что на заступъ старательно
Изо-дня-въ-день налегала весь вѣкъ...
Ты приглядись къ нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлѣбъ добывалъ человѣкъ!

Не разогнулъ свою спину горбатую
Онъ и теперь еще: тупо молчитъ
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбитъ!

Эту привычку къ труду благородную
Намъ бы не худо съ тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робѣй за отчизну любезную...
Вынесъ достаточно русскій народъ,
Вынесъ и эту дорогу желѣзную —
Вынесетъ все, что Господь ни пошлетъ! —

Вынесетъ все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ.
Жаль только — жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется — ни мнѣ, ни тебѣ...

III.

Въ эту минуту свистокъ оглушительный
Взвизгнулъ — исчезла толпа мертвецовъ!
«Видѣлъ, папаша, я сонъ удивительный»,
Ваня сказалъ: — «тысячъ пять мужиковъ,

«Русскихъ племенъ и породъ представители
Вдругъ появились — и *онъ* мнѣ сказалъ:
— «Вотъ они — нашей дороги строители»!..
Захохоталъ генералъ!

— Былъ я недавно въ стѣнахъ Ватикана,
По Колизею двѣ ночи бродилъ,
Видѣлъ я въ Вѣнѣ святого Стефана;
Что̀ же... все это народъ сотворилъ?

— Вы извините мнѣ смѣхъ этотъ дерзкій:
Логика ваша немножко дика.
Или для васъ Аполлонъ Бельведерскій
Хуже печного горшка?

— Вотъ вашъ народъ — эти тэрмы и бани —
Чудо искусства — онъ все растаскалъ!
«Я говорю не для васъ, а для Вани»...
Но генералъ возражать не давалъ:

— Вашъ славянинъ, англо-саксъ и германецъ
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! Дикое скопище пьяницъ!..
Впрочемъ, Ванюшей заняться пора;

— Знаете, зрѣлищемъ смерти, печали
Дѣтское сердце грѣшно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Свѣтлую сторону...

IV.

Радъ показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — нѣмецъ ужъ рельсы кладетъ;
Мертвые въ землю зарыты; больные
Скрыты въ землянкахъ; рабочій народъ

Тѣсной гурьбой у конторы собрался...
Крѣпко затылки чесали они:
Каждый подрядчику долженъ остался,
Стали въ копѣйку прогульные дни!

Все заносили десятники въ книжку —
Бралъ ли на баню, лежалъ ли больной:
«Можетъ, и есть тутъ теперича лишку,
«Да вотъ, поди ты»!.. Махнули рукой...

Въ синемъ кафтанѣ — почтенный лабазникъ,
Толстый, присадистый, красный какъ мѣдь, —
Ѣдетъ подрядчикъ по линіи въ праздникъ,
Ѣдетъ работы свои посмотрѣть.

Праздный народъ разступается чинно...
Потъ отираетъ купчина съ лица
И говоритъ подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодцà... молодцà!..

«Съ Богомъ, теперь по-домамъ, — проздравляю!
(«Шапки долой — коли я говорю!) —
«Бочку рабочимъ вина выставляю
«И — *недоимку дарю*»!..

Кто-то «ура» закричалъ. Подхватили
Громче, дружнѣе, протяжнѣе... Глядь —
Съ пѣсней десятники бочку катили...
Тутъ и лѣнивый не могъ устоять!

Выпрягъ народъ лошадей — и купчину
Съ крикомъ «ура!» по дорогѣ помчалъ...
Кажется, трудно отраднѣй картину
Нарисовать, генералъ?

КРЕЩЕНСКІЕ МОРОЗЫ.

Государь мой! куда вы бѣжите?
«Въ Канцелярію; что за вопросъ?
«Я не знаю васъ!» — Трите же, трите
Поскорѣй, Бога ради, вашъ носъ:
Побѣлѣлъ! — «А! весьма благодаренъ!»
— Ну, а мой-то? «Да вашъ лучезаренъ!»
— То-то! принялъ я мѣры... «Чего-съ?»
— Ничего. Пейте водку въ морозы —
Сбережете навѣрно вашъ носъ,
На щекахъ же появятся розы! —

Усмѣхнувшись, они разошлись,
И за каждымъ извощикъ помчался.
Бѣдный Ванька! надеждой не льстись,
Чтобъ сегодня сѣдокъ отыскался:

Двадцать градусовъ, вѣтеръ притомъ —
Безкаретные ходятъ пѣшкомъ.

Разыгралися силы Господни!
На пространствѣ пяти саженей
Насчитаешь навѣрно до сотни
Отмороженныхъ щекъ и ушей.
Двадцать градусовъ! щеки и уши
Не бѣда, — какъ-нибудь ототремъ!
Цѣликомъ христіанскія души
Часто гибнутъ теперь; подождемъ —
Часовой ли замерзнетъ, бѣдняга,
Или Ванька, уснувшій въ саняхъ, —
Все прочтемъ, коли стерпитъ бумага,
Завтра утромъ въ газетныхъ листахъ.

Ежедневно газетная проза
Обличаетъ продѣлки мороза;
Кучера его громко клянутъ,
У подъѣздовъ господъ поджидая;
Бѣдняки ему пѣсню поютъ,
Зубомъ на зубъ едва попадая:

«Уходи изъ подваловъ сырыхъ,
Полутемныхъ, зловонныхъ, дымящихся,
Уходи отъ голодныхъ, больныхъ,
Озабоченныхъ, вѣчно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Но морозъ не щадитъ, — прибавляется,
Пріуныла столица; одинъ
Самоѣдъ на Невѣ удивляется:
Отъ какихъ чрезвычайныхъ причинъ

На оленяхъ никто не катается?
Тамъ, гдѣ строй заготовленныхъ льдинъ
Возвышается синею клѣткою,
Ходитъ онъ со своей самоѣдкою,
Пѣсни родины дальней поетъ,
Сѣдока-благодѣтеля ждетъ...

Самоѣдскіе нервы и кости
Стерпятъ всякую стужу; но вамъ,
Голосистые южные гости,
Хорошо ли у насъ по зимамъ?
Вспомнимъ — Бозіо. Чванный Петрополь
Не жалѣлъ ничего для нее.
Но напрасно ты кутала въ соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италіи! Съ русскимъ морозомъ
Трудно ладить полуденнымъ розамъ.

Передъ силой его роковой
Ты поникла челомъ идеальнымъ,
И лежишь ты въ отчизнѣ чужой,
На кладбищѣ пустомъ и печальномъ.
Позабылъ тебя чуждый народъ
Въ тотъ же день, какъ землѣ тебя сдали,
И давно тамъ другая поетъ,
Гдѣ цвѣтами тебя осыпали.
Тамъ свѣтло, тамъ гудетъ контрабасъ,
Тамъ по прежнему громки литавры...
Да! на сѣверѣ грустномъ у насъ
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья — идутъ чередомъ,
Мрутъ, какъ мухи, извощики, прачки,

Мерзнутъ дѣти на ложѣ своемъ.
Ни въ одной петербургской больницѣ
Нѣтъ кровати за сотню рублей.
Появился убійца въ столицѣ,
Бичъ довольныхъ и сытыхъ людей:
Съ бѣдняками, съ сословіемъ грубымъ
Не имѣетъ онъ дѣла! тайкомъ
Ходитъ онъ по гостинымъ, по клубамъ
Съ смертоноснымъ своимъ кистенемъ.

«Побранился съ супругой своею
Послѣ ужина Несторъ Ѳомичъ,
Ухватилъ за короткую шею
И прихлопнулъ его параличъ!
Генералъ Ѳедоръ Карлычъ фонъ-Штубе,
Десяти-пудовой генералъ,
Скушалъ четверть телятины въ клубѣ,
Крикнулъ: пасъ! — и со стула не всталъ!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что̀ ни день, то плачевная вѣсть...
Въ клубахъ мракъ и унынье; обжоры
Поклялися не пить и не ѣсть.

Мучимъ голодомъ, страхомъ томимый,
Сановитъ и солиденъ на видъ,
Въ сильный вѣтеръ, въ морозъ нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бѣжитъ?
И кого онъ на Невскомъ встрѣчаетъ?
И о чемъ начался разговоръ?
Въ эту пору никто не гуляетъ,
Кромѣ мнительныхъ, тучныхъ обжоръ.
Говоря межъ собой про удары,
Повторяя обѣты не ѣсть,

Ходятъ эти угрюмыя пары,
До обѣда не смѣя присѣсть,
А потомъ наѣдаются вдвое,
И на утро разносится слухъ,
Слухъ ужасный — о новомъ героѣ,
Испустившемъ нечаянно духъ!

Никакія извѣстья изъ Вильно,
Никакія статьи изъ Москвы
Насъ теперь не волнуютъ такъ сильно,
Какъ подобные слухи... Увы!
Непріятно съ мѣстечекъ солидныхъ,
Изъ хорошихъ казенныхъ квартиръ
Вдругъ, безъ всякихъ причинъ благовидныхъ,
Удаляться въ невѣдомый міръ!
Впрочемъ, если ужъ смерть неизбѣжна,
Такъ зимой умирать хорошо:
Для супруги, насъ любящей нѣжно,
Сохранимся мы чисто, свѣжо
До послѣдней минуты лобзанья,
И друзьямъ нашимъ будетъ легко
Подходить къ намъ въ минуту прощанья;
Понесутъ они гробъ далеко;
Похоронная музыка чище
И звончѣй на морозѣ слышна;
Вмѣсто грязи, покрыто кладбище
Бѣлымъ снѣгомъ; сурово-пышна
Обстановка; гробъ бросятъ не въ лужу,
Червь не скоро въ него заползетъ,
Самъ покойникъ въ жестокую стужу
Дольше важный свой видъ сбережетъ.
И притомъ, если другъ неутѣшный
Насъ живьемъ схоронить поспѣшитъ,

Мы избавимся муки кромѣшной:
Дѣло смерти морозъ довершитъ.

Умирай же, богачъ, въ стужу сильную!
Бѣдняки пускай осенью мрутъ,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше въ морозы берутъ.

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерѣло. Въ предмѣстіяхъ дальнихъ,
Гдѣ, какъ черныя змѣи, летятъ
Клубы дыма изъ трубъ колоссальныхъ,
Гдѣ сплошными огнями горятъ
Красныхъ фабрикъ громадныя стѣны,
Окаймляя столицу кругомъ, —
Начинаются мрачныя сцены.
Но въ предмѣстія мы не пойдемъ.
Намъ зимою пріятнѣй столица
Тамъ, гдѣ ярко горятъ фонари,
Гдѣ гуляютъ довольныя лица,
Гдѣ катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
Въ Петербургѣ, паспортъ мы беремъ
И чихать уѣзжаемъ въ Севилью.
Но кто лѣтомъ толкается въ немъ,
Тотъ ему одного пожелаетъ —
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты,
Каждый домъ золотухой страдаетъ;

Штукатурка валится — и бьетъ
Тротуаромъ идущій народъ,
А для ѣдущихъ есть мостовая,
Не щадящая бѣдныхъ боковъ;
Лѣтомъ взроютъ ее, починяя,
Да наставятъ зловонныхъ костровъ:
Какъ дорогой бросаются въ очи
На зеленомъ лугу свѣтляки,
Ты замѣтишь въ туманныя ночи
На вершинѣ костровъ огоньки —
Берегись!.. Въ дополненіе, съ мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
Отъ природы отстать не желая,
Зацвѣтаетъ въ каналахъ вода...

(Наша муза паритъ не высоко,
Но мы пишемъ не легкій сонетъ:
Наше дѣло исчерпать глубоко
Воспѣваемый нами предметъ).

Ужъ давно въ тебя лѣтней порою
Не случалося намъ заглянуть,
Милый городъ, гдѣ трудной борьбою
Надорвали мы съ молоду грудь!
Но того мы еще не забыли,
Что въ іюлѣ пропитанъ ты весь
Смѣсью водки, конюшни и пыли —
Характерная русская смѣсь.

Но зимой — дышешь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты,
При волшебномъ сіяніи газа,
Получаютъ печать красоты.

Ка̀къ проворно по хрупкому снѣгу
Мчится тысячный, кровный рысакъ!
Даже клячи извощичьи бѣгу
Прибавляютъ теперь. Каждый шагъ,
Каждый звукъ такъ отчетливо слышенъ;
Все свѣжо, все эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышенъ
Петербургъ самобытной красой!
По каналамъ, что лѣтомъ зловонны,
Блещетъ ледъ, ожидая коньковъ,
Серебромъ отливаютъ колонны,
Орнаменты воротъ и мостовъ;
Въ серебрѣ лошадиныя гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, какъ бабочекъ крылья, красивы
Ореолы вокругъ фонарей!

Пусть съ какой-то тоской безотрадной
Мѣсяцъ съ яснаго неба глядитъ
На Неву, что гробницей громадной
Въ берегахъ освѣщенныхъ лежитъ,
И на шпиль за угрюмой Невою,
Передъ длинной стѣной крѣпостною,
Наводящей унынье и сплинъ...
Мы не тужимъ. У русской столицы,
Кромѣ мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и свѣтлыхъ картинъ.

Невскій полонъ: эстампы и книги,
Бриліанты изъ оконъ глядятъ;
Вновь прибывшія дѣвы изъ Риги
Неподдѣльнымъ румянцемъ блестятъ.
Всюду люди — шумятъ, суетятся.

Вотъ красивая тройка бѣжитъ;
«Не хотите ли съ нами кататься?»
Дѣвѣ бравый усачъ говоритъ.
Поглядѣла, подумала, сѣла.
И другую сманили,—летятъ!
Полумерзлыя дѣвы несмѣло
На своихъ кавалеровъ глядятъ.
— Ваше имя? «Матильда».—А ваше?
«Александра». Къ Матильдѣ одинъ,
А другой подвигается къ Сашѣ.
— Вы модистка? «Да, шью въ магазинъ».
— Эй! пошелъ хорошенько, Тараска!—
Городъ изъ виду скоро пропалъ.

Начинается зимняя сказка:
Вѣтеръ злился, гудѣлъ и стоналъ,
Франты пѣсню удалую пѣли,
Кучеръ громко подтягивалъ ей,
Кони, фыркая, вихремъ летѣли,
Злой морозъ пробиралъ до костей.
Прискакали въ открытое поле.
«Да куда же везете вы насъ?
«Мы одѣты легко... мудрено ли
«Простудиться?» — Прiѣдемъ сейчасъ!
Ну, потрогивай! живо, дружище!—
Снова скачутъ... Могилы вокругъ,
Монументы... «Да это кладбище»,
Шепчетъ Саша Матильдѣ — и вдругъ
Сани на бокъ! Упали дѣвицы...
Повернули назадъ господа
И умчали ихъ кони, какъ птицы.
Дѣвы встали. «Куда-жъ вы? куда?»
Нѣтъ отвѣта! Несчастныя дѣвы

Въ чистомъ полѣ остались однѣ.
Дикій хохотъ, лихіе напѣвы
Постепенно умолкли. Онѣ
Оглядѣлись: безлюдно и тихо,
Звѣзды съ яснаго неба глядятъ...
«Мы сегодня потѣшились лихо!»
Франты въ клубѣ друзьямъ говорятъ...

А театры, балы, маскарады?
Впрочемъ, здѣсь и конецъ, господа:
Мы бы тамъ побывать съ вами рады,
Но насъ цензоръ не пуститъ туда.
До того, что̀ творится въ природѣ,
Дѣла нашему цензору нѣтъ:
«Вы взялися писать о погодѣ,
Воспѣвайте же данный предметъ!»

— Но озябли мы, другъ нашъ угрюмый!
Пощади — намъ погрѣться пора!
«Вотъ вамъ случай — взгляните: надъ Думой
Показались два красныхъ шара.
Въ вашей власти наполнить пожаромъ
Сто страницъ — и погрѣетесь даромъ!»

Гдѣ-жъ пожаръ? пѣшеходы глядятъ.
Чу! неистовый топотъ раздался,
И на бочкѣ верхомъ полицейскій солдатъ,
Мѣдной шапкой блестя, показался.
Вотъ другой — не поспѣешь считать!
Мчатся вихремъ красивыя тройки,
Осторожнѣй, пожарная рать!
Кони сытые слишкомъ ужъ бойки.

Вся команда на борзыхъ коняхъ
Черезъ Невскій проспектъ прокатилась
И на окнахъ аптекъ, въ разноцвѣтныхъ шарахъ,
Вверхъ ногами на мигъ отразилась...

Озадаченный людъ толковалъ,
Гдѣ пожаръ и причина какая?
Вдругъ еще появился сигналъ,
И промчалась команда другая.
Постепенно во многихъ мѣстахъ
Небо вспыхнуло заревомъ краснымъ,
Топотъ, грохотъ! Народъ въ попыхахъ
Разбѣжался по улицамъ разнымъ,
Каждый въ свой торопился кварталъ,
«Не у насъ ли горитъ?» помышляя:
«Богъ помилуй!» Огонь не дремалъ,
Лавки, церкви, дома пожирая...

Семь пожаровъ случилось въ ту ночь,
Но смотрѣть ихъ намъ было не въ мочь.
Въ сильный жаръ, да въ морозы трескучіе
Въ Петербургѣ пожарные случаи
Безпрестанно — на дняхъ какъ-нибудь
И пожары успѣемъ взглянуть...

ГАЗЕТНАЯ.

Черезъ дымъ, разъѣдающій очи
Милыхъ дамъ, убивающихъ ночи
За игрою въ лото-домино,
Разглядѣть что̀-нибудь мудрено.
Миновавъ этотъ омутъ кромѣшный,

Это тусклое царство тѣней,
Добрались мы походкой поспѣшной
До газетной...

Здѣсь воздухъ свѣжѣй,
Полъ съ ковромъ, съ абажурами свѣчи,
Столъ съ газетами, съ книгами шкапъ.
Неумѣстны здѣсь громкія рѣчи,
А еще неприличнѣе храпъ;
Но сморитъ послѣ нашихъ обѣдовъ
Хоть какого чтеца, и притомъ
Правъ донынѣ старикъ Грибоѣдовъ —
Съ русской книгой мы вѣчно уснемъ.
Мы не любимъ словесности русской,
И донынѣ, предвидя досугъ,
Запасаемся книгой французской.
Чтò же такъ?.. Даже избранный кругъ
Увлекали талантомъ недавно
Графъ Толстой, Фетъ и просто Толстой.
«Русскій слогъ исправляется явно!»
Замѣчаютъ тузы межъ собой.
Не безъ гордости русская пресса
Именуетъ себя иногда
Путеводной звѣздою прогресса,
И не даромъ она такъ горда:
Говорятъ — о, Гомеръ и Овидій! —
До того расходилась печать,
Что явилась потребность субсидій.
Экъ, хватила куда! исполать!
Таксы нѣтъ на гражданскія слёзы,
Но и такъ онѣ льются рѣкой.
Образцы изумительной прозы
Замѣчаются въ прессѣ родной:

Тотъ добился успѣха во многомъ
И удачно враговъ обуздалъ,
Кто идею свободы съ поджогомъ,
Съ грабежомъ и убійствомъ мѣшалъ;
Тотъ прославился другомъ народа
И мечтаетъ, что пользу принесъ,
Кто на тему: *вино* и *свобода*
На народъ напечаталъ доносъ.
Намъ Катковъ предстоитъ великаномъ,
Мы Тургенева кушать зовемъ...
Почему же французскимъ романамъ
Предпочтеніе мы отдаемъ?
Не избытокъ хорошаго тона,
Не картинъ соблазнительныхъ рядъ, —
Насъ отсутствіе «мрака и стона»
Къ нимъ влечетъ... Мудрецы говорятъ:
«Часъ досуга, за утреннимъ чаемъ,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немощи знаемъ мы, знаемъ,
Но я думать о нихъ не люблю!..»

Эта пѣсня давно уже слышится,
Но она не ведетъ ни къ чему:
Коли намъ такъ писалось и пишется,
Значитъ — есть и причина тому!
Не заказано вѣтру свободному
Пѣть тоскливыя пѣсни въ поляхъ;
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны въ лѣсахъ;
Споконъ вѣку дождемъ разливаются
Надъ родной стороной небеса;
Гнутся, стонутъ, подъ бурей ломаются
Споконъ вѣку родные лѣса;

Споконъ вѣку работа народная
Подъ унылую пѣсню кипитъ,
Вторитъ ей наша муза свободная
Вторитъ ей — или честно молчитъ.

Какъ бы ни было, въ комнатѣ этой
Праздно кипы журналовъ лежатъ,
Пусто! развѣ, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спятъ.
(Какъ не скажешь: москвичъ идеальнѣй,—
Тамъ газетная вѣчно полна;
Рядомъ съ ней, нареченная «*вральней*»,
Есть тамъ мрачная зала одна:
Если ты не московскаго мнѣнья,
Не входи туда — будешь побитъ!)
Въ Петербургѣ любители чтенья
Пробѣгаютъ одинъ «Инвалидъ»;
Въ дни, когда Высочайшимъ приказомъ
Назначается много наградъ,
Десять рукъ къ нему тянется разомъ.
Да порой нашъ журнальный собратъ
Дерзновенную штуку отколетъ,
Тронетъ личность, извѣстную намъ:
О! тогда цѣлый клубъ соизволитъ
Прикоснуться къ презрѣннымъ листамъ.
Шопотъ, говоръ. Приводится въ ясность —
Кто затронутъ, мѣтка ли статья?
И суровые толки про гласность
Начинаются. Слыхивалъ я
Здѣсь такія сужденья и споры...
Поневолѣ поникнешь лицомъ
И потупишь смущенные взоры...
Не въ сужденіяхъ дѣло, а въ томъ,

Что̀ сулила такая особа...
Впрочемъ, я ей обязанъ до гроба!

Разъ послушавъ такого туза,
Не забыть до скончанія вѣка:
Въ мановеніи брови — гроза!
Въ полусловѣ — судьба человѣка!
Согласишься, почтителенъ, тихъ,
Постоишь, удалишься украдкой
И начнешь сатирическій стихъ
Въ комплиментъ перелаживать сладкій...

Да! Но, все-таки, грустенъ напѣвъ
Нашихъ пѣсенъ, нельзя не сознаться;
Передѣлать его не сумѣвъ,
Мы рѣшились при немъ оставаться.
Примиритесь же съ Музой моей!
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей...

Съ давнихъ поръ только два человѣка
Постоянно въ газетной сидятъ:
Одному ужъ три-четверти вѣка,
Но онъ крѣпокъ и силенъ на взглядъ.
Про него безконечны разсказы:
Жаденъ, скупъ, ненавидитъ дѣтей...
Здѣсь онъ къ старостѣ пишетъ приказы,
Чтобы дома не тратить свѣчей.
Говорятъ, одному человѣку
Удалось изъ-за плечъ старика
Прочитать, что̀ онъ пишетъ: «въ аптеку,
Чтобъ спасти бѣдняка-мужика,

Посылалъ ты — нелѣпое барство!
Впредь расходовъ такихъ не имѣть!
Деньги съ міру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее — плеть...»
Анекдотъ этотъ въ клубѣ я слышалъ
(Это было лѣтъ десять тому).
Изъ полка онъ за шулерство вышелъ,
Мать родную упряталъ въ тюрьму.
Про его воровскіе таланты
Тоже ходитъ таинственный слухъ:
У супруги его бриліанты
Родовые пропали — двухъ слугъ
Присудили тогда и сослали;
А потомъ — разъ старикъ оплошалъ —
У него эти камни видали:
Самъ же онъ у жены ихъ укралъ!
Ненавидятъ его, но для виста
Онъ всегда партенеровъ найдетъ:
«Что-жъ? вѣдь въ клубѣ играетъ онъ чисто!»
Наша логика дальше нейдетъ...

А другой? Среди праздныхъ мѣстечекъ,
Подъ огромнымъ газетнымъ листомъ,
Видишь, тощій сидитъ человѣчекъ
Съ озабоченнымъ, блѣднымъ лицомъ,
Весь исполненъ тревогою страстной,
По движеньямъ похожъ на лису,
Старъ и глухъ; и въ рукахъ его красный
Карандашъ и очки на носу.
Въ ὸны годы служилъ онъ въ цензурѣ
И донынѣ привычку сберегъ
Все, что̀ прежде черка̀лъ въ корректурѣ,
Отмѣчать: выправляетъ онъ слогъ,

Съ мысли автора краски стираетъ.
Вотъ онъ тихо промолвилъ: «шалишь!»
Глазъ его подъ очками играетъ,
Какъ у кошки, замѣтившей мышь;
Карандашъ за привычное дѣло
Принялся... «А позвольте узнать
(Онъ болтунъ — говорите съ нимъ смѣло),
«Что̀ изволили вы отыскать?»

— Ужасаюсь, читая журналы!
Гдѣ я? гдѣ? Цѣпенѣетъ мой умъ!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вотъ, взгляните — мой собственный кумъ
Обличенъ! Моралистъ-проповѣдникъ,
Цыцъ!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ,
Этотъ чинъ даровалъ ему Царь!
Мало имъ, что они Маколея
И Гизота въ печать провели,
Кровопійцу Прудона, злодѣя
Тьера выше небесъ вознесли, —
Къ украшенью имперіи смѣютъ
Прикасаться нечистой рукой!
Будетъ время — пожнутъ, что̀ посѣютъ! —
(Старецъ грозно качнулъ головой):
— А свобода, а земство, а гласность!
(Крикнулъ онъ и очки уронилъ):
— Вотъ гдѣ бѣдствіе! вотъ гдѣ опасность
Государству... Не такъ я служилъ!

— О чинахъ, о свободѣ, о взяткахъ
Я словечка въ печать не пускалъ.
Къ сожалѣнью, при новыхъ порядкахъ,

Предсѣдатель отставку мнѣ далъ,
На начальство роптать не дерзаю
(*Не умѣю* — и этимъ горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не гожусь?
Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я вникалъ,
Что во снѣ благодать осѣняла,
И вскочивъ—я черкалъ и черкалъ!
Къ сочиненію ключъ понемногу,
Къ тайной цѣли его подберешь,
Сходишь въ церковь, помолишься Богу,
И опять троекратно прочтешь:
Взвѣшенъ, пойманъ на каждомъ словечкѣ,
Сочинитель дрожалъ предо мной.
Повертится, какъ муха на свѣчкѣ,
И уйдетъ въ тихомолку домой.
Радъ-радёхонекъ, если тетрадку
Я, похеривъ, ему возвращу!
А то, еслибъ пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!
Занимаясь семь лѣтъ этимъ дѣльцемъ,
Не напрасно я бралъ свой окладъ!
(Тутъ сравнилъ онъ себя съ земледѣльцемъ,
Рвущимъ сорныя травы изъ грядъ).
— Напримѣръ, Вальтеръ-Скоттъ или Куперъ —
Ихъ на вѣру иной пропускалъ,
Но и въ нихъ открывалъ я *кануперъ!*
(Такъ онъ вредную мысль называлъ).

— Но за то, если дѣльны и строги
Мысли — кто ихъ въ печать проводилъ?
Я вамъ мысль, что «большіе налоги

Любитъ русскій народъ», пропустилъ;
Я статью отстоялъ въ комитетѣ,
Что реформы раненько вводить,
Что крестьяне — опасныя дѣти,
Что ихъ грамотѣ рано учить!
Кто, чтобъ намъ микроскопы купили,
Съ представленьемъ къ министру вошелъ?
А то разъ цензора́ пропустили,
Вмѣсто *сѣ*верный, *ск*верный орелъ!
Только буква... Шутите вы буквой!
Авторъ правъ: чего цензоръ смотрѣлъ? —

Освѣжившись холодною клюквой,
Онъ прибавилъ: — А что̀ я терпѣлъ!
Не одинъ оскорбленный писатель
Письма бранныя мнѣ посылалъ
И грозился... (да шутишь, пріятель!
Мѣры я надлежащія бралъ).
Мнѣ мерещились авторовъ тѣни,
Третьей ночью еще Фейербахъ
Мнѣ приснился — былъ ротъ его въ пѣнѣ,
Онъ держалъ свою шляпу въ зубахъ,
А въ рукѣ суковатую палку...
Мнѣ одна романистка чуть-чуть
Въ маскарадѣ... но бабу-нахалку
Удержали... да, труденъ нашъ путь!

— Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
Совѣсть цензора знать не должна.
Долгъ, во-первыхъ, — обязанность службы!
Во-вторыхъ, сударь: дѣти, жена!
И притомъ я себя такъ прославилъ,
Что свихнись я — другой бы наврядъ

Мѣсто новое мнѣ предоставилъ:
Зависть общій порокъ, говорятъ! —

Тутъ взглянулъ мнѣ въ лицо старичина:
Ужасъ, что́ ли, на немъ онъ прочелъ,
Я не знаю, какая причина,
Только рѣчь онъ помягче повелъ:
— Такъ, храня цѣломудріе прессы,
Не всегда былъ, однако, я строгъ.
Еслибъ знали вы, какъ интересы
Я писателей бѣдныхъ берегъ!
Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за трудъ ихъ лишалъ.
Оставлялъ я страницы и строки,
Только вредную мысль исключалъ.
Если ты написалъ: «равнодушно
Губернатора встрѣтилъ народъ»,
Исключу я три буквы: «ра—душно»
Выйдетъ... что же? три буквы не счетъ!
Если скажешь: «въ дворянскихъ имѣньяхъ
Нищета ежегодно растетъ»,—
«Рѣчь идетъ о сардинскихъ владѣньяхъ»
Поясню — и статейка пройдетъ!
Точно такъ: если страстную Лизу
Соблазнитъ русокудрый Иванъ,
Переносится дѣйствіе въ Пизу —
И спасенъ многотомный романъ!
Незамѣтныя эти поправки
Такъ измѣнятъ и мысли, и слогъ,
Что потомъ не подточишь булавки!
Да, я авторовъ много берегъ!
Самъ я въ бѣдности тяжкой родился;
Самъ имѣю дѣтей, я не звѣрь!

Дѣти! дѣти! (старикъ омрачился).
Воздухъ, что ли, такой ужъ теперь —
Утѣшенія въ собственномъ сынѣ
Не имѣю... Кто-бъ могъ ожидать?
Никакого почтенья къ святынѣ!
Спорю, спорю! не разъ и ругать
Принимался, а втайнѣ-то плачешь...
Я однажды ему пригрозилъ:
«Что ты бѣсишься? что ты чудачишь?
Въ нигилисты ты, что ли, вступилъ?»
— Нигилистъ — это глупое слово,
Говоритъ, но когда ты подъ нимъ
Разумѣлъ человѣка прямого,
Кто не любитъ живиться чужимъ,
Кто работаетъ, истины ищетъ,
Не безъ пользы старается жить,
Прямо въ носъ негодяя освищетъ,
А при случаѣ радъ и побить —
Такъ, пожалуй — зови нигилистомъ,
Отчего и не такъ! — Каково?
Что прикажете съ этимъ артистомъ?
Я въ студенты хотѣлъ бы его,
Чтобы чинъ получилъ... но едва ли...
— Чтὸ чины? — говоритъ — ерунда!
Тамъ такихъ дураковъ насажали,
Что ихъ слушать не стоитъ труда,
Тамъ я даромъ убью только время.
И прибавилъ еще сгоряча
(Каково современное племя?):
Тамъ мнѣ скажутъ: ты сынъ палача!
Тутъ невольно я голосъ возвысилъ.
«Стой, глупецъ! я ему закричалъ:
Я на службѣ себя не унизилъ,

Добросовѣстно долгъ исполнялъ!»
— Добросовѣстность — милое слово,
Возразилъ онъ, но съ нею подчасъ...
«Что, мой другъ? говори — это ново!»
Сильный споръ завязался у насъ;
Всю нелѣпость свою понемногу
Обнаружилъ онъ ясно тогда;
Между прочимъ, сказалъ: «Слава Богу,
Что чиновникъ у насъ не всегда
Добросовѣстенъ»... Вотъ какъ!... За что же
Возрождается въ сынѣ моемъ,
Что̀ всю жизнь истреблялъ я?.. о, Боже!

Старецъ скорбно поникнулъ челомъ.

— Хорошо ли, служа, корректуры
Вы скрывали отъ вашихъ дѣтей?
Я съ участьемъ сказалъ: безъ цензуры
Начитался онъ, видно, статей?
— И! какъ можно!..

Тутъ насъ перервали.
Старецъ снова газету беретъ...

.

ПѢСНИ О СВОБОДНОМЪ СЛОВѢ.

1.

РАЗСЫЛЬНЫЙ.

Люди бѣгутъ, суетятся,
Мертвыхъ везутъ на погостъ...
Ѣду кой съ кѣмъ повидаться
Чрезъ Николаевскій мостъ.

Потъ отирая обильный
Съ голаго лба, стороной —
Вижу — плетется разсыльный,
Старецъ угрюмый, сѣдой.

Съ дѣдушкой этимъ, Минаемъ,
Я ужъ лѣтъ тридцать знакомъ:
Оба мы хлѣбъ добываемъ
Литературнымъ трудомъ.

(Молодъ я прибылъ въ столицу,
Вирши въ редакцію свезъ,—
Первую эту страницу
Онъ мнѣ въ наборѣ принесъ!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядѣть:
Вѣкъ свой мы лѣзли изъ кожи,
Чтобы въ цензуру поспѣть;

Цензоръ въ спокойствіи нашемъ
Равную ролю игралъ,—
Раньше, бывало, мы ляжемъ,
Если статью подписалъ;

Если-жъ сказалъ: «запрещаю!»
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бѣгать къ нему, поджидать.

Эти волненія были
Сходны въ итогѣ вполнѣ:
Ноги ему подкосили,
Нервы разстроили мнѣ.

Кто поплатился дороже,
Время ужъ скоро рѣшитъ:
Впрочемъ, я вдвое моложе,
Онъ ужъ не проченъ на видъ.

Длинный и тощій, какъ остовъ,
Но стариковски пригожъ...
— Эй! на Васильевскій Островъ
Къ цензору, что ли, идешь?

— «Баста ходить по цензурѣ!
Ослобонилась печать,
Авторы наши въ натурѣ
Стали статейки пущать.

Къ нимъ да къ редактору нынѣ
Только и носимъ статьи...
Словно повысились въ чинѣ,
Ожили дѣтки мои!

Каждый теперича кротокъ,
Ну, да и намъ-то разсчетъ:
На восемь гривенъ подметокъ
Меньше износится въ годъ!..»

2.

НАБОРЩИКИ.

Чей это гимнъ суровый
Доноситъ къ намъ зефиръ?
То арміи свинцовой
Смиренный командиръ —

Наборщикъ распѣваетъ
У пыльнаго станка,
Межъ тѣмъ какъ набираетъ
Проворная рука:

— Рабочему порядокъ
Въ трудѣ всего важнѣй,
И лишній рубль не сладокъ,
Когда не спишь ночей!

Работы до отвалу,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несутъ... ой, ой!

Тетрадь толстенька въ станѣ,
Въ недѣлю не набрать.
Но не гордись заранѣ,
Премудрая тетрадь!

Не похудѣй въ цензурѣ!
Ужо мы наберемъ,
Оттиснемъ въ корректурѣ
И къ цензору пошлемъ.

Вотъ онъ тебя читаетъ,
Надѣвъ свои очки;
Отечески мараетъ —
Словечко, полстроки!

Но не достало силы,
Вдругъ руки разошлись

И красныя чернилы
Потокомъ полились.

Живого нѣтъ мѣстечка!
И только на строкѣ
Торчитъ кой-гдѣ словечко,
Какъ муха въ молокѣ.

Угрюмый и сердитый
Редакторъ этотъ сбродъ,
Какъ арміи разбитой
Остатки, подберетъ;

На ниточку нанижетъ,
Кой-какъ сплотитъ опять
И намъ приказъ напишетъ:
«Исправивъ, вновь послать».

Наборъ мы разсыпаемъ
Зачеркнутыхъ столбцовъ
И литеры бросаемъ,
Какъ въ ямы мертвецовъ,

По кассамъ! Вновь въ порядкѣ
Лежатъ одна къ одной.
Потерянъ ключъ къ загадкѣ,
Что̀ выражалъ ихъ строй!

Такъ остается тайной,
Каковъ и гдѣ тотъ плодъ,
Который вихрь случайный
Съ деревьевъ въ бурю рветъ.

(Что, какова замѣтка?
Недуренъ оборотъ?
Случается нерѣдко
У насъ лихой народъ.

Наборщики бываютъ
Философы порой:
Не все же набираютъ
Они сумбуръ пустой.

Встрѣчаются статейки,
Встрѣчаются умы —
Полезныя идейки
Усвоиваемъ мы...)

Ужъ въ новой корректурѣ
Статья не велика;
Глядишь—опять въ цензурѣ
Посгладятъ ей бока.

Вотъ, наконецъ, и сверстка!
Но что съ тобой, тетрадь?
Ты менѣе наперстка
Являешься въ печать!

А то еще бываетъ:
Самъ авторъ прибѣжитъ,
Посмотритъ, повздыхаетъ,
Да всю и порѣшитъ!

Намъ всѣ равны статейки,
Печатай, разбирай,—
Три четверти копѣйки
За строчку намъ отдай!

Но не равны заботы.
Чтобъ время наверстать
Мы слѣпнемъ отъ работы...
Хотите ли писать?

Мы вамъ дадимъ сюжеты:
Войдите-ка въ полночь
Въ наборную газеты —
Кромѣшный адъ, точь-въ-точь!

Наборщикъ безотвѣтный
Красивъ, какъ трубочистъ...
Кто выдумалъ газетный
Безчеловѣчный листъ?

Хоть цѣлый свѣтъ обрыщешь —
И въ самыхъ рудникахъ
Тошнѣй труда не сыщешь —
Мы вѣчно на ногахъ;

Отъ частой недосыпки,
Отъ пыли, отъ свинца
Мы всѣ здоровьемъ хлипки,
Всѣ зелены съ лица;

Въ работѣ безпорядокъ
Намъ сокращаетъ вѣкъ.
И лишній рубль не сладокъ,
Какъ боленъ человѣкъ...

Но вотъ свобода слова
Негаданно пришла,
Не такъ ужъ безтолково,
Авось, пойдутъ дѣла!

ХОРЪ.

Поклонъ тебѣ, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
Съ рабочаго народа
Ты тяготу сняла!..

3.

ПОЭТЪ.

Друзья, возрадуйтесь! — просторъ!
(Давай скорѣй бутылокъ!)
Теперь бы пѣть!.. Но сталъ я хворъ!
А прежде былъ я пылокъ
И былъ подвиженъ я, какъ чёлнъ
(Зачѣмъ на пробкѣ плѣсень?..)
И какъ у моря звучныхъ волнъ,
У лиры было пѣсенъ.
Но жизнь была такъ коротка
Для пѣсенъ этой лиры, —
Отъ типографскаго станка
До цензорской квартиры!

4.

ЛИТЕРАТОРЫ.

Три друга обнялись при встрѣчѣ,
Входя въ какой-то магазинъ.
«Теперь пойдутъ иныя рѣчи!»
Замѣтилъ весело одинъ.

— Теперь насъ ждутъ просторъ и слава!
Другой восторженно сказалъ,
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ! *)

5.

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА.

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильнаго труда.
Я, какъ ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мнѣ сюжеты,
Увидите — хорошъ мой слогъ.
Сначала я писалъ куплеты,
Состряпалъ нѣсколько эклогъ,

Но скоро я стихи оставилъ,
Понявъ, что лучшій на землѣ
Тотъ родъ, который такъ прославилъ
Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ».

Я говорю о фельетонѣ...
Статейки я писать могу
Въ великосвѣтскомъ, модномъ тонѣ,
И будутъ хороши, не лгу.

Изъ жизни здѣшней и московской
Черты охотно я беру.

*) Эти два послѣдніе стиха взяты у Лермонтова:
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ

Знакомъ вамъ господинъ Пановскій?
Мы съ нимъ похожи по перу.

Извѣстенъ я въ литературѣ...
Угодно-ль вамъ меня понять?
Умѣлъ писать я при цензурѣ,
Такъ мудрено-ль теперь писать?

Признаться, я попалъ невольно
Въ литературную семью!
Охъ! было время — вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идейку,
Что въ Петербургѣ климатъ плохъ, —
И ту не въ каждую статейку
Вставлять я безъ боязни могъ.

Однажды написалъ я съ дуру,
Что видѣлъ на мосту дыру: —
Переполошилъ всю цензуру,
Таскали даже ко двору!

Ну! дали мнѣ головомойку,
Съ полгода поджималъ я хвостъ.
Съ тѣхъ поръ не ѣзжу черезъ Мойку
И не гляжу на этотъ мостъ!

Я надоѣлъ вамъ? извините!
Но старыхъ ранъ коснулся я...
И вдругъ... кто думать могъ?.. скажите!..
Горька была вся жизнь моя,

Но, претерпѣвъ судьбы удары,
Подъ старость счастье я узналъ:
Курилъ на улицахъ сигары
И безъ цензуры сочинялъ!

6.

ПУБЛИКА.

1.

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьётъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

Боже! пошли намъ терпѣнье!
Или цензура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
Въ цивилизованномъ классѣ
Будто растлѣнье одно,
Бѣдность безмѣрная въ массѣ
(Гдѣ же берутъ на вино?)
Въ каждомъ нажиться старанье,
Въ каждомъ продажная честь,
Только подъ шубой бараньей
Сердце хорошее есть!
Охъ, этотъ авторъ злодѣйскій!
Тоже хитритъ иногда,

Думаетъ лестью лакейской
Насъ усыпить, господа!
Мы не хотимъ поцѣлуевъ,
Но и ругни не хотимъ...
Что̀-жъ это смотритъ Валуевъ*),
Какъ этотъ авторъ терпимъ?
Слышали? Все лишь подобье,
Все у насъ маска и ложь,
Глупость, развратъ, узколобье...
Кто же уменъ и хорошъ?
Кто же всегда одинаковъ?
Истинѣ другъ и родня?
Ясно — премудрый Аксаковъ,
Авторъ премудраго «Дня»?
Пусть онъ таковъ, но за что̀ же
Надоѣдаетъ онъ всѣмъ?..
Чѣмъ это кончится, Боже!
Чѣмъ это кончится, чѣмъ?

Ай да свободная пресса!
Мало̀ вамъ было хлопотъ!
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкаетсь, бьётъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи,
Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

2.

Нынче, журналы читая,
Просто не вѣришь глазамъ!

*) Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ.

Слышали—новость какая?
Мы же должны мужикамъ!
Экой герой-сочинитель!
Экой вѣщунъ-богатырь!
Вѣрно ли только, учитель,
Вывелъ ты эту цыфирь?
Если ее ты докажешь,
Дай ужъ намъ кстати совѣтъ:
Чѣмъ расплатиться прикажешь?
Суммы такой у насъ нѣтъ!
Нѣтъ ничего, кромѣ модныхъ
Но пустоватыхъ головъ,
Кромѣ желудковъ голодныхъ
И неоплатныхъ долговъ,
Кромѣ усовъ, бакенбардовъ,
Да «какъ-нибудь», да «авось»...
Шутка ли! шесть милліардовъ!
Смилуйся! что̀-нибудь сбрось!
Другъ, ты стоишь на рогожѣ,
Но говоришь ты съ ковра...
Чѣмъ это кончится, Боже!..
Грѣшенъ, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьётъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

3.

Мало, что въ сферѣ публичной
Трогаютъ всякій предметъ,
Жизни касаются личной!
Просто спасенія нѣтъ!
Если за добрымъ обѣдомъ
Выпилъ ты лишній бокалъ
И, поругавшись съ сосѣдомъ,
Громкое слово сказалъ,
Не говорю ужъ — подрался,
(Рѣдко другъ друга мы бьемъ),
Хоть бы ты тутъ же обнялся
Съ этимъ случайнымъ врагомъ,—
Завтра-жъ въ газетахъ напишутъ!
Господи, что̀ за скоты!
Ка̀къ они знаютъ все, слышутъ!..
Что потомъ сдѣлаешь ты?
Ежели скажешь: «вы лжете» —
Онъ очевидцевъ найдетъ;
Если дуэлью пугнете,—
Онъ васъ судомъ припугнетъ.
Просто — не стало свободы,
Чести нельзя защитить...
Эхъ! эти новыя моды!
Впрочемъ, есть средство: побить.
Но вѣдь, пожалуй, по рожѣ
Съѣздитъ и онъ между тѣмъ?
Чѣмъ это кончится, Боже!..
Чѣмъ это кончится, чѣмъ?..

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?

Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьётъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

4.

Все пошатнулось... О, гдѣ ты,
Время безъ бурь и тревогъ?
Въ Бога не вѣрятъ газеты,
И отрицаютъ поэты
Пользу желѣзныхъ дорогъ!
Дыбомъ становится волосъ,
Чѣмъ наводнилась печать,—
Даже умѣренный «Голосъ»
Началъ не въ мѣру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустилъ, не задѣвъ;
Онъ положеньемъ Ташкента
Разволновался какъ левъ;
Бдитъ онъ надъ западнымъ краемъ,
Онъ о Россіи болитъ,
Съ ожесточеньемъ и лаемъ
Онъ обо всемъ говоритъ;
Онъ изнываетъ въ тревогахъ,
Точно ли вышелъ запретъ,
Чтобъ на желѣзныхъ дорогахъ
Не продавали газетъ?
Что̀ — на дорогахъ желѣзныхъ!
Остановить бы вездѣ,—

Меньше бы тратъ безполезныхъ!
И безъ того мы въ нуждѣ.
Жизнь ежедневно дороже,
Деньги труднѣй между тѣмъ.
Чѣмъ это кончится, Боже!
Чѣмъ это кончится, чѣмъ?..

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьётъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи,
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

5.

Право, конецъ бы таковскій
И не велика печаль!
Только газеты московской
Было-бъ, признаться, намъ жаль;
Впрочемъ... какъ пристально взвѣсить,
Такъ и ее—что̀ жалѣть!
Ужъ начала куролесить,
Можетъ совсѣмъ ошалѣть.
Прежде лишь мелкій чиновникъ
Былъ твоей жертвой, печать,
Если-жъ военный полковникъ —
Стой! ни полслова! молчать!
Но отъ чиновниковъ быстро
Дѣло дошло до тузовъ,

Даже коснулся министра
Неустрашимый Катковъ.
Тронуто тамъ у него же
Много забористыхъ темъ...
Чѣмъ это кончится, Боже!
Чѣмъ это кончится, чѣмъ?..

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьётъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

7.

ОСТОРОЖНОСТЬ.

1.

Въ Ледовитомъ океанѣ
Лодка утлая плыветъ,
Молодой, пригожей Танѣ
Парень пѣсенку поетъ:
«Мы пришли на островъ дикій,
Гдѣ ни церкви, ни поповъ;
Зимовать въ нуждѣ великой
Здѣсь привыченъ звѣроловъ;
Такъ съ тобой, моей голубкой,
Неужли намъ розно спать?
Буду я песцовой шубкой,

Буду лаской согрѣвать!»
Хорошо поетъ, собака,
Убѣдительно поетъ!
Но вѣдь это противъ брака,—
Не нажить бы намъ хлопотъ?
Оправдаться есть возможность,
Да не спросятъ—вотъ бѣда!
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!

2.

У солиднаго папаши
Либералка вышла дочь
(Говорятъ, журналы наши
Все читала день и ночь):
Жениху съ хорошимъ чиномъ
Отказала, осердясь,
И съ какимъ-то армяниномъ
Обвѣнчалась, не спросясь.
Въ свѣтѣ это сплошь бываетъ,
Это тиснуть мы могли-бъ,
Но вѣдь это посягаетъ
На родительскій принципъ!
За подобную оплошность
Не постигла-бъ насъ бѣда?
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!

3.

Нашъ помѣщикъ Пантелѣевъ
Вѣкъ игралъ, моталъ и пилъ,

А крестьянинъ Ѳедосѣевъ
Вѣкъ трудился и копилъ —
И по улицамъ столицы
Пантелѣевъ ходитъ голъ,
А дворянскія землицы
Ѳедосѣевъ пріобрѣлъ.
Въ свѣтѣ это все бываетъ,
Много есть такихъ дворянъ,
Но вѣдь это означаетъ —
Оскорблять дворянскій санъ.
Тисни, тисни! есть возможность,—
А потомъ дрожи суда...
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!

4.

Чтò народъ ни добываетъ,
Все не въ прокъ ему идетъ:
И подрядчикъ нажимаетъ,
И торгашъ съ него деретъ.
Ужъ таковъ теперь обычай —
Стонутъ, воютъ бѣдняки...
Ну — а классъ-то ростовщичій?
Сгубятъ насъ ростовщики!
Я желалъ бы ихъ, проклятыхъ,
Хорошенечко пробрать,
Но вѣдь это на богатыхъ
Значитъ бѣдныхъ натравлять?
Ну, какая же возможность
Такъ рискнуть? кругомъ бѣда?
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!

5.

Крестный ходъ въ селѣ Остожьѣ.
Вдругъ «пожаръ!» кричитъ народъ.
«Не бросать же дѣло Божье —
Кончимъ прежде крестный ходъ».
И покудова съ иконой
Обходили все село,
Искрой, вѣтромъ занесенной,
И другой посадъ зажгло.
Погорѣли! Въ этомъ много
Правды горькой и простой,
Но вѣдь это противъ Бога,
Противъ вѣры... ой! ой! ой!
Тутъ полнѣйшая возможность
Къ обвиненью безъ суда...
Ради Бога, осторожность,
Осторожность, господа!

8.

ПРОПАЛА КНИГА.

1.

Пропала книга! Ужъ была
Совсѣмъ готова — вдругъ пропала!
Богъ съ ней, когда идеѣ зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздныхъ дуръ
И дураковъ мы не досужны,
Не нужно намъ плохихъ брошюръ,
Намъ нуженъ хлѣбъ, намъ деньги нужны!

Но, можетъ быть, она была
Честна... а такъ рѣзка, смѣла?
Двѣ, три страницы роковыя...
О, если такъ, ее мнѣ жаль!
И, можетъ быть, мою печаль
Со мной раздѣлитъ вся Россія!

2.

Ужъ напечатана — и нѣтъ...
Не познакомимся мы съ нею;
Дѣвица въ девятнадцать лѣтъ
Не замечтается надъ нею!
О ней не будутъ разсуждать
Ни дилеттантъ, ни критикъ мрачный,
Студентъ не будетъ посыпать
Ея листовъ золой табачной.

Пропала! съ ней и трудъ пропалъ,
Затраченъ даромъ капиталъ,
Пропали хлопоты большія...
Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль,
И, можетъ быть, мою печаль
Со мной раздѣлитъ вся Россія!

3.

Прощай! горька судьба твоя,
Бѣдняжка! Какъ зима настанетъ,
За чайнымъ столикомъ семья
Гурьбой читать тебя не станетъ.
Не занесешь ты новыхъ думъ
Въ глухія, темныя селенья,

Гдѣ изнываетъ русскій умъ
Вдали отъ центровъ просвѣщенья!

О, если ты честна была,
Что̀ за бѣда, что ты смѣла?
Такъ рѣдки книги не пустыя...
Мнѣ очень жаль, мнѣ очень жаль,
И, можетъ быть, мою печаль
Со мной раздѣлитъ вся Россія!

БАЛЕТЪ.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, *ножка Терпсихоры*
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой...
Пушкинъ.

Свирѣпѣетъ морозъ ненавистный.
Нѣтъ, на улицѣ трудно дышать.
Муза! ныньче спектакль бенефисный, —
Намъ въ театрѣ пора побывать.

Мы вошли среди криковъ и плеска.
Сядемъ здѣсь. Я боюсь первыхъ мѣстъ:
Что̀ за радость ослѣпнуть отъ блеска
Генеральскихъ, сенаторскихъ звѣздъ?
Лучезарнѣй румянаго Феба
Эти звѣзды: замѣтно тотчасъ,

Что онѣ не нахватаны съ неба —
Звѣзды неба не ярки у насъ.

Еслибъ смѣлымъ, безтрепетнымъ взглядомъ
Мы рѣшились окинуть тотъ рядъ,
Что зовутъ «бриллiантовымъ рядомъ»,
Можетъ быть, изощренный нашъ взглядъ
И открылъ бы предметъ для сатиры
(Въ самомъ солнцѣ есть пятнышки). Но —
Нѣмы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвалъ ихъ давно!

Знайте, люди хорошаго тона,
Что я самъ обожаю балетъ.
«Пораженнымъ стрѣлой Купидона»
Не насмѣшка — сердечный привѣтъ!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военныхъ чиновъ,
Ни на службѣ крылатому богу
Сѣвшихъ на ноги статскихъ тузовъ.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То-есть: купчикъ — кутила и мотъ),
И мышиный жеребчикъ (такъ Гоголь
Молодящихся старцевъ зоветъ),
Записной поставщикъ фельетоновъ,
Офицеры гвардейскихъ полковъ
И безличная сволочь салоновъ —
Всѣхъ молчаньемъ пройти я готовъ!
До балета особенно страстны
Армянинъ, персiянинъ и грекъ:
Посмотрите, какъ лица ихъ красны
(Не въ балетѣ ли весь человѣкъ?),
Но и ихъ я оставлю въ покоѣ,

Никого не желая сердить.
Замышляю я нѣчто другое —
Я загадку хочу предложить.

Въ маскарадной и оперной залѣ,
За игрой у зеленыхъ столовъ,
Въ клубѣ, въ думѣ, въ манежѣ, на балѣ,
Словомъ, въ обществѣ всякихъ родовъ,
Въ наслажденьѣ, въ трудѣ и въ покоѣ,
Въ блудномъ сынѣ, въ почтенномъ отцѣ,—
Есть одно — *угадайте, какое?*—
Выраженье на русскомъ лицѣ...
Впрочемъ, можетъ быть, вамъ не досужно?
Муза! дай — если можешь — отвѣтъ!
Спору нѣтъ: мы различны наружно,
Тотъ чиновникъ, а этотъ корнетъ,
Тотъ помѣшанъ на тонкомъ приличьѣ,
Тотъ играетъ, тотъ любитъ поѣсть;
Но вглядись: при наружномъ различьѣ
Въ насъ единство глубокое есть:
Насъ безденежье всѣхъ уравняло —
И великихъ, и малыхъ людей —
И на каждомъ челѣ начертало
Надпись: *гдѣ бы занять поскорѣй?*
Что̀, не такъ ли?..
История та же,
Та же дума на каждомъ лицѣ,
Я на-дняхъ прочиталъ ее даже
На почтенномъ одномъ мертвецѣ.
Если старецъ игривъ чрезвычайно,
Если юноша вѣшаетъ носъ —
Оба, вѣрьте мнѣ, думаютъ тайно:
Гдѣ бы денегъ занять? вотъ вопросъ!

Вотъ вопросъ! Напряженно, тревожно
Каждый жаждетъ его разрѣшить,
Но занять, говорятъ, невозможно,
Невозможнѣе долгъ получить.
Говорятъ, никакихъ договоровъ
Должники исполнять не хотятъ;
Генералъ-губернаторъ Суворовъ
Держитъ сторону ихъ — говорятъ...
Осуждаютъ юристы героя,
Но ты правъ, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Можетъ быть, въ долговомъ отдѣленьѣ
Насидѣлось бы все населенье,
Еслибъ былъ губернаторъ другой!

Разорило чиновниковъ чванство,
Прожилась за границею знать,
Отчего оголѣло дворянство —
Непріятно и рѣчь затѣвать!
На цвѣты, на подарки актрисамъ,
Правда, деньги еще достаемъ,
Но за то предъ инымъ бенефисомъ
Рубль на рубль за недѣлю даемъ.
Какъ же быть? Не дешевая школа
Поощреніе грацій и музъ...
Вянетъ юность обоего пола,
Терпитъ даже семейный союзъ:
Тщетно юноши рыщутъ по баламъ,
Тщетно барышни рядятся въ пухъ —
Вовсе нѣтъ стариковъ съ капиталомъ,
Вовсе нѣтъ съ капиталомъ старухъ!
Сокрушаются Никольсъ и Плинке *):

*) Хозяева бывшаго англійскаго магазина.

Безъ почину товаръ ихъ лежитъ,
Сбыта нѣтъ самой модной новинкѣ,
(Догадайтесь — откройте кредитъ!).
Не развозятъ картонокъ нарядныхъ
Изамбаръ, Андріе и Мошра*),
А звонятъ у подъѣздовъ парадныхъ
Съ неоплаченнымъ счетомъ съ утра.
Что̀ модистки! злосчастныя прачки
Ходятъ мѣсяцъ за каждымъ рублемъ!
Опустѣли рысистыя скачки,
Жизни нѣтъ за зеленымъ столомъ.
Кто, бывало, дурѣя съ азарту,
Къ ряду игрывалъ по сту ночей,
Пообѣдавъ, поставитъ на карту
Злополучныхъ пятнадцать рублей,
И уходитъ походкой печальной
Въ думу, въ земство и даже въ семью,
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
Съ Богомъ, другъ мой! Въ любомъ комитетѣ
Побесѣдовать можешь теперь
О кредитѣ, о звонкой монетѣ,
Объ «итогахъ» дворянскихъ потерь,
И о «братѣ» въ нагольномъ тулупѣ,
И о томъ, за какіе грѣхи
Насъ журналы ругаютъ, и въ клубѣ
Не даютъ намъ стерляжьей ухи!
Тамъ докажутъ тебѣ очевидно,
Что карьера твоя рѣшена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить,—такія пришли времена!

*) Извѣстныя модистки.

Купишь что̀-нибудь — дерзкій прикащикъ
Ассигнацію щупать начнетъ
И потомъ, опустивъ ее въ ящикъ,
Долгимъ взоромъ тебя обведетъ,—
Такъ и треснулъ бы!..
Впрочемъ, довольно!
Продолжать бы, конечно, я могъ,
Факты есть, но касаться ихъ больно!
И притомъ, сохрани меня Богъ,
Чтобъ я стихъ мой поддѣлкою серій
И кредитныхъ бумагъ замаралъ:—
«Будто нѣтъ благороднѣй матерій»,
Мнѣ отечески «нѣкто» сказалъ.
Съ этимъ мнѣньемъ вполнѣ я согласенъ,
Міръ идей и сюжетовъ великъ:
Напримѣръ, какъ волшебно прекрасенъ
Бель-этажъ — настоящій цвѣтникъ!
Есть въ Россіи еще милліоны,
Сто̀итъ только на ложи взглянуть,
Гдѣ усѣлись банкирскія жены —
Сотня тысячъ рублей, что ни грудь!
Въ жемчугѣ лебединыя шеи,
Бриллiантъ по орѣху въ ушахъ!
Въ этихъ ложахъ мужчины — евреи,
Или греки, да нѣмцы въ крестахъ.
Нѣтъ купечества русскаго (стужа
Напугала ихъ, что̀ ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
Въ модный свѣтъ, въ бель-этажѣ видна.
Весела ты, но въ этомъ весельѣ
Можно тотъ же вопросъ прочитать,
И на шеѣ твоей ожерелье —
Погодила-бъ ты имъ щеголять!

Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты въ немъ восхитительна, но —
Не затихъ еще шопотъ скандальный,
Будто было въ закладѣ оно:
Говорятъ, чтобы въ немъ показаться
На какомъ-то парадномъ балу,—
Передъ гнуснымъ мѣнялой валяться
Ты рѣшилась на грязномъ полу,
И когда возвращалась ты съ бала,
Ростовщикъ тебя встрѣтилъ — и снялъ
Эти перлы... Не такъ ли достала
Ты опять ихъ?.. Кредитъ твой упалъ,
Съ горя запилъ супругъ сокрушённый,
Богъ бы съ нимъ! Разставаться тошнѣй
Съ этой чопорной жизнью салонной
И съ разгуломъ интимныхъ ночей,
Съ этимъ золотомъ, бархатомъ, шолкомъ,
Съ этимъ счастьемъ пословъ принимать.
Ты готова бы съ бѣшенымъ волкомъ
Покумиться, — чтобъ снова блистать,
Но свершились пути Провидѣнья,
Все погибло — и деньги, и честь!
Нисходи же ты въ область забвенья,
И супругу дай духъ перевесть!
Слаще пить ему водку съ дворецкимъ,
«Не бѣлы-то снѣги» распѣвать,
Чѣмъ возиться съ посольствомъ турецкимъ
И въ отвѣтъ ему глупо мычать...

Тѣшить женъ — богачамъ не забота,
Имъ простительна всякая блажь;
Но прискорбно душѣ патріота,
Что чиновницы рвутся туда-жъ.

Марья Савишна! вы бы надѣли
Платье проще! — Вѣдь какъ ни рядись,
Не одѣнетесь лучше камелій
И богаче французскихъ актрисъ!
Разсчитайтесь, сударыня, съ прачкой,
Да въ хозяйство прикиньте хоть грошъ,
А то съ дочерью, съ мужемъ, съ собачкой
За полтину обѣдъ не хорошъ!

Марья Савишна глазъ не спускала
Между тѣмъ съ старика со звѣздой.
Вообще въ бель-этажѣ сіяло
Много дамъ и дѣвицъ красотой.
Очи чудныя такъ и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — плѣняли
Сердце женское въ древніе дни.
Наши дѣвы практичнѣй, умнѣе,
Идеалъ ихъ — телецъ золотой,
Воплощенный въ сѣдомъ іудеѣ,
Потрясающемъ грязной рукой
Груды золота...
Время антракта
Наконецъ-то прошло какъ-нибудь.
(Мы зѣвали два первые акта,
Какъ бы въ третьемъ совсѣмъ не заснуть).
Всѣ бинокли приходятъ въ движенье —
Появляется корь-де-балетъ.
Здѣсь позволю себѣ отступленье:
Соотвѣтственной живости нѣтъ
Въ томъ размѣрѣ, которымъ пишу я,
Чтобы прелесть балета воспѣть.

Вотъ куплеты: попробуй, танцуя,
Театралъ, ихъ подъ музыку пѣть!

Я былъ престранныхъ правилъ,
Поругивалъ балетъ;
Но разъ бинокль подставилъ
Мнѣ генералъ-сосѣдъ.

Я взялъ его съ поклономъ
И съ часъ не возвращалъ.
«Однако, вы—*астрономъ!*»
Сказалъ мнѣ генералъ.

Признаться, я немножко
Смутился (о, профанъ!)
«Нѣтъ... я... но эта ножка...
Но эти плечи... станъ...»

Шепталъ я генералу,
А онъ, смѣясь въ отвѣтъ:
«Въ стремленьи къ идеалу
Дурного, впрочемъ, нѣтъ.

«Не все-жъ читать вамъ Бокля!
Не стòитъ этотъ Бокль
Хорошаго бинокля...
Купите-ка бинокль!..»

Купилъ! — и предъ балетомъ
Я преклонился ницъ.
Готовъ я быть поэтомъ
Прелестныхъ танцовщицъ!

Какъ не любить балета?
Здѣсь мирный гражданинъ

Позабываетъ лѣта,
Позабываетъ чинъ,

И только ловятъ взоры
Въ услужливый лорнетъ,
Что̀ «ножкой Терпсихоры»
Именовалъ поэтъ.

Не такъ слѣдитъ астро̀номъ
За новою звѣздой,
Какъ мы... но для чего намъ
Смѣяться надъ собой?

Въ балетѣ мы наивны,
Мы глупы въ этотъ часъ:
Почти-что конвульсивны
Движенія у насъ!

Вотъ выпорхнула дѣва,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влѣво —
Мы влѣво подались;

Взвилася ножка вправо —
Мы вправо...— Берегись!
Не вывихни сустава,
Пріятель... «Фора! bis!»

Bis!.. Но дѣвы, подобныя вѣтру,
Улетѣли гирляндой цвѣтной!
(Возвращаемся къ прежнему метру);
Пантомимною сценой большой
Утомились мы, вальсъ африканскій

Тоже вышелъ топоренъ и вялъ,
Но явилась въ рубахѣ крестьянской
Петипа — и театръ застоналъ!
Вообще мы наклонны къ искусству,
Мы его поощряемъ; но тамъ,
Гдѣ есть пища народному чувству,
Торжество настоящее намъ:
Неужели молчать славянину,
Неужели жалѣть кулака,
Какъ Бернарди затянетъ «Лучину»,
Какъ пойдетъ Петипа трепака?..
Нѣтъ! гдѣ дѣло идетъ о народѣ,
Тамъ я первый увлечься готовъ.
Жаль одно: въ нашей скудной природѣ
На вѣнки не хватаетъ цвѣтовъ!

Все — до ластовицъ бѣлыхъ въ рубахѣ —
Было вѣрно: на шляпѣ цвѣты,
Удаль русская въ каждомъ размахѣ...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали во вѣки
Мы сходнѣй: настоящій мужикъ!
Даже нѣмцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крикъ.
Все слилось въ оглушительномъ «браво»,
Дань народному чувству платя...
Только ты, моя муза, лукаво
Улыбаешься.. Полно, дитя!
Неумѣстна здѣсь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя!..
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Чтò-жъ ты думаешь, муза моя?...

На конекъ ты попала обычный —
На умѣ у тебя мужики,
За которыхъ на сценѣ столичной
Петипа пожинаетъ вѣнки,
И ты думаешь: Гурія рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Такъ танцуй же ты «Дѣву Дуная»,
Но въ покоѣ оставь мужика!
Въ мерзлыхъ лапоткахъ, въ шубѣ нагольной,
Весь заиндевѣвъ, самъ за себя
Въ эту пору онъ пляшетъ довольно,
Зиму дома сидѣть не любя.
Подстрекаемый лютымъ морозомъ,
Совершая дневной переходъ,
Пляшетъ онъ за скрипучимъ обозомъ,
Пляшетъ онъ — даже пѣсни поетъ!

А то есть и такіе обозы —
(Вотъ бы Роллеръ намъ ихъ показалъ!)
Въ январѣ, когда крѣпки морозы
И народъ уже рекрутовъ сдалъ,
На Руси, на проселкахъ пустынныхъ,
Много тянется поѣздовъ длинныхъ...

Прямикомъ черезъ рѣки, поля
Ѣдутъ путники узкой тропою:
Въ бѣломъ саванѣ смерти земля,
Небо хмурое, полное мглою...
Отъ утра до вечерней поры
Все однѣ предъ глазами картины:
Видишь, какъ, обнажая бугры,
Вѣтеръ снѣгомъ заноситъ лощины;
Видишь, какъ эта снѣжная пыль,

Непрерывной волной набѣгая,
Подъ собой погребаетъ ковыль,
Все-губящей зимѣ помогая;
Видишь, какъ подъ кустомъ иногда
Припорхнетъ эта милая пташка,
Что отъ насъ не летитъ никуда —
Любитъ скудный нашъ сѣверъ, бѣдняжка!
Или, щелкая, стая дроздовъ
Пролетитъ и посядетъ на ели;
Слышишь дикіе стоны волковъ
И визгливое пѣнье мятели...
Снѣжно — холодно — мгла и туманъ...
И по этой унылой равнинѣ
Шагъ за шагомъ идетъ караванъ
Съ сѣдоками въ промерзлой овчинѣ.

Какъ нѣмые, молчатъ мужики,
Даже пѣсня никѣмъ не поется,
Бабы спрятали лица въ платки,
Только вздохъ иногда пронесется
Или крикъ: «ну! чего отстаешь —
Сѣдокомъ однимъ меньше везешь!..»

Но напрасно мужикъ огрызается:
Кляча еле идетъ — упирается;
Скрипомъ, визгомъ окрестность полна,
Словно до̀ сердца поѣздъ печальный
Черезъ бѣлый покровъ погребальный
Рѣжетъ землю — и стонетъ она,
Стонетъ бѣлое снѣжное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незамѣтная кладь!
Гдѣ придется тебя выгружать?..

Какъ отъ выстрѣла дымъ расползается
На зарѣ по росистымъ травамъ,
Это горе идетъ — подвигается
Къ тихимъ селамъ, къ глухимъ деревнямъ.
Вотъ — направо — избенки унылыя,
Отдѣлилась подвода одна,
Кто-то молвилъ: «Господь съ вами, милые!»
И пропала въ сугробахъ она...

Чу! кляченку хлестнулъ старичина...
Эхъ! чего ты торопишь ее?
Какъ-то ты, воротившись безъ сына,
Постучишься въ окошко свое?!.

Въ сердце самое русскаго края
Доставляется кладь роковая!

Гдѣ до солнца идетъ за порогъ
Съ топоромъ на работу кручина,
Гдѣ на бѣлую скатерть дорогъ
Позднимъ вечеромъ свѣтитъ лучина,
Тамъ найдется, кому эту кладь
По суровымъ сердцамъ разобрать,
Тамъ она пріютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

*
* *

Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньѣ
Вчерашній другъ, качая головой,
И вы, и вы отпрянули въ смущеньѣ,
Стоявшія безсмѣнно предо мной,
Великія страдальческія тѣни,

О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ.
За то кричатъ безличные: ликуемъ!
Спѣша въ объятья къ новому рабу
И пригвождая жирнымъ поцѣлуемъ
Несчастнаго къ позорному столбу...

ПѢСНИ.

1.

У людей-то въ дому — чистота, лѣпота,
А у насъ-то въ дому — тѣснота, духота.

У людей-то для щей — съ солонинкою чанъ,
А у насъ-то во щахъ — таракань, тараканъ!

У людей кумовья — ребятишекъ дарятъ,
А у насъ кумовья нашъ же хлѣбъ пріѣдятъ!

У людей на умѣ — погуторить съ кумой,
А у насъ на умѣ — не пойти бы съ сумой?

Кабы такъ намъ зажить, чтобы свѣтъ удивить:
Чтобы деньги въ мошнѣ, чтобы рожь на гумнѣ;

Чтобъ шлея въ бубенцахъ, расписная дуга,
Чтобъ сукно на плечахъ, не посконь-дерюга;

Чтобъ не хуже другихъ намъ почетъ отъ людей,
Попъ въ гостяхъ у большихъ, у дѣтей — грамотѣй;

Чтобы дѣти въ дому, словно пчелы въ меду,
А хозяйка въ дому — какъ малинка въ саду!

2.

КАТЕРИНА.

Вянетъ, пропадаетъ красота моя!
Отъ лихого мужа нѣтъ въ домѣ житья.

Пьяный все колотитъ, трезвый все ворчитъ
Самъ, что̀ ни попало, изъ дому тащитъ!

Не того ждала я, какъ я шла къ вѣнцу!
Къ братцу я ходила, плакалась отцу,

Плакалась сосѣдямъ, плакалась родной,
Люди не жалѣютъ — ни чужой, ни свой!

«Потерпи родная», старики твердятъ:
«Милаго побои не́-долго болятъ!»

«Потерпи, сестрица!» отвѣчаетъ братъ:
«Милаго побои не́-долго болятъ!»

«Потерпи!» сосѣди хоромъ говорятъ:
«Милаго побои не́-долго болятъ:»

Есть солдатикъ — Ѳедя, дальняя родня;
Онъ одинъ жалѣетъ, любитъ онъ меня;

Подмигну я Ѳедѣ, — съ Ѳедей мы вдвоемъ
Далеко хлѣба̀ми за село уйдемъ:

Всю открою душу, выплачу печаль,
Все отдамъ я Ѳедѣ — все, чего не жаль!

«Гдѣ ты пропадала?» спроситъ муженёкъ:
— Гдѣ была, тамъ нѣту! такъ-то, милъ дружокъ!

— Посмотрѣть ходила, высока ли рожь!
«Ахъ ты, дура-баба! ты еще и врёшь...»

Станетъ горячиться, станетъ попрекать...
Пусть его бранится, мнѣ не привыкать!

А и поколотитъ — не великъ накладъ:
Милаго побои не́-долго болятъ!

3.

МОЛОДЫЕ.

Повѣнчавшись, Парасковьѣ
Мужъ имущество казалъ:
Это — стойлице коровье,
А коровку Богъ прибралъ!

Нѣтъ перинки, нѣтъ кровати,
Да теплы въ избѣ полати,
А въ клѣти, вмѣсто телятъ,
Два котёночка пищатъ!

Есть и овощь въ огородѣ —
Хрѣнъ да луковица,
Есть и мѣдная посуда —
Крестъ да пуговица!

4.

СВАТЪ И ЖЕНИХЪ

ВЪ КАБАКѢ ЗА ПОЛУШТОФОМЪ.

1.

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,

Степанида у Петра —
Всѣ невѣсты, всѣмъ пора!
У Кондратьевны Орина —
Что ни дѣвка, то малина!
Думай, думай! — выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, важевата,
Марья, знаешь, мнѣ съ родни,
Будетъ съ мужемъ — ни-ни-ни!
— Ай да Марья! Марья — кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!
Намъ съ лица не воду пить,
И съ корявой можно жить,
Да чтобъ мужу на порогъ
Не вставала поперегъ!
Ай да Марья! Марья — кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!

2.

Нутко! Вѣра у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетея у Петра —
Замужъ всѣмъ пришла пора!
У Никиты — Катерина —
Что ни дѣвка, то малина!
Думай, думай! — выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, щедровита,
Да работать, ухъ! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!

— Ай, да Марья! Марья — кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!
Намъ съ лица не воду пить,
И съ корявой можно жить,
Да чтобъ мясо на костяхъ,
Чтобы силушка въ рукахъ!
Ай да Марья! Марья — кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!

3.

Нутко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра —
Всѣ невѣсты, всѣмъ пора!
У Евстратья — Акулина,
Что ни дѣвка, то малина!
Думай, думай! — выбирай!
По любую засылай!
Марья, точно, щедровита
Да хозяйка домовита:
Все приметъ, приберетъ,
Все до нитки сбережетъ!
— Ай да Марья! Марья — кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!
Намъ съ лица не воду пить,
И съ корявой можно жить,
Да чтобъ по двору прошла,
Всѣхъ бы курочекъ сочла!
Ай да Марья! Марья — кладъ!
Сватай Марью, Марью, сватъ!

(Спрашиваютъ еще полуштофъ и начинаютъ снова).

5.

ГИМНЪ.

Господь! твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!

Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!

И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья —
Господь, Ты ввѣришь на Руси!..

НЕИЗВѢСТНОМУ ДРУГУ,

ПРИСЛАВШЕМУ МНѢ СТИХОТВОРЕНІЕ

НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ.

Умру я скоро. Жалкое наслѣдство,
О, родина! оставлю я тебѣ.
Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство,
И молодость — въ мучительной борьбѣ.
Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навѣки поселяетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины.

На мнѣ года́ гнетущихъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ.
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О, родина! печальный твой поэтъ!
Какихъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ
Съ своей угрюмой музой на пути?
За каплю крови общую съ народомъ
И малый трудъ въ заслугу мнѣ сочти!

Не торговалъ я лирой, но, бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука... Давно я одинокъ,
Въ началѣ шелъ я съ дружною семьею,
Но гдѣ они, друзья мои, теперь?
Одни давно разстались со мною,
Передъ другими самъ я заперъ дверь;
Тѣ жребіемъ постигнуты жестокимъ,
А тѣ прешли уже земной предѣлъ...
За то, что я остался одинокимъ,
Что я ни въ комъ опоры не имѣлъ,
Что я, друзей теряя съ каждымъ годомъ,
Встрѣчалъ враговъ все больше на пути —
За каплю крови общую съ народомъ
Прости меня, о родина! прости!

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ;
Но, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,

Я для нея не жертвовалъ собой;
И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться въ ней успѣла,
Къ тебѣ, моя родная сторона!
За то, что я, черствѣя съ каждымъ годомъ,
Ее умѣлъ въ душѣ моей спасти,
За каплю крови общую съ народомъ
Мои вины, о, родина! прости!...

ВЫБОРЪ.

Ночка сегодня морозная, ясная.
 Въ гòрѣ стоитъ надъ рѣкой
Русская дѣвица, дѣвица красная,
 Щупаетъ прорубь ногой.
Тонкій ледокъ подъ ногою ломается,
 Вотъ, на него набѣжала вода;
Царь водяной изъ воды появляется,
 Шепчетъ: «бросайся, бросайся сюда!
Любо здѣсь!» Дѣвица, зову покорная,
 Вся наклонилась къ нему.
«Сердце покинетъ кручинушка черная,
 Только разокъ обойму,
Прянь!»... И руками къ ней длинными тянется...

 Синіе льды затрещали кругомъ,
Дрогнула дѣвица! Ждетъ — не оглянется —
 Кто-то шагаетъ, идетъ прямикомъ.
«Прянь! Будь царицею царства подводнаго!...»

 Тутъ подошелъ воевода Морозъ:
— Я тебя, я тебя, вора негоднаго!

Чуть было дѣвку мою не унёсъ!—
Бѣлый старикъ съ бородою пушистою
На воду трижды дохнулъ,
Прорубь подернулась корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдомъ потонулъ.

Молвилъ Морозъ: — не топися, красавица!
Слезъ не осушишь водой;
Жадная рыба, рѣчная піявица
Тамъ твой нарушатъ покой;
Тамъ защекотятъ тебя водяные,
Раки вопьются въ высокую грудь,
Ноги опутаютъ травы рѣчныя...
Лучше со мной эту ночку побудь!
Къ утру я горе твое успокою,
Сладкія грезы его усыпятъ,
Будешь ты такъ же пригожа собою,
Только красивѣе дамъ я нарядъ:
Въ бѣломъ вѣнкѣ голова засіяетъ
Завтра, чуть красное солнце взойдетъ...
Дѣвица берегъ рѣки покидаетъ,
Къ темному лѣсу идетъ.

Сѣла на пень у дороги: ласкается
Къ ней воевода-старикъ.
Дрогнется — зубы колотятъ — зѣвается —
Вотъ и закрыла глаза... забывается...
Вдругъ разбудилъ ее Лѣшаго крикъ:

«Дѣвонька! встань ты на рѣзвыя ноги,
Долго Морозко тебя протомитъ.
Спалъ я и слышалъ давно: у дороги
Кто-то зубами стучитъ,

Жалко мнѣ стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь — тутъ не будетъ покою:
Станутъ оттаивать, станутъ качать!
Я заведу тебя въ чащу лѣсную,
Гдѣ никому до тебя не дойти,
Выберемъ, дѣвонька, сосну любую...»
Дѣвица съ Лѣшимъ рѣшилась идти.

Идутъ. На-встрѣчу медвѣдь попадается,
Дѣвица вскрикнула — страхъ обуялъ.
Хохотомъ Лѣшаго лѣсъ наполняется:
«Смерть не страшна, а медвѣдь испугалъ!
Экой лѣсокъ! что ни дерево — чудо!
Дѣвонька! глянь-ка, какіе стволы!
Глянь на вершины — съ синицу оттуда
Кажутся спящіе лѣтомъ орлы!
Темень тутъ вѣчная, тайна великая,
Солнце сюда не доноситъ лучей,
Буря взыграетъ — ревущая, дикая —
Лѣсъ не подумаетъ кланяться ей!
Только вершины поропщутъ тревожно...
Ну, полѣзай! подсажу осторожно...
Любъ тебѣ, дѣвица, лѣсъ вѣковой!
Съ каждаго дерева броситься можно
Внизъ головой!»

СУДЪ.

I.

„Однажды, зимнимъ вечеркомъ»
Я перепуганъ былъ звонкомъ,
Внезапнымъ, властнымъ... Вотъ опять!
Зачѣмъ и кто — какъ угадать?
Какъ сладить съ бѣдной головой,
Когда врывается толпой
Въ нее тревожныхъ мыслей рой?

Вечерній звонъ! Вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ! *)

За много лѣтъ всю жизнь мою
Припомнилъ я въ единый мигъ,
Припомнилъ каждую статью
И содержанье двухъ-трехъ книгъ,
Мной сочиненныхъ. Вспоминалъ
Я также то, гдѣ я бывалъ,
О чемъ и съ кѣмъ вступалъ я въ споръ;
А звонъ, неумолимъ и скоръ,
Межъ тѣмъ на мигъ не умолкалъ,
Пока я брюки надѣвалъ...

О, невидимая рука!
Не обрывай же мнѣ звонка!
Тотчасъ я силы соберу,
Зажгу свѣчу — и отопру.

Гляжу — чуть теплится каминъ,
Невинный «Модный Магазинъ»

*) Козловъ.

(Издательницы Софьи Мей)
И письма — память лучшихъ дней —
Жены теперешней моей,
Когда наивна и мила
Она невѣстою была,
И начатой недавно трудъ,
И мемуары — вѣсомъ съ пудъ —
И приглашенья двухъ вельможъ,
Въ дома которыхъ былъ я вхожъ,—
До прейсъ-куранта крымскихъ винъ
Все быстро бросилъ я въ каминъ!
И еслибъ истребленья духъ
Насытить время я имѣлъ,
Каминъ бы долго не потухъ.
Но колокольчикъ мой звенѣлъ —
Что мигъ — настойчивѣй и злѣй.
Пылай, каминъ! Гори скорѣй,
Записокъ толстая тетрадь!
Пора мнѣ гостя принимать...

Ну, догорѣла! Выхожу
Въ гостиную — и нахожу
Жену... О, вѣрная жена!
Ни слезъ, ни жалобъ! лишь блѣдна.
Блаженъ, кому дана судьбой
Жена съ геройскою душой,
Но тотъ блаженнѣй, у кого
Нѣтъ близкихъ ровно никого...
«Не бойся ничего! повѣрь,
Все пустяки!» шепчу женѣ,
Но голосъ измѣняетъ мнѣ.
Иду — и отворяю дверь...

Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ *)
Со взоромъ кроткимъ безъ границъ,
Полуопущеннымъ къ землѣ,
Съ печатью тайны на челѣ **)
Тогда предсталъ передо мной
Администраторъ молодой.
Не только этотъ грустный взоръ,
Формально все — до звука шпоръ
Такъ деликатно было въ немъ,
Что съ этимъ тактомъ и умомъ
Онъ даже больше былъ бы милъ,
Когда бы меньше былъ унылъ.
Кивнувъ угрюмо головой,
Я указалъ ему на стулъ, —
Не сѣлъ онъ; стоя предо мной,
Онъ листъ бумаги развернулъ
И подалъ мнѣ. Я прочиталъ
И ожилъ — духомъ просіялъ!

Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ,
Порой такихъ ужасныхъ думъ,
Что и дѣйствительность сама
Не помрачаетъ такъ ума,
Напротивъ, возвращаетъ умъ!

«Судить назначено меня
При публикѣ, при свѣтѣ дня!»
Я крикнулъ весело женѣ:
«Прочти, мой другъ! Поди ко мнѣ!»
Жена поспѣшно подошла

*) Лермонтовъ.
**) Веневитиновъ.

И извѣщеніе прочла:
«Понеже въ вашей книгѣ есть
Такія дерзкія мѣста,
Что оскорбилась чья-то честь
И помрачилась красота,
То васъ за дерзость этихъ мѣстъ
Начальство отдало подъ судъ,
А книгу взяло подъ арестъ».
И дальше чинъ и подпись тутъ.
Я сущность передалъ — но слогъ...
Я слога передать не могъ!
Когда-бъ я слогъ такой имѣлъ,
Когда-бъ владѣлъ такимъ перомъ,
Я не дрожалъ бы, не блѣднѣлъ
Передъ нечаяннымъ звонкомъ...

Замѣтивъ радость, а не злость
Въ лицѣ моемъ, почтенный гость
Любезно на меня взглянулъ...
Вновь указавъ ему на стулъ,
Я папироску предложилъ,
Онъ сѣлъ и скромно закурилъ.
Тогда бесѣда началась
О томъ, какъ многое у насъ
Несовершенно; какъ далекъ
Тотъ вожделѣнный идеалъ,
Какого всякій бы желалъ
Родному краю: нѣтъ дорогъ,
Въ торговлѣ плутни и застой,
Съ финансами хоть волкомъ вой,
Мужикъ не чувствуетъ добра,
Et caetera, et caetera...
Ужъ часъ въ бесѣдѣ пролетѣлъ,

А не коснулись между тѣмъ
Мы очень многихъ важныхъ темъ;
Но тутъ огарокъ догорѣлъ,
Дымясь, — и вдругъ разстались мы
Среди зловонія и тьмы.

II.

Ну, судъ, такъ судъ! Въ судебный залъ
Сберется грозный трибуналъ,
Придутъ враги, придутъ друзья,
Предстану — обвиненный — я,
И этотъ трудъ, горячій трудъ
Анатомировать начнутъ!

Когда я отрокомъ блуждалъ
По тихимъ волжскимъ берегамъ,
«Судъ въ Подземельѣ» я читалъ,
Жуковскаго поэму, — тамъ
Что стихъ, то ужасъ: темный сводъ,
Грозя обрушиться, гнетётъ;
Визжа, заржавленная дверь
Поетъ: «Не вырвешься теперь!»
И рядъ угрюмыхъ клобуковъ,
При блѣдномъ свѣтѣ ночниковъ,
Кивая, вторитъ ей въ отвѣтъ:
«Преступнику спасенья нѣтъ!»
Потомъ, я помню, цѣлый годъ
Во снѣ я видѣлъ этотъ сводъ,
Монаховъ, стражей, палачей:
И живо такъ въ душѣ моей
То впечатлѣнье дѣтскихъ дней,
Что я и въ зрѣлые года

Боюсь подземнаго суда.
Вотъ почему я ликовалъ,
Когда извѣстье прочиталъ,
Что гласно буду я судимъ,
Хоть утверждаютъ — гласность дымъ.
Оно, конечно: гласный судъ
Все-жъ судъ. Притомъ же, говорятъ,
Тамъ тоже спуску не даютъ:
Посмотримъ, въ чемъ я виноватъ?
(Сажусь читать, надѣвъ халатъ).

Какихъ задачъ, какихъ трудовъ
Для человѣческихъ головъ
Враждебный рокъ не задавалъ?
Но — литераторъ прежнихъ дней!
Ты никогда своихъ статей
Съ подобнымъ чувствомъ не читалъ,
Какъ я въ ту роковую ночь.
Скажу вамъ прямо — скрытность прочь —
Я съ точки зрѣнія судьи
Всю ночь читалъ мои статьи.
И нѣчто странное со мной
Происходило... Боже мой!
То, оправданья подобравъ,
Я говорилъ себѣ: я правъ!
То самъ себя воображалъ
Такимъ злодѣемъ, что дрожалъ
И въ зеркало глядѣлся я...
Занятье скверное, друзья!

Примите добрый мой совѣтъ,
Писатели грядущихъ лѣтъ!
Когда постигнетъ васъ бѣда,

Да будетъ чуждъ вашъ бѣдный умъ
Судебно-полицейскихъ думъ —
Оставьте дѣло до суда!
Нѣтъ пользы голову трудить
Надъ тѣмъ, что̀ будутъ говорить
Тѣ, коихъ дѣло обвинять,
Какъ наше — книги сочинять.
А если нервы не уснутъ
На миломъ словѣ: гласный судъ, —
Подлей побольше рому въ чай
И безмятежно засыпай!

III.

Заснулъ и я, но тяжекъ сонъ
Того, кто горемъ удрученъ.
Во снѣ я видѣлъ, что герой
Моей поэмы роковой
Съ полуобритой головой,
Въ одеждѣ арестантскихъ ротъ
Вдоль по Владимірке идетъ,
А дѣва, далеко отставъ,
По плечамъ кудри разметавъ,
Бѣжитъ за милымъ, на бѣгу
Ныряя по груди въ снѣгу,
Бѣжитъ, и плачетъ, и поетъ...

Дитя фантазіи моей,
Не плачь! До снѣговыхъ степей,
Я знаю, дѣло не дойдетъ.
Въ твоей судьбѣ средины нѣтъ:
Или увидишь божій свѣтъ,
Или — преступной признана —
Съ позоромъ будешь сожжена!

Итакъ, молись, моя краса,
Чтобы по милости твоей
Не стали наши небеса
Еще туманнѣй и темнѣй!

Потомъ другой я видѣлъ сонъ,
И былъ безмѣрно-горекъ онъ:
Вхожу я въ судъ — и на скамьяхъ
Друзей, родныхъ встрѣчаетъ взоръ,
Но не участье въ ихъ чертахъ —
Негодованье и укоръ!
Они мнѣ взглядомъ говорятъ:
«Съ тобой мы не знакомы, братъ!»
— Что̀ съ вами, милые мои?
Тогда невольно я спросилъ;
Но только я заговорилъ,
Толпа покинула скамьи,
И вдругъ остался я одинъ,
Какъ голый пень среди долинъ *).
Тогда, отчаяньемъ объятъ,
Я разревѣлся предъ судомъ
И повинился даже въ томъ,
Въ чемъ вовсе не былъ виноватъ!..

Проснувшись, долго помышлялъ
Я о моемъ жестокомъ снѣ,
Мужаться слово я давалъ,
Но страшно становилось мнѣ:
Ну, какъ я точно разревусь,
Отъ убѣжденій отрекусь?
Почемъ я знаю: хватитъ силъ
Или не хватитъ — устоять?..

*) Лермонтовъ.

И началъ я припоминать,
Какъ развивался я, какъ жилъ:
Родился я въ большомъ дому,
Напоминающемъ тюрьму,
Въ которомъ грозный властелинъ
Свободно дѣйствовалъ одинъ,
Держа подъ страхомъ всю семью
И челядь жалкую свою;
Разсказы няни о чертяхъ
Вносили въ душу тотъ же страхъ;
Потомъ я въ корпусъ поступилъ
И тамъ подъ тѣмъ же страхомъ жилъ.
Случайно началъ я писать;
Тутъ нѣкій образъ посѣщать
Меня въ часы работы сталъ:
Съ перомъ, со стклянкою чернилъ
Онъ надъ душой моей стоялъ,
Воображенье леденилъ,
У мысли крылья обрывалъ.
Но не довольно былъ онъ строгъ,
И я терпѣлъ еще за то,
Что онъ подчасъ мой трудъ берёгъ,
Или вычеркивалъ не то.
И такъ писалъ я двадцать лѣтъ,
И вышелъ я такой поэтъ,
Какимъ я выдти могъ... Да, да!
Грозитъ послѣдняя бѣда...
Пошли вамъ Богъ побольше силъ!
Меня же такъ Онъ сотворилъ,
Что мимо будки городской
Иду съ стѣсненною душой,
И, право, я не поручусь,
Что предъ судомъ не разревусь...

IV.

Не такъ счастливецъ молодой
Идетъ въ таинственный покой,
Гдѣ, нетерпѣнія полна,
Младая ждетъ его жена,
Съ какимъ я трепетомъ вступалъ
Въ тотъ роковой, священный залъ,
Гдѣ жизнь, и смерть, и честь людей
Въ распоряженіи судей.
Герой — а я теперь герой —
Быть долженъ весь передъ тобой,
О, публика! во всей красѣ...
Итакъ, любуйся: я плѣшивъ,
Я блѣденъ, нервенъ, я чуть живъ,
И таковы почти мы всѣ.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой трудъ — я вовсе не ропщу,
Я сожалѣній не ищу;
«Коварный рокъ», «жестокій рокъ»
Не больше былъ ко мнѣ жестокъ,
Какъ и къ любому бѣдняку.
То правда: росъ я не въ шелку,
Подъ бурей долго я стоялъ,
Меня тиранила нужда,
Гнела любовь, гнела вражда;
Мнѣ *** мораль читалъ
И цензоръ слогъ мой исправлялъ,
Но не отъ этихъ общихъ бѣдъ
Я слабъ и хрупокъ, какъ скелетъ.
Ты знаешь, я — «любимецъ музъ»,
А невозможно разсказать,

Во что обходится союзъ
Съ иной музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горитъ онъ рѣдко и слегка;
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
Съ желѣзной грудью надо быть,
Чтобъ этимъ ласкамъ отвѣчать,
Объятья эти выносить,
Кипѣть, горѣть — и снова стыть.
Довольно! развѣ досказать, —
Удобный случай благо есть —
Что я, когда начну писать,
Перестаю и спать, и ѣсть...

Не то, чтобъ ощутилъ я страхъ,
Когда усѣлись на мѣстахъ
И судьи, и народъ честной,
Интересующійся мной,
И приготовился читать
Тотъ, чье призванье — обвинять;
Но живо вспомнилъ я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, въ классъ
И знаешь: сѣчь начнутъ сейчасъ!

Толпа затихла, начался
Докладъ — и длился два часа...

Я въ дѣлѣ собственномъ моёмъ,
Конечно, не судья; но въ томъ
Что̀ обвинитель мой читалъ,
Своей статьи я не узналъ.
Такъ пахарь былъ бы удивленъ,

Когда бы рожь посѣялъ онъ,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячмень колючій — и притомъ
На половину съ дурманомъ!
О, прокуроръ! ты не статью,
Ты душу вывернулъ мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внималъ, —
А ты такъ ясно доказалъ,
Что я законы нарушалъ!
Но гдѣ-жъ не грозенъ прокуроръ?..
Смягченный властію судей,
Не такъ былъ грозенъ приговоръ:
Безъ поэтическихъ затѣй,
Не на утесѣ вѣковомъ,
Гдѣ море пѣнится кругомъ
И бьется жадною волной
О стѣны башни крѣпостной, —
На гауптвахтѣ городской,
Подъ вѣчнымъ смрадомъ тютюна,
Я мѣсяцъ высидѣлъ сполна...
Тамъ было сыро; по угламъ
Бѣлѣла плѣсень; по стѣнамъ
Клопы гуляли; въ щели рамъ
Дулъ вѣтеръ, порошилъ снѣжокъ.
Сиди-посиживай, дружокъ!
Я спать здоровъ, но сонъ былъ плохъ,
По милости проклятыхъ блохъ.
Другая, горшая бѣда:
Въ мой скромный уголъ иногда
Являлся гость: дебошъ ночной

Свершивъ, гвардейскій офицеръ,
Любезный, статный, молодой
И либеральный выше мѣръ,
День-два бесѣдовалъ со мной.
Уйдетъ одинъ, другой придетъ
И тѣ же басенки плететъ...

Блоха — безсонница — тютюнъ —
Усатый офицеръ-болтунъ —
Тютюнъ — безсонница — блоха,—
Все это мелочь, чепуха!
Но вѣришь ли, читатель мой!
Такъ иногда съ блохами бой
Былъ тошенъ, смрадомъ тютюна
Такъ жизнь была отравлена,
Такъ больно клопъ меня кусалъ,
И такъ жестоко донималъ
Что день, то новый либералъ,
Что я закаялся писать...
Богъ вѣсть, увидимся-ль опять!..

ЭПИЛОГЪ.

Зимой поэтъ молчалъ упорно,
Зимой писать охоты нѣтъ;
Но вотъ дохнула благотворно
Весна — не выдержалъ поэтъ!
Вновь пишетъ онъ, призванью вѣренъ.
Пиши, но будь благонамѣренъ!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или въ часть!

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПОСВЯЩЕННЫЯ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

1

ДЯДЮШКА ЯКОВЪ.

Домъ — не телѣжка у дядюшки Якова.
Господи Боже! чего-то въ ней нѣтъ!
Сѣденькій самъ, а лошадка каракова;
Вмѣстѣ обоимъ сто лѣтъ.
Ѣздитъ старикъ, продаетъ понемногу,
Рады ему, да и онъ-то того:
Выпито вѣчно и сытъ, слава Богу.
Пусто въ деревнѣ — ему ничего,—
Знаетъ, гдѣ люди: и куплю, и мѣну
На полосахъ поведетъ старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрѣну,
Онъ тебѣ все, что полюбится — на!—
Богъ, видно, далъ ему добрую душу.
Ѣздитъ — кричитъ то-и-знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грошъ два ко́ма!
Дѣвкамъ утѣхи —
Рожки, орѣхи!
Эй! малолѣтки!
Пряники рѣдки,

Всякія штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любы,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— «Стой, старина!» Старика обступили
Парней, и дѣвокъ, и дѣтушекъ тьма.
Всѣ намѣняли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смѣхъ на какого-то Кузю печальнаго:
Держитъ коня передъ носомъ сусальнаго;
Конь заглядѣнье, и лакомъ кусокъ...
Гдѣ тебѣ вытерпѣть? Ѣшь, паренёкъ!
Жалко дѣвочку сиротку Ѳеклушу:
Всѣ-то жуютъ, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!»

«У дядюшки у Якова
Про бабъ товару всякаго.
Ситцу хорошаго —
Нарядно, дешево!
Эй! молодицы!
Красны дѣвицы,
Тётушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Все — чего надо!..»

Зубы у дѣвокъ, у бабъ разгорѣлись.
Ленъ и полотна, и пряжу несутъ.
«Стойте! не вдругъ! бѣлены вы объѣлись?
Тише! поспѣете!..» Такъ вотъ и рвутъ!
Зорокъ торгашъ, а то просто бѣда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчатъ, ласкаются, только держись!
«Цвѣтъ ты нашъ маковъ,
Дядюшка Яковъ,
Не дорожись!»
— Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь, — прощай!

«По грушу! по грушу!
Купи, смѣняй!»

«У дядюшки у Якова
Хватитъ про всякаго.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчикъ-сударикъ,
Купи букварикъ!
Отцы почтенны!
Книжки не цѣнны:
По гривнѣ штука —
Дѣткамъ наука!
Для ребятишекъ
Тимошекъ, Гришекъ,
Гаврюшекъ, Ванекъ...
Букварь не пряникъ,
А почитай-ка,
Языкъ прикусишь...
Букварь не сайка,

А какъ раскусишь,—
Слаще орѣха:
Пятокъ — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утѣха!
Уменъ съ нимъ будешь,
Денегъ добудешь...
По букварп!
По букварп!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили —
«Будетъ вамъ пряниковъ; нате-ка вамъ!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да разсудилось ужъ такъ старикамъ.
Книжки съ картинками, писаны чётко —
То-то дойти бы, что̀ писано тутъ!
Молча крѣпилась Ѳеклуша сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ,
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинкп,
Такъ на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, далъ ей букварь старина:
«Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!»
Экой старикъ! видно добрую душу!
Будь же ты счастливъ! Торгуй, наживай!

«По грушу, по грушу!
Купи, смѣняй!»

2.

ПЧЕЛЫ.

На̀-т-ко медку, съ караваемъ покушай,
Притчу про пчёлокъ послушай!

Ныньче не въ мѣру вода разлилась,
Думали, просто идетъ наводненіе,
Только и сухо, что наше селеніе
По огороды, гдѣ ульи у насъ.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видитъ и лѣсъ, и луга вдалекѣ,
Ну — и летитъ, — ничего, налегкѣ!
А какъ назадъ полетитъ нагруженная,
Силъ не хватаетъ у милой. — Бѣда!
Пчелами вся запестрѣла вода.
Тонутъ работницы, тонутъ сердечныя!
Горю помочь мы не чаяли, грѣшные,
Не догадаться самимъ бы во вѣкъ!
Да нанесло человѣка хорошаго,
Подъ Благовѣщенье, помнишь, прохожаго?
Онъ надоумилъ, Христовъ человѣкъ!

Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили.
Я при прохожемъ тужилъ-тосковалъ;
«Вы бы имъ до суши вѣхи поставили»,
Это онъ слово сказалъ!

Вѣришь: чуть первую вѣху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,

Поняли пчелки сноровку мудреную:
Такъ и валятъ, и валятъ отдыхать!
Какъ богомолки у церкви на лавочкѣ,
Сѣли — спятъ.—

На бугрѣ-то ни травочки,
Ну, а въ лѣсу и въ поляхъ — благодать:
Пчелкамъ не страшно туда залетать!
Все отъ единаго слова хорошаго!
Кушай на здравіе, будемъ съ медкомъ.
Благослови Богъ прохожаго!

Кончилъ мужикъ, осѣнился крестомъ;
Медъ съ караваемъ парнишка докушалъ,
Тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ,
И за прохожаго низкій поклонъ
Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

3.

ГЕНЕРАЛЪ ТОПТЫГИНЪ.

Дѣло подъ вечеръ, зимой,
И морозецъ знатный.
По дорогѣ столбовой
Ѣдетъ парень молодой
Ямщичекъ обратный;
Не спѣшитъ, труситъ слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняетъ ямщичекъ
Вожака съ медвѣдемъ.

«Посади насъ, паренекъ,
Веселѣй доѣдемъ!»
— «Что̀ ты, съ Мишкой? — «Ничего!
Онъ у насъ смиренный,
Лишній шкаликъ за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадилъ
Бородачъ медвѣдя,
Сѣлъ и самъ — и потрусилъ
Полегоньку Ѳедя...
Видитъ Трифонъ кабачекъ,
Приглашаетъ Ѳедю.
«Подожди ты насъ часокъ!»
Говоритъ медвѣдю.
И пошли. Медвѣдь смиренъ,
Видно, старъ годами,
Только лапу лижетъ онъ,
Да звенитъ цѣпями...

Часъ проходитъ; нѣтъ ребятъ,
То-то выпьютъ лихо!
Но привычныя стоятъ
Лошаденки тихо.

Свечерѣло. Дрожь въ коняхъ,
Стужа злѣе на ночь!
Заворочался въ саняхъ
Михайло Иванычъ;
Кони дернули; стряслась
Тутъ бѣда большая —
Рявкнулъ Мишка! — понеслась
Тройка, какъ шальная!

Колокольчикъ услыхалъ,
Выбѣжалъ Ѳедюха,
Да напрасно — не догналъ!
Экая поруха!

Быстро, бѣшено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабѣ всякій разъ
Звѣрь рычалъ ретиво;
Только стонъ кругомъ стоялъ:
«Очищай дорогу!
Самъ Топтыгинъ генералъ
Ѣдетъ на берлогу!»
Вздрогнетъ встрѣчный мужичекъ,
Жутко станетъ бабѣ,
Какъ мохнатый сѣдочекъ
Рявкнетъ на ухабѣ.
А конямъ подавно страхъ —
Не передохнули!
Верстъ пятнадцать во весь махъ,
Бѣдные, отдули!

Прямо къ станціи летитъ
Тройка удалая;
Проѣзжающій сидитъ,
Головой мотая:
Ладитъ вывернуть кольцо.
Вотъ, и стала тройка;
Самъ смотритель на крыльцо
Выбѣгаетъ бойко.
Видитъ — ноги въ сапогахъ
И медвѣжья шуба,
Не замѣтилъ въ попыхахъ,

Что съ желѣзомъ губа,
Не подумалъ: гдѣ ямщикъ
Отъ коней гуляетъ!
Видитъ — баринъ-материкъ,
«Генералъ» — смекаетъ,
Поспѣшилъ фуражку снять:
«Здравія желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочетъ барину помочь
Юркій старичишка;
Тутъ во всю медвѣжью мочь
Заревѣлъ нашъ Мишка!
И смотритель отскочилъ:
«Господи помилуй!
Сорокъ лѣтъ я прослужилъ
Вѣрой, правдой, силой;
Много видѣлъ на тракту
Генераловъ строгихъ,
Нѣтъ ребра, зубовъ во рту
Не хватаетъ многихъ,
А такого не видалъ,—
Господи Іисусе! —
Небывалый генералъ,
Видно, въ новомъ вкусѣ!..»

Прибѣжали ямщики,
Подивились тоже;
Видятъ — дѣло не съ руки,
Что̀-то тутъ не гоже!
Собрался честной народъ,
Все село въ тревогѣ:
«Генералъ въ саняхъ реветъ,

Какъ медвѣдь въ берлогѣ!»
Трусъ бѣжитъ, а кто смѣлѣй
Тѣ — потѣхи ради,
Жмутся около саней,
А смотритель сзади.
Струсилъ, издали кричитъ:
«Въ избу не хотите-ль?»
Мишка вновь какъ зарычитъ..
Убѣжалъ смотритель!
Оробѣлъ и убѣжалъ
И со всею свитой...

Два часа въ саняхъ лежалъ
Генералъ сердитый.
Прибѣжали той порой
Ямщикъ и вожатый,
Вразумилъ народъ честной
Трифонъ бородатый
И Топтыгина прогналъ
Изъ саней дубиной...
А смотритель обругалъ
Ямщика скотиной...

ЭЙ, ИВАНЪ!

ТИПЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

Вотъ онъ весь, какъ намалеванъ,
Вѣрный твой Иванъ:
Не умытъ, угрюмъ, оплеванъ,
Вѣчно полупьянъ;

На желудкѣ мало пищи,
Чуть живой на взглядъ.
Не прикрыты, голенищи
Рыжія торчатъ;
Вѣчно теплая шапчонка
Вся въ пуху на немъ,
Туго стянутъ сюртученко
Узкимъ ремешкомъ;
Изъ кармана кончикъ трубки
Виденъ, да кисетъ,
Развѣ новенькіе зубки
Выйдутъ — старыхъ нѣтъ...

Родъ его тысячелѣтній
Не имѣлъ угла —
На запяткахъ и въ передней
Жизнь вѣками шла.
Ремесла Иванъ не знаетъ,
Дѣлай, что̀ даютъ:
Шьетъ, куетъ, варитъ, строгаетъ,
Не потрафилъ — бьютъ!
«Заживетъ!» Грубитъ, воруетъ,
Божится и врётъ,
И за рюмочку цѣлуетъ
Ручки у господъ.
Выпить можетъ сто стакановъ —
Только подноси...
Мало ли такихъ Ивановъ
На святой Руси?..

«Эй, Иванъ! иди-ка стряпать!
Эй, Иванъ! чеши собакъ!»

Удалось Ивану сцапать
Гдѣ-то четвертакъ,
Поминай теперь, какъ звали!
Шапку на бекрень —
И пропалъ! Напрасно ждали
Ваньку цѣлый день:
Гитаристъ и соблазнитель
Деревенскихъ дуръ
(Онъ же тайный похититель
Индюковъ и куръ),
У корчемника Игнатки
Пріютился плутъ;
Двѣ пригожія солдатки
Такъ къ нему и льнутъ.
«Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живѣй!»
Въ Ванькѣ пляшутъ всѣ суставы
Съ ногъ и до ушей,
Пляшутъ ноздри, пляшетъ въ ухѣ
Бѣлая серьга,
Ванька веселъ, Ванька въ духѣ —
Жизнь не дорога!

Утромъ съ бариномъ расправа:
«Гдѣ ты пропадалъ!»
— Я... нигдѣ-съ... ей-Богу... право,
У воротъ стоялъ! —
«Весь-то день?»... Отвѣты грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били въ зубы,
Нѣтъ — трещитъ скула.
— Виноватъ! порядкомъ струся,
Говоритъ Иванъ.

«Жарь къ обѣду съ кашей гуся,
Щи вари, болванъ!»

Ванька снова лямку тянетъ,
А потомъ опять
Чтò-нибудь у дворни стянетъ...
«Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало, не запретъ!»
Господа давно рѣшили,
Что души въ немъ нѣтъ.
Неизвѣстно — есть ли, нѣтъ ли,
Но съ нимъ случай были:
Чуть живого сняли съ петли,
Передъ тѣмъ грустилъ.
Господамъ конфузно было:
— Чтò съ тобой, Иванъ? —
«Такъ, подъ сердце подступило»,
И глядятъ: не пьянъ!
Говоритъ: «Вы потеряли
Вѣрнаго слугу;
Все равно — помру съ печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше съ глотки
Петли не снимать»...
Самъ помѣщикъ выслалъ водки
Скуку разогнать.
Пилъ дѣтина ерофеичъ,
Плакалъ да кричалъ:
«Хоть бы разъ Иванъ Мосеичъ
Кто меня назвалъ!»...

Какъ мертвецки накатили,—
Въ городъ тѣмъ же днемъ:

«Лишь бы лобъ ему забрили —
Вѣшайся потомъ».

Понадѣялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубаго на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своихъ господъ,
И совсѣмъ отъ рукъ отбился.
Безъ просыпу пьетъ.
Хоть бы въ каторгу урода —
Лишь бы съ рукъ долой!
Къ счастью, тутъ пришла свобода:
«Съ богомъ, милый мой!»

И, затерянный въ народѣ,
Вдругъ исчезъ Иванъ...
Какъ живешь ты на свободѣ?
Гдѣ ты?.. Эй, Иванъ!

СЪ РАБОТЫ.

Здравствуй, хозяюшка! Здравствуйте, дѣтки!
Выпить бы. Эки стоятъ холода!
«Инъ ты забылъ, что намедни послѣдки
Выпилъ съ десятникомъ?»

— Ну, не бѣда!
И безъ вина отогрѣюсь я, грѣшный.
Ты обряди-ка савраску, жена;

Поголодалъ онъ весною, сердечный,
Какъ подобрались сѣна̀.

— Экъ я умаялся!.. Что̀, обрядила?
Дай-ка горяченькихъ щецъ.
«Печи я ныньче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровецъ!»

— Ну, и безъ щей поснѣдаю я, грѣшный.
Ты овсеца бы савраскѣ дала,—
Въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердечный,
Пашни четыре тягла.

Трудно и ныньче намъ съ бревнами было,
Портится путь... Инъ и хлѣбушка нѣтъ?..
«Вышелъ, родной... У сосѣдей просила,
Завтра сулили чѣмъ свѣтъ!»

— Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный,
Кинь подъ савраску соломки, жена!
Въ зиму-то вывезъ онъ, вывезъ, сердечный,
Триста-четыре бревна...

МЕДВѢЖЬЯ ОХОТА.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДІИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Зимняя картина. Равнина, занесенная снѣгомъ, кое-гдѣ деревья, пни, кустарникъ, впереди сплошной лѣсъ. По направленію къ лѣсу, безъ дороги, кто на лыжахъ, кто на четвереньках, кто барахтаясь по поясъ въ снѣгу, тянется вереница загонщиковъ, человѣкъ сто: мужики, отставные солдаты, бабы, дѣвки, мальчики и дѣвочки. Каждый и каждая съ дубинкою, у нѣкоторыхъ мужиковъ ружья. За народомъ Савелій, окладчикъ, продавшій медвѣдя и распоряжающійся охотою. По дорогѣ, протаптываемой народомъ, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь Воехотскій, старикъ лѣтъ 65-ти, сановникъ; за нимъ баронъ фонъ-деръ-Гребенъ, нѣчто въ родѣ посланника, важная, надменная фигура, лѣтъ 50. Онъ изрѣдка переговаривается съ Воехотскимъ, но оба они болѣе заняты труднымъ процессомъ ходьбы. За ними Миша, полный, полнолицый господинъ, лѣтъ 45-ти, дѣйствительный статскій совѣтникъ; служилъ, здоровъ до избытка, шутникъ и хохотунъ; рядомъ съ нимъ Пальцовъ, господинъ лѣтъ 50-ти, не служилъ и не служитъ. Они горячо разговариваютъ.

Миша и Пальцовъ продолжаютъ прежде начатый разговоръ.

ПАЛЬЦОВЪ.

Что ты ни говори, претитъ душѣ моей
Тотъ кругъ, гдѣ мы съ тобою бродимъ;
Двухъ-трехъ порядочныхъ людей
На сотню франтовъ въ немъ находимъ.
А что такое русскій франтъ?
Все совершенствуется въ свѣтѣ,
А у него единственный талантъ,
Единственный прогрессъ — въ жилетѣ.
Вино, рысакъ, лоретка — тутъ онъ весь
И съ внутреннимъ, и съ внѣшнимъ міромъ.
Его тщеславіе вращается до днесь

Между конюшней и трактиромъ.
Программа жалкая его —
Не дѣлать ровно ничего.
Считая глупостью и ложью
Все, кромѣ свѣтской суеты,
Гнушаться чернью, быть на «ты»
Со всею именитой молодежью;
За недостаткомъ гордости въ душѣ,
Являть ее въ своей осанкѣ;
Дрожать для дѣла на грошѣ
И тысячи бросать какой-нибудь цыганкѣ;
Знать наизусть Еленъ и Клеопатръ,
Наѣхавшихъ изъ Франціи въ Россію,
Ходить въ Михайловскій театръ
И презирать — *Александрію.*
Французскимъ jeunes premiers въ манерахъ подражать,
Искусно на конькахъ кататься,
На скачкахъ призы получать
И каждый вечеръ напиваться
Въ трактирахъ и въ другихъ домахъ,
Съ отличной стороны извѣстныхъ,
Или въ милютиныхъ рядахъ,
За лавками, въ конурахъ тѣсныхъ,
Гдѣ царствуетъ обычай вѣковой:
Не мыть половъ, салфетокъ, стклянокъ,
Куда влекутъ они съ собой
И чопорныхъ, брезгливыхъ парижанокъ,
Чтобы въ разгарѣ кутежа,
Въ угоду пристающимъ съ-пьяна,
Ѣсть устрицы съ желѣзнаго ножа
И пить вино изъ грязнаго стакана!

Въ одномъ прогрессъ являетъ онъ —
Нашъ милый франтъ — что все мельчаетъ,
Лѣтъ въ двадцать волосы теряетъ,
Тщедушенъ, ростомъ умаленъ
И слабосиліемъ наказанъ.
Стаканомъ можно каждаго споить
И каждаго не трудно удавить
На узкой ленточкѣ, которой онъ повязанъ?

МИША.

Ты мѣтко франтовъ очертилъ.

ПАЛЬЦОВЪ.

Одно я только позабылъ,
Коснувшись этой тли снаружи:
Что эти полумертвецы,
Развратомъ юности ослабленныя души,
Невѣжды, если не глупцы,
Современемъ родному краю
Готовятся...

МИША.

Я понимаю.
Но не одних же пустомель
Встрѣчаемъ мы и въ свѣтскомъ мірѣ:
Есть люди — ихъ понятья шире,
Доступна имъ живая цѣль.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знанія, умы,
Съ великорусской Костромы
До полурусской Ниццы,
Соедини-ка ихъ въ одно
Разумнымъ, обще-русскимъ дѣломъ...

ПАЛЬЦОВЪ.

Соединить ихъ — мудрено!
Занесся ты, въ порывѣ смѣломъ,
Богъ вѣсть куда, любезный другъ!
Вернись-ка къ фактамъ!

МИША.

Факты трудны!
Не говорю, чтобъ были скудны,
Но не припомнишь вдругъ!
Я самъ не слишкомъ обольщаюсь,
Не ждалъ я и не жду чудесъ,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что съ мели сдвинулъ насъ прогрессъ.
Вотъ, напримѣръ: давно не очень
Жизнь на Руси груба была
И, какъ подъ музыку, текла
Подъ градъ ругательствъ и пощечинъ:
Тотъ звукъ, какъ древней драмѣ хоръ,
Необходимъ былъ жизни нашей.
Ну, а теперь — гуманный споръ,
Игривый спичъ за полной чашей!

ПАЛЬЦОВЪ.

Вотъ чудо!

МИША.

Чуда, другъ мой, нѣтъ,
Но все же выигрышъ въ итогѣ.
Засѣвши на большой дорогѣ
Съ дворовой челядью, мой дѣдъ
Былъ, говорятъ, грозою краю;
А я — его любезный внукъ —

Я другъ народа, другъ наукъ,
Я въ комитетахъ засѣдаю,

ПАЛЬЦОВЪ.

Ты шутишь?

МИША.

Нѣтъ, я не шучу!
Я этой рѣзкостью сравненья
Одно сказать тебѣ хочу:
«Держись на русской точкѣ зрѣнья» —
И ты утѣшишься, другъ мой!
Не слишкомъ длинное пространство
Насъ раздѣляетъ съ стариной,
Но ужъ теперь не то дворянство,
Въ литературѣ духъ иной,
Администраторы иные...

ПАЛЬЦОВЪ.

Да! люди тонко развитые!
О нихъ судить не нашему уму,
Довольно съ насъ благоговѣть, гордиться,
Ты эпитафію читалъ ли одному?
По-моему, десяткамъ пригодится:
«Систему полумѣръ принявъ за идеалъ,
«Ни прогрессистъ, ни консерваторъ,
«Добро ты портилъ, зла не улучшалъ,
«Но честный былъ администраторъ...»
Въ администрацію попасть — большая честь;
Но будь талантъ — пути открыты,
И надобно признаться: все въ ней есть,
Есть даже, кажется, спириты.

МИША.

Давно ли чуждо было намъ
Все, кромѣ личнаго разсчета?
Теперь къ общественнымъ дѣламъ
Явилась рьяная забота!

ПАЛЬЦОВЪ — *смѣется.*

Съ тѣхъ поръ, какъ родину прогрессъ
Поставилъ въ новыя условья,
О, Русь! вселился новый бѣсъ
Почти во всѣ твои сословья.
То бѣсъ «общественныхъ заботъ».
Кто имъ не одержимъ? Но — чудо!
Не много выигралъ народъ,
И легче нѣтъ ему покуда
Ни отъ чиновныхъ мудрецовъ,
Ни отъ фанатиковъ народныхъ,
Ни отъ начитанныхъ глупцовъ,
Лакеевъ мыслей благородныхъ!

МИША.

Ну! золъ ты сталъ, какъ погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевуломъ,
Ты и себя ругнулъ огуломъ.
А я, опять-таки, скажу:
Часть общества по мѣрѣ силъ развита;
Не сплошь мы пошлости рабы:
Есть признаки осмысленнаго быта,
Есть элементы для борьбы.
У насъ есть крѣпостникъ-плантаторъ,
Но есть и честный либералъ;

Есть заскорузлый консерваторъ,
А рядомъ — самъ ты замѣчалъ —
Великосвѣтскій радикалъ!

ПАЛЬЦОВЪ.

Двухъ словъ безъ горечи не бросить,
Безъ грусти ни на чемъ не остановитъ глазъ;
Онъ не идетъ, а, такъ-сказать, проноситъ
Себя, какъ контрабанду, среди насъ.
Шалитъ землевладѣлецъ крупный,
Морочитъ модной маской свѣтъ,
Иль точно тайной недоступной
Онъ полонъ — не великъ секретъ!

МИША.

И то ужъ хорошо, что времена пришли
Брать эти, не другія роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонятъ насъ, давно ли?..
Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленье...

ПАЛЬЦОВЪ — *съ гнѣвомъ.*

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнѣнье!
Его нельзя не презирать
Сильнѣй невѣжества, распутства, тунеядства;
На немъ предательства печать
У непонятнаго злорадства!
У русскаго особый взглядъ,
Преданьямъ рабства страшно вѣренъ:
Всегда побитый виноватъ,

А битымъ — счетъ потерянъ!
Какъ будто съ умысломъ силки
Мы разставляемъ мысли смѣлой;
Сперва — сторонниковъ полки,
Восторгъ почти Россіи цѣлой,
Потомъ — усталость; наконецъ,
Всѣ на-сторожѣ, всѣ въ тревогѣ,
И покидается боецъ
Почти одинъ на полдорогѣ...
Побѣда! мимо всѣхъ преградъ
Прошла и принялась идея:
Ура! кричимъ мы не робѣя,
И тотъ, кто радъ, и кто не радъ...
За то съ какимъ зловѣщимъ тактомъ
Мы неудачу сторожимъ!
Замѣтивъ облачко надъ фактомъ,
Какъ стушеваться мы спѣшимъ!
Какъ мы вертимъ хвостомъ лукаво,
Какъ мы уходимъ величаво
Въ скорлупку пошлости своей!
Какъ негодуемъ, какъ клевещемъ,
Какъ ретроградамъ рукоплещемъ,
Какъ выдаемъ своихъ друзей!
Какіе слышатся аккорды
Въ постыдной оргіи тогда!
Какія выдвинутся морды
На первый планъ! Гроза, бѣда!
Облава — въ полномъ смыслѣ слова!..
Свалились въ кучи — и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блеянье —
И жеребячье гоготанье —
А-ту его! а-ту его!...

Не такъ ли множество идей
Погибло, несомнѣнно важныхъ,
Помявъ порядочныхъ людей
И выдвинувъ людей продажныхъ?
Намъ все равно! Не дорожимъ
Мы шагомъ къ прочному успѣху.
Прогрессъ?.. его мы не хотимъ —
Намъ дай новинку, дай потѣху!
И вотъ, новинкѣ всякій радъ
День, два; всѣ полны грёзъ и вѣры;
А завтра съ радостью глядятъ
Какъ «рановременныя» мѣры
Теряютъ должные размѣры
И съ трескомъ пятятся назадъ!..

Народъ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелій, объяснивъ что-то князю Воехотскому, причемъ таинственно указывалъ по направленію къ лѣсу, подходитъ къ Пальцову и Мишѣ.

САВЕЛІЙ.

На нумера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здѣсь не годится.

МИША.

Что̀-жъ можно? Можно водку пить?

Хохочетъ и, наливая изъ фляжки, почтуетъ Пальцова и пьетъ самъ. Савелій, разставивъ охотниковъ по цѣпи, въ разстояніи шаговъ пятидесяти другъ отъ друга, раздѣляетъ народъ на двѣ половины; одна молча и съ предосторожностями отправляется по линіи круга направо, другая — налѣво.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Баронъ фонъ-деръ-Гребенъ и князь Воехотскій на № 5-мъ. Баронъ сидитъ на складномъ стулѣ; снѣгъ около него утоптанъ, подъ ногами коверъ. Близъ него прислонены къ дереву три штуцера со взведенными курками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сзади мужикъ-охотникъ съ рогатиной.

КН. ВОЕХОТСКІЙ — *подходя къ барону съ своего, сосѣдняго нумера.*

Теперь, баронъ, вы видѣли природу,
Вы видѣли народъ нашъ?

БАРОНЪ.

И не могъ
Не заключить, что этому народу
Пути къ развитью заградилъ самъ Богъ.

КН. ВОЕХОТСКІЙ.

Да! да! непобѣдимыя условья!
Но, къ счастію, народъ не выше ихъ:
Невѣжество, безчувственность воловья
Полезны при условіяхъ такихъ.

БАРОНЪ.

Когда природа отвѣчать не можетъ
Потребностямъ, которыя родитъ
Развитіе, — оно бѣды умножитъ
И только даромъ страсти распалитъ.

КН. ВОЕХОТСКІЙ.

Вы угадали мысль мою: нелѣпо
Въ такихъ условьяхъ просвѣщать народъ.

На почвѣ, гдѣ съ трудомъ родится рѣпа,
Съ развитіемъ бананъ не расцвѣтётъ.
Намъ не указъ Европа: тамъ избытокъ
Во всѣхъ дарахъ, по милости судебъ;
А здѣсь одинъ суровый черный хлѣбъ,
Да изъ него же гибельный напитокъ!
И средства нѣтъ прибавить что-нибудь.
Болота, мохъ, песокъ — куда ни взглянешь!
А здѣсь — вотъ, напримѣръ, зимой —
Какіе тутъ возможны улучшенья?..
Хоть лошадямъ убавьте-ка мученья,
Устройте экипажъ другой?
Здѣсь мужику, что вышелъ за ворота,
Кровавый трудъ, кровавая борьба:
За крошку хлѣба капля пота —
Вотъ въ двухъ словахъ его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый трудъ, неблагодарный бой
И отъ отчаянья разумно оградила
Невѣжества спасительной броней.
Его удѣлъ — безграмотство, безпутство,
Убожество и чувствомъ, и умомъ,
Его узда — налоги, трудъ, рекрутство,
Его утѣха — водка съ дурманомъ!

БАРОНЪ.

So, so...

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Пальцовъ и Миша на № 1-мъ. Къ Пальцову подходитъ съ своего нумера Миша.

МИША.

Еще не скоро выйдетъ звѣрь...
Покамѣстъ, приведемъ-ка въ ясность
То время, какъ слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь
Оскому, какъ незрѣлыми плодами,
Не слышались и въ шутку между нами.
Когда считался звѣремъ либералъ,
Когда слова: «общественное благо»
И произнесть нужна была отвага,
Которою никто не обладалъ!
Когда одни житейскія условья
Сближали насъ, а по-просту разсчетъ,
И лишь въ одномъ сливались всѣ сословья,
Что дружно налегали на народъ...

ПАЛЬЦОВЪ.

Великій вѣкъ, когда блисталъ
Среди безгласныхъ поколѣній
Администраторъ-генералъ
И откупщикъ — кабачный геній!

МИША.

Ты, думаю, охоту на двуногихъ
Засталъ еще въ ребячествѣ своемъ.
Слыхалъ ты вопли стариковъ убогихъ
И женщинъ, засѣкаемыхъ кнутомъ?

Я думаю, ты былъ не полугода
И не забылъ порядки тѣхъ временъ,
Когда въ отвѣтъ стенаніямъ народа,
Мысль русская стонала въ полу-тонъ?

ПАЛЬЦОВЪ.

Великій вѣкъ — великихъ мѣръ!
«Не разсуждать — повиноваться!»
Девизъ былъ общій; самъ Гомеръ
Не смѣлъ Омиромъ называться.

МИША.

Припомни, какъ въ то время золотое
Учили насъ? Раздолье-то какое!
Сынъ барина, чиновника, князька
Настолько норовилъ образоваться,
Чтобъ на чужія плечи забираться
Умѣть — а тамъ дорога широка!
Три фазиса дворянское развитье
Прекрасные являло намъ тогда:
Въ дни юности — кутежъ и стеклобитье,
Наука жизни — въ зрѣлые года
(Которую не въ школахъ европейскихъ —
Мы черпали въ гостиныхъ и лакейскихъ)
И, наконецъ, завѣтная мечта —
Почетныя, доходныя мѣста...

Припомнилъ ты то время золотое,
Котораго исчадье мы прямое,—
Припомнилъ? — ну, такъ полюбуйся имъ!

Какъ яблоню качаетъ проходящій,
Весь занятый минутой настоящей,

Желаніемъ однимъ руководимъ —
Набрать плодовъ и далѣ въ путь пуститься,
Не думая, что много ихъ свалится,
Которыхъ онъ не сможетъ захватить,
Которые напрасно будутъ гнить:
Такъ русское общественное древо,
Кто только могъ, направо и налѣво
Раскачивалъ, спѣша набить карманъ,
Не думая о томъ, что будетъ далѣ...
Мы всѣ тогда жирѣли, наживали,
Всѣ... кромѣ, разумѣется, крестьянъ...
Да въ сторонѣ стоялъ одинъ, печаленъ,
Тогдашній чистоплотный либералъ;
Онъ рукъ въ грязи житейской не маралъ,
Онъ для того былъ слишкомъ идеаленъ,
Но онъ за то не дѣлалъ ничего...

ПАЛЬЦОВЪ.

О комъ ты говоришь?

МИША.

Въ литературѣ
Описанъ онъ достаточно; его
Прозвали «лишнимъ». Честный по натурѣ,
Онъ былъ аристократъ, гуляка и лѣнтяй;
Избыточно снабженный всѣмъ житейскимъ,
Слѣдилъ онъ за движеньемъ европейскимъ...

ПАЛЬЦОВЪ.

Да это — я!

МИША.

Какъ хочешь — понимай!
Типъ былъ одинъ, оттѣнковъ было много.

Судили ихъ тогда довольно строго,
Но я недавно началъ понимать,
Что мы добромъ должны ихъ поминать...

Діалектикъ обаятельный,
Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ!
Помню я твой взоръ мечтательный,
Либералъ-идеалистъ!
Созерцающій, читающій,
Съ неотступною хандрой
По Европѣ разъѣзжающій,
Здѣсь и тамъ — всему чужой,
Для дѣйствительности скованный,
Верхоглядомъ жилъ ты, зря,
Ты бродилъ разочарованный,
Красоту боготворя;
Все съ погибшими созданьями
Да съ брошюрами возясь,
Наполняя умъ свой знаньями
Обходилъ ты жизни грязь;
Грозный дѣятель въ теоріи,
Безпощадный радикалъ,
Ты на улицѣ исторіи
Съ полицейскимъ избѣгалъ;
Злыхъ, надменныхъ, угнетающихъ
Лишь презрѣньемъ ты каралъ,
Не спасалъ ты утопающихъ,
Но и въ воду не толкалъ...
Ты, въ которомъ чуть не генія
Долго видѣли друзья,
Рыцарь добраго стремленія
И безпутнаго житья!
Хоть реальнаго усилія

Ты не сдѣлалъ никогда,
Чувству горькаго безсилія
Подчинившись навсегда —
Все же, чту тебя и нынѣ я;
Я люблю припоминать
На челѣ твоемъ унынія
Безпредѣльнаго печать:
Ты стоялъ передъ отчизною,
Честенъ мыслью, чердцемъ чистъ,
Воплощенной укоризною,
Либералъ-идеалистъ!

ПАЛЬЦОВЪ.

Куда-жъ дѣвались люди эти?

МИША.

Богъ вѣсть! Я не встрѣчаю ихъ.
Ихъ пѣсня спѣта — что̀ намъ въ нихъ?
Герои слова, а на дѣлѣ — дѣти!
Да! одного я встрѣтилъ: глупъ, рѣчистъ —
И старъ, какъ возвращенный декабристъ.
Въ нихъ вообще теперь не много толку.
Мудрѣйшіе достали втихомолку
Такого рода прочныя мѣста,
Гдѣ служба по возможности чиста,
И, средніе оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живутъ себѣ подъ старость, припѣвая;
За то теперь клеймитъ ихъ иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказалъ бы: не забудь,
Кто выдержалъ то время роковое,
Есть отъ чего тому и отдохнуть.

Богъ на̀ помочь! бросайся прямо въ пламя,
 И погибай...
Но, кто твое держалъ когда-то знамя,
 Тѣхъ не пятнай!
Не предали они — они устали
 Свой крестъ нести,
Покинулъ ихъ духъ Гнѣва и Печали
 На полпути...

Еще добромъ должны мы помянуть
 Тогдашнюю литературу!
У ней была задача: какъ нибудь
Намекомъ натолкнуть на честный путь
Къ развитію способную натуру...
Хорошая задача! Не забылъ,
Я думаю, ты истинныхъ свѣтилъ,
Отмѣтившихъ то время роковое:
Бѣлинскій жилъ тогда, Грановскій, Гоголь жилъ,
Еще найдется славныхъ двое, трое —
У нихъ тогда училось все живое...

Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадательной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ — и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
«Чернорабочій я — не бѣлоручка:»

Говаривалъ ты намъ — и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

Не даромъ ты, мужая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался перемѣнчивъ;
Но, предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями былъ ты кротокъ и застѣнчивъ.

Не думалъ ты, что стòишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ, не угасая,
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя —

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя —

То недовольство, что душѣ живой
Не дастъ возстать противу новой силы
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говоритъ: «пора въ могилы!»

Грановскаго я тоже близко зналъ —
Я слушалъ лекціи его три года.
Великій умъ! счастливая природа!
Но говорилъ онъ лучше, чѣмъ писалъ.

Оно и хорошо — писать не время было:
Почти-что ничего тогда не приходило!
 Бывали случаи: весь вѣкъ
 Считался умнымъ человѣкъ,
 А въ книгѣ глупымъ очутился:
 Пропалъ и умъ, и слогъ, и жаръ,
Какъ будто съ бѣднымъ приключился
 Апоплексическій ударъ!

Когда же въ книгахъ будемъ мы блистать
Всей русской мыслью, рѣчью, даромъ,
А не заиками хромыми выступать
Съ апоплексическимъ ударомъ?..

Передъ рядами многихъ поколѣній
Прошелъ твой свѣтлый образъ: чистыхъ впечатлѣній
И добрыхъ знаній много сѣялъ ты
Другъ Истины, Добра и Красоты!
Пытливъ ты былъ; искусство и природа,
Наука, жизнь — ты все познать желалъ,
И въ новомъ творчествѣ ты силы почерпалъ,
И въ геніи угасшаго народа...
И всѣмъ дѣлиться съ нами ты хотѣлъ!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умѣлъ
И брата узнавалъ въ рабѣ иноплеменномъ,
Отъ насъ вѣками отдаленномъ!
Готовилъ родинѣ ты честныхъ сыновей,
Провидя лучъ зари за непроглядной далью.
Какъ ты любилъ ее! Какъ ты скорбѣлъ о ней!
Какъ рано умеръ ты, терзаемый печалью!

Когда надъ бѣдной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрѣлъ недугъ, посѣянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановскій умеръ... кто не издѣвался
Надъ «безпредметною» тоской?
Но глупый смѣхъ къ чему не придирался!
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроеніе такое...
Надъ чѣмъ смѣяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство силятся какое!
Поверхностной ироніи печать
Мы очень часто налагаемъ
На то, что̀ должно уважать,
За то — достойное презрѣнья уважаемъ!
Намъ юноша, стремящійся къ добру,
Смѣшонъ восторженностью странной;
А зрѣлый мужъ, поверженный въ хандру,
Смѣшонъ тоскою постоянной;
Не понимаемъ мы глубокихъ мукъ,
Которыми болитъ душа иная,
Внимая въ жизни вѣчно-ложный звукъ
И въ праздности невольной изнывая,
Не понимаемъ мы — и гдѣ же намъ понять? —
Что бѣлый свѣтъ кончается не нами,
Что можно личнымъ горемъ не страдать
И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозящая бѣдой,
Нависшая надъ жизнію народной,
Слѣдъ оставляетъ роковой
Въ душѣ живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшій ихъ во времена крутыя!
Мудреными путями Богъ ведетъ
Тебя, многострадальная Россія!
Попробуй, усомнись въ твоихъ богатыряхъ
Доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье два-три человѣка?

Какъ ты меня, однако-жъ, взволновалъ!
Не шуточное вышло изліянье:
Я лучшій перлъ со дна души досталъ,
Чистѣйшее мое воспоминанье!
Мнѣ стало грустно... Надо попадать,
По мѣрѣ силъ, опять на тонъ шутливый...
. .

Въ лѣсу раздается сигнальный выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ крики, трещотки, хлопушки. Охотники поспѣшно расходятся на свои нумера и становятся насторожѣ, со взведенными штуцерами...

Весна 1867 года.
Парижъ и Флоренція.

ПѢСНЯ О ТРУДѢ

изъ «Медвѣжьей охоты».

Кто хочетъ сдѣлаться глупцомъ,
Тому мы предлагаемъ:
Пускай пренебрежетъ трудомъ
И жить начнетъ лѣнтяемъ.

Хоть Геркулесомъ будь рожденъ
И умственнымъ атлетомъ,
Все-жъ будетъ слабъ, какъ тряпка, онъ
И жалкій трусъ при этомъ.

Нѣтъ въ жизни праздника тому,
Кто не трудится въ будень;
Пока есть лишній медъ въ дому,
Терпимъ пчелами трутень;

Когда-жъ общественной нужды
Придетъ крутое время,
Лѣнтяй, негодный никуды!
Ты всѣмъ двойное бремя.

Когда придутъ зараза, моръ,
Ты первый кайся Богу,
Запрешь ворота на запоръ,
Но смерть найдетъ дорогу!..

Кому бросаются въ глаза
Въ трудѣ однѣ мозоли,
Тотъ глупъ, не смыслитъ ни аза!
Страдаетъ праздность болѣ.

Когда придетъ упадокъ силъ,
Хандра приступитъ злая —
Вѣрь, не единый пёсъ не вылъ
Тоскливѣе лѣнтяя!

Итакъ — о славѣ не мечтай,
Не будь на деньги падокъ,
Трудись по силамъ и желай,
Чтобъ трудъ былъ вѣчно сладокъ.

Чтобъ испустить послѣдній вздохъ
Не въ праздности, — въ работѣ,
Какъ старый пёсъ мой, что издохъ
Надъ гаршнепомъ въ болотѣ!..

ПѢСНЯ.

изъ «Медвѣжьей охоты».

Отпусти меня, родная,
Отпусти, не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.

Не рыбацкій парусъ малый —
Корабли мнѣ снятся.
Скучно! въ этой жизни вялой
Дни такъ долго длятся.

Здѣсь, какъ въ клѣткѣ, заперта я,
Сонъ кругомъ глубокій...
Отпусти меня, родная
На просторъ широкій,

Гдѣ сама ты грудью бѣлой
Волны разсѣкала,
Гдѣ тебя я гордой, смѣлой,
Счастливой видала.

Ты не съ пѣснею побѣдной
Къ берегу пристала,
Но хоть часъ изъ жизни бѣдной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь отъ горя,
Не жалѣй ты дочку!
Коли выростетъ у моря —
Не спастись цвѣточку,

Все равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянетъ,
Разыграется ненастье,
Вѣтеръ съ моря встанетъ,

Въ день одинъ песку нагонитъ
На прибрежный цвѣтикъ
И на вѣки похоронитъ!..
Отпусти, мой свѣтикъ!..

ЕЩЕ ТРОЙКА.

1.

Ямщикъ лихой, лихая тройка
И колокольчикъ подъ дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телѣгу мчатъ. Въ телѣгѣ той
Сидитъ съ осанкою побѣдной
Жандармъ съ усищами въ аршинъ,
И рядомъ съ нимъ какой-то блѣдный
Лѣтъ въ девятнадцать господинъ.
Всѣ кони взмылены съ натуги,
Весь адъ осенней русской вьюги
На встрѣчу; не видать небесъ,
Нигдѣ жилья не попадаетъ,

Все лѣсъ кругомъ, угрюмый лѣсъ...
Куда же тройка поспѣшаетъ?
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

2.

Какое ты свершилъ дѣянье,
Кто ты, преступникъ молодой?
Быть можетъ, ты имѣлъ свиданье
Въ глухую ночь съ чужой женой?
Но подстерегъ супругъ ревнивый
И длань занесъ — и оскорбилъ,
А ты, безумецъ горделивый,
Его на мѣстѣ положилъ?
Отвѣта нѣтъ. Бушуетъ вьюга;
Завидѣвъ кабачокъ, какъ друга,
Жандармъ командуетъ: стоять!
Девятый шкаликъ выпиваетъ...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремитъ, звенитъ — и улетаетъ,
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

3.

Иль погубилъ тебя презрѣнный,
Но соблазнительный металлъ?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкалъ,
И въ домѣ, издавна знакомомъ,
Когда всѣ погрузились въ сонъ,
Ты совершилъ грабежъ со взломомъ
И пойманъ былъ, и уличенъ?
Отвѣта нѣтъ. Бушуетъ вьюга,
Обнявъ преступника, какъ друга,

Жандармъ напившійся храпитъ;
Ямщикъ то свищетъ, то зѣваетъ,
Поетъ... А тройка все гремитъ,
Гремитъ, звенитъ — и улетаетъ,
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

4.

Иль, можетъ быть, ночнымъ артистомъ
Ты не былъ, другъ? и просто мы
Теперь столкнулись съ нигилистомъ,
Симъ кровожаднымъ чадомъ тьмы?
Какое-жъ адское коварство
Ты помышлялъ осуществить?
Разрушить думалъ государство,
Или инспектора побить?
Отвѣта нѣтъ. Бушуетъ вьюга;
Вся тройка въ сторону съ испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутомъ
Ямщикъ по всѣмъ по тремъ стегаетъ;
Телѣга скрылась за холмомъ,
Мелькнула вновь — и улетаетъ,
Куда Макаръ телятъ гоняетъ!..

МАТЬ.

Она была исполнена печали,
И между тѣмъ, какъ шумны и рѣзвы
Три отрока вокругъ нея играли,
Ея уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачѣмъ родились вы?

Пойдете вы дорогою прямою
И вамъ судьбы своей не избѣжать»!
Не омрачай веселья ихъ тоскою,
Не плачь надъ ними мученица-мать!
Но говори имъ съ молодости ранней:
Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе — терноваго вѣнка...

* * *

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ!

Безпощадная пошлость ни тѣни
Положить не успѣла на немъ,
Становись передъ нимъ на колѣни,
Украшай его кудри вѣнкомъ!
Передъ нимъ преклониться не стыдно:
Вспомни, сколькіе пали въ борьбѣ,
Сколько разъ уже было тебѣ
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Подъ холодною крышкою гроба,
На нее не наложатъ пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой братъ
Не былъ гордою волей богатъ;
Но, ты знаешь, кто ближняго любитъ
Больше собственной славы своей,
Тотъ и славу сознательно губитъ,

Если жертва спасаетъ людей.
Но у жизни есть мрачныя силы —
У кого не слабѣли шаги
Передъ дверью тюрьмы и могилы?

Русскій геній издавна вѣнчаетъ
Тѣхъ, которые мало живутъ,
О которыхъ народъ замѣчаетъ:
«У счастливаго недруги мрутъ,
У несчастнаго другъ умираетъ...»

* * *

Изъ Гейне.

Душно! безъ счастья и воли
Ночь безконечно длинна.
Буря бы грянула, что̀ ли?
Чаша съ краями полна!

Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!..

ДОМА — ЛУЧШЕ.

Въ Европѣ удобно, но родины ласки
Ни съ чѣмъ несравнимы. Вернувшись домой,
Въ телѣгу спѣшу пересѣсть изъ коляски.
И маршъ на охоту! Денёкъ не дурной,

Подъ солнцемъ осеннимъ родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О, матушка Русь! ты привѣтствуешь сына
Такъ нѣжно, что кругомъ идетъ голова!

Твои мужики на меня выгоняли
Звѣрей изъ лѣсовъ цѣлый день,
А ночью возвратный мой путь освѣщали
Пожары твоихъ деревень.

*
* *

Наконецъ, не горитъ уже лѣсъ,
Снѣгъ прикрылъ почернѣлые пенья,
Но помѣщикъ душой не воскресъ,
Потерявъ половину имѣнья.

Пріунылъ и мужикъ. — Чѣмъ я буду топить?
Говоритъ онъ, лицо свое хмуря:
«Ты не будешь топить — будешь пить»,
Завываетъ въ отвѣтъ ему буря...

ДѢДУШКА.

I.

Разъ у отца въ кабинетѣ
Саша портретъ увидалъ:
Изображенъ на портретѣ
Былъ молодой генералъ.
«Кто это?» спрашивалъ Саша,
«Кто?» — Это дѣдушка твой —

И отвернулся папаша,
Низко поникъ головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова въ отвѣтъ.
Внукъ, передъ дѣдушкой стоя,
Зорко глядитъ на портретъ:
«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умеръ онъ... живъ? говори!»
— Выростешь, Саша, узнаешь.
«То-то... ты скажешь, смотри!..»

II.

«Дѣдушку знаешь, мамаша?»
Матери сынъ говоритъ.
«Знаю» — и за руку Саша
Маму къ портрету тащитъ.
Мама идетъ противъ воли...
«Ты мнѣ скажи про него,
Мама! недобрый онъ, чтò ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сдѣлай
Милость, скажи что-нибудь!»
— Нѣтъ, онъ и добрый, и смѣлый,
Только несчастный. — На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхаетъ, дрожитъ —
И зарыдала... А Саша
Зорко на дѣда глядитъ.
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать?»
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдемъ-ка гулять...

III.

Въ домѣ тревога большая,
Счастливы, свѣтлы лицомъ,
Заново домъ убирая,
Шепчутся мама съ отцомъ.
Какъ весела ихъ бесѣда!
Сынъ подмѣчаетъ, молчитъ.
— Скоро увидишь ты дѣда!
Сашѣ отецъ говоритъ...
Дѣдушкой только и бредитъ
Саша,— не можетъ уснуть:
«Что же онъ долго не ѣдетъ?»
— Другъ мой! Далекъ ему путь!
Саша тоскливо вздыхаетъ,
Думаетъ: «Что̀ за отвѣтъ!»
Вотъ, наконецъ, пріѣзжаетъ
Этотъ таинственный дѣдъ.

IV.

Всѣ, ужъ давно поджидая,
Встрѣтили стараго вдругъ...
Благословилъ онъ, рыдая,
Домъ, и семейство, и слугъ,
Пыль отряхнулъ у порога,
Съ шеи торжественно снялъ
Образъ распятаго Бога
И, покрестившись, сказалъ:
«Днесь я со всѣмъ примирился,
Что потерпѣлъ на вѣку!..»
Сынъ предъ отцомъ преклонился,

Ноги омылъ старику;
Бѣлыя кудри чесала
Дѣдушкѣ Сашина мать,
Гладила ихъ, цѣловала,
Сашу звала цѣловать!
Правой рукою мамашу
Дѣдъ обхватилъ, а другой
Гладилъ румянаго Сашу:
— Экой красавчикъ какой!
Дѣдушку пристальнымъ взглядомъ
Саша разсматривалъ, — вдругъ
Слезы у мальчика градомъ
Хлынули, къ дѣдушкѣ внукъ
Кинулся: «Дѣдушка! гдѣ ты
Жилъ-пропадалъ столько лѣтъ?
Гдѣ же твои эполеты,
Что̀ не въ мундиръ ты одѣтъ?
Что́ на ногѣ ты скрываешь?
Ранена, что̀ ли рука?..»
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцѣлуй старика!..

V.

Повеселѣлъ, оживился,
Радостью дышетъ весь домъ.
Съ дѣдушкой Саша сдружился,
Вѣчно гуляютъ вдвоёмъ;
Ходятъ лугами, лѣсами,
Рвутъ васильки среди нивъ.
Дѣдушка древенъ годами,
Но еще бодръ и красивъ;
Зубы у дѣдушки цѣлы,

Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и бѣлы,
Какъ серебро борода;
Строенъ, высокаго роста,
Но какъ младенецъ глядитъ,
Какъ-то апостольски-просто,
Ровно всегда говоритъ...

VI.

Выйдутъ на берегъ покатый
Къ русской великой рѣкѣ —
Свищетъ куликъ вороватый,
Тысячи лапъ на пескѣ;
Барку ведутъ бичевою,
Чу, бурлаковъ голоса!
Ровная гладь за рѣкою —
Нивы, покосы, лѣса.
Легкой прохладою дуетъ
Съ медленныхъ, дремлющихъ водъ...
Дѣдушка землю цѣлуетъ,
Плачетъ — и тихо поетъ...
«Дѣдушка! что̀ ты роняешь
Крупныя слезы, какъ градъ?..»
— Выростешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я радъ...

VII.

— Радъ я, что вижу картину,
Милую съ дѣтства глазамъ.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее самъ!

Двѣ-три усадьбы дворянскихъ,
Какъ на ладони на ней!
У лѣсу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Пѣсенка гдѣ-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропотъ: «подайте же руку
Бѣднымъ крестьянамъ скорѣй!»
Тысячелѣтнюю муку,
Саша, ты слышишь ли въ ней?..
Надо, чтобъ были здоровы
Овцы и лошади ихъ,
Надо, чтобъ были коровы
Толще московскихъ купчихъ, —
Будетъ и въ пѣснѣ отрада,
Вмѣсто унынья и мукъ.
Надо ли? — «Дѣдушка, надо!»
— То-то! попомни же, внукъ!..

VIII.

Озими пышному всходу,
Каждому цвѣтику радъ,
Дѣдушка хвалитъ природу,
Гладитъ крестьянскихъ ребятъ.
Первое дѣло у дѣда
Потолковать съ мужикомъ.
Тянется долго бесѣда,
Дѣдушка скажетъ потомъ:
«Скоро вамъ будетъ не трудно,
Будете вольный народъ!»
И улыбнется такъ чудно,
Радостью весь расцвѣтетъ.

Радость его раздѣляя,
Прыгало сердце у всѣхъ.
То-то улыбка святая!
То-то плѣнительный смѣхъ!

IX.

— Скоро дадутъ имъ свободу,
Внуку старикъ замѣчалъ:
— Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видалъ:
Горсточку русскихъ сослали
Въ страшную глушь, за расколъ;
Волю да землю имъ дали;
Годъ незамѣтно прошелъ —
Ѣдутъ туда комиссары,
Глядь — ужъ деревня стоитъ,
Риги, сараи, амбары!
Въ кузницѣ молотъ стучитъ,
Мельницу выстроятъ скоро,
Ужъ запаслись мужики
Звѣремъ изъ темнаго бора,
Рыбой изъ вольной рѣки.
Вновь черезъ годъ побывали,—
Новое чудо нашли:
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричатъ, поросята
Тычутъ въ корыто носы...

X.

Такъ постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ —
Воля и трудъ человѣка
Дивныя дивы творятъ!
Все принялось, раздобрѣло!
Сколько тамъ, Саша, свиней,
Передъ селеніемъ бѣло
На полверсты отъ гусей,
Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копѣйка!
Бабу тамъ холитъ мужикъ:
Въ праздникъ на ней душегрѣйка —
Изъ соболей воротникъ!

XI.

Дѣти до возраста въ нѣгѣ,
Конь — хоть сейчасъ на заводъ,
Въ кованой, прочной телѣгѣ
Сотню пудовъ увезетъ...
Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живётъ,
Тесомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ за то и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,

Трезво и честно живутъ,
Подати платятъ до срока,
Только ты имъ не мѣшай.
«Гдѣ-жъ та деревня?» — Далеко,
Имя ей: *Тàрбагатàй*,
Страшная глушь; за Байкаломъ...
Такъ-то, голубчикъ ты мой!
Ты еще въ возрастѣ маломъ,
Вспомнишь, какъ будешь большой...

XII.

— Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругомъ:
Вотъ онъ, нашъ пахарь угрюмый,
Съ темнымъ, убитымъ лицомъ:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянетъ косулю клячонка,
Съ голоду еле жива!
Голоденъ труженикъ вѣчный,
Голоденъ тоже, божусь!
— «Эй! отдохни-ка, сердечный!
Я за тебя потружусь!»
Глянулъ крестьянинъ съ испугомъ,
Барину плугъ уступилъ;
Дѣдушка долго за плугомъ,
Потъ отирая, ходилъ;
Саша за нимъ торопился,
Не успѣвалъ догонять:
«Дѣдушка, гдѣ научился
Ты такъ отлично пахать?
Точно мужикъ, управляешь

Плугомъ, а былъ генералъ!»
— Выростешь, Саша, узнаешь,
Какъ я работникомъ сталъ!

XIII.

— Зрѣлище бѣдствій народныхъ
Невыносимо, мой другъ;
Счастье умовъ благородныхъ —
Видѣть довольство вокругъ.
Нынче полегче народу:
Стихъ, притаился въ тѣни
Баринъ, прослышавъ свободу...
Ну, а какъ въ наши-то дни!
.
Словно какъ омутъ, усадьбу
Каждый мужикъ объѣзжалъ.
Помню ужасную свадьбу:
Попъ уже кольца мѣнялъ,
Да на бѣду помолиться
Въ церковь помѣщикъ зашелъ!
«Кто имъ позволилъ жениться?»
«Стой!» и къ попу подошелъ...
Остановилось вѣнчанье!
Съ бариномъ шутка плоха —
Отдалъ наглецъ приказанье
Въ рекруты сдать жениха,
Въ дѣвичью — бѣдную Грушу!
И не перечилъ никто!..
Кто же имѣющій душу
Могъ это вынести?... кто?..

XIV.

— Впрочемъ, не то еще было!
И не одни господа,—
Сокъ изъ народа давила
Подлыхъ подъячихъ орда.
Что̀ ни чиновникъ — стяжатель,
Съ цѣлью добычи въ походъ
Вышелъ... а кто непріятель?
Войско, казна и народъ!
Всѣмъ доставалось исправно;
Стачка, порука кругомъ:
Смѣлые грабили явно,
Трусы тащили тайкомъ.
Непроницаемой ночи
Мракъ надъ страною висѣлъ...
Видѣлъ — имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ.
Стоны рабовъ заглушая
Лестью да свистомъ бичей,
Хищниковъ алчная стая
Гибель готовила ей...

XV.

«Солнце не вѣчно сіяетъ,
Счастье не вѣчно везетъ:
Каждой странѣ наступаетъ
Рано иль поздно чередъ,
Гдѣ не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянетъ бѣда роковая —

Скажется мигомъ страна.
Единодушье и разумъ
Всюду дадутъ торжество,
Да не придутъ они разомъ,
Вдругъ не создашь ничего, —
Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.
Поздно! Народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой.
Горе странѣ разоренной!
Горе странѣ отсталой!..
Войско одно — не защита,
Да вѣдь и войско, дитя,
Было въ то время забито,
Лямку тянуло крехтя...»

XVI.

Дѣдушка кстати солдата
Встрѣтилъ, виномъ угостилъ,
Поцѣловавши, какъ брата,
Ласково съ нимъ говорилъ:
«Нынче вамъ служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а какъ въ наше-то время!
Кто ни начальникъ, то звѣрь!
Душу вколачивать въ пятки
Правиломъ было тогда.
Какъ ни трудись, недостатки
Сыщетъ начальникъ всегда:
«Есть въ маршировкѣ старанье,

Стойка исправна совсѣмъ,
Только замѣтно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышутъ зачѣмъ!

XVII.

«А не доволенъ парадомъ, —
Ругань польется рѣкой,
Зубы посыплются градомъ,
Поретъ, гоняетъ сквозь строй!
Съ пѣною у рта обрыщетъ
Весь перепуганный полкъ,
Жертвъ покрупнѣе приищетъ
Остервенившійся волкъ:
«Франтики! подлыя души!
Подъ карауломъ сгною!»
Слушалъ — имѣющій уши,
Думушку думалъ свою.
Брань пострашнѣй караула,
Пуль и картечи страшнѣй...
Кто же, въ комъ честь не уснула,
Кто примирился бы съ ней?..»
«Дѣдушка! ты вспоминаешь
Страшное что̀-то?.. скажи!»
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Честью всегда дорожи...'

XVIII.

Дѣдъ замолчалъ и уныло
Голову свѣсилъ на грудь.
— Мало ли, другъ мой, что̀ было!..
Лучше пойдемъ отдохнуть.

Отдыхъ не дологъ у дѣда —
Жить онъ не могъ безъ труда:
Гряды копалъ до обѣда,
Переплеталъ иногда,
Вечеромъ шиломъ, иголкой
Что̀-нибудь бойко тачалъ,
Пѣсней печальной и долгой
Дѣдушка трудъ сокращалъ.
Внукъ не проронитъ ни звука,
Не отойдетъ отъ стола:
Новой загадкой для внука
Дѣдова пѣсня была...

XIX.

Пѣлъ онъ о славномъ походѣ
И о великой борьбѣ;
Пѣлъ о свободномъ народѣ
И о народѣ рабѣ;
Пѣлъ о пустыняхъ безлюдныхъ
И о желѣзныхъ цѣпяхъ;
Пѣлъ о красавицахъ чудныхъ
Съ ангельской лаской въ очахъ;
Пѣлъ онъ объ ихъ увяданьи
Въ дикой, далекой глуши,
И о чудесномъ вліяньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дѣдушка пѣлъ — и вздыхалъ,
Пѣлъ — и тоской вавилонской
Келью свою оглашалъ...
«Дѣдушка, дальше!.. А гдѣ ты
Пѣсенку вызналъ свою?

Ты повтори мнѣ куплеты —
Я ихъ мамашѣ спою.
Тѣ имена поминаешь
Ты иногда по ночамъ...»
— Выростешь, Саша, узнаешь —
Все разскажу тебѣ самъ:
Гдѣ научился я пѣнью,
Съ кѣмъ и когда я пѣвалъ...
«Ну! пріучусь я къ терпѣнью!»
Саша уныло сказалъ...

XX.

Часто катался лѣтомъ
Наши друзья въ челнокѣ.
Съ громкимъ веселымъ привѣтомъ
Дѣдъ приближался къ рѣкѣ:
— Здравствуй, красавица-Волга!
Съ дѣтства тебя я любилъ. —
«Гдѣ-жъ пропадалъ ты такъ, долго?»
Саша несмѣло спросилъ.
— Былъ я далеко, далеко...
«Гдѣ же?..» Задумался дѣдъ.
Мальчикъ вздыхаетъ глубоко,
Вѣчный предвидя отвѣтъ.
Чтò-жъ, хорошо ли тамъ было!»
Дѣдъ на ребенка глядитъ.
— Лучше не спрашивай, милый!
(Голосъ у дѣда дрожитъ):
— Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчикъ мой, трудно!
По году вѣсточки ждешь,

Видишь, какъ тратятся силы —
Лучшіе божьи дары;
Близкимъ копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...
«Что̀-жъ ты тамъ, дѣдушка, жилъ?»..
— Выростешь, Саша, узнаешь! —
Саша слезу уронилъ...

XXI.

«Господи! слушать наскучитъ:
Выростешь! мать говоритъ,
Папочка любитъ, а мучитъ:
Выростешь — то же твердитъ!
То же и дѣдушка... Полно!
Я уже выросъ — смотри!..»
(Сталъ на скамеечку челна),
«Лучше теперь говори!..»
Дѣда цѣлуетъ и гладитъ:
«Или вы всѣ за-одно?..»
Дѣдушка съ сердцемъ не сладитъ:
Бьется, какъ голубь, оно.
«Дѣдушка, слышишь? хочу я
Все непремѣнно узнать!»
Дѣдушка, внука цѣлуя,
Шепчетъ: — Тебѣ не понять.
Надо учиться, мой милый!
Все разскажу, погоди!
Пособерись-ка ты съ силой,
Зорче кругомъ погляди.
Умникъ ты, Саша, а все же
Надо исторію знать

И географію тоже.—
«Долго ли, дѣдушка,. ждать?»
— Годикъ, другой, какъ случится.—
Саша къ мамашѣ бѣжитъ:
«Мама! хочу я учиться!»
Издали громко кричитъ.

XXII.

Время проходитъ. Исправно
Учится мальчикъ всему —
Знаетъ исторію славно
(Лѣтъ уже десять ему),
Бойко на картѣ покажетъ
И Петербургъ, и Читу,
Лучше большого разскажетъ
Многое въ русскомъ быту.
Глупыхъ и злыхъ ненавидитъ,
Бѣднымъ желаетъ добра,
Помнитъ, что̀ слышитъ и видитъ...
Дѣдъ примѣчаетъ: пора!
Самъ же онъ часто хвораетъ,
Сталъ ему нуженъ костыль...
Скоро ужъ, скоро узнаетъ
Саша печальную быль...

СТРАШНЫЙ ГОДЪ.

(1870).

Страшный годъ! Газетное витійство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убійства,
Вы въ конецъ измучили меня!

О, любовь! — гдѣ всѣ твои усилья?
Разумъ! — гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пиръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ!

Этотъ годъ готовитъ и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны.
Въ мірѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
Нѣтъ любви, свободы, тишины!

Гдѣ вражда, гдѣ трусость роковая,
Мстящая — купаются въ крови,
Стонъ стоитъ надъ міромъ не смолкая;
Только ты, поэзія святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голосъ твой, увы, безсиленъ нынѣ!
Сгибнетъ онъ, ненужный никому,
Какъ цвѣтокъ, потерянный въ пустынѣ,
Какъ звѣзда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь, сомнѣнья роковыя!
Какъ придти могли вы на уста?
Вѣрю, есть еще сердца живыя,
Для кого поэзія свята.

Но гремѣлъ, когда они родились,
Тотъ же громъ, ручьями кровь лила:
Эти души кроткія смутились,
И, какъ птицы въ бурю, притаились
Въ ожиданьи свѣта и тепла.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПОСВЯЩЕННЫЯ РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

I.

ДѢДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ.

1.

Въ августѣ, около «Малыхъ Вѣжей»,
Съ старымъ Мазаемъ я билъ дупелей.

Какъ-то особенно тихо вдругъ стало,
На небѣ солнце сквозь тучу играло,

Тучка была небольшая на немъ,
А разразилась жестокимъ дождемъ!

Прямы и свѣтлы, какъ прутья стальные,
Въ землю вонзались струи дождевыя

Съ силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись въ какой-то сарай.

Дѣти, я вамъ разскажу про Мазая.
Каждое лѣто домой пріѣзжая,

Я по недѣлѣ гощу у него.
Нравится мнѣ деревенька его:

Лѣтомъ ее убирая красиво,
Изстари хмѣль въ ней родится на диво,

Вся она тонетъ въ зеленыхъ садахъ;
Домики въ ней на высокихъ столбахъ

(Всю эту мѣстность вода понимаетъ,
Такъ что деревня весною всплываетъ,

Словно Венеція). Старый Мазай
Любитъ до страсти свой низменный край.

Вдовъ онъ, бездѣтенъ, имѣетъ лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За сорокъ верстъ въ Кострому прямикомъ
Сбѣгать лѣсами ему нипочёмъ:

«Лѣсъ не дорога: по птицѣ, по звѣрю
Выпалить можно». — А лѣшій? Не вѣрю!

Разъ, въ куражѣ, я ихъ звалъ-поджидалъ
Цѣлую ночь, — никого не видалъ!

За день грибовъ насбираешь корзину,
Ѣшь мимоходомъ бруснику, малину;

Вечеромъ пѣночка нѣжно поётъ;
Словно какъ въ бочку пустую удодъ

Ухаетъ; сычъ разлетается къ ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робѣлъ я и самъ:
Очень ужъ тихо въ лѣсу по ночамъ.

Тихо, какъ въ церкви, когда отслужили
Службу и на-крѣпко дверь затворили.

Развѣ какая сосна заскрипитъ,
Словно старуха во снѣ проворчитъ...»

Дня не проводитъ Мазай безъ охоты.
Жилъ бы онъ славно, не зналъ бы заботы,

Кабы не стали глаза измѣнять:
Началъ частенько Мазай пуделять.

Впрочемъ, въ отчаянье онъ не приходитъ:
Выпалитъ дѣдушка,—заяцъ уходитъ,

Дѣдушка пальцемъ косому грозитъ:
«Врешь—упадешь!» добродушно кричитъ.

Знаетъ онъ много разсказовъ забавныхъ
Про деревенскихъ охотниковъ славныхъ:

Кузя сломалъ у ружьишка курокъ,
Спичекъ таскаетъ съ собой коробокъ:

Сядетъ за кустомъ—тетерю подманитъ,
Спичку къ затравкѣ приложитъ—и грянетъ!

Ходитъ съ ружьишкомъ другой звѣроловъ,
Носитъ съ собою горшокъ угольковъ?»

«Что ты таскаешь горшокъ съ угольками?»
— Больно, родимый, я зябокъ руками;

Ежели зайца теперь links
Прежде я сяду, ружье положу,

Надъ уголечками руки погрѣю,
Да ужъ потомъ и палю по злодѣю!

Вотъ такъ охотникъ! — Мазай прибавлялъ.
Я, признаюсь, отъ души хохоталъ.

Впрочемъ, милѣй анекдотовъ крестьянскихъ
(Чѣмъ они хуже, однако, дворянскихъ?)

Я отъ Мазая разсказы слыхалъ.
Дѣти, для васъ я одинъ записалъ...

2.

Старый Мазай разболтался въ сараѣ:
«Въ нашемъ болотистомъ, низменномъ краѣ
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сѣтями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вотъ тоже, — ихъ жалко до слезъ!
Только весеннія воды нахлынутъ,
И безъ того они сотнями гинутъ, —
Нѣтъ! еще мало! бѣгутъ мужики,
Ловятъ и топятъ, и бьютъ ихъ баграми.
Гдѣ у нихъ совѣсть?.. Я разъ за дровами
Въ лодкѣ поѣхалъ — ихъ много съ рѣки
Къ намъ въ половодье весной нагоняетъ —
Ѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.
Вижу одинъ островокъ небольшой —
Зайцы на немъ собралися гурьбой.

Съ каждой минутой вода подбиралась
Къ бѣднымъ звѣркамъ; ужъ подъ ними осталось
Меньше аршина земли въ ширину,
　　Меньше сажени въ длину.
Тутъ я подъѣхалъ: лопочутъ ушами,
Сами ни съ мѣста; я взялъ одного,
Прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,—ничего!
Только усѣлась команда косая,
Весь островочекъ пропалъ подъ водой:
«То-то!» сказалъ я: «не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!»
Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ.
Столбикъ—не столбикъ, зайчишко на пнѣ,
Лапки скрестивши, стоитъ, горемыка:
Взялъ и его—тягота не велика!
Только что началъ работать весломъ,
Глядь—у куста копошится зайчиха—
Еле жива, а толста какъ купчиха!
Я ее, дуру, накрылъ зипуномъ—
Сильно дрожала... Не рано ужъ было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя и стоя, и лежа пластомъ,
Зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ,
«Взялъ бы я васъ—да потопите лодку!»
Жаль ихъ, однако, да жаль и находку—
Я зацѣпился багромъ за сучокъ
И за собою бревно поволокъ...
Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ.
Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:
«Глянь-ко, что̀ дѣлаетъ старый Мазай!»
Ладно, любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились.

Тутъ мои зайчики точно сбѣсились:
Смотрятъ, на заднія лапы встаютъ,
Лодку качаютъ, грести не даютъ!
Берегъ завидѣли плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
Лодку причалилъ — и «съ Богомъ!» сказалъ!..
И во весь духъ
Пошли зайчишки.
А я имъ: «у-ухъ!
Живѣй, звѣришки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чуръ зимой
Не попадайся!
Прицѣлюсь — бухъ!
И ляжешь... У-у-хъ!»
Мигомъ команда моя разбѣжалась,
Только на лодкѣ двѣ пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; въ мѣшокъ
Я ихъ поклалъ — и домой приволокъ.
За ночь больные мои отогрѣлись;
Высохли, выспались, плотно наѣлись;
Вынесъ я ихъ на лужокъ, изъ мѣшка
Вытряхнулъ, ухнулъ — и дали стречка!
Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ:
«Не попадайтесь зимой!»
Я ихъ не бью ни весною, ни лѣтомъ,
Шкура плохая, — линяетъ косой...

II.

СОЛОВЬИ.

Качая младшаго сынка,
Крестьянка старшимъ говорила:
«Играйте, дѣтушки, пока!
Я сарафанъ почти дошила;

«Сейчасъ буренку обряжу,
Коня навяжемъ травку кушать!
И васъ въ ту рощицу свожу —
Пойдемъ соловушекъ послушать:

«Тамъ ихъ, что въ кузовѣ груздей...
— Да не мѣшай же мнѣ, проказникъ! —
У насъ нѣтъ мѣста веселѣй;
Весною, дѣти, каждый праздникъ

«По вечерамъ туда идутъ
И старъ, и молодъ. На полянѣ
Дѣвицы красныя поютъ,
Гуторятъ пьяные крестьяне.

«А въ рощѣ, милые мои,
Подъ разговоръ и смѣхъ народа
Поютъ и свищутъ соловьи
Звончѣй и слаще хоровода!

«И хорошо и любо всѣмъ...
Да только — (Климъ, не трогай Сашу!) —
Чуть-чуть соловушки совсѣмъ
Не разлюбили рощу нашу:

«Вѣдь нашъ-то курскій соловей
Въ цѣнѣ, — тутъ много ихъ ловили,
Ну, испугалися сѣтей
Да мимо насъ и прокатили!

«Пришла, разсказывалъ вашъ дѣдъ,
Весна, а роща какъ нѣмая
Стоитъ — гостей залетныхъ нѣтъ!
Взяла крестьянина тоска большая.

«Ужъ вотъ и праздникъ наступилъ
И на полянѣ погуляли,
Да праздникъ имъ не праздникъ былъ!
Крестьяне бороды чесали

«И положили межъ собой —
Умѣлъ же Богъ на умъ наставить! —
На той полянѣ, въ рощѣ той
Сѣтей, силковъ во вѣкъ не ставить.

«И понемногу соловьи
Опять привыкли къ рощѣ нашей,
И ныньче, милые мои,
Имъ мѣста нѣтъ любѣй и краше!

«Туда съ сѣтями сколько лѣтъ
Никто и близко не подходитъ,
И строго-на-строго запретъ
Отъ дѣда къ внуку переходитъ.

«За то весною лѣсъ гремитъ!
Что̀ день, то новый хоръ прибудетъ...
Подъ пѣсни ихъ деревня спитъ,
Ихъ пѣсня насъ поутру будитъ...

«Запомнить надобно и вамъ:
Избави Богъ, тутъ ставить сѣти!
Вѣдь надо-жъ бѣднымъ соловьямъ
Дать гдѣ-нибуть и отдыхъ, дѣти...»

Середній сынъ кота дразнилъ,
Меньшой ползъ матери на шею,
А старшій съ важностью спросилъ,
Кубарь пуская передъ нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такія рощицы на свѣтѣ? —
«Нѣтъ мѣстъ такихъ... безъ податей
И безъ рекручины — нѣтъ, дѣти.

«А еслибъ были для людей
Такія рощи и полянки,
Всѣ на рукахъ своихъ дѣтей
Туда бы отнесли крестьянки...»

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ.

А. Н. Еракову.

I.

Нынче скроменъ нашъ клубъ именитый,
Рѣдки въ немъ и не громки пиры.
Гдѣ ты, время ухи знаменитой?
Гдѣ ты, время безумной игры?
Воротили бы, еслибъ могли мы,
Но, увы! не воротишься ты!
Прежде были легко уловимы

Характерныя клуба черты:
Въ молодомъ поколѣніи — фатство,
Въ старикахъ, если смѣю сказать,
Застарѣлой тоски, тунеядства,
Самодурства и лѣни печать.
А теперь элементъ старо-барскій
Вытѣсняется быстро: въ швейцарской
Ужъ лакеи не спятъ по стѣнамъ;
Измѣнились и люди, и нравы;
Только старые наши уставы
Неизмѣнны, на зло временамъ,
Да Крыловъ роковымъ перемѣнамъ
Не подвергся (во время оно
Старый дѣдушка былъ у насъ членомъ,
Бюстъ его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
Разносилась въ другіе кружки;
Мы не знали, что думать, покуда
Не заявятъ тузы-старики,
Какъ смотрѣть на такое-то дѣло,
На такую-то мѣру; ключемъ
Самобытная жизнь здѣсь кипѣла,
Клубъ снабжалъ всю Россію умомъ...
Не у насъ ли впервые раздался
Слухъ (то было въ тридцатыхъ годахъ),
Что въ Совѣтѣ вопросъ обсуждался:
Есть ли польза въ желѣзныхъ путяхъ?
— Что-жъ, признали? до новостей лакомъ,
Я спросилъ у туза-старика.
«Остается покрытая лакомъ
Резолюція въ тайнѣ пока...»

Крѣпко въ душу запавшее слово
Также здѣсь услыхалъ я впервой:
«Привезли изъ Москвы Полевова...»
Возвращаясь въ тотъ вечеръ домой,
Думалъ я невеселыя думы
И за трудъ неохотно я сѣлъ.
Тучи на небѣ были угрюмы,
Вѣтеръ что-то насмѣшливо пѣлъ.
Напѣвалъ онъ тогда безъ сомнѣнья:
«Не такія еще поощренья
Встрѣтишь ты на пути роковомъ!»
Но не понялъ я пѣсенки спросту;
У Цѣпного безсмертнаго мосту
Мнѣ ее пояснили потомъ...

Получивъ роковую повѣстку,
Сбрилъ усы и пошелъ я туда.
Снявъ съ сѣдой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Генералъ прочиталъ мнѣ бумагу...
Я въ отвѣтъ заикнулся сказать:
— Еслибъ даже имѣлъ я отвагу
Столько дерзкихъ вещей написать,
То цензура... — «Къ чему оправданья?
Императоръ помиловалъ васъ;
Но смотрите!! Какого вы званья?»
— Дворянинъ. — «Пробѣгалъ я сейчасъ
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вамъ ваше дворянство?..
Завираетесь вы, господа!
За опасное дѣло беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, Богъ васъ прости!

Только знайте: еще попадетесь,
Я не въ силахъ васъ буду спасти...»
.

А война? До царя не скорѣе
Доходили извѣстья о ней:
Гдѣ уронъ отзывался сильнѣй?
Кто побѣду справлялъ веселѣе?
Прискакавшаго прямо изъ боя
Здѣсь не разъ мы видали героя
Въ дни, какъ буря кипѣла въ Крыму.
Помню, какъ мы внимали ему:
Мы къ разсказчику густо тѣснились
И героевъ войны имена
Въ нашу память глубоко ложились...
Впрочемъ, намъ измѣнила она!
Замѣчательно странное свойство
Въ насъ суровый нашъ климатъ развилъ —
Забываемъ явившихъ геройство,
Помнимъ тѣхъ, кто себя посрамилъ:
Кто нагрѣлъ свои гнусныя руки,
У солдатъ убавляя паёкъ,
Кто, внимая предсмертныя муки,
Пряталъ русскую корпію въ прокъ
И потомъ продавалъ англичанамъ,—
Всѣхъ и мелкихъ, и крупныхъ воровъ
Отдыхающихъ съ полнымъ карманомъ,
Не забудемъ во вѣки вѣковъ!

Всѣ, кѣмъ славилась наша столица,
Здѣсь бывали: куда ни взгляни —
Именитыя, важныя лица.
Здѣсь, я помню, въ парадные дни

Страненъ былъ среди знати высокой
Человѣкъ безъ звѣзды на груди.
Гость-помѣщикъ изъ глуши далекой
Только ротъ разѣвай да гляди:
Здѣсь посланники всѣхъ государей,
Здѣсь банкиры съ тугимъ кошелькомъ,
Цвѣтъ и соль министерствъ, канцелярій,
Откупные тузы, — и притомъ
Симметрія разсчитана строго;
Много здѣсь и померкнувшихъ звѣздъ,
Говоря прозаичнѣе: много
Генераловъ, лишившихся мѣстъ...

Зажигалися сотнями свѣчи,
Накрывалися пышно столы,
Говорились парадныя рѣчи...
Говорили министры, послы;
Наши Фоксы и Роберты Пили
Здѣсь за благо отечества пили,
Здѣсь бывали интимны они...

Есть и нынче парадные дни,
Но пропала ихъ важность и сила.
Время нашего клуба прошло,
Жизнь теченье свое измѣнила,
Какъ рѣка измѣняетъ русло...

II.

Очень жаль, что тогдашнихъ обѣдовъ
Не могу я достойно воспѣть,
Тутъ бы нуженъ второй Грибоѣдовъ...
Впрочемъ. Муза! не будемъ робѣть!
Начинаю.

— Москва. День субботній.
(Петербургъ не лишенъ ѣдоковъ,
Но въ Москвѣ грандіознѣй, животнѣй
Этотъ типъ). Среди полныхъ столовъ
Вотъ рядкомъ старики-объѣдалы:
Впятеромъ имъ четыреста лѣтъ,
Видъ ихъ важенъ, чины ихъ не малы,
Толщиною же равныхъ имъ нѣтъ.
Раздражаясь изъ каждой бездѣлки,
Порицаютъ неловкость слуги,
И отъ жадности, вмѣсто тарелки,
На салфетку валятъ пироги;
Шевелясь, какъ осеннія мухи,
Льютъ, роняютъ, — безпамятны, глухи,
Взоръ ихъ медленъ, безцвѣтенъ и тупъ;
Скушавъ супъ, старина засыпаетъ
И, проснувшись, слугу вопрошаетъ:
«Человѣкъ! подавалъ ты мнѣ супъ?..»
Впрочемъ, честь ихъ чужда укоризны:
Добывали мѣста для родни
И въ сенатѣ на пользу отчизны
Подавали свой голосъ они.
Жаль, ужъ ихъ потеряла Россія
И оплакалъ москвичъ отъ души:
Подкосила ихъ «ликантропія»,
Ихъ заѣли подкожныя вши...

— Петербургъ. Вотъ питухъ престарѣлый,
Я такъ живо припомнилъ его:
Окруженъ батареею цѣлой
Разныхъ винъ, онъ не пьетъ ничего.
Пить любилъ онъ; я думаю, море
Выпилъ въ долгую жизнь; но давно

Пить ему запретили (о, горе!..)
Старый грѣшникъ играетъ въ вино:
Наслажденье его роковое
Нюхать, чмокать, къ свѣчѣ подносить
И разъ двадцать вино дорогое
Изъ стакана въ стаканъ перелить.
Перельетъ — и воды подмѣшаетъ,
Поглядитъ — и опять перельетъ...
Кто послушаетъ, какъ онъ вздыхаетъ,
Тотъ мученія старца пойметъ.
«Выпить, что̀ ли?» — Опаснѣе яда
Вамъ вино! — закричалъ ему врачъ...
«Ну, не буду! не буду, палачъ!»
Эта сцена изъ Дантова «Ада»...

Рядомъ юноша, стройный, красивый,
Схожій въ профиль съ великимъ Петромъ,
Наблюдаетъ съ усмѣшкой лѣнивой
За сосѣдомъ своимъ чудакомъ.
Этотъ юноша самъ возбуждаетъ
Много мыслей: онъ такъ еще младъ,
Что въ пріемахъ большимъ подражаетъ:
Приправляетъ кайеномъ салатъ,
Портеръ пьетъ, объѣдается мясомъ;
Наливая съ эффектомъ вино,
Замѣчаетъ искусственнымъ басомъ: —
Отчего перегрѣто оно?

Очень милъ этотъ юноша свѣжій!
Мѣтокъ на слово, въ дѣлѣ удалъ;
Онъ ужъ былъ на охотѣ медвѣжьей,
И медвѣдь ему ребра помялъ,
Но Серёжа осилилъ медвѣдя;

Кстати, тутъ онъ узналъ и друзей:
Убѣжали и Миша, и Ѳедя,
Не бѣжалъ только егерь — Корней.
Это въ немъ скептицизмъ породило:
«Люди — свиньи!» Серёжа рѣшилъ,
И по своему мѣтко и мило
Всѣхъ знакомыхъ своихъ окрестилъ.

Знаменитъ этотъ юноша русскій:
Отчеканено имя его
На подаркахъ всей труппы французской!
(Говорятъ, милліонъ у него).
Признакъ русской широкой природы —
Жажду выдвинуть личность свою
Насыщаетъ онъ въ юные годы
Удальствомъ въ рукопашномъ бою,
Гомерической, дикой попойкой,
Приводящей въ смятенье трактиръ,
Да игрой, да отчаянной тройкой;
Онъ своей молодежи кумиръ,
Съ нимъ хорошее общество дружно
И онъ счастливъ, доволенъ собой,
Полагая, что больше не нужно
Ничего человѣку. Другъ мой!
Маловато прочесть два романа
Да поэму «Монго» изучить
(Эту шалость поэта-улана),
Чтобъ разумно и доблестно жить!
Недостаточно ухарски править,
Мчась на бѣшеной тройкѣ стремглавъ,
Двадцать тысячъ на карту поставить
И глазкомъ не моргнуть, проигравъ, —
Есть иное величіе въ мірѣ,

И не торный ведетъ къ нему путь,
Человѣку прекраснѣй и шире
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
Ты насытишь рутиннымъ путёмъ,
И недремлющій духъ безпокойства
Разрѣшится однимъ кутежемъ;
Если съ жизни получишь ты мало,—
Не судьба тому будетъ виной:
Ты другого не зналъ идеала,
Не провидѣлъ ты цѣли иной!

Впрочемъ, быть генералъ-адъютантомъ,
Украшенья носить на груди
Съ ме́ньшимъ знаніемъ, съ ме́ньшимъ талантомъ
Можно... Свѣтелъ твой путь впереди!
Не одно,— цѣлыхъ три состоянья
На своемъ ты вѣку проживешь:
Какъ не хватитъ отцовъ достоянья,
Ты жену съ милліономъ возьмешь;
А потомъ ты повысишься чиномъ —
Подоспѣетъ казенный окладъ.
По какимъ-то разумнымъ причинамъ
Твоему я бездѣйствію радъ!

Жаль одно: на пустыя приманки,
Милый юноша, ловишься ты.
Отвратительны эти цыганки,
А друзья твои — точно скоты.
Ты, чей образъ въ порывѣ желанья
Ловитъ женщина страстной мечтой,—
Ищешь ты покупного лобзанья,

Ты бѣжишь за продажной красой!
Ты у старцевъ, чьи икры на ватѣ,
У кого разжиженье въ крови,
Отбиваешь съ оркестромъ кровати!
Ты — не знаешь блаженства любви!...

Очень милы балетныя феи,
Но не стòятъ хорошихъ цвѣтовъ;
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоихъ кучеровъ.
Тѣ же деньги и то же здоровье
Могъ бы ты поумнѣе убить...
Не хочу я впадать въ пустословье
И о честномъ трудѣ говорить.
Не лѣнивъ человѣкъ современный,
Но на чтò расточается трудъ?
Чѣмъ работать для цѣли презрѣнной,
Лучше пусть эти баловни пьютъ...

. .

Зналъ я юношу: въ немъ сочетались
Дарованье, ученость и умъ,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сдѣлало шумъ.
Но, къ несчастью, былъ онъ помѣшанъ
На комфортѣ — столичный недугъ,—
Каждый часъ его жизни былъ взвѣшенъ,
Вѣчно было ему недосугъ:
Чтобъ приставить кушетку къ камину,
Чтобъ друзей угощать за столомъ,
Онъ по мѣсяцу, сгорбивши спину,
Изнывалъ за постылымъ трудомъ.
Знаю самъ, говорилъ онъ частенько,

Что на лучшее дѣло гожусь,
Но устроюсь сперва хорошенько,
А потомъ и серьёзно займусь.
Суетился, спѣшилъ, торопился,
Въ день по нѣскольку лекцій читалъ,
Секретарствовалъ гдѣ-то, учился
Въ то же время; статейки писалъ...
Такъ трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дѣлъ,
Ничего онъ не сдѣлалъ изрядно,
Да и самъ-то пожить не успѣлъ,
Не потѣшилъ ни Бога, ни чорта,
Не увлекся ничѣмъ никогда,
И безсмысленной жертвой комфорта
Палъ — подъ игомъ пустого труда!

Зналъ я мужа: командой пожарной
И больницею онъ заправлялъ,
Къ дыму, къ пламени въ банѣ угарной
Онъ нарочно солдатъ пріучалъ.
Вѣчно ревностный, вѣчно не спящій,
Столько дѣлалъ фальшивыхъ тревогъ,
Что случится пожаръ настоящій —
Смотришь, лошади, люди безъ ногъ!
«Смирно! кутай башку въ одѣяло!»
Въ лазаретѣ кричатъ фельдшера:
Настежь форточки — ждутъ генерала, —
Вся больница въ тревогѣ съ утра.
Генералъ на минуту пріѣдетъ,
Смотришь: къ вечеру въ этотъ денёкъ
Десять новыхъ горячечныхъ бредитъ,
А иной и умретъ подъ шумокъ...

Зналъ я старца: въ душѣ его бѣдной
Поселился паническій страхъ,
Что погубитъ насъ Западъ зловредный.
Блѣдный, худенькій, въ синихъ очкахъ,
Онъ недавно еще попадался
Въ книжнихъ лавкахъ, въ кофейныхъ домахъ,
На журналы, на книги бросался,
Съ карандашикомъ вѣчно въ рукахъ;
Поясненья, замѣтки, запросы
Составлялъ трудолюбецъ-старикъ,
Онъ на вывѣски даже доносы
Сочинялъ, если не было книгъ.
Всѣ его инстинктивно дичились,
Былъ онъ грязенъ, жилъ въ крайней нуждѣ,
И зловѣщіе слухи носились
Объ его безкорыстномъ трудѣ.

Взволновался Парижъ безпокойный,
Наступили февральскіе дни;
Самъ ты знаешь, читатель достойный,
Какъ у насъ отразились они.
Подоспѣло удобное время —
И въ коммиссію мрачный доносъ
На погибшее блудное племя
Въ три пріема доносчикъ принесъ.
И вѣщалъ онъ властямъ предержащимъ:
«Многолѣтній сей трудъ разсмотри
И мечомъ правосудья разящимъ
Буесловія гидру сотри»!..
Судъ отказомъ его не обидѣлъ,
Но старикъ уже слишкомъ навралъ:
Демагога въ Булгаринѣ видѣлъ,
Робеспьеромъ Сенковскаго звалъ.

Возвратили!.. Въ тоскѣ безысходной,
Старецъ скорбныя очи смежилъ,
И Линяевъ, сатирикъ холодный,
Эпитафію старцу сложилъ:
«*Здѣсь обрѣлъ даровую квартиру*
«*Мужъ злокачественъ, подлъ и плѣшивъ,*
«*И оставилъ въ наслѣдіе міру*
«*Образцовыхъ доносовъ архивъ*».
Такъ погибъ безполезно, безслѣдно
Трудъ почтенный; не правда-ли, жаль?

«Иногда и лѣниться не вредно»,
Такова этихъ притчей мораль...

III.

Время въ клубъ воротиться, къ обѣду...
Нѣтъ, ужъ поздно! Обѣдъ при концѣ:
Слишкомъ мы протянули бесѣду
О Серёжѣ, лихомъ молодцѣ.
Стариковъ полусонная стая
Съ мѣстъ своихъ тяжело поднялась,
Животами другъ друга толкая,
До дивановъ кой-какъ доплелась.
Закуривъ дорогія сигары,
Неиграющій людъ на кружки
Раздѣлился; пошли тары-бары...
(Козыряютъ давно игроки).

Ныньче множество темъ для витійства:
Утромъ только газеты взгляни —
Интересныя кражи, убійства...
Но газеты молчали въ тѣ дни.

Никакихъ «современныхъ вопросовъ»,
Слуховъ, толковъ, живыхъ новостей,
Исключенье одно: для доносовъ
Допускалось. Доносчикъ Авдѣй
Представлялся исчадіемъ ада
Въ добродушныя тѣ времена,
Вообще же въ стѣнахъ Петрограда,
По газетамъ, была тишина.
Въ остальной необъятной Россіи —
И подавно! Своимъ чередомъ
Шли дожди, бунтовали стихіи,
А народъ... мы не знали о немъ.
Правда, дикія, смутныя вѣсти
Долетали до насъ иногда
О мужицкой расправѣ, о мести,
Но не вѣрилось какъ-то тогда
Мрачнымъ слухамъ. Покой нарушался
Только голодомъ, моромъ, войной,
Да случайно въ просакъ попадался
Колоссальный ворище порой —
Тутъ молва создавала поэмы,
Оживало все общество вдругъ...
А затѣмъ, обиходныя темы
Сокращали нашъ мирный досугъ.

Двѣ бутылки бордò уничтожа,
Не касаясь общественныхъ дѣлъ,
О борзыхъ, о лореткахъ Серёжа
Говорить безподобно умѣлъ:
Берты, Мины и прочія... дуры
Въ живописномъ разсказѣ его
Соблазнительнѣй самой натуры
Выходили. Но лучше всего

Онъ дразнилъ петербургскихъ актеровъ
И жеманныхъ французскихъ актрисъ.
Темой самыхъ живыхъ разговоровъ
Были скачки, парадъ, бенефисъ.
Въ офицерскомъ кругу говорили
О тугомъ производствѣ своемъ
И о томъ, чьи полки побѣдили
На маневрахъ подъ Краснымъ-Селомъ:
— Вѣрно явится завтра въ приказѣ
Благодарность войскамъ, господа:
Самъ фельдмаршалъ воскликнулъ въ экстазѣ:
«Подавайте Европу сюда!..
Тутъ же шли безконечные споры
О дуэли въ такомъ-то полку
Изъ-за Клары, Армансъ или Лоры,
Да шептались стихи въ уголку
На игривыя, милыя темы...
(Можетъ быть, вамъ знакомы они)?..

Интересами личными всѣ мы
Занималися больше въ тѣ дни.
Впрочемъ, были у насъ руссофилы
(Тѣ, что видѣли въ нѣмцахъ враговъ),
Наѣзжали къ намъ сла́вянофилы,—
Свѣтскій типъ ихъ тогда былъ таковъ:
Въ Петербургѣ шампанское съ квасомъ
Попивали изъ древнихъ ковшей,
А въ Москвѣ восхваляли съ экстазомъ
Допетровскій порядокъ вещей,
Но, живя за границей, владѣли
Очень плохо роднымъ языкомъ
И понятья они не имѣли
О славянскомъ призваньи своемъ.

Я однажды смѣялся до коликъ,
Слыша, какъ князь NN говорилъ:
— «Я, душа моя, сла́вянофи́лъ».
— А религія ваша? — «Католикъ».

Не задѣты ничѣмъ за живое,
Всякій споръ мы бросали легко...
Вотъ за картами, — дѣло другое! —
Волновались мы тутъ глубоко.
Чу! какой-то игрокъ крутонравный,
Проклиная несчастье, гремитъ;
Чу! нашъ другъ, путешественникъ славный,
Монотонно и дерзко ворчитъ;
Духъ какой-то враждой непонятной
За игрой омрачается въ немъ;
Человѣкъ онъ весьма деликатный
Съ добрымъ сердцемъ, съ развитымъ умомъ,
Несомнѣннымъ талантомъ владѣя,
Онъ прославился книгой своей,
Онъ изъ Африки негра-лакея
Вывезъ (очень хорошій лакей,
Впрочемъ, смысла въ подобныхъ затѣяхъ
Я не вижу: по волѣ судебъ
Петербургъ недостатка въ лакеяхъ
Никогда не имѣлъ)... Но свирѣпъ
Онъ въ игрѣ, какъ гіена: осадокъ
Отъ сибирскихъ лихихъ непогодъ,
Отъ египетскихъ злыхъ лихорадокъ
И отъ всякихъ житейскихъ невзгодъ
Онъ бросаетъ въ лицо партенёра
Такъ язвительно, тонко и зло,
Что игра прекращается скоро,
Какъ бы жертвѣ его ни везло!..

Генералъ съ поврежденной рукою
Также здѣсь на лицо; до сихъ поръ
Отъ него еще дышетъ войною,
Пахнетъ дымомъ Ѳедюхиныхъ горъ.
Въ немъ героя война отличила,
Но игрокъ навсегда пострадалъ:
Пуля пальцы ему откусила...
Праздно бродитъ сѣдой генералъ!

Въ тѣснотѣ, доходящей до давки,
Весь въ камняхъ, подрумяненъ, завитъ,
Принимающій всякія ставки
За столомъ милліонщикъ сидитъ.
Тутъ идутъ смертоносныя схватки:
Отъ надменныхъ игорныхъ тузовъ
До копѣечныхъ трехъ игроковъ —
(Называемыхъ: *терцъ отъ девятки*)
Всѣ участвуютъ въ этомъ бою,
Горячась и волнуясь не мало...
(Тутъ и я, мой читатель, стою
И пытаю фортуну, бывало...)
При счастливой игрѣ не хорошъ,
Жаденъ, дерзокъ богачъ-старичишка,
Придирается, споритъ за грошъ,
Радъ удачѣ своей, какъ мальчишка;
Но за то при несчастьѣ онъ милъ!
Онъ, бывало, насъ много смѣшилъ:
При несчастьѣ вздыхалъ онъ нервически,
Потиралъ раскраснѣвшійся носъ
И пѣвалъ про себя иронически:
«Веселись, храбрый Россъ!..»

Бой оконченъ; старикъ удаляется,
Взявъ добычи порядочный пукъ...

За три комнаты слышно: стукъ! стукъ!
То не каменный гость приближается...
Стукъ! стукъ! стукъ! равномѣрно стучитъ.
Словно ступа, нога деревянная:
Входитъ старый, сѣдой инвалидъ,—

Тоже личность престранная...

.

Муза! ты отступаешь отъ плана!
Общій очеркъ затѣяли мы,
Такъ не тронь же, мой другъ, ни Ивана,
Ни Луки, ни Ѳомы, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатлѣнье — и мирно
Удались, не задѣвъ единицъ!
Да, играли и кушали жирно,
Много было типическихъ лицъ,—
Но приспѣвшія дружно реформы
Дали обществу новыя формы...

IV.

Благодатное время надеждъ!
Да! прошедшимъ и ты уже стало!
Къ удовольствію дикихъ невѣждъ,
Ты обѣтовъ своихъ не сдержало.
Но шумя и куда-то спѣша
И какъ будто оковы сбивая,
Русь! былá ты тогда хороша!
(Разумѣть надо: Русь городская).
Какъ невольникъ, покинувъ тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхаетъ,
И, не вѣря себѣ самому,
Богатырскую мощь ощущаетъ,

Ты казалась сильна, молода,
Къ Правдѣ, къ Свѣту, къ Свободѣ стремилась,
Въ прегрѣшеніяхъ тяжкихъ тогда,
Какъ блудница, ты громко винилась,
И казалось намъ въ первые дни:
Повториться не могутъ они...

Приводя наше прошлое въ ясность,
Проклиная безправье, безгласность,
Произволъ и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тѣмъ какъ народъ неразвитый
Ѣлъ кору и молчалъ, *какъ убитый,*
Мы сердечно болѣли о немъ,
Мы взывали: «даруйте свободу
Угнетенному нами народу!
Мы прошедшее сами клянемъ!
Посмотрите на насъ: мы обжоры,
Мы ходячіе трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!»
Походя на толпу сумасшедшихъ,
На самихъ себя вьющихъ бичи,
Сознаваться въ недугахъ прошедшихъ
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую мѣру...
Крылось что̀-то неладное тутъ,
Но не вдругъ потеряли мы вѣру...
Призывая на дѣло, на трудъ,
Понялъ горькую истину сразу
Только юноша-геній тогда,
Произнесшій безсмертную фразу:
«Въ настоящее время, когда...»

Дѣло двинулось... волею власти...
И тогда-то, во всей наготѣ
Обнаружились личныя страсти
И послышались рѣчи — не тѣ:
«Это ядъ, ужъ давно отравлявшій
«Наше общество, силу забралъ!»
Восклицалъ, точно съ неба упавшій,
Суясь всюду, сморчокъ-генералъ
(Какъ цвѣты, что въ ночи распускаются,
Эти люди въ чинахъ повышаются
Въ строгой тайнѣ, — и въ жизни потомъ
Съ непонятнымъ апломбомъ являются
Въ роковомъ ореолѣ своемъ).
«Со временъ Петрашевскаго строго
«За развитьемъ его я слѣдилъ,
«Я намѣтилъ поборниковъ много,
«Но... напрасно я трудъ погубилъ!
«Горе! горе! Имѣю сынишку;
«Тяжкой службой, безсоннымъ трудомъ
«Пріобрѣлъ я себѣ деревнишку...
«Чтò-жъ... пойду я теперь нагишомъ?..
«Любо вамъ рисоваться, мальчишки!
«А со мной-то чтò сдѣлали вы?..»

Еслибъ только такіе людишки
Порицали реформу... увы!
Радикалы вчерашніе тоже
Восклицали «чтò будетъ!.. о, Боже!..»
Уступать не хотѣли земли...
(Впрочемъ,— надо замѣтить,— не много,
Разбирая прошедшее строго,
Мы бы явныхъ протестовъ начли:
По обычаю мудрыхъ холоповъ,

Мы держалися больше подкоповъ,
Или рабски за временемъ шли)...

Нѣкто, слывшій по службѣ за генія,
Генералъ Фердинандъ фонъ-деръ-Шпехтъ
(Объ отводѣ лѣсовъ для сѣченія
Подававшій обширный проектъ),
Намъ предсказывалъ бунты народные
(«Чтò, не правъ я?» потомъ онъ кричалъ).
— Все они! все мальчишки негодные!
Негодующій хоръ повторялъ.

Та вражда къ молодымъ поколѣньямъ
Здѣсь начальные корни взяла,
Что впослѣдствіи дикимъ явленьемъ
Въ нашу жизнь такъ глубоко вошла.
Учрежденнымъ тогда комитетамъ
Потерявшіе умъ старики
Посылали, сердясь не по лѣтамъ,
Брань такую: «мальчишки! щенки!..»
(Тамъ дѣйствительно люди засѣли
Съ среднимъ чиномъ, безъ лентъ и безъ звѣздъ,
А иные тузы полетѣли
Въ то же время съ насиженныхъ мѣстъ).
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной былъ готовъ,
За усмѣшку, за рѣзкое слово,
Безбородыхъ, безусыхъ бойцовъ;
Ихъ ошибки встрѣчались шипѣньемъ,
Ихъ несчастье — скаканьемъ и пѣньемъ:
«Ну! теперь-то припрутъ молодцовъ!
Лѣзутъ на стѣну, корчатъ Катоновъ;
Посѣваютъ идеи Прудоновъ,

А пугни — присмирѣетъ любой,
Станетъ пѣть превосходство неволи»...

Правда, правда, народъ молодой
Бралъ подъ часъ непосильныя роли.
Но молчать бы вамъ лучше, глупцы,
Да рѣшеньемъ вопроса заняться:
Таковы ли бываютъ отцы,
Отъ которыхъ герои родятся?..

Клубу нашему тоже на долю
Непріятностей выпало вволю.
Чуть тронулся крестьянскій вопросъ
И порядокъ нарушился древній, —
Стали «плохо писать изъ деревни».
— Не сыграть ли въ картишки? «На что-съ?»
Отвѣчалъ вопрошаемый грубо!
«Своротили вы, сударь, съ ума»!..
Члены мирно дремавшаго клуба
Раздѣлились; пошла кутерьма:
Крѣпостникъ, находя незаконной,
Откровенно реформу бранилъ,
А въ отвѣтъ якобинецъ салонный
Говорилъ, говорилъ, говорилъ...

Самъ себѣ съ наслажденьемъ внимая,
Формируя парламентскій слогъ;
Всѣмъ недугамъ родимаго края
Подводилъ онъ жестокій итогъ;
Человѣкомъ идей прогрессивныхъ
Не безъ цѣли стараясь прослыть,
Убѣждалъ старикашекъ наивныхъ
Встрепенуться и Русь полюбить!

Все отдать для отчизны священной,
Умереть, если такъ суждено!..
Ты не пой, соловей современный!
Эту пѣсню мы знаемъ давно.
Осуждаешь ты старое смѣло,
Недоволенъ и новымъ слегка,
Ты способенъ и доброе дѣло
Между фразами сдѣлать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подлеца оборвешь,
Но получишь ты ключъ камергерскій —
И уста имъ на вѣки запрешь!
Пуще тѣхъ «гуртовыхъ» генераловъ,
Надъ которыми нынѣ остришь,
Станешь ты нажимать либераловъ,
Съ ними всякую связь прекратишь,—
Этимъ ты стариковъ успокоишь
И помогутъ тебѣ старики...
Ловко ты свое зданіе строишь,
Мастерски разставляешь силки!..

Словомъ, мирные дни миновали.
Много выбыло членовъ тогда,
А иные ходить перестали,
Остальныхъ раздѣляла вражда.
Хоръ согласный — сталъ дикъ и нестроенъ,
Ни игры, ни богатыхъ пировъ!
Лишь одинъ оставался спокоенъ —
Это дѣдушка мѣдный Крыловъ:
Не бездушнымъ глядѣлъ истуканомъ,—
Оно лукавымъ сатиромъ глядѣлъ,
Игрокамъ, бюрократамъ, дворянамъ
Онъ, казалось, насмѣшливо пѣлъ:

«Полно вамъ — благо сами вы цѣлы —
О надѣлахъ своихъ толковать,
Смерть придетъ — уравняетъ надѣлы,
Если вамъ мудрено уравнять...

«Полно вамъ враждовать межъ собою
За чины, за мѣста, за кресты —
Смерть придетъ и отниметъ безъ бою
И чины, и мѣста, и кресты!..

«Пусть васъ минусъ въ игрѣ не смущаетъ,
Игроки! пусть не радуетъ плюсъ;
Смерть придетъ — всѣ итоги сравняетъ:
Будетъ, будетъ у каждаго *плюсъ*»!..

Губернаторы, мѣста лишенные,
Земледѣльцы-дворяне стѣсненные,
Откупные тузы разоренные,
Игроки, прогорѣвшіе въ прахъ, —
Генералъ, проигравшій сраженіе,
Адмиралъ, потерпѣвшій крушеніе —
Находили ли вы утѣшеніе
Въ этихъ краткихъ и мудрыхъ словахъ?..

Послѣсловіе.

Съ плечъ упало тяжелое бремя,
Написалъ я четыре главы.
«Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы»?
Замѣчаетъ читатель, живущій
Гдѣ-нибудь въ захолустной дали:
«Сцены, очерки жизни текущей

Мы бы съ большей охотой прочли.
Ваши книги расходятся худо!
А зачѣмъ же вчерашнее блюдо,
Вмѣсто свѣжаго, ставить на столъ?
Чѣмъ въ прошедшемъ упорно копаться,
Не гораздо ли лучше касаться
Новыхъ язвъ, народившихся золъ?»

Для людей, въ захолустьѣ живущихъ,
Вы дѣйствительно странны, смѣшны;
Но, читатель! въ вопросахъ текущихъ
Права голоса мы лишены;
Прикасаться къ нимъ робко, несмѣло,
Значитъ — пуще запутывать ихъ;
Шить на мертвыхъ — не трудное дѣло,
Намъ желательно шить на живыхъ.
Устарѣлое вымерло племя,
Вообще устоялись умы;
Потому-то недавнее время,
Государь мой! и тронули мы
(Да и то съ подобающимъ тактомъ)...
Погоди, если мы поживемъ,
Давъ назадъ отодвинуться фактамъ,—
И впередъ мы разсказъ поведемъ:
Мы коснемся столичныхъ пожаровъ
И волненій въ средѣ молодой,
Понесенныхъ прогрессомъ ударовъ
И печальныхъ потерь... Да и той
Злополучной поры не забудемъ,
Что прогрессъ повернула вверхъ дномъ,
И всегда, по возможности, будемъ
Вѣрны истинѣ — *заднимъ числомъ*...

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

БАБУШКИНЫ ЗАПИСКИ.

I.

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ.

[1826 годъ].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Покоенъ, проченъ и легокъ
На-диво слаженный возокъ;

Самъ графъ-отецъ не разъ, не два
Его попробовалъ сперва.

Шесть лошадей въ него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Самъ графъ подушки поправлялъ,
Медвѣжью полость въ ноги стлалъ,

Творя молитву, образокъ
Повѣсилъ въ правый уголокъ

И — зарыдалъ... Княгиня-дочь
Куда-то ѣдетъ въ эту ночь...

I.

«Да рвемъ мы сердце пополамъ
Другъ другу, но, родной,
Скажи, что̀-жъ больше дѣлать намъ?
Поможешь ли тоской?

Одинъ, кто могъ бы намъ помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И съ миромъ отпусти!

II.

«Богъ вѣсть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нѣтъ.
Прости и знай: твою любовь,
Послѣдній твой завѣтъ
Я буду помнить глубоко
Въ далекой сторонѣ...
Не плачу я, но не легко
Съ тобой разстаться мнѣ!

III.

«О, видитъ Богъ!... Но долгъ другой,
И выше, и труднѣй,
Меня зоветъ: прости, родной!
Напрасныхъ слезъ не лей!
Далекъ мой путь, тяжелъ мой путь,
Страшна судьба моя;
Но сталью я одѣла грудь...
Гордись — я дочь твоя!

IV.

«Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
«И ты... о городъ роковой,
Гнѣздо всѣхъ бѣдъ... прощай!

Кто видѣлъ Лондонъ и Парижъ,
Венецію и Римъ,
Того ты блескомъ но прельстишь,
Но былъ ты мной любимъ.—

V.

«Счастливо молодость моя
Прошла въ стѣнахъ твоихъ,
Твои балы любила я,
Катанья съ горъ крутыхъ,
Любила плескъ Невы твоей
Въ вечерней тишинѣ,
И эту площадь передъ ней
Съ героемъ на конѣ...

VI.

«Мнѣ не забыть... Потомъ, потомъ
Разскажутъ нашу быль...

. .

*
* *

Покоенъ, прочепъ и легокъ,
Катится городомъ возокъ.

Вся въ черномъ, мертвенно блѣдна,
Княгиня ѣдетъ въ немъ одна;

А секретарь отца — (въ крестахъ,
Чтобъ наводить дорогой страхъ),

Съ прислугой скачетъ впереди...
Свища бичомъ, крича: «пади!»

Ямщикъ столицу миновалъ...
Далекъ княгинѣ путь лежалъ.

Была суровая зима...
На каждой станціи сама

Выходитъ путница: «Скорѣй
Перепрягайте лошадей!»

И сыплетъ щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труденъ путь! Въ двадцатый день
Едва пріѣхали въ Тюмень.

Еще скакали десять дней.
«Увидимъ скоро Енисей»,

Сказалъ княгинѣ секретарь:
«Не ѣздитъ такъ и Государь!..»

*
* *

Впередъ! Душа полна тоски,
Дорога все труднѣй,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блескъ! Высокій домъ
На берегу Невы,

Обита лѣстница ковромъ,
 Передъ подъѣздомъ львы,
Изящно убранъ пышный залъ,
 Огнями весь горитъ.
О, радость! ныньче дѣтскій балъ,
 Чу! музыка гремитъ!
Ей ленты алыя вплели
 Въ двѣ русыя косы,
Цвѣты, наряды принесли
 Невиданной красы.
Пришелъ папаша,—сѣдъ, румянъ,—
 Къ гостямъ ее зоветъ.
«Ну, Катя! чудо сарафанъ!
 Онъ всѣхъ съ ума сведетъ!»
Ей любо, любо безъ границъ...
 Кружится передъ ней
Цвѣтникъ изъ милыхъ дѣтскихъ лицъ,
 Головокъ и кудрей.
Нарядны дѣти, какъ цвѣты,
 Наряднѣй старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
 Со звономъ каблуки...
Танцуетъ, прыгаетъ дитя,
 Не мысля ни о чемъ,
И дѣтство рѣзвое шутя
 Проносится... Потомъ
Другое время, балъ другой
 Ей снится: передъ ней
Стоитъ красавецъ молодой,
 Онъ что-то шепчетъ ей...
Потомъ опять балы, балы...
 Она — хозяйка ихъ,
У нихъ сановники, послы,
 Весь модный свѣтъ у нихъ...

«О, милый! что̀ ты такъ угрюмъ?
Что̀ на сердцѣ твоемъ?»
— Дитя! мнѣ скученъ свѣтскій шумъ,
Уйдемъ скорѣй, уйдемъ! —

И вотъ уѣхала она
Съ избранникомъ своимъ.
Предъ нею чудная страна,
Предъ нею — вѣчный Римъ...
Ахъ! чѣмъ бы жизнь намъ помянуть —
Не будь у насъ тѣхъ дней,
Когда, урвавшись какъ нибудь
Изъ родины своей,
И скучный сѣверъ миновавъ,
Примчимся мы на югъ.
До насъ нужды, на̀дъ нами правъ
Ни у кого... Самъ-другъ
Всегда лишь съ тѣмъ, кто дорогъ намъ,
Живемъ мы, какъ хотимъ;
Сегодня смотримъ древній храмъ,
А завтра посѣтимъ
Дворецъ, развалины, музей...
Какъ весело притомъ
Дѣлится мыслію своей
Съ любимымъ существомъ!

Подъ обаяньемъ красоты,
Во власти строгихъ думъ,
По Ватикану бродишь ты
Подавленъ и угрюмъ;
Отжившимъ міромъ окруженъ,
Не помнишь о живомъ;
За то, какъ страшно пораженъ
Ты въ первый мигъ потомъ,

Когда, покинувъ Ватиканъ,
Вернешься въ міръ живой,
Гдѣ ржетъ оселъ, шумитъ фонтанъ,
Поетъ мастеровой,
Торговля бойкая кипитъ,
Кричатъ на всѣ лады:
Коралловъ! раковинъ! улитъ!
Мороженой воды!
Танцуетъ, ѣстъ, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную, какъ смоль,
Римлянкѣ молодой
Старуха чешетъ... Жарокъ день,
Несносенъ черни гамъ,
Гдѣ намъ найти покой и тѣнь?
Заходимъ въ первый храмъ.

Не слышенъ здѣсь житейскій шумъ,
Прохлада, тишина
И полусумракъ... Строгихъ думъ
Опять душа полна.
Святыхъ и ангеловъ толпой
Вверху украшенъ храмъ,
Порфиръ и яшма подъ ногой
И мраморъ по стѣнамъ...

Какъ сладко слушать моря шумъ!
Сидишь по часу нѣмъ,
Неугнетенный, бодрый умъ
Работаетъ межъ тѣмъ...
До солнца горною тропой
Взберешься высоко —

Какое утро предъ тобой!
Какъ дышется легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долинъ
Росинки нѣтъ... Уйдемъ подъ тѣнь
Зонтообразныхъ пиннъ...

Княгинѣ памятны тѣ дни
Прогулокъ и бесѣдъ,
Въ душѣ оставили они
Неизгладимый слѣдъ.
Но не вернуть ей дней былыхъ,
Тѣхъ дней надеждъ и грезъ,
Какъ не вернуть потомъ о нихъ
Пролитыхъ ею слезъ!..

Исчезли радужные сны,
Предъ нею рядъ картинъ
Забытой Богомъ стороны:
Суровый господинъ
И жалкій труженикъ-мужикъ
Съ понурой головой...
Какъ первый властвовать привыкъ!
Какъ рабствуетъ второй!
Ей снятся группы бѣдняковъ
На нивахъ, на лугахъ,
Ей снятся стоны бурлаковъ
На волжскихъ берегахъ...
Наивнымъ ужасомъ полна,
Она не ѣстъ, не спитъ,
Засыпать спутника она
Вопросами спѣшитъ:

«Скажи, ужель весь край таковъ?
Довольства тѣни нѣтъ?..»
— Ты въ царствѣ нищихъ и рабовъ!
Короткій былъ отвѣтъ...

Она проснулась — въ руку сонъ!
Чу! слышенъ впереди
Печальный звонъ — кандальный звонъ!
— Эй, кучеръ, погоди!
То ссыльныхъ партія идетъ;
Больнѣй заныла грудь.
Княгиня деньги имъ даетъ, —
«Спасибо, добрый путь!»

Ей долго, долго лица ихъ
Мерещатся потомъ,
И не прогнать ей думъ своихъ,
Не позабыться сномъ!
«И та здѣсь партія была...
Да... нѣтъ другихъ путей...
Но слѣдъ ихъ вьюга замела.
Скорѣй, ямщикъ, скорѣй!..»

*
* *

Морозъ сильнѣй, пустыннѣй путь,
Чѣмъ далѣ на востокъ;
На триста верстъ какой нибудь
Убогій городокъ,
За то какъ радостно глядишь
На темный рядъ домовъ!
Но гдѣ же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псовъ.

Подъ кровлю всѣхъ загналъ морозъ,
Чаёкъ отъ скуки пьютъ.
Прошелъ солдатъ, проѣхалъ возъ,
Куранты гдѣ-то бьютъ,
Замерзли окна... огонёкъ
Въ одномъ чуть-чуть мелькнулъ...
Соборъ... на выѣздѣ острогъ...
Ямщикъ кнутомъ махнулъ:
«Эй, вы!» — и нѣтъ ужъ городка,
Послѣдній домъ исчезъ...
Направо — горы и рѣка,
Налѣво — темный лѣсъ...

Кипитъ больной, усталый умъ,
Безсонный до утра,
Тоскуетъ сердце. Смѣна думъ
Мучительно быстра;
Княгиня видитъ то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тутъ же думается ей —
Богъ знаетъ почему,
Что небо звѣздное — пескомъ
Посыпанный листокъ;
А мѣсяцъ — краснымъ сургучемъ
Оттиснутый кружокъ...

Пропали горы; началась
Равнина безъ конца.
Еще мертвѣй! Не встрѣтитъ глазъ
Живого деревца.
«А вотъ и тундра!» говоритъ
Ямщикъ, бурятъ степной.

Княгиня пристально глядитъ
И думаетъ съ тоской:
Сюда-то жадный человѣкъ
За золотомъ идетъ!
Оно лежитъ по русламъ рѣкъ,
Оно на днѣ болотъ.
Трудна добыча на рѣкѣ,
Болота страшны въ зной,
Но хуже, хуже въ рудникѣ,
Глубоко подъ землей!..
Тамъ гробовая тишина,
Тамъ безразсвѣтный мракъ...
Зачѣмъ, проклятая страна,
Нашелъ тебя Ермакъ?..

*
* *

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелыхъ думъ полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоитъ;
Знакомый городъ передъ ней
Волнуется, шумитъ;
Къ обширной площади бѣгутъ
Несмѣтныя толпы:
Чиновный людъ, торговый людъ,
Разносчики, попы;
Пестрѣютъ шляпки, бархатъ, шелкъ,
Тулупы, армяки...
Стоялъ ужъ тамъ какой-то полкъ,
Пришли еще полки,

Побольше тысячи солдатъ
Сошлось. Они «ура!» кричатъ,
Они чего-то ждутъ...

Народъ галдѣлъ, народъ зѣвалъ,
Едва ли сотый понималъ,
Что̀ дѣлается тутъ...
За то посмѣивался въ усъ,
Лукаво-щуря взоръ,
Знакомый съ бурями французъ,
Столичный куаферъ...

Приспѣли новые полки.
«Сдавайтесь!» тѣмъ кричатъ.
Отвѣтъ имъ — пули и штыки,
Сдаваться не хотятъ.
Какой-то бравый генералъ,
Влетѣвъ въ каре, грозиться сталъ —
Съ коня снесли его.
Другой приблизился къ рядамъ:
«Прощенье обѣщаемъ вамъ!»
Убили и того.

Явился самъ митрополитъ
Съ хоругвями, съ крестомъ.
Покайтесь, братія! гласитъ,
Падите ницъ челомъ!
Солдаты слушали, крестясь,
Но друженъ былъ отвѣтъ:
«Уйди, старикъ! молись за насъ!
Тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ...»

Тогда-то пушки навели,
Раздалось: пер-ва-я! па-ли!
.
Княгиня, память потерявъ,
Упала съ высоты стремглавъ.

Предъ нею длинный и сырой
Подземный корридоръ,
У каждой двери часовой,
Всѣ двери на запоръ.
Прибою волнъ подобный плескъ
Снаружи слышенъ ей;
Внутри — бряцанье, ружей блескъ
При свѣтѣ фонарей;
Да отдаленный шумъ шаговъ
И долгій гулъ отъ нихъ,
Да перекрестный бой часовъ,
Да крики часовыхъ...

Съ ключами старый и сѣдой,
Усатый инвалидъ —
«Иди, печальница, за мной!»
Ей тихо говоритъ:
«Я проведу тебя къ нему,
«Онъ живъ и невредимъ...
Она довѣрилась ему,
Она пошла за нимъ...

Шли долго, долго... Наконецъ,
Дверь визгнула, — и вдругъ
Предъ нею онъ... живой мертвецъ...
Предъ нею — бѣдный другъ!

Упавъ на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что̀ дѣлать?. . . .
.
Достанетъ мужества въ груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..» — . . .
.

«О милый? что̀ сказалъ ты? Словъ
Не слышу я твоихъ:
То этотъ страшный бой часовъ,
То крики часовыхъ!
Зачѣмъ тутъ третій между насъ?..
— Наивенъ твой вопросъ.

— «Пора! пробилъ урочный часъ!»
Тотъ «третій» произнесъ...

* * *

Княгиня вздрогнула, — глядитъ
Испуганно кругомъ,
Ей ужасъ сердце леденитъ:
Не все тутъ было сномъ!..
Луна плыла среди небесъ
Безъ блеска, безъ лучей,
Налѣво былъ угрюмый лѣсъ,
Направо — Енисей.
Темно! На встрѣчу ни души,
Ямщикъ на козлахъ спалъ,
Голодный волкъ въ лѣсной глуши
Пронзительно стоналъ,

Да вѣтеръ бился и ревѣлъ,
Играя на рѣкѣ,
Да инородецъ гдѣ-то пѣлъ
На странномъ языкѣ.
Суровымъ паѳосомъ звучалъ
Невѣдомый языкъ,
И пуще сердце надрывалъ,
Какъ въ бурю чайки крикъ...
Княгинѣ холодно: въ ту ночь
Морозъ былъ нестерпимъ;
Упали силы; ей не въ мочь
Бороться больше съ нимъ.
Разсудкомъ ужасъ овладѣлъ,
Что не доѣхать ей.
Ямщикъ давно уже не пѣлъ,
Не понукалъ коней,
Передней тройки не слыхать...
«Эй, живъ-ли ты, ямщикъ?
«Что ты замолкъ? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привыкъ...

Летятъ... Изъ мерзлаго окна
Не видно ничего:
Опасный гонитъ сонъ она,
Но не прогнать его!
Онъ волю женщины больной
Мгновенно покорилъ,
И, какъ волшебникъ, въ край родной
Ее переселилъ.
Тотъ край — онъ ей уже знакомъ —
Какъ прежде, нѣги полнъ,
И теплымъ солнечнымъ лучемъ,
И сладкимъ пѣньемъ волнъ

Ее привѣтствовалъ, какъ другъ...
 Куда не поглядитъ:
 «Да, это — югъ! да, — это югъ!»
 Все взору говоритъ...
Ни тучки въ небѣ голубомъ,
 Долина вся въ цвѣтахъ,
Все солнцемъ залито, — на всемъ,
 Внизу и на горахъ,
Печать могучей красоты,
 Ликуетъ все вокругъ;
Ей солнце, море и цвѣты
 Поютъ: «да, это — югъ!»

Въ долинѣ, между цѣпью горъ
 И моремъ голубымъ,
Она летитъ во весь опоръ
 Съ избранникомъ своимъ.
Дорога ихъ — роскошный садъ:
 Съ деревьевъ льется ароматъ,
На каждомъ деревѣ горитъ
 Румяный, пышный плодъ;
Сквозь вѣтви темныя сквозитъ
 Лазурь небесъ и водъ;
По морю рѣютъ корабли,
 Мелькаютъ паруса.
А горы, видныя вдали,
 Уходятъ въ небеса.
Какъ чудны краски ихъ! За часъ
 Рубины рдѣли тамъ,
Теперь заискрился топазъ
 По бѣлымъ ихъ хребтамъ...
Вотъ вьючный мулъ идетъ шажкомъ,
 Въ бубенчикахъ, въ цвѣтахъ,

За муломъ — женщина съ вѣнкомъ,
Съ корзинкою въ рукахъ.
Она кричитъ имъ добрый путь!
И, засмѣявшись вдругъ,
Бросаетъ быстро ей на грудь
Цвѣтокъ... да! это югъ!
Страна античныхъ смуглыхъ дѣвъ
И вѣчныхъ розъ страна...
Чу! мелодическій напѣвъ,
Чу! музыка слышна!

«Да, это югъ! да, это югъ
(Поетъ ей добрый сонъ)
Опять съ тобой любимый другъ,
Опять свободенъ онъ!..»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Уже два мѣсяца почти
Безсмѣнно день и ночь въ пути

На-диво слаженный возокъ,
А все конецъ пути далёкъ!

Княгининъ спутникъ такъ усталъ,
Что подъ Иркутскомъ захворалъ;

Два дня прождавъ его, она
Помчалась далѣе одна...

Ее въ Иркутскѣ встрѣтилъ самъ
Начальникъ городской;
Какъ мощи сухъ, какъ палка прямъ,
Высокій и сѣдой.

Сползла съ плеча его даха,
Подъ ней — кресты, мундиръ,
На шляпѣ — перья пѣтуха.
Почтенный бригадиръ,
Ругнувъ за что-то ямщика,
Поспѣшно подскочилъ
И дверцы прочнаго возка
Княгинѣ отворилъ...

КНЯГИНЯ *входитъ въ станціонный домъ.*

Въ Нерчинскъ! закладывать скорѣй!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Пришелъ я — встрѣтить васъ.

КНЯГИНЯ.

Велите-жъ дать мнѣ лошадей!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Прошу помедлить часъ,
Дорога наша такъ дурна,
Вамъ нужно отдохнуть...

КНЯГИНЯ.

Благодарю васъ! я сильна...
Ужъ не далекъ мой путь...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Все-жъ будетъ верстъ до восьмисотъ;
А главная бѣда:

Дорога хуже тутъ пойдетъ,
 Опасная ѣзда!..
Два слова нужно вамъ сказать
 По службѣ, — и притомъ
Имѣлъ я счастье графа знать,
 Семь лѣтъ служилъ при немъ.
Отецъ вашъ — рѣдкій человѣкъ
 По сердцу, по уму;
Запечатлѣвъ въ душѣ на вѣкъ
 Признательность къ нему,
Къ услугамъ дочери его
 Готовъ я... весь я вашъ...

КНЯГИНЯ.

Но мнѣ не нужно ничего!
отворяя дверь въ сѣни.
 Готовъ ли экипажъ?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Покуда я не прикажу,
 Его не подадутъ...

КНЯГИНЯ.

Такъ прикажите-жъ! Я прошу...

ГУБЕРНАТОРЪ.

 Но есть зацѣпка тутъ:
Съ послѣдней почтой прислана
 Бумага...

КНЯГИНЯ.

 Что-же въ ней?
Ужъ не вернуться-ль я должна?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да-съ, было бы вѣрнѣй.

КНЯГИНЯ.

Да кто-жъ прислалъ вамъ и о чемъ
Бумагу? что̀-же — тамъ
Шутили, что̀-ли, надъ отцомъ?
Онъ все устроилъ самъ!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Нѣтъ... не рѣшусь я утверждать...
Но путь еще далекъ...

КНЯГИНЯ.

Такъ что̀ же даромъ и болтать!
Готовъ ли мой возокъ?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Нѣтъ... Я еще не приказалъ...
Княгиня! Здѣсь я царь!
Садитесь! Я уже сказалъ,
Что зналъ я графа встарь,
А графъ... хоть онъ васъ отпустилъ,
По добротѣ своей,
Но вашъ отъѣздъ его убилъ..
Вернитесь поскорѣй.

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ! что однажды рѣшено —
Исполню до конца!

Мнѣ вамъ разсказывать смѣшно,
Какъ я люблю отца,
Какъ любитъ онъ. Но долгъ другой,
И выше, и святѣй,
Меня зоветъ. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Позвольте-съ. Я согласенъ самъ,
Что дорогъ каждый часъ;
Но хорошо-ль извѣстно вамъ,
Что̀ ожидаетъ васъ?
Безплодна наша сторона,
А та — еще бѣднѣй;
Короче нашей тамъ весна,
Зима — еще длиннѣй.
Да-съ, восемь мѣсяцевъ зима
Тамъ — знаете ли вы?
Тамъ люди рѣдки безъ клейма,
И тѣ душой черствы;
На волѣ рыскаютъ кругомъ
Тамъ только варнаки,
Ужасенъ тамъ тюремный домъ,
Глубоки рудники.
Вамъ не придется съ мужемъ быть
Минуты глазъ-на-глазъ;
Въ казармѣ общей надо жить,
А пища: хлѣбъ да квасъ.
Пять тысячъ каторжниковъ тамъ,
Озлоблены судьбой,
Заводятъ драки по ночамъ,
Убійства и разбой;

Коротокъ имъ и страшенъ судъ,—
Грознѣе нѣтъ суда!
И вы, княгиня, вѣчно тутъ,
Свидѣтельницей... Да!
Повѣрьте, васъ не пощадятъ,
Не сжалится никто!
Пускай вашъ мужъ — онъ виноватъ...
А вамъ терпѣть... за что?

КНЯГИНЯ.

Ужасна будетъ, знаю я,
Жизнь мужа моего;
Пускай же будетъ и моя
Не радостнѣй его!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Но вы не будете тамъ жить:
Тотъ климатъ васъ убьетъ;
Я васъ обязанъ убѣдить:
Не ѣздите впередъ!
Ахъ! вамъ ли жить въ странѣ такой,
Гдѣ воздухъ у людей
Не паромъ — пылью ледяной
Выходитъ изъ ноздрей?
Гдѣ мракъ и холодъ круглый годъ,
А въ краткіе жары
Непросыхающихъ болотъ
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бѣжитъ и звѣрь лѣсной,
Когда сто-суточная ночь
Повиснетъ надъ страной...

КНЯГИНЯ.

Живутъ же люди въ томъ краю!
Привыкну я, шутя...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Живутъ? но молодость свою
Припомните... дитя!
Здѣсь мать — водицей снѣговой,
Родивъ, омоетъ дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкаетъ всю ночь,
А будитъ дикій звѣрь, рыча
Близь хижины лѣсной,
Да пурга, бѣшено стуча
Въ окно какъ домовой.
Съ глухихъ лѣсовъ, съ пустынныхъ рѣкъ
Сбирая дань свою,
Окрѣпъ туземный человѣкъ
Съ природою въ бою.
А вы?..

КНЯГИНЯ.

Пусть смерть мнѣ суждена —
Мнѣ нечего жалѣть!..
Я ѣду! ѣду! я должна
Близь мужа умереть.

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него

Прошу: не ѣздите туда!
 Сноснѣе одному,
Уставъ отъ тяжкаго труда,
 Придти въ свою тюрьму,
Придти — и лечь на голый полъ
 И съ черствымъ сухаремъ
Заснуть... а добрый сонъ пришелъ —
 И узникъ сталъ царемъ!
Летя мечтой къ роднымъ, къ друзьямъ,
 Увидя васъ самихъ,
Проснется онъ къ дневнымъ трудамъ
 И бодръ, и сердцемъ тихъ.
А съ вами?.. съ вами не знавать
 Ему счастливыхъ грезъ,
Въ себѣ онъ будетъ сознавать
 Причину вашихъ слезъ.

КНЯГИНЯ.

Ахъ!.. Эти рѣчи поберечь
 Вамъ лучше для другихъ.
Всѣмъ вашимъ пыткамъ не извлечь
 Слезы изъ глазъ моихъ!
Покинувъ родину, друзей,
 Любимаго отца,
Принявъ обѣтъ въ душѣ моей
 Исполнить до конца
Мой долгъ,—я слезъ не принесу
 Въ проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость въ немъ спасу,
 Я силы дамъ ему!

.

.

.

ГУБЕРНАТОРЪ.

Прекрасныя мечты!
Но ихъ достанетъ на пять дней.
Не вѣкъ же вамъ грустить?
Повѣрьте совѣсти моей,
Захочется вамъ жить.
Здѣсь — черствый хлѣбъ, тюрьма, позоръ,
Нужда и вѣчный гнетъ,
А тамъ — балы, блестящій дворъ,
Свобода и почетъ.
Какъ знать! Быть можетъ, Богъ судилъ...
Понравится другой,
Законъ васъ права не лишилъ...

КНЯГИНЯ.

Молчите!.. Боже мой!..

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше въ свѣтъ.

КНЯГИНЯ.

Благодарю, благодарю
За добрый вашъ совѣтъ!

.
.
.
.
.
.
.
.

Нѣтъ, въ этотъ вырубленный лѣсъ
Меня не заманятъ,
Гдѣ были дубы до небесъ,
А нынче пни торчатъ!
Вернуться? жить среди клеветъ,
Пустыхъ и темныхъ дѣлъ?..
Тамъ мѣста нѣтъ, тамъ друга нѣтъ
Тому, кто разъ прозрѣлъ!
.
.
.
.
Забыть того, кто насъ любилъ,
Вернуться — все простя?...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Но онъ же васъ не пощадилъ?
Подумайте, дитя:
О комъ тоска, къ кому любовь?

КНЯГИНЯ.

Молчите, генералъ!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Когда-бъ не доблестная кровь
Текла въ васъ — я-бъ молчалъ.
Но если рветесь вы впередъ,
Не вѣря ничему,
Быть можетъ, гордость васъ спасетъ...
Достались вы ему
Съ богатствомъ, съ именемъ, съ умомъ,
Съ довѣрчивой душой,

А онъ, не думая о томъ,
Что̀ станется съ женой,
Увлекся призракомъ пустымъ,
И — вотъ его судьба!..
И что̀-жъ?.. бѣжите вы за нимъ,
Какъ жалкая раба!

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей вѣрна!
О, еслибъ онъ меня забылъ
Для женщины другой,
Въ моей душѣ достало-бъ силъ
Не быть его рабой!
Но знаю: къ родинѣ любовь
Соперница моя,
И еслибъ нужно было, вновь
Ему про́стила-бъ я!..

* * *

Княгиня кончила... Молчалъ
Упрямый старичекъ.
— Ну, что-жъ? Велите, генералъ,
Готовить мой возокъ?
Не отвѣчая на вопросъ,
Смотрѣлъ онъ долго въ полъ,
Потомъ въ раздумьи произнесъ:
«До завтра» — и ушелъ...

*
* *

Назавтра тотъ же разговоръ:
 Просилъ и убѣждалъ,
Но получилъ опять отпоръ
 Почтенный генералъ.
Всѣ убѣжденья истощивъ
 И выбившись изъ силъ,
Онъ долго, важенъ, молчаливъ,
 По комнатѣ ходилъ
И, наконецъ, сказалъ: «Быть такъ!
 Васъ не спасешь, увы!..
Но знайте: сдѣлавъ этотъ шагъ,
 Всего лишитесь вы!»

— Да что же мнѣ еще терять?
 «За мужемъ поскакавъ,
Вы отреченье подписать
 Должны отъ вашихъ правъ!»

Старикъ эффектно замолчалъ:
 Отъ этихъ страшныхъ словъ
Онъ, очевидно, пользы ждалъ;
 Но былъ отвѣтъ таковъ:
«У васъ сѣдая голова,
 А вы еще дитя!
Вамъ наши кажутся права
 Правами — не шутя.
Нѣтъ! ими я не дорожу,
 Возьмите ихъ скорѣй!
Гдѣ отреченье? Подпишу!
 И живо — лошадей!..»

ГУБЕРНАТОРЪ.

Бумагу эту подписать!
Да что̀ вы?.. Боже мой!
Вѣдь это значитъ — нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вамъ дано отцомъ,
Что по наслѣдству перейти
Должно бы къ вамъ потомъ!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нѣтъ! вы подумайте сперва —
Зайду я къ вамъ опять!..

*
* *

Ушелъ и не былъ цѣлый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая, какъ тѣнь,
Пошла къ нему сама.
Ее не принялъ генералъ:
Хвораетъ тяжело...
Пять дней, покуда онъ хворалъ,
Мучительныхъ прошло,
А на шестой пришелъ онъ самъ
И круто молвилъ ей:
«Я отпустить не въ правѣ вамъ,
Княгиня, лошадей!
Васъ по этапу поведутъ
Съ конвоемъ...»

КНЯГИНЯ.

Боже мой!
Но такъ вѣдь мѣсяцы пройдутъ
Въ дорогѣ!..

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да, весной
Въ Нерчинскъ придете, если васъ
Дорога не убьетъ.
Наврядъ версты четыре въ часъ
Закованный идетъ:
По срединѣ дня — привалъ,
Съ закатомъ дня — ночлегъ,
А ураганъ въ степи засталъ —
Закапывайся въ снѣгъ!
Да-съ, промедленьямъ нѣтъ числа,
Иной упалъ, ослабъ...

КНЯГИНЯ.

Не хорошо я поняла —
Что значитъ вашъ этапъ?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Подъ карауломъ казаковъ
Съ оружіемъ въ рукахъ,
Этапомъ водимъ мы воровъ
И каторжныхъ въ цѣпяхъ.
Они дорогою шалятъ,
Того гляди — сбѣгутъ,
Такъ ихъ канатомъ прикрутятъ
Другъ къ другу — и ведутъ.

Трудненекъ путь! Да вотъ-съ каковъ:
Отправится пятьсотъ,
А до нерчинскихъ рудниковъ
И трети не дойдетъ!
Они какъ мухи мрутъ въ пути,
Особенно зимой...
И вамъ, княгиня, такъ идти?..
Вернитесь-ка домой!

КНЯГИНЯ.

О, нѣтъ! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодѣй!..
Недѣля цѣлая прошла...
Нѣтъ сердца у людей!
Зачѣмъ бы разомъ не сказать?...
Ужъ шла бы я давно...
Велите-жъ партію сбирать —
Иду! мнѣ все равно!..

* * *

«Нѣтъ! вы поѣдете!..» вскричалъ
Нежданно старый генералъ,
Закрывъ рукой глаза:
«Какъ я васъ мучилъ... Боже мой!..»
(Изъ-подъ руки на усъ сѣдой
Скатилася слеза).
«Простите! да, я мучилъ васъ,
Но мучился и самъ,
Но строгій я имѣлъ приказъ
Преграды ставить вамъ!
И развѣ ихъ не ставилъ я?
Я дѣлалъ все, что могъ,

Передъ судомъ душа моя
Чиста, свидѣтель Богъ!
Острожнымъ жесткимъ сухаремъ
И жизнью взаперти,
Позоромъ, ужасомъ, трудомъ
Этапнаго пути
Я васъ старался напугать:
Не испугались вы!
И хоть бы мнѣ не удержать
На плечахъ головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше васъ...
Я васъ въ три дня туда домчу...
Отворяя дверь, кричитъ:
Эй, запрягать, сейчасъ!..»

II.

КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ.

[1826—27 г.].

I.

Проказники внуки! Сегодня они
Съ прогулки опять воротились:
«Намъ, бабушка, скучно! Въ ненастные дни,
Когда мы въ портретной садились
И ты начинала разсказывать намъ,
Такъ весело было!.. Родная,
Еще что̀-нибудь разскажи!..» По угламъ
Усѣлись. Но ихъ прогнала я:
«Успѣете слушать; разсказовъ моихъ
Достанетъ на цѣлые томы,

Но вы еще глупы: узнаете ихъ,
Какъ будете съ жизнью знакомы!
Я все разсказала, доступное вамъ
По вашимъ ребяческимъ лѣтамъ:
Идите гулять по полямъ, по лугамъ!
Идите же... пользуйтесь лѣтомъ!»

И вотъ, не желая остаться въ долгу
У внуковъ, пишу я записки;
Для нихъ я портреты людей берегу,
Которые были мнѣ близки,
Я имъ завѣщаю альбомъ — и цвѣты
Съ могилы сестры-Муравьевой,
Коллекцію бабочекъ, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я имъ завѣщаю желѣзный браслетъ...
Пускай берегутъ его свято:
Въ подарокъ женѣ, его выковалъ дѣдъ
Изъ собственной цѣпи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Подъ Кіевомъ, въ тихой деревнѣ;
Любимая дочь я была у семьи.
Нашъ родъ былъ богатый и древній,
Но пуще отецъ мой возвысилъ его:
Заманчивѣй славы героя,
Дороже отчизны — не зналъ ничего
Боецъ, не любившій покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лѣтъ
Онъ былъ полковымъ командиромъ,
Онъ мужествомъ добылъ и лавры побѣдъ,
И почести, чтимыя міромъ.

Воинская слава его началась
Персидскимъ и шведскимъ походомъ,
Но память о немъ нераздѣльно слилась
Съ великимъ двѣнадцатымъ годомъ:
Тутъ жизнь его долгимъ сраженьемъ была.
Походы мы съ нимъ раздѣляли,
И въ мѣсяцъ иной не запомнимъ числа,
Когда-бъ за него не дрожали.
«Защитникъ Смоленска» всегда впереди
Опаснаго дѣла являлся...
Подъ Лейпцигомъ раненый, съ пулей въ груди,
Онъ вновь черезъ сутки сражался,—
Такъ лѣтопись жизни его говоритъ;
Въ ряду полководцевъ Россіи,
Покуда отечество наше стоитъ,
Онъ памятенъ будетъ! Витіи
Отца моего осыпали хвалой,
Безсмертнымъ его называя;
Жуковскій почтилъ его громкой строфой,
Россійскихъ вождей прославляя:
Подъ Дашковой личнаго мужества жаръ
И жертву отца-патріота
Поэтъ воспѣваетъ. Воинственный даръ
Являя въ сраженьяхъ безъ счета,
Не силой одною враговъ побѣждалъ
Вашъ прадѣдъ въ борьбѣ исполинской:
О немъ говорили, что онъ сочеталъ
Съ отвагою геній воинскій.

Войной озабоченъ, въ семействѣ своемъ
Отецъ ни во что̀ не мѣшался,
Но крутъ былъ порою; почти божествомъ
Онъ матери нашей казался,

И самъ онъ глубоко привязанъ былъ къ ней.
Отца мы любили — въ героѣ.
Окончивъ походы, въ усадьбѣ своей
Онъ медленно гасъ на покоѣ.
Мы жили въ большомъ, подгородномъ дому.
Дѣтей поручивъ англичанкѣ,
Старикъ отдыхалъ. Я училась всему,
Что̀ нужно богатой дворянкѣ,
А послѣ уроковъ бѣжала я въ садъ
И пѣла весь день беззаботно.
Мой голосъ былъ очень хорошъ, говорятъ,
Отецъ его слушалъ охотно;
Записки свои приводилъ онъ къ концу,
Читалъ онъ газеты, журналы,
Пиры задавалъ; наѣзжали къ отцу
Сѣдые, какъ онъ, генералы,
И шли безконечные споры тогда;
Межъ тѣмъ молодёжь танцовала.
Сказать ли вамъ правду? была я всегда
Въ то время царицею бала:
Очей моихъ томныхъ огонь голубой
И черная съ синимъ отливомъ
Большая коса, и румянецъ густой
На личикѣ смугломъ, красивомъ,
И ростъ мой высокій, и гибкій мой станъ,
И гордая поступь — плѣняли
Тогдашнихъ красавцевъ: гусаровъ, уланъ,
Что̀ близко съ полками стояли,
Но слушала я неохотно ихъ лесть...
Отецъ за меня постарался:
«Не время ли замужъ? Женихъ уже есть,
Онъ славно подъ Лейпцигомъ дрался,
Его полюбилъ Государь, нашъ отецъ,

И далъ ему чинъ генерала.
Постарше тебя... а собой молодецъ, —
Волконскій! Его ты видала
На царскомъ смотру... и у насъ онъ бывалъ,
По парку съ тобой все шатался!»
— Да, помню! Высокій такой генералъ...
«Онъ самый!» Старикъ засмѣялся...
— Отецъ! онъ такъ мало со мной говорилъ...
Замѣтила я, покраснѣла...
«Ты будешь съ нимъ счастлива!» круто рѣшилъ
Старикъ, — возражать я не смѣла...

Прошло двѣ недѣли и я подъ вѣнцомъ
Съ Сергѣемъ Волконскимъ стояла;
Не много я знала его женихомъ,
Не много и мужемъ узнала: —
Такъ мало мы жили подъ кровлей одной,
Такъ рѣдко другъ друга видали!
По дальнимъ селеньямъ, на зимній постой
Бригаду его разбросали,
Ее объѣзжалъ безпрестанно Сергѣй,
А я, между тѣмъ, расхворалась;
Въ Одессѣ потомъ, по совѣту врачей,
Я цѣлое лѣто купалась;
Зимой онъ пріѣхалъ за мною туда,
Съ недѣлю я съ нимъ отдохнула
При главной квартирѣ... и снова бѣда!
Однажды я крѣпко уснула,
Вдругъ слышу я голосъ Сергѣя (въ ночи,
Почти на разсвѣтѣ то было):
«Вставай! Поскорѣе найди мнѣ ключи!
Каминъ затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревоженъ и блѣденъ онъ былъ...

Каминъ затопила я живо.
Изъ ящиковъ мужъ мой бумаги сносилъ
Къ камину — и жегъ торопливо.
Иныя прочитывалъ бѣгло, спѣша,
Иныя бросалъ, не читая.
И я помогала Сергѣю, дрожа
И глубже въ огонь ихъ толкая...
Потомъ онъ сказалъ: «Мы поѣдемъ сейчасъ»,
Волосъ моихъ нѣжно касаясь.
Все скоро уложено было у насъ,
И утромъ, ни съ кѣмъ не прощаясь,
Мы тронулись въ путь. Мы скакали три дня,
Сергѣй былъ угрюмъ, торопился,
Довезъ до отцовской усадьбы меня
И тотчасъ со мною простился.

II.

Уѣхалъ!.. Что значила блѣдность его
И все, что въ ту ночь совершилось?
Зачѣмъ не сказалъ онъ женѣ ничего?
Недоброе что-то случилось!..
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнѣнія душу терзали;
«Уѣхалъ, уѣхалъ! опять я одна!..»
Родные меня утѣшали,
Отецъ торопливость его объяснялъ
Какимъ-нибудь дѣломъ случайнымъ:
«Куда-нибудь самъ императоръ послалъ
Его съ порученіемъ тайнымъ;
Не плачь! Ты походы дѣлила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; онъ скоро вернется домой!

Подъ сердцемъ залогъ драгоцѣнный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Все кончится ладно, родная:
Жена муженька проводила одна,
А встрѣтитъ, ребенка качая!..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидѣться съ бѣдной женою
И съ первенцемъ-сыномъ отцу довелось
Не здѣсь — не подъ кровлей родною!

Какъ дорого стоилъ мнѣ первенецъ мой!
Два мѣсяца я прохворала.
Измучена тѣломъ, убита душой,
Я первую — няню узнала.
Спросила о мужѣ. — Еще не бывалъ!
«Писалъ ли?» — И писемъ нѣтъ даже.
«А гдѣ мой отецъ?» — Въ Петербургъ ускакалъ.
«А братъ мой?» — Уѣхалъ туда же.

«Мой мужъ не пріѣхалъ, нѣтъ даже письма,
И братъ и отецъ ускакали»,—
Сказала я матушкѣ: — «Ѣду сама!
Довольно, довольно мы ждали» —
И какъ ни старалась упрашивать дочь
Старушка, — я твердо рѣшилась;
Припомнила я ту послѣднюю ночь
И все, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что съ мужемъ моимъ
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливамъ рѣчнымъ
Пришлось черепахой тащиться.

Доѣхала я чуть живая опять.
«Гдѣ мужъ мой?» — отца я спросила.
— Въ Молдавію мужъ твой ушелъ воевать.
«Не пишетъ онъ?...» Глянулъ уныло
И вышелъ отецъ... Недоволенъ былъ братъ,
Прислуга молчала, вздыхая...
Замѣтила я, что со мною хитрятъ,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мнѣ нуженъ покой,
Ко мнѣ никого не пускали,
Меня окружили какой-то стѣной,
Мнѣ даже газетъ не давали!
Я вспомнила: много у мужа родныхъ,
Пишу — отвѣчать умоляю,
Проходятъ недѣли, — ни слова отъ нихъ!
Я плачу, я силы теряю...

Нѣтъ чувства мучительнѣй тайной грозы.
Я клятвой отца увѣряла,
Что я не пролью не единой слезы, —
И онъ, и кругомъ все молчало!
Любя меня мучилъ мой бѣдный отецъ;
Жалѣя удвоивалъ горе...
Узнала, узнала я все наконецъ!..
Прочла я въ самомъ приговорѣ,
Что былъ заговорщикомъ бѣдный Сергѣй:
Стояли они на-сторожѣ,
Готовя несчастье отчизнѣ своей;
Въ вину ему ставилось тоже,
Что онъ... Закружилась моя голова...
Я вѣрить глазамъ не хотѣла...
«Ужели?...» въ умѣ не вязались слова:
Сергѣй — и безчестное дѣло!

Я помню, сто разъ я прочла приговоръ,
Вникая въ слова роковыя:
Къ отцу побѣжала, — съ отцомъ разговоръ
Меня успокоилъ, родные!
Съ души словно камень тяжелый упалъ.
Въ одномъ я Сергѣя винила:
Зачѣмъ онъ женѣ ничего не сказалъ?
Подумавъ, и то я простила:
«Какъ могъ онъ болтать? Я была молода,
Когда-жъ онъ со мной разставался,
Я сына подъ сердцемъ носила тогда:
За мать и дитя онъ боялся!»
Такъ думала я. — «Пусть бѣда велика,
Не все потеряла я въ мірѣ.
Сибирь такъ ужасна, Сибирь далека,
Но люди живутъ и въ Сибири!..»

Всю ночь я горѣла, мечтая о томъ,
Какъ буду лелѣять Сергѣя.
Подъ утро глубокимъ, крѣпительнымъ сномъ
Уснула, — и встала бодрѣе.
Поправилось скоро здоровье мое,
Пріятельницъ я повидала,
Нашла я сестру, — разспросила ее
И горькаго много узнала!
Несчастные люди!.. «Все время Сергѣй»
(Сказала сестра) «содержался
Въ тюрьмѣ; не видалъ ни родныхъ, ни друзей...
Вчера только съ нимъ повидался
Отецъ. Повидаться съ нимъ можешь и ты:
Когда приговоръ прочитали,
Одѣли ихъ въ рубище, сняли кресты,
Но право свиданья имъ дали!..»

.

Я въ крѣпость поѣхала къ мужу съ сестрой.
Пришли мы сперва къ «генералу»,
Потомъ насъ привелъ генералъ пожилой
Въ обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будемъ сейчасъ!»
Раскланившись вѣжливо съ нами,
Онъ вышелъ. Съ дверей не спускала я глазъ,
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летѣла,
Мнѣ чудилось: связку ключей принесли
И ржавая дверь заскрипѣла,
Въ угрюмой каморкѣ съ желѣзнымъ окномъ
Измученный узникъ томился.
— Жена къ вамъ пріѣхала!.. Блѣдный лицомъ,
Онъ весь задрожалъ, оживился:
— Жена!.. Корридоромъ онъ быстро бѣжалъ,
Довѣриться слуху не смѣя...
— Вотъ онъ! громогласно сказалъ генералъ, —
И я увидала Сергѣя...
Недаромъ надъ нимъ пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно блѣдно, глаза
Не такъ уже ярко свѣтились,
Но больше въ нихъ было, чѣмъ въ прежніе дни,
Той тихой, знакомой печали;
Съ минуту пытливо смотрѣли они,
И радостью вдругъ заблистали:
Казалось онъ въ душу мою заглянулъ...
Я горько, припавъ къ его груди,
Рыдала... Онъ обнялъ меня и шепнулъ:
«Здѣсь есть посторонніе люди».
Потомъ онъ сказалъ, что полезно ему

Узнать добродѣтель смиренья,
Что, впрочемъ, легко переноситъ тюрьму,
И нѣсколько словъ одобренья
Прибавилъ... По комнатѣ важно шагалъ
Свидѣтель: намъ было неловко...
Сергѣй на одежду свою показалъ;
«Поздравь меня, Маша, съ обновкой»
И тихо прибавилъ: «*пойми и прости*» —
Глаза засверкали слезою...
Но тутъ соглядатай успѣлъ подойти,
Онъ низко поникъ головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя въ этой одеждѣ»
И тихо шепнула: *я все поняла,*
Люблю тебя больше, чѣмъ прежде...
«Что̀ дѣлать? И въ каторгѣ буду я жить»
(Покуда мнѣ жить не наскучитъ).
— Ты живъ, ты здоровъ, такъ о чемъ же тужить?
(Вѣдь каторга насъ не разлучитъ?)
«Такъ вотъ ты какая!» Сергѣй говорилъ,
Лицо его весело было...
Онъ вынулъ платокъ, на окно положилъ,
И рядомъ я свой положила,
Потомъ, разставаясь, Сергѣевъ платокъ
Взяла я — мой мужу остался...
Намъ, послѣ годичной разлуки, часокъ
Свиданья коротокъ казался,
Но что-жъ было дѣлать! Нашъ срокъ миновалъ —
Пришлось бы другимъ дожидаться...
Въ карету меня подсадилъ генералъ,
Счастливо желалъ оставаться...

Великую радость нашла я въ платкѣ:
Цѣлуя его, увидала
Я нѣсколько словъ на одномъ уголкѣ:
Вотъ чтò я, дрожа, прочитала:
«*Мой другъ, ты свободна. Пойми — не пеняй!*
«*Душевно я бодръ и — желаю*
«*Жену мою видѣть такой же. Прощай!*
«*Малюткѣ поклонъ посылаю...*»

Была въ Петербургѣ большая родня
У мужа; все знать — да какая!
Я ѣздила къ нимъ, волновалась три дня,
Сергѣя спасти умоляя.
Но сдѣлать они ничего не могли...
Я съ мужемъ еще повидалась,
И время приспѣло: его увезли!..
Какъ только одна я осталась,
Я тотчасъ послышала въ сердцѣ моемъ,
Что надо и мнѣ торопиться:
Мнѣ душенъ казался родительскій домъ,
И стала я къ мужу проситься.

Теперь разскажу вамъ подробно, друзья,
Мою роковую побѣду.
Вся дружно и грозно возстала семья,
Когда я сказала: «я ѣду!»
Не знаю, какъ мнѣ удалось устоять.
Чего натерпѣлась я... Боже!..
Была изъ-подъ Кіева вызвана мать,
И братья пріѣхали тоже:
Отецъ «образумить» меня приказалъ,
Они убѣждали, просили,
Но волю мою самъ Господь подкрѣплялъ,

Ихъ рѣчи ея не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы къ обѣду,
Отецъ мимоходомъ мнѣ бросилъ вопросъ:
«На что ты рѣшилась?» — Я ѣду!
Отецъ промолчалъ, промолчала семья...
Я вечеромъ горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдругъ входитъ отецъ, — я вздрогнула!..
Ждала я грозы; но, печаленъ и тихъ,
Сказалъ онъ сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровныхъ родныхъ?
Что будетъ съ несчастнымъ сироткой?
Что будетъ съ тобою, голубка моя?
Тамъ нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты тамъ только могилу!»
И ждалъ онъ отвѣта, и взглядъ мой ловилъ,
Лаская меня и цѣлуя...
«Я самъ виноватъ! Я тебя погубилъ!»
Воскликнулъ онъ вдругъ, негодуя:
«Гдѣ былъ мой разсудокъ? Гдѣ были глаза?
Ужъ знала вся армія наша...»
И рвалъ онъ сѣдые свои волоса:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молилъ горячо...
Богъ знаетъ, какъ я устояла!
Припавъ головою къ нему на плечо,
— «Поѣду!» я тихо сказала...
«Посмотримъ!..» И вдругъ распрямился старикъ,
Глаза его гнѣвомъ сверкàли:
«Одно повторяетъ твой глупый языкъ:
Поѣду! Сказать не пора ли,

Куда и зачѣмъ? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что̀ болтаешь!
Умѣетъ-ли думать твоя голова?
Врагами ты, что-ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они,
Что споришь ты съ ними, какъ съ ровней?
Поглубже ты въ сердце свое загляни,
Впередъ посмотри хладнокровнѣй,
Подумай!.. Я завтра увижусь съ тобой...»

Ушелъ онъ, грозящій и гнѣвный,
А я, чуть жива, предъ иконой святой
Упала — въ истомѣ душевной...

III.

«Подумай!..» Я цѣлую ночь не спала,
Молилась и плакала много;
Я Бо́жію Матерь на помощь звала,
Совѣта просила у Бога,
Я думать училась: отецъ приказалъ
Подумать... нелегкое дѣло!
Давно-ли онъ думалъ за насъ — и рѣшалъ,
И жизнь наша мирно летѣла?
Училась я много; на трехъ языкахъ
Читала. Замѣтна была я
Въ парадныхъ гостиныхъ, на свѣтскихъ балахъ,
Искусно танцуя, играя,
Могла говорить я почти обо всемъ,
Я музыку знала, я пѣла,
Я даже отлично скакала верхомъ,
Но думать совсѣмъ не умѣла.

Я только въ послѣдній, двадцатый мой годъ
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да въ дѣтствѣ, бывало, сердечко вздрогнётъ,
Какъ грянетъ нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отецъ
Со мной не говаривалъ строго;
Осьмнадцати лѣтъ я пошла подъ вѣнецъ
И тоже не думала много...

Въ послѣднее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвѣстность томила сперва;
Когда же бѣду я узнала,
Безсмѣнно стоялъ предо мною Сергѣй,
Тюрьмою измученный, блѣдный,
И много невѣдомыхъ прежде страстей,
Посѣялъ въ душѣ моей бѣдной.

Я все испытала, а больше всего —
Жестокое чувство безсилья.
Я небо и сильныхъ людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнѣвъ мою душу больную палилъ,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было силъ,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непремѣнно я думать должна —
Отцу моему такъ угодно.
Пусть воля моя неизмѣнно одна,
Пусть всякая дума безплодна,
Я честно исполнить отцовскій приказъ
Рѣшилась, мои дорогіе.

Старикъ говорилъ: «Ты подумай о насъ,
Мы люди тебѣ не чужіе:
И мать, и отца, и дитя, наконецъ,—
Ты всѣхъ безразсудно бросаешь,
За что же?» — Я долгъ исполняю, отецъ!
— «За что ты себя обрекаешь
На муку?»—Не буду я мучиться тамъ!
Здѣсь ждетъ меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вамъ,—
Меня истерзаетъ разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днемъ,
Рыдая надъ бѣднымъ сироткой,
Все буду я думать о мужѣ моемъ,
Да слышать упрекъ его кроткій.
Куда ни пойду я,—на лицахъ людей
Я свой приговоръ прочитаю:
Въ ихъ шопотѣ — повѣсть измѣны моей,
Въ улыбкѣ — укоръ угадаю:
Что мѣсто мое не на пышномъ балу,
А въ дальней пустынѣ угрюмой,
Гдѣ узникъ усталый въ тюремномъ углу
Терзается лютою думой
Одинъ... безъ опоры... Скорѣе къ нему!
Тамъ только вздохну я свободно!
Дѣлила съ нимъ радость, дѣлить и тюрьму
Должна я... Такъ небу угодно!..

Простите, родные! Мнѣ сердце давно
Мое подсказало рѣшенье
И вѣрю я твердо: отъ Бога оно!
А въ васъ говоритъ — сожалѣнье.
Да, ежели выборъ рѣшить я должна
Межъ мужемъ и сыномъ — не болѣ,

Иду я туда, гдѣ я больше нужна,
Иду я къ тому, кто въ неволѣ!
Я сына оставлю въ семействѣ родномъ,
Онъ скоро меня позабудетъ.
Пусть дѣдушка будетъ малюткѣ отцомъ,
Сестра ему матерью будетъ.
Онъ такъ еще малъ! А когда подростетъ
И страшную тайну узнаетъ,
Я вѣрю: онъ матери чувство пойметъ
И въ сердцѣ ее оправдаетъ!

Но если останусь я съ нимъ... и потомъ
Онъ тайну узнаетъ и спроситъ:
«Зачѣмъ не пошла ты за бѣднымъ отцомъ?»
И слово укора мнѣ броситъ?
О, лучше въ могилу мнѣ заживо лечь,
Чѣмъ мужа лишить утѣшенья
И въ будущемъ сына презрѣнье навлечь...
Нѣтъ, нѣтъ! не хочу я презрѣнья!..

А можетъ случиться — подумать боюсь! —
Я перваго мужа забуду,
Условіямъ новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачихой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бѣдный изгнанникъ!
Тебя позабыть? Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранникъ...

Отецъ! ты не знаешь, какъ дорогъ онъ мнѣ!
Его ты не знаешь! Сначала,
Въ блестящемъ нарядѣ, на гордомъ конѣ,
Его предъ полкомъ я видала;

О подвигахъ жизни его боевой
Разсказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
Я въ немъ полюбила героя...

Позднѣе, я въ немъ полюбила отца
Малютки, рожденнаго мною.
Разлука тянулась межъ тѣмъ безъ конца.
Онъ твердо стоялъ подъ грозою...
Вы знаете, гдѣ мы увидѣлись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Послѣднюю, лучшую сердца любовь
Въ тюрьмѣ я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета, —
Онъ былъ безупречнѣй, чѣмъ прежде,
И я полюбила его, какъ Христа...
Въ своей арестантской одеждѣ
Теперь онъ безсмѣнно стоитъ предо мной,
Величіемъ кроткимъ сіяя;
Терновый вѣнецъ надъ его головой,
Во взорѣ — любовь неземная...
Отецъ мой! должна я увидѣть его...
Умру я, тоскуя по мужѣ...
Ты, долгу служа, не щадилъ ничего,
И насъ научилъ ты тому же...
Герой, выводившій своихъ сыновей
Туда, гдѣ смертельнѣй сраженье, —
Не вѣрю, чтобъ дочери бѣдной своей
Ты самъ не одобрилъ рѣшенье!

Вотъ что̀ я продумала въ долгую ночь,
И такъ я съ отцомъ говорила...

Онъ тихо сказалъ: «Сумасшедшая дочь!»
И вышелъ; молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконецъ...
Тяжелые дни потянулись:
Какъ туча ходилъ недовольный отецъ,
Другіе домашніе дулись,
Никто не хотѣлъ ни совѣтомъ помочь,
Ни дѣломъ; но я не дремала,
Опять провела я безсонную ночь, —
Письмо къ Государю писала.
(Въ то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
Съ дороги велѣлъ Государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слухъ былъ невѣренъ). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова...
Самъ Царь отвѣчалъ мнѣ... Спасибо, нашла
Въ отвѣтѣ я доброе слово!
Онъ былъ элегантенъ и милъ (Николай
Писалъ по-французски). Сначала
Сказалъ Государь, какъ ужасенъ тотъ край,
Куда я поѣхать желала,
Какъ грубы тамъ люди, какъ жизнь тяжела,
Какъ возрастъ мой хрупокъ и нѣженъ;
Потомъ намекнулъ (я не вдругъ поняла)
На то, что возвратъ безнадеженъ;
А дальше — изволилъ хвалою почтить
Рѣшимость мою, сожалѣя,
Что, долгу покорный, не могъ пощадить
Преступнаго мужа... Не смѣя
Противиться чувствамъ высокимъ такимъ,
Давалъ онъ свое позволенье;
Но лучше желалъ бы, чтобъ съ сыномъ моимъ
Осталась я дома...

Волненье
Меня охватило. «Я ѣду!» Давно
Такъ радостно сердце не билось!..
«Я ѣду! я ѣду! Теперь рѣшено!..»
Я плакала, жарко молилась...

Въ три дня я въ далекій мой путь собралась,
Все цѣнное я заложила,
Надежною шубой, бѣльемъ запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрѣли на сборы мои,
Загадочно какъ-то вздыхая;
Отъѣзду не вѣрилъ никто изъ семьи...
Послѣднюю ночь провела я
Съ ребенкомъ. Нагнувшись надъ сыномъ моимъ,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я съ нимъ
Печатью письма рокового,
Играла и думала: «бѣдный мой сынъ!
Не знаешь ты, чѣмъ ты играешь!
Здѣсь участь твоя: ты проснешься одинъ,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И, въ горѣ упавъ на рученки его
Лицомъ, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бѣдный, покинуть должна я...»

А онъ улыбался; не думалъ онъ спать,
Любуясь красивымъ пакетомъ;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...
Съ разсвѣтомъ
Спокойно и крѣпко заснуло дитя,

И щечки его заалѣли.
Съ любимаго личика глазъ не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встрѣтила утро...

Я въ мигъ собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была ужъ готова.
Сурово молчали родные мои,
Прощаніе было нѣмое.
Я думала: «я умерла для семьи,
Все милое, все дорогое
Теряю... нѣтъ счета печальныхъ потерь!..»
Мать какъ-то спокойно сидѣла,
Казалось, не вѣря еще и теперь,
Чтобъ дочка уѣхать посмѣла,
И каждый съ вопросомъ смотрѣлъ на отца.
Сидѣлъ онъ поодаль понуро,
Не молвилъ словечка, не поднялъ лица,—
Оно было блѣдно и хмуро.
Послѣднія вещи въ кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконецъ обняла я
И мать обняла. «Ну, Господь васъ храни!»
Сказала я, братьевъ цѣлуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старикъ поднялся, негодуя,
По сжатымъ губамъ, по морщинамъ чела
Ходили зловѣщія тѣни...
Я молча ему образокъ подала
И стала предъ нимъ на колѣни:

«Я ѣду! хоть слово, хоть слово отецъ!
Прости свою дочь, ради Бога!..»
Старикъ на меня поглядѣлъ наконецъ
Задумчиво, пристально, строго —
И, руки съ угрозой поднявъ надо мной,
Чуть слышно сказалъ (я дрожала):
«Смотри! черезъ годъ возвращайся домой.
Не то прокляну!..»
Я упала...

IV.

«Довольно, довольно объятій и слезъ!»
Я сѣла — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» Въ декабрьскій морозъ
Я съ домомъ отцовскимъ разсталась,
И мчалась безъ отдыху слишкомъ три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшимъ врачемъ для меня...
Я скоро въ Москву прискакала,
Къ сестрѣ Зинаидѣ. Мила и умна
Была молодая княгиня;
Ка̀къ музыку знала! Ка̀къ пѣла она!
Искусство ей было святыня,
Она намъ оставила книгу новеллъ,
Исполненныхъ граціи нѣжной;
Поэтъ Веневитиновъ стансы ей пѣлъ,
Влюбленный въ нее безнадежно;
Въ Италіи годъ Зинаида жила
И къ намъ — по сказанью поэта —
«Цвѣтъ южнаго неба въ очахъ принесла».
Царица московскаго свѣта,
Она не чуждалась артистовъ, — житье

Имъ было у Зины въ гостиной;
Они уважали, любили ее
И Сѣверной звали Коринной...
Поплакали мы. По душѣ ей была
Рѣшимость моя роковая:
«Крѣпись, моя бѣдная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чѣмъ мнѣ эти темныя тучи прогнать?
Какъ мы распростимся съ тобою?
А вотъ что̀! ложись ты до вечера спать,
А вечеромъ пиръ я устрою.
Не бойся! все будетъ во вкусѣ твоемъ,
Друзья у меня не повѣсы,
Любимыя пѣсни твои мы споемъ,
Сыграемъ любимыя пьесы»...
И вечеромъ вѣсть, что пріѣхала я,
Въ Москвѣ уже многіе знали.
Въ то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось рѣшенье суда,—
Всѣмъ было неловко и жутко;
Въ салонахъ Москвы повторялась тогда
Одна Растопчинская шутка:
«Въ Европѣ — сапожникъ, чтобъ бариномъ стать,
Бунтуетъ,— понятное дѣло!
У насъ революцію сдѣлала знать:
Въ сапожники, что̀-ль, захотѣла?...»

И сдѣлалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадныя, цугомъ, кареты
Гремѣли; напудривъ свои парики,

Потемкину ро̀вня по лѣтамъ,
Явились былые тузы-старики
Съ отмѣнно-учтивымъ привѣтомъ;
Старушки, статсъ-дамы былаго двора,
Въ объятья меня заключали:
«Какое геройство!.. Какая пора!..»
И въ тактъ головами качали.

Ну, словомъ, что̀ было въ Москвѣ повиднѣй,
Что̀ въ ней мимоѣздомъ гостило,
Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей.
Артистовъ тутъ множество было,
Пѣвцовъ-итальянцевъ тутъ слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тутъ были, печалью убиты,
Тутъ были родные ушедшихъ туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимыхъ тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тутъ былъ и Одоевскій, Вяземскій; былъ
Поэтъ вдохновенный и милый,
Поклонникъ кузины, что рано почилъ,
Безвременно взятый могилой...

И Пушкинъ тутъ былъ... Я узнала его...
Онъ другомъ былъ нашего дѣтства,
Въ Юрзуфѣ онъ жилъ у отца моего.
Въ ту пору проказъ и кокетства
Смѣялись, болтали мы, бѣгали съ нимъ,
Бросали другъ въ друга цвѣтами.
Все наше семейство поѣхало въ Крымъ
И Пушкинъ отправился съ нами.

Мы ѣхали весело. Вотъ, наконецъ,
И горы, и Черное море!
Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
Гуляли мы тутъ на просторѣ.
Тогда уже былъ мнѣ шестнадцатый годъ.
Гибка, высока не по лѣтамъ,
Покинувъ семью, я стрѣлою впередъ
Умчалась съ курчавымъ поэтомъ;
Безъ шляпки, съ распущенной длинной косой,
Полуденнымъ солнцемъ палима,
Я къ морю летѣла,—и былъ предо мной
Видъ южнаго берега Крыма!
Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
Я прыгала, съ моремъ играла;
Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
До самой воды добѣгала,
Когда же приливъ возвращался опять
И волны грядой подступали,
Отъ нихъ я спѣшила назадъ убѣжать,
А волны меня настигали!..

И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, что я
Ботинки мои промочила:
«Молчите! идетъ гувернантка моя!»
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потомъ я прочла
Въ «Онѣгинѣ» чудныя строки.
Я вспыхнула вся—я довольна была...
Теперь я стара, такъ далёки
Тѣ красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкинъ въ то время казался
Влюбленнымъ въ меня... но, по правдѣ сказать,
Въ кого онъ тогда не влюблялся!

Но, думаю, онъ не любилъ никого
Тогда, кромѣ Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ея и печали...

Юрзуфъ живописенъ: въ роскошныхъ садахъ
Долины его потонули,
У ногъ его море, вдали Аюдагъ...
Татарскія хижины льнули
Къ подножію скалъ; виноградъ выбѣгалъ
На кручу лозой отягченный,
И тополь мѣстами недвижно стоялъ
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли домъ подъ нависшей скалой,
Поэтъ наверху пріютился;
Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
Что въ море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по днямъ
И были всегда одиноки;
Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ,
По-англійски бралъ онъ уроки
У Лены, сестры моей; Байронъ тогда
Его занималъ чрезвычайно.
Случалось сестрѣ перевесть иногда
Изъ Байрона что-нибудь — тайно;
Она мнѣ читала попытки свои,
А послѣ рвала и бросала.
Но Пушкину кто-то сказалъ изъ семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэтъ подобралъ лоскутки подъ окномъ
И вывелъ все дѣло на сцену.
Хваля переводы, онъ долго потомъ
Конфузилъ несчастную Лену...

Окончивъ занятья, спускался онъ внизъ
И съ нами дѣлился досугомъ;
У самой террасы стоялъ кипарисъ:
Поэтъ называлъ его другомъ,
Подъ нимъ заставалъ его часто разсвѣтъ,
Онъ съ нимъ, уѣзжая, прощался...
И мнѣ говорили, что Пушкина слѣдъ
Въ туземной легендѣ остался:
«Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
Какъ въ небо луна выплывала,
И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ — и, пѣвцамъ
Внимая, природа смолкала!
Потомъ соловей — повѣствуетъ народъ —
Леталъ сюда каждое лѣто:
И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта!
Но умеръ поэтъ — прилетать пересталъ
Пернатый пѣвецъ... Полный горя,
Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стоялъ,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкинъ надолго прославилъ его:
Туристы его навѣщаютъ,
Садятся подъ нимъ и на память съ него
Душистыя вѣтки срываютъ...
Печальна была наша встрѣча. Поэтъ
Подавленъ былъ истиннымъ горемъ.
Припомнилъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
Въ далекомъ Юрзуфѣ, надъ моремъ.
Покинувъ привычный насмѣшливый тонъ,
Съ любовью, съ тоской безконечной,
Съ участіемъ брата напутствовалъ онъ
Подругу той жизни безпечной!
Со мной онъ по комнатѣ долго ходилъ,

Судьбой озабоченъ моею,
Я помню, родные, что̀ онъ говорилъ,
Да такъ передать не сумѣю:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!
Повѣрьте, душевной такой чистоты
Не стоитъ сей свѣтъ ненавистный!
Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
На подвигъ любви безкорыстной!
Что свѣтъ? опостылѣвшій всѣмъ маскарадъ!
Въ немъ сердце черствѣетъ и дремлетъ,
Въ немъ царствуетъ вѣчный, разсчитанный хладъ
И пылкую правду объемлетъ...

«Вражда умирится вліяньемъ годовъ,
Предъ временемъ рухнетъ преграда
И вамъ возвратятся пенаты отцовъ
И сѣни домашняго сада!
Цѣлебно вольется въ усталую грудь
Долины наслѣдственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.

«Да̀, вѣрю! не долго вамъ горе терпѣть,
Гнѣвъ царскій не будетъ же вѣчнымъ...
Но если придется въ степи умереть,
Помянутъ васъ словомъ сердечнымъ:
Плѣнителенъ образъ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И въ снѣжныхъ пустыняхъ суровой страны
Сокрывшейся рано въ могилу!

«Умрете, но вашихъ страданій разсказъ
Поймется живыми сердцами,
И за́-полночь правнуки ваши о васъ
Бесѣды не кончатъ съ друзьями.
Они имъ покажутъ, вздохнувъ отъ души,
Черты незабвенныя ваши,
И въ память прабабки, погибшей въ глуши,
Осушатся полныя чаши!..

.

«Но что я?.. Дай Богъ вамъ здоровья и силъ!
А тамъ и увидѣться можно:
Мнѣ Царь «Пугачева» писать поручилъ,
Пугачъ меня мучитъ безбожно,
Расправиться съ нимъ я на славу хочу,
Мнѣ быть на Уралѣ придется...
Поѣду весной, поскорѣй захвачу
Что̀ путнаго тамъ соберется,
Да къ вамъ и махну, переѣхавъ Уралъ...»

Поэтъ написалъ «Пугачева»,
Но въ дальніе наши снѣга не попалъ:
Какъ могъ онъ сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пѣнію жадно внимала;
Сама я не пѣла,— была я больна,
Я только другихъ умоляла:
«Подумайте: я уѣзжаю съ зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни пѣсни... Наслушаться дайте!..»

И чудные звуки лились безъ конца
Торжественной пѣсней прощальной...
Окончился вечеръ — не помню лица
Безъ грусти, безъ думы печальной!
Черты неподвижныхъ, суровыхъ старухъ
Утратили холодъ надменный,
И взоръ, что, казалось, на вѣки потухъ,
Свѣтился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти:
Не знаю я пѣсни прелестнѣй
Той пѣсни-молитвы о добромъ пути,
Той благословляющей пѣсни...
О, какъ вдохновенно играли они!
Какъ пѣли!.. и плакали сами...
И каждый сказалъ мнѣ: «Господь васъ храни!»
Прощаясь со мной со слезами...

V.

Морозно. Дорога бѣла и гладка,
Ни тучи на всемъ небосклонѣ...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожитъ онъ въ своемъ балахонѣ.
Спина его, плечи и шапка въ снѣгу,
Хрипитъ онъ, коней понукая,
И кашляютъ кони его на бѣгу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустыннаго русскаго края,
Угрюмо шумятъ строевые лѣса,
Гигантскія тѣни бросая;

Равнины покрыты алмазнымъ ковромъ,
Деревни въ снѣгу потонули,
Мелькнулъ на пригоркѣ помѣщичій домъ,
Церковныя главы блеснули...

Обычныя встрѣчи: обозъ безъ конца,
Толпа богомолокъ старушекъ,
Гремящая почта, фигура купца
На грудѣ перинъ и подушекъ;
Казенная фура, съ десятокъ подводъ:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! жидкій, безусый народъ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынковъ провожаютъ отцы-мужики,
Да матери, сестры и жены.
«Уводятъ, уводятъ сердечныхъ въ полки!»
Доносятся горькіе стоны...

Поднявъ кулаки надъ спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дорогѣ догнавъ русака,
Усатый помѣщичій егерь
Махнулъ черезъ ровъ на проворномъ конѣ,
Добычу у псовъ отбиваетъ.
Со всей своей свитой стоитъ въ сторонѣ
Помѣщикъ — борзыхъ подзываетъ...

Обычныя сцены: на станціяхъ адъ —
Ругаются, спорятъ, толкутся:
«Ну, трогай!» Изъ оконъ ребята глядятъ,
Продрогшія куры дерутся;
У кузницы бьется лошадка въ станкѣ,
Выходитъ весь сажей покрытый

Кузнецъ съ раскаленной подковой въ рукѣ:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

Въ Казани я сдѣлала первый привалъ,
На жесткомъ диванѣ уснула;
Изъ оконъ гостинницы видѣла балъ
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: часъ или два съ небольшимъ
Осталось до новаго года.
«Счастливые люди! какъ весело имъ!
У нихъ и покой, и свобода,
Танцуютъ, смѣются.... а мнѣ не знавать
Веселья... я ѣду на муки!..
Не надо бы мыслей такихъ допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здѣсь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволенье со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я одѣлась. — Готовъ ли ямщикъ?
«Княгиня, вамъ лучше дождаться
Разсвѣта», — замѣтилъ смотритель старикъ:
«Метель начала подниматься!»
— Ахъ? то-ли придется еще испытать!
Поѣду. Скорѣй, ради Бога!..

Звенитъ колокольчикъ, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно въ бока.
Какими-то ѣдемъ грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугоръ намело между нами.

Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщикъ мой заохалъ: «Докладывалъ я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: вѣрно ужъ полночь близка,
Пружинку часовъ подавила:
Двѣнадцать ударило! Кончился годъ,
И новый успѣлъ народиться!
Откинувъ цыновку, гляжу я впередъ —
По прежнему вьюга крутится.
Какое ей дѣло до нашихъ скорбей,
До нашего новаго года?
И я равнодушна къ тревогѣ твоей
И къ стонамъ твоимъ, непогода!
Своя у меня роковая тоска
И съ ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тутъ есть недалеко»,
Сказалъ онъ: «разсвѣта дождемся мы въ ней!»
Подъѣхали мы, разбудили
Какихъ-то убогихъ лѣсныхъ сторожей,
Ихъ дымную печь затопили.
Разсказывалъ ужасы житель лѣсной,
Да я его сказки забыла...
Согрѣлись мы чаемъ. Пора на покой!
Метель все ужаснѣе выла.
Лѣсникъ покрестился, ночникъ погасилъ
И съ помощью пасынка Ѳеди

Огромныхъ два камня къ дверямъ привалилъ.
— Зачѣмъ? «Одолѣли медвѣди!»

Потомъ онъ улегся на голомъ полу,
Все скоро уснуло въ сторожкѣ.
Я думала, думала... лежа въ углу,
На мерзлой и жесткой рогожкѣ...
Сначала веселыя были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цвѣты,
Подарки, заздравныя чаши,
И шумныя рѣчи, и ласки... кругомъ
Все милое, все дорогое —
Но гдѣ-же Сергѣй!.. И, подумавъ о немъ,
Забыла я все остальное!

Я живо вскочила, какъ только ямщикъ
Продрогшій въ окно постучался.
Чуть свѣтъ на дорогу насъ вывелъ лѣсникъ,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Богъ васъ защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крѣпчали морозы, по мѣрѣ пути,
И сдѣлались скоро ужасны.
Совсѣмъ я закрыла кибитку мою,
И темно, и страшная скука,
Что дѣлать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдаетъ, пусть вѣтеръ реветъ
И путь мой заносятъ метели,
А все-таки я подвигаюсь впередъ!
Такъ ѣхала я три недѣли...

Однажды, заслышавъ какой-то содомъ,
Цыновку мою я открыла,
Взглянула; мы ѣдемъ обширнымъ селомъ,
Мнѣ сразу глаза ослѣпило:
Пылали костры по дорогѣ моей...
Тутъ были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и — цѣлый табунъ лошадей...
«Здѣсь станція: ждутъ серебрянки» *)
Сказалъ мой ямщикъ: «мы увидимъ ее,
Она, чай, идетъ недалече...»
Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрѣчѣ;
«Дождусь серебрянки! Авось что̀-нибудь
О мужѣ, о нашихъ узнаю.
При ней офицеръ, изъ Нерчинска ихъ путь...»
Въ харчевнѣ сижу, поджидаю...
Вошелъ молодой офицеръ; онъ курилъ,
Онъ мнѣ не кивнулъ головою,
Онъ какъ-то надменно глядѣлъ и ходилъ.
И вотъ я сказала съ тоскою:
«Вы видѣли вѣрно... извѣстны ли вамъ
Тѣ... жертвы декабрьскаго дѣла...
Здоровы они? Каково-то имъ тамъ?
О мужѣ я знать бы хотѣла...»
Нахально ко мнѣ повернулъ онъ лицо,—
Черты были злы и суровы,—
И, выпустивъ изо-рту дыму кольцо,
Сказалъ: «несомнѣнно здоровы,
Но я ихъ не знаю—и знать не хочу,
Я мало ли каторжныхъ видѣлъ!..»
Какъ больно мнѣ было, родные! Молчу...

*) Обозъ съ серебромъ.

Несчастный! меня же обидѣлъ!..
Я бросила только презрительный взглядъ,
Съ достоинствомъ юноша вышелъ...
У печки тутъ грѣлся какой-то солдатъ,
Проклятье мое онъ услышалъ,
И доброе слово — не варварскій смѣхъ —
Нашелъ въ своемъ сердцѣ солдатскомъ:
«Здоровы!» сказалъ онъ: «я видѣлъ ихъ всѣхъ:
Живутъ въ рудникѣ Благодатскомъ!..»
Но тутъ возвратился надменный герой,
Поспѣшно ушла я въ кибитку.
Спасибо, солдатикъ! спасибо, родной!
Не даромъ я вынесла пытку!
Поутру на бѣлыя степи гляжу,
Послышался звонъ колокольный,
Тихонько въ убогую церковь вхожу,
Смѣшалась съ толпой богомольной.
Отслушавъ обѣдню, къ попу подошла,
Молебенъ служить попросила...
Все было спокойно — толпа не ушла...
Совсѣмъ меня горе сломило!
За что̀ мы обижены столько, Христосъ?
За что поруганьемъ покрыты?..
И рѣки давно накопившихся слезъ
Упали на жесткія плиты!
Казалось, народъ мою грусть раздѣлялъ,
Молясь молчаливо и строго,
И голосъ священника скорбью звучалъ,
Прося объ изгнанникахъ Бога...
Убогій, въ пустынѣ затерянный храмъ!
Въ немъ плакать мнѣ было не стыдно,
Участье страдальцевъ, молящихся тамъ,
Убитой душѣ не обидно...

(Отецъ Іоаннъ, что молебенъ служилъ
И такъ непритворно молился,
Потомъ въ казематѣ священникомъ былъ
И съ нами душой породнился).

А ночью ямщикъ не сдержалъ лошадей —
Гора была страшно крутая —
И я полетѣла съ кибиткой моей
Съ высокой вершины Алтая!

Въ Иркутскѣ продѣлали тоже со мной,
Чѣмъ тамъ Трубецкую терзали...

Байкалъ. Переправа — и холодъ такой,
Что слезы въ глазахъ замерзали.
Потомъ я разсталась съ кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мнѣ жаль ее было: я плакала въ ней
Я думала, думала много!
Дорога безъ снѣгу — въ телѣгѣ! Сперва
Телѣга меня занимала,
Но вскорѣ потомъ, ни жива, ни мертва,
Я прелесть телѣги узнала.
Узнала и голодъ на этомъ пути:
Къ несчастію, мнѣ не сказали,
Что тутъ ничего невозможно найти...
Тутъ почту буряты держали;
Говядину вялятъ на солнцѣ они,
Да грѣются чаемъ кирпичнымъ,
И тотъ еще съ саломъ! Господь сохрани
Попробовать вамъ, непрывычнымъ!
За то подъ Нерчинскомъ мнѣ задали балъ:
Какой-то купецъ тороватый
Въ Иркутскѣ замѣтилъ меня, обогналъ

И въ честь мою праздникъ богатый
Устроилъ... Спасибо! я рада была
И вкуснымъ пельменямъ, и банѣ...
А праздникъ, какъ мертвая, весь проспала
Въ гостиной его на диванѣ...

Не знала я, что̀ впереди меня ждетъ!
Я утромъ въ Нерчинскъ прискакала,
Не вѣрю глазамъ, — Трубецкая идетъ,
«Догнала тебя я, догнала!»
— *Они въ Благодатскѣ!* — Я бросилась къ ней,
Счастливыя слезы роняя.
Въ двѣнадцати только верстахъ мой Сергѣй,
И Катя со мной Трубецкая!

VI.

Кто зналъ одиночество въ дальнемъ пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому Провидѣньемъ дано обрѣсти
Въ пустынѣ негаданно друга,
Тотъ нашу взаимную радость пойметъ...
— Устала, устала я, Маша!
«Не плачь, моя бѣдная Катя! Спасетъ
Насъ дружба и молодость наша!
Насъ жребій одинъ неразрывно связалъ,
Судьба насъ равно обманула,
И тотъ же потокъ твое счастье умчалъ,
Въ которомъ мое потонуло.
Пойдемъ же мы объ-руку труднымъ путемъ,
Какъ шли зеленѣющимъ лугомъ,
И обѣ достойно свой крестъ понесемъ

И будемъ мы сильны другъ другомъ.
Что̀ мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Нѐ много!
Теперь передъ нами дорога добра,
Дорога избранниковъ Бога!
Найдемъ мы униженныхъ, скорбныхъ мужей,
Но будемъ мы имъ утѣшеньемъ,
Мы кротостью нашей смягчимъ палачей,
Страданье осилимъ терпѣньемъ.
Опорою гибнущимъ, слабымъ, больнымъ
Мы будемъ въ тюрьмѣ ненавистной,
И рукъ не положимъ, пока не свершимъ
Обѣта любви безкорыстной!..
Чиста наша жертва,—мы все отдаемъ
Избранникамъ нашимъ и Богу,
И вѣрю я: мы невредимо пройдемъ
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала съ собой воевать—
День ясный, морозный и тихій.
Снѣга̀ подъ Нерчинскомъ явились опять,
Въ саняхъ покатили мы лихо...
О ссыльныхъ разсказывалъ русскій ямщикъ
(Онъ зналъ ихъ фамиліи даже):
«На этихъ коняхъ я возилъ ихъ въ рудникъ,
Да только въ другомъ экипажѣ...
Должно быть, дорога легка имъ была:
Шутили, смѣшили другъ дружку;
На завтракъ ватрушку мнѣ мать испекла,
Такъ я подарилъ имъ ватрушку,
Двугривенный дали—я брать не хотѣлъ:
— «Возьми, паренёкъ, пригодится...»
Болтая, онъ живо въ село прилетѣлъ.

«Ну, барыни! гдѣ становиться?»
— Вези насъ къ начальнику прямо въ острогъ.
«Эй, други, не дайте въ обиду!»

Начальникъ былъ тученъ и, кажется, строгъ;
Спросилъ: — по какому мы виду?
«Въ Иркутскѣ читали инструкцію намъ
И выслать въ Нерчинскъ обѣщали...»
— Застряла, застряла, голубушки, тамъ!
«Вотъ копія, намъ ее дали...»
— Что копія? съ ней попадешься въ просакъ!
«Вотъ царское вамъ позволенье!»
Не зналъ по-французски упрямый чудакъ,
Не вѣрилъ намъ, — смѣхъ и мученье!
— «Вы видите подпись царя: Николай?»
До подписи нѣтъ ему дѣла, —
Ему изъ Нерчинска бумагу подай!
Поѣхать за ней я хотѣла,
Но онъ объявилъ, что отправится самъ
И къ утру бумагу добудетъ.
— Да точно-ли?.. «Честное слово! А вамъ
Полезнѣе выспаться будетъ!..»

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнемъ утрѣ мечтая;
Съ оконцемъ изъ слюды, низка, безъ трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стѣны,
А въ дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти намъ были смѣшны:
Не то ужъ случалося съ нами.
Мы вмѣстѣ! теперь бы легко я снесла
И самыя трудныя муки...

Проснулась я рано, а Катя спала;
Пошла по деревнѣ отъ скуки:
Избушки такія-жъ, какъ наша, числомъ
До сотни въ оврагѣ торчали;
А вотъ и кирпичный съ рѣшетками домъ!
При немъ часовые стояли.
— Не здѣсь ли преступники? «Здѣсь, да ушли».
— Куда? — «На работу, вѣстимо!»
Какія-то дѣти меня повели...
Бѣжали мы всѣ — нестерпимо
Хотѣлось мнѣ мужа увидѣть скорѣй;
Онъ близко! Онъ шелъ тутъ недавно!
— Вы видите ихъ? я спросила дѣтей.
«Да, видимъ! — Поютъ они славно!
Вонъ дверца... гляди же! Пойдемъ мы теперь,
Прощай!..» Убѣжали ребята...

И словно подъ землю ведущую дверь
Увидѣла я — и солдата.
Сурово смотрѣлъ часовой, — на-голо
Въ рукѣ его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здѣсь помогло,
Хоть золото я·предлагала!
Быть можетъ, вамъ хочется дальше читать,
Да просится слово изъ груди!
Помедлимъ немного. Хочу я сказать
Спасибо вамъ, русскіе люди!
Въ дорогѣ, въ изгнаньѣ, гдѣ я ни была,
Все трудное каторги время —
Народъ! я бодрѣе съ тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебѣ пало на часть, —
Ты дѣлишь чужія печали,

И гдѣ мои слезы готовы упасть,
Твои ужъ давно тамъ упали!..
Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
Страданія насъ породнили...
«Васъ въ каторгѣ самый законъ не спасетъ!»
На родинѣ мнѣ говорили;
Но добрыхъ людей я встрѣчала и тамъ,
На крайней ступени паденья;
Умѣли по-своему выразить намъ
Преступники дань уваженья;
Меня съ неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встрѣчали!
«Вы — ангелы наши!» За нашихъ мужей
Уроки они исполняли.
Не разъ мнѣ украдкой давалъ изъ полы
Картофель колодникъ клеймёный:
«Покушай! горячій, сейчасъ изъ золы!»
Хорошъ былъ картофель печеный,
Но грудь и теперь занываетъ съ тоски,
Когда я о немъ вспоминаю...
Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки!
Спасибо вамъ всѣмъ посылаю!
Спасибо!.. Считали свой трудъ ни во что
Для насъ эти люди простые,
Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
Никто — изъ народа, родные!..

Рыданьямъ моимъ часовой уступилъ,
Какъ Бога его я просила! —
Свѣтильникъ (родъ факела) онъ засвѣтилъ,
Въ какой-то подвалъ я вступила,
И долго спускалась все ниже; потомъ
Пошла я глухимъ корридоромъ;

Уступами шелъ онъ; темно̀ было въ немъ
И душно; гдѣ плѣсень узоромъ
Лежала, гдѣ тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорохъ: земля иногда
Комками со стѣнъ упадала;
Я видѣла страшныя ямы въ стѣнахъ:
Казалось, такія-жъ дороги
Отъ нихъ начинались. Забыла я страхъ,
Проворно несли меня ноги!
И вдругъ я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамамъ туда!
Вернитесь скорѣй! Погодите!»
Бѣда моя! видно, дежурный пришелъ
(Его часовой такъ боялся):
Кричалъ онъ такъ грозно, такъ голосъ былъ золъ,
Шумъ скорыхъ шаговъ приближался...
Что̀ дѣлать? Я факелъ задула. Впередъ
Въ потьмахъ наугадъ побѣжала...
Господь коли хочетъ, вездѣ проведетъ!
Не знаю, какъ я не упала,
Какъ голову я не оставила тамъ!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасныхъ разсѣлинъ, проваловъ и ямъ
Богъ вывелъ меня невредимо:
Я скоро увидѣла свѣтъ впереди,
Тамъ звѣздочка словно свѣтилась...
И вылетѣлъ радостный крикъ изъ груди:
«Огонь!» Я крестомъ осѣнилась...
Я бросила шубу... Бѣгу на огонь,
Какъ Богъ уберегъ во мнѣ душу!

Попавшій въ трясину, испуганный конь
Такъ рвется, завидѣвши сушу...

И стало, родные, свѣтлѣй и свѣтлѣй!
Увидѣла я возвышенье:
Какая-то площадь... и тѣни на ней...
Чу... молотъ! работа, движенье...
Тамъ люди! Увидятъ ли только они?
Фигуры отчетливѣй стали!...
Вотъ ближе! сильнѣй замелькали огни...
Должно быть, меня увидали...
И кто-то, стоявшій на самомъ краю,
Воскликнулъ: «Не ангелъ ли Божій?
Смотрите, смотрите!» — Вѣдь мы не въ раю:
Проклятая шахта похожѣй
На адъ! — говорили другіе, смѣясь,
И быстро на край выбѣгали,
И я приближалась поспѣшно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

— Волконская! вдругъ закричалъ Трубецкой
(Узнала я голосъ). Спустили
Мнѣ лѣстницу; я поднялася стрѣлой!
Все люди знакомые были:
Сергѣй Трубецкой, Артамонъ Муравьевъ,
Борисовы, князь Оболенскій...
Потокомъ сердечныхъ, восторженныхъ словъ,
Похвалъ моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицамъ ихъ, полнымъ участья...
Но гдѣ же Сергѣй мой? «За нимъ ужъ пошли,
Не умеръ бы только отъ счастья!

Кончаетъ урокъ: по три пуда руды
Мы въ день достаемъ для Россіи,
Какъ видите, насъ не убили труды!»
Веселые были такіе,
Шутили, но я подъ веселостью ихъ
Печальную повѣсть читала
(Мнѣ новостью были оковы на нихъ,
Что ихъ закуютъ — я не знала)...
Извѣстьемъ о Катѣ, о милой женѣ,
Утѣшила я Трубецкого;
Всѣ письма, по счастію, были при мнѣ,
Съ привѣтомъ изъ края родного;
Спѣшила я ихъ передать. Между тѣмъ
Внизу офицеръ горячился:
«Кто лѣстницу принялъ! Куда и зачѣмъ
Смотритель работъ отлучился!
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лѣстницу, черти!
Живѣй!..» (Но никто не подставилъ ее)...
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да чтò-жъ вы?..» Но мы
Все въ глубь уходили... Отвсюду
Бѣжали къ намъ мрачныя дѣти тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мнѣ путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземныхъ работъ на пути,
Провалы, бугры мы встрѣчали.
Работа кипѣла подъ звуки оковъ,
Подъ пѣсни — работа надъ бездной!
Стучались въ упругую грудь рудниковъ
И заступъ, и молотъ желѣзный.

Тамъ съ ношею узникъ шагалъ по бревну,
Невольно кричала я: «тише»!»
Тамъ новую мину вели въ глубину,
Тамъ люди карабкались выше
По шаткимъ подпоркамъ... Какіе труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Мѣстами добытыя глыбы руды
И щедрую дань обѣщали...

Вдругъ кто-то воскликнулъ: «идетъ онъ! идетъ!»
Окинувъ пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись впередъ —
Канава была передъ нами.
«Потише, потише! Ужели затѣмъ
Вы тысячи верстъ пролетѣли,—
Сказалъ Трубецкой,— чтобъ на горе намъ всѣмъ
Въ канавѣ погибнуть — у цѣли?»
И за руку крѣпко меня онъ держалъ:
«Что-бъ было, когда-бъ вы упали?»
Сергѣй торопился, но тихо шагалъ;
Оковы уныло звучали.
Предъ нимъ разступались, молчанье храня,
Рабочіе люди и стража...
И вотъ, онъ увидѣлъ, увидѣлъ меня,
И руки простеръ ко мнѣ: «Маша!»
И сталъ, обезсиленный словно, вдали...
Два ссыльныхъ его поддержали.
По блѣднымъ щекамъ его слезы текли,
Простертыя руки дрожали...
Душѣ моей милаго голоса звукъ
Мгновенно послалъ обновленье,
Отраду, надежду, забвеніе мукъ,
Отцовской угрозы забвенье!

И съ крикомъ: «иду!» я бѣжала бѣгомъ,
Рванувъ неожиданно руку,
По узкой доскѣ надъ зіяющимъ рвомъ
На-встрѣчу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мнѣ ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я подбѣжала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
И только теперь, въ рудникѣ роковомъ,
Услышавъ ужасные звуки,
Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
Вполнѣ поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!..
Невольно предъ нимъ я склонила
Колѣни,— и прежде чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила!..

И тихаго ангела Богъ ниспослалъ
Въ подземныя копи,— въ мгновенье
И говоръ, и грохотъ работъ замолчалъ,
И замерло словно движенье.
Чужіе, свои — со слезами въ глазахъ,
Взволнованы, блѣдны, суровы
Стояли кругомъ. На недвижныхъ ногахъ
Не издали звука оковы,
И въ воздухѣ поднятый молотъ застылъ...
Все тихо — ни пѣсни, ни рѣчи...
Казалось, что каждый здѣсь съ нами дѣлилъ
И горечь, и счастіе встрѣчи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна...

«Да гдѣ же вы всѣ запропали!»
Вдругъ снизу донесся неистовый крикъ:
Смотритель работъ появился.
«Уйдите!» сказалъ со слезами старикъ:
«Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранятъ!
Начальники — люди крутые...
И словно изъ рая спустилась я въ адъ...
И только... И только, родные!
По-русски меня офицеръ обругалъ
Внизу, ожидавшій въ тревогѣ.
А сверху мнѣ мужъ по-французски сказалъ:
«Увидимся, Маша, — въ острогѣ!..»

КУЗНЕЦЪ.

Памяти Н. А. Милютина.

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ.
Лишь не остыло-бъ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ.

Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,—
Думалъ — исправятъ потомъ.
Грубо ковалъ ты, но руку умѣлую
Видно донынѣ во всемъ.

Съ кѣмъ ты дѣлился душевною повѣстью,
Тотъ тебя знаетъ одинъ.
Спи безмятежно, съ покойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

1845—1872 гг.

ТОМЪ I.

стр.

Біографическій очеркъ . VII

1845.

1. Современная ода . 1
2. Когда изъ мрака заблужденья 2
3. Отрадно видѣть, что находитъ 3
4. Пьяница . 4
5. Пускай мечтатели осмѣяны давно 5

1846.

6. Въ дорогѣ . 6
7. Колыбельная пѣсня (Подражаніе Лермонтову) 9
8. Передъ дождемъ . 11
9. Огородникъ. —
10. Тройка . 14
11. Псовая охота, . 16
12. Въ невѣдомой глуши (Подражаніе Лермонтову). 24
13. Родина . 25
14. Секретъ . 27

1847.

15. Нравственный человѣкъ 30
16. Если мучимый страстью мятежной 32
17. Ѣду ли ночью по улицѣ темной 33
18. Ты всегда хороша несравненно. 35
19. Я за то глубоко презираю себя —

1848.

стр.
20. Вино . 36
21. Извощикъ . 39
22. Поражена потерей невозвратной 42

1849.

23. Я посѣтилъ твое кладбище 43

1850.

24. Я не люблю ироніи твоей. 44
25. На улицѣ:
1) Воръ . 45
2) Проводы. —
3) Гробокъ . 46
4) Ванька . —

1851.

26. Мы съ тобой безтолковые люди 47
27. Муза . —
28. Маша . 49

1852.

29. Новый годъ. 51
30. Блаженъ незлобливый поэтъ 52
31. Застѣнчивость 54
32. Прекрасная партія 56
33. Влюбленному . 65
34. О, письма женщины, намъ милой. —

1853.

35. Ахъ, были счастливые годы (Изъ Гейне) 66
36. Послѣднія элегіи:
1) Душа мрачна 67
2) Я рано всталъ 68
3) Пышна въ разливѣ 69
37. Въ деревнѣ . 70
38. Памяти пріятеля 73
39. Памяти — —ой 74
40. Да, наша жизнь текла мятежно 77
41. Филантропъ . 78
42. Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго . . 84
43. За городомъ . 87
44. Буря . 88

1854.

стр.
45. Такъ это шутка? Милая моя 89
46. Несжатая полоса. 91
47. Я сегодня такъ грустно настроенъ 92
48. Власъ . 93
49. Свадьба. 96
50. Внимая ужасамъ войны 97
51. Давно—отвергнутый тобою 98

1855.

52. Въ больницѣ . 99
53. Саша. 103
54. Праздникъ жизни—молодости годы 124
55. Тургеневу . 125
56. На родинѣ . 126
57. Письма . —
58. Горящія письма 127
59. Гдѣ твое личико смуглое 128

1856.

60. Замолкни, Муза, мести и печали —
61. Княгиня. 129
62. Какъ ты кротка 131
63. Самодовольныхъ болтуновъ 132
64. Прости . 133
65. Школьникъ. —
66. Забытая деревня 135
67. Поэтъ и гражданинъ 136
68. Тяжелый крестъ достался ей на долю 146
69. Гадающей невѣстѣ 147
70. Несчастные. 148
71. Тяжелый годъ—сломилъ меня недугъ 178

1857.

72. Тишина. —
73. Убогая и нарядная 185

1858.

74. Размышленія у параднаго подъѣзда 189
75. Пѣсня Еремушкѣ 193
76. Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи. 196
77. Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться 197

1859.

78. О погодѣ: стр.

1) Утренняя прогулка 197
2) До сумерекъ . 202
3) Сумерки . 209

1860.

79. Одинокій, потерянный 212
80. Что ты, сердце мое, расходилося? 213
81. Демонъ . 214
82. Знахарка. 215
83. На Волгѣ. 217
84. Рыцарь на часъ . 226
85. Деревенскія новости 234
86. Дума . 238

1861.

87. Что ни годъ—уменьшаются силы 240
88. Плачъ дѣтей . —
89. Крестьянскія дѣти 241
90. Похороны . 250
91. Коробейники . 253
92. Двадцатое ноября 1861 г. 277
93. Свобода . 278

1862.

94. Дешевая покупка . 279
95. Литература съ трескучими фразами 282
96. Стихи мои! Свидѣтели живые —

1863.

97. Зеленый шумъ . 283
98. Что думаетъ старуха, когда ей не спится 285
99. Въ полномъ разгарѣ страда деревенская 286
100. Надрывается сердце отъ муки 287
101. Калистратъ. 288
102. Пожарище . 289
103. Благодареніе Господу Богу 290
104. Орина, мать солдатская 292
105. Морозъ, Красный-Носъ 296
106. Кумушки . 338

1864.

107. Памяти Добролюбова 340
108. Притча о Ермолаѣ трудящемся 341

стр.
109. Возвращеніе . 342
110. Начало поэмы: «Опять она, родная сторона» 343
111. Желѣзная дорога. 344

1865.

112. Крещенскіе морозы 350
113. Кому холодно, кому жарко 355
114. Газетная . 360
115. Пѣсни о свободномъ словѣ:
1) Разсыльный 371
2) Наборщики. 372
3) Поэтъ . 378
4) Литераторы. —
5) Фельетонная букашка 379
6) Публика . 381
7) Осторожность. 387
8) Пропала книга 390

1866.

116. Балетъ . 392
117. Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи 405
118. Пѣсни:
1) У людей-то въ дому 406
2) Катерина. 407
3) Молодые . 408
4) Сватъ и женихъ —
5) Гимнъ . 411

1867.

119. Неизвѣстному другу —
120. Выборъ. 413
121. Судъ . 416
122. Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ:
1) Дядюшка Яковъ 429
2) Пчелы . 433
3) Генералъ Ѳоптыгинъ 434
123. Эй, Иванъ! . 438
124. Съ работы . 442
125. Медвѣжья охота 444
126. Пѣсня о трудѣ, изъ «Медвѣжьей охоты» 464
127. Пѣсня изъ «Медвѣжьей охоты». 466
128. Еще тройка. 467

1868.

129. Мать . 469
130. Не рыдай такъ безумно надъ нимъ. 470

стр.

131. Душно! безъ счастья и воли (изъ Гейне) 471
132. Дома лучше . —
133. Наконецъ, не горитъ уже лѣсъ. 472

1869—1870.

134. Дѣдушка . —
135. Страшный годъ. 489
136. Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ:
I. Дѣдушка Мазай и зайцы 490
II. Соловьи. 496

1871.

137. Недавнее время . 498

1871—1872.

138. Русскія женщины:
I. Княгиня Трубецкая 523
II. Княгиня Волконская 554
139. Кузнецъ . 601

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Nekrasov, Nikolaj A.,

Polnoe sobranie stichotvorenij N. A. Nekrasova v dvuch tomach S portr., faks. i biogr. očerkom

Bd.: 1

1895

P.o.russ. 130 q-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680409-5